

В. П. Евладов

ПО ТУНДРАМ ЯМАЛА К БЕЛОМУ ОСТРОВУ

Институт проблем освоения Севера
Сибирского отделения Российской
Академии наук

В. П. ЕВЛАДОВ

ПО ТУНДРАМ
ЯМАЛА
К БЕЛОМУ
ОСТРОВУ

Экспедиция на Крайний Север
полуострова Ямал
в 1928—1929 гг.

Т ю м е н ь, 1992

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928-1929 гг. Институт проблем освоения Севера СО РАН.—Тюмень, 1992.—281 стр.

Книга "По тундрам Ямала к Белому острову" представляет собой увлекательную научно-приключенческую повесть, основанную на документальных данных. Это рассказ о путешествии по полуострову Ямал экспедиционного отряда ученых и советских работников с целью проведения исследований по формированию государственной национальной политики на Крайнем Севере. Экспедиция была организована Уральским Комитетом Севера, исследовательские работы проводились в 1928-1929 гг. под руководством В.П.Евладова.

Книга знакомит читателя с природой и животным миром северного полуострова, экзотическим образом жизни, оленеводством, охотой, морским зверобойным промыслом, традициями и обычаями ямальских ненцев. Текст иллюстрирован редкими фотографиями двадцатых годов, снабжен справками и комментариями.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся путешествиями, природой и людьми Севера, а также специалистов—географов, этнографов, охотоведов.

Фотографии В.П.Евладова подготовлены к изданию П.В.Евладовым.

Вступительная статья, составление и подготовка текста А.И.Пики, 1992.

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1992.

Мое знакомство с полуостровом Ямал состоялось летом 1980 года. Я тогда работал в составе отряда Ямальской экспедиции Института охраны природы и заповедного дела Минсельхоза СССР. Перед нами была поставлена задача изучить процесс естественного восстановления тундровой растительности в районах работ нефтегазоразведочных экспедиций. В середине июня вдвоем с ботаником Алексеем Шебеко мы вылетели на вахтовом самолете в "столицу" ямальских газовиков пос. Харасавэй. Под крылом сияли безупречные в своей белизне снега Полярного Урала, потом их сменила мягкая голубизна мелководной Байдарацкой губы с блуждающими ледяными полями. Над Бованенковским месторождением самолет начал снижение. Бурая, с высоты похожая на кожу слона, тундра приблизилась, и мы наконец увидели то, из-за чего летели сюда - черные язвы вывернутой наизнанку земли вокруг буровых вышек, бесчисленное множество заболоченных и свежеразъезженных колеи вездеходов, другие, непонятные по происхождению, участки изрытой голой земли, свалки ржавой битой-перебитой техники: тракторов, машин, завалы бочек из-под торючего и еще бог знает что...

В поселке нас встретили по-северному, гостеприимно - нашлось место в маленькой гостинице. В управлении Карской нефтегазоразведочной экспедиции нам разрешили нанести на наши карты места самых старых буровых площадок, первых скважин, пробуренных и опечатанных 5-7 лет тому назад. Там, как мы предполагали, уже должна была появиться новая растительность.

Начались наши маршруты в тундру не так оказалось легко искать и находить среди холмистой тундры места старого бурения ведь буровые вышки уже были сняты, но вскоре мы этому научились. Потом мы вылетели на вертолете к реке Наду-яха, там тоже бродили по тундре и собирали два гербария: один, он оказался довольно большим, в не тронутых работами местах, другой, куда как тоньше на старых строительных и буровых площадках.

По специальности я этнограф, и мне, кроме помощи ботанику, было дано задание встретиться с ненецким населением Ямала и выяснить, как они воспринимают экологические нарушения на их земле. Я очень хотел познакомиться с ненцами, надеялся, что где-то скоро встречу ненца на нарте

или стадо оленей, или старый забытый жертвенник - но увь! Как будто в этой части Ямала ненцы не жили.

Я спрашивал у буровиков: "Далеко ли отсюда ненцы и стада оленей?" Они не знали, не могли даже показать, в какой стороне. Или говорили: "Проезжал как-то весной ненец, просил у нас хлеба (или спичек, или бензина, или еще что-то), потом уехал и больше не возвращался". Вот и все, что мне удалось узнать.

После месяца ботанических работ я вернулся в Салехард и вылетел на западное побережье Ямала в пос. Мыс Каменный, потом в Се-яху, где располагается центральная усадьба оленеводческого совхоза "Ямальский". Но и там настоящих оленеводов не встретил. В поселке жили школьники, старики, женщины. А настоящие оленеводы в тундре. Как к ним добраться? Вместе с зоотехником совхоза Дмитрием Вануйто я вылетел в Тамбей. Там мы стали ждать попутный вертолет на Мыс Дровяной, но, не дождавшись, уехали из пустынного Тамбея на лодке в новый, еще пахнувший свежей краской и струганой доской, поселок Тамбейской экспедиции Сабетта-яха. Здесь вертолеты летали чаще, и наши шансы заметно выросли. Но я начал беспокоиться - сроки моей командировки заканчивались и совершил досадную ошибку. Эти ненцы снились мне уже по ночам! Терпения не хватило, и я попросился на вертолет, который летел не на север, а пересекал Ямал в юго-западном направлении курсом на Марре-сале. Пилотов я попросил посадить меня в тундре у первого попавшегося чума... а там видно будет. Так, очертя голову, я решил попасть в мир тундровых пастухов. Но не тут-то было. У тундры свои законы. Мы летели уже полчаса, но никаких пастухов и стад не было видно, безжизненная прожженная солнцем пустынная земля была под нами. Где же олени, где чумы, где собаки, где люди? Почему они неуловимы? Я молил небо послать на нашем пути хоть кого-нибудь. Но тщетно. Уже почти час мы летели в юго-западном направлении и не заметили присутствия человека. Вдруг на горизонте блеснули голубые воды. "Неужели мы подлетаем к побережью Карского моря?" - подумал я. "Нет, - пояснили мне вертолетчики, - это озера Ямбу-то". Мы снизились. Озера поразили меня величиной и красотой. Но и здесь никого не было, кроме нескольких рыбаков. Я попросил не глушить двигатели и выбежал поговорить с рыбаками. На мой вопрос о стадах и оленеводческих бригадах они ответили, что здесь, в округе озер на сотню километров никого, кроме них, нет. Вертолет должен был возвращаться. Так рухнула моя последняя надежда...

Через час я уже был в поселке Се-яха, на том месте, откуда вылетел неделю назад. Потом возвратился в Мыс Каменный. Там еще раз предпринял попытку вылететь (уже с топографами) к рекам Пясадай-яха, Йонды-яха и Яхады именно туда жаркое лето 1980 года загнало северо-ямальские оленеводческие бригады. Несколько дней подряд продолжалось одно и то же: рано утром мы грузили вертолет, потом следовала информация о туманах на побережье, вертолет разгружался, улетал на другие задания и возвращался лишь к позднему вечеру, когда нам лететь уже было нельзя. Еще пять дней бесплодных ожиданий, надежд и разочарований убедили меня, что и дальнейшие мои попытки ничем хорошим не кончатся. Все было против моих планов забраться на северный берег Ямала, куда я стремился, уже не считаясь ни со временем, ни с остатками командировочных денег.

В состоянии полнейшего уныния я вернулся в окружной центр - Салехард. Оставалось еще несколько дней до окончания срока командировки. Взяв билет на самолет, я решил посвятить эти дни работе в окружном архиве как знать, может, здесь мне удастся найти что-нибудь интересное или, по крайней мере, отвлечься от грустных мыслей о постигшей меня неудаче.

Я листал пожелтевшие машинописные страницы отчетов землеустроительных экспедиций 1930-х годов - они мне уже были знакомы. Сводки о добыче и заготовках оленей, песцов, рыбы - и это уже было в моих записях. Решения окружных съездов и конференций - как будто ничего нового. И вдруг в руках у меня оказалась ветхая папка, покрытая толстым слоем архивной пыли. На титульном листе я прочел:

Ямало-Ненецкое окружное управление сельского хозяйства.
Отдел землеустройства.

В.П.Евладов. Отчет Ямальской экспедиции 1928-1929 гг.

Страница за страницей читал я эти пожелтевшие от времени листы машинописной бумаги, часто склеившиеся, с размытыми оттисками копировальной бумаги - черной, синей, красной. Жизнь Ямала предстала передо мной во всей полноте - все маршруты и сроки кочевий, районы сосредоточения стад, время и способы промыслов на суше и на море, родовые отношения, семья и брак, суеверия и психология людей тундры. Все теперь было ясным для меня, как и понятны стали мои несбывшиеся надежды встретить ненцев в любом месте полуострова...

Три дня я провел с рукописью, прочитал и сделал выписки. Одна мысль выкристаллизовалась четко: найденный мною отчет представляет собой описание жизни Ямала, какого нет в известной мне краеведческой и этнографической литературе. А уж эта литература была мне знакома хорошо. Все, что касается полуострова Ямал, я прочитал перед отъездом в Ленинской библиотеке и библиотеке ВАСХНИЛ.

В 1984 году судьба опять дала мне возможность побывать на Ямале. В составе группы Института социологических исследований Академии наук СССР я участвовал в социально-демографическом обследовании Ямальского района. В ту поездку я скопировал в архиве рукопись отчета полностью. Потом, идя по следу экспедиции, провел розыски в архивах Тобольска, Москвы. Нашлись краткие отчеты, письма, докладные записки В.П.Евладова и его спутников по вопросам развития хозяйства Ямала.

Но самая большая удача ждала меня не в архивах. Как-то тобольский этнограф А.В.Головнев порекомендовал мне журнал "Уральский следопыт", где я нашел статью на интересующую меня тему, фотографии, рисунки. С автором статьи "Север дальний - Север близкий", Петром Владимировичем Евладовым, мне удалось познакомиться в Свердловске. Тут моя "настырность" и любопытство были полностью вознаграждены. В семье Евладовых многие годы бережно хранились материалы экспедиции: полевые дневники Владимира Петровича Евладова, биографические материалы, фотоархив экспедиции, где были собраны уникальные фотографии жизни кочевников Ямала 60-летней давности. И тогда мое простое любопытство, любознательность этнографа-североведа переросли в уверенность - об этом нужно писать.

Сначала были написаны статьи в журналы "Вокруг света", "Советская этнография", альманахах "Полярный круг". Попытки издать полевые материалы Ямальской экспедиции в том виде, как они были записаны самим Евладовым и его спутниками, мне не удалось. Тогда я решил переработать всю имеющуюся у меня документацию экспедиции в виде книги о путешествии на Ямал, стараясь сохранить в ней все самое ценное - реальный, а не вымышленный дух приключений, серьезный и доброжелательный взгляд европейски образованного, гуманистически мыслящего русского человека на экзотический тогда еще мир кочевников тундры, а также передать в точности все ценные для ученых-североведов этнографические, хозяйственно-бытовые, природно-географические факты, зарисовки, впечатления.

Особенно интересным мне показалось передать характер восприятия В.П.Евладовым жизни, хозяйства, культуры тогда уже советских граждан-ненцев глазами человека "доколлективизационной эпохи". В 1928 году еще не было резких заявлений об "уничтожении кулака как класса", никто еще не употреблял ходового словечка начала 1930-х годов "перегибы". Это был самый конец НЭПа. В центральных газетах Сталин и Рыков успокаивали народ - никаких изменений политики, никакой отмены НЭПа не ожидается. И на Ямале никто не думал, что через четыре года люди будут стрелять в людей, как это случилось в 1932 году на севере Ямала в самый разгар кампании по коллективизации.

Евладов-путешественник - человек 20-х годов, он думает о кооперации, о ценах на оленей, пушнину и продукцию морского зверобойного промысла. Он заботится о рентабельности производства, хочет "повышения товарности продукции" оленеводов, расспрашивает их об обычном праве на пастбища и промысловые угодья со всей серьезностью человека, не подозревающего, что через несколько лет сама постановка таких вопросов будет признаваться "классово-ошибочной". Вопросы страхования имущества, оленей, налог с оборота, самообложение и самоуправление, карские экспедиции и экспорт в капстраны - все его интересует.

Путешествие интересно тогда, когда путешественник личность. Только тогда путевые впечатления, мысли, поступки становятся предметом общественного интереса. Поэтому я скажу несколько слов о начальнике Ямальской экспедиции В.П.Евладове. Среди тех, кто знал его лично, такие известные на Севере люди, как заслуженный полярный летчик Герой Советского Союза Марк Иванович Шевелев, доктор исторических наук, этнограф Юрий Борисович Симченко. О знакомстве В.П.Евладова с видными учеными и руководителями работ по освоению Севера (например с В.Ю.Визе, О.Ю.Шмидтом) свидетельствуют личные документы и воспоминания родственников. И все же о В.П.Евладове мало что известно. Вот несколько фактов из его биографии.

Владимир Петрович Евладов родился 25 июля 1883 года в селе Верхоторский завод Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Детство его прошло на Урале. В 1911 году он с отличием окончил Уфимское реальное училище и в том же году поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения, в котором учился до середины 1916 года. В периоды летних учебных практик работал топографом-изыскателем и геодезистом на строительстве железных дорог в

Новгородской и Ярославской губерниях, Семипалатинском переселенческом управлении.

В августе 1916 года вместе со всеми студентами высших учебных заведений был мобилизован и направлен в школу морской авиации, а после окончания ее - в школу мичманов военного времени, которую окончил к 1 мая 1917 года, и получил первый офицерский чин мичмана флота военного времени.

В дни февральской революции В.П.Евладов был избран в ротный комитет школы, по решению которого 28 февраля вся школа влилась в состав революционных войск Петроградского гарнизона. В сентябре 1917 года 24-летний мичман вступил в партию большевиков, после Октябрьской революции был избран в Левашовский Совет рабочих и солдатских депутатов, а в марте 1918 года делегирован на IV Всероссийский съезд Советов, где участвовал в поименном голосовании за ратификацию Брестского мирного договора.

В годы гражданской войны В.П.Евладов работал в партийных и хозяйственных организациях Урала и Сибири. Был арестован белочехами и со всем составом Стерлитамакского уездного Совета приговорен к расстрелу, накануне которого сумел бежать в Уфу, а потом в Нижнеудинск. В составе штаба 30-й, а потом 35-й стрелковой дивизии Красной Армии принимал участие в боевых операциях по разгрому белогвардейцев барона Унгерна в Монголии.

В 1921 году Евладов возвратился из Восточной Сибири и сразу же включился в работу партийных и хозяйственных организаций Уфы, Челябинска, Свердловска.

С формированием Уральской области в ее территорию вошли далекие тундры Ямала и Гыдана, бескрайняя западно-сибирская тайга. Население этих отдаленных мест, особенно коренные народности ненцы, ханты, манси, селькупы, эвенки были еще слабо изучены в этнографическом, хозяйственном, экономическом отношениях. А эти сведения были необходимы для успешного проведения новой национальной политики советской власти - оказания экономической, медицинской, образовательной помощи народам Севера.

В апреле 1926 года, оставив должность заведующего кредитно-плановым отделом Уралсельхозбанка, В.П.Евладов уезжает работать рядовым топографом лечебно-обследовательского отряда Уральского облздравотдела. В задачу экспедиционного отряда входило медицинское обследование населения Ямала - хантов и ненцев, выработка предложений

по организации постоянной медицинской помощи населению тундр. Начальник экспедиции - М.Л.Шапиро-Аронштам, медсестрой была А.Костромина. На Ямале топограф Евладов был включен в состав ветеринарно-бактериологической группы, работавшей в стадах ненцев-оленьеводов.

Топографические работы проводились с августа по ноябрь 1926 года на маршруте от Нового Порта до озер Ярро-то и далее к югу до острова Пуйко на Оби. Этот маршрут, более 300 километров, был пройден частично на оленях и пешком. По маршруту закладывались топографические знаки, проводилась съемка местности. В ходе работ собирались географические и этнографические сведения, обсуждались планы будущих экспедиций на север Ямала и остров Белый.

По возвращении экспедиции ее участниками были написаны отчеты, даны практические предложения. Как исследователь, знакомый с коренным населением и условиями экспедиционных работ на Севере, В.П.Евладов в марте 1927 года был включен в состав Уральского Комитета содействия народностям северных окраин при облисполкоме (Уралком Севера) - местное отделение Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, возглавлявшееся видным деятелем РКП(б) Петром Гермогеновичем Смидовичем.

В 1927 году Уральский облисполком принимает решение направить крупную исследовательскую экспедицию на полуостров Ямал с целью проведения рекогносцировочных работ для последующего земельно-водного устройства для нужд местного населения. Организовать и провести экспедиционные работы было поручено члену Уралкома Севера В.П.Евладову. Обо всем, что происходило далее (как шла подготовка к походу и о более чем годовой работе в тундре), рассказывается в книге.

Результатом экспедиции стало большое число научных докладов и практических предложений в различные организации области, отчет и информационные письма были направлены в Комитет Севера в Москву. В частности, Евладов предложил организовать крупную морзверобойную артель, "корабль-факторию" на Карском побережье Ямала, создать крупное государственное оленеводческое хозяйство (госхоз). Кроме того, для охраны природы он предлагал основать заповедники и заказники на 10% территории Ямала. По всем этим предложениям было дано экономическое обоснование, некоторые из них начали реализовываться.

Значение Ямальской экспедиции 1928-1929 годов не исчерпывается только практической стороной рекоменда-

циями, проектами, которые наряду с предложениями других исследователей и практических работников стали основой для последующих социальных преобразований на Севере в 1930-1950-е годы. Большой интерес представляют собственно краеведческие, зоологические, охотоведческие, этнографические материалы. По своему тактическому замыслу эта экспедиция была первой и, пожалуй, единственной, маршрут и работа которой были спланированы точно по образцу традиционного годового хозяйственного цикла ямальских ненцев-оленьеводов. Работа экспедиционного отряда и групп была максимально приближена к конкретным для данного сезона и местности жизненным нуждам оленеводов. Это позволило ее участникам подметить и правильно оценить многое из того, что ускользнуло от внимания других исследователей или было неверно ими истолковано.

Экспедицией В.П.Евладова были проведены первые топографические съемки местности ряда внутренних районов Ямала, дано детальное описание сезонных мест расселения, путей кочевок ямальских ненцев, их оленеводства, морского зверобойного и охотничьего промыслов. Яркие и талантливые этнографические зарисовки культуры и быта коренных ямальцев, основателен и оригинален анализ их традиционных "внутренних" социально-экономических отношений.

В ряде случаев можно говорить о научном приоритете. Это прежде всего то, что достичь острова Белый удалось в летний период. В.П.Евладов и Н.Н.Спицин - первые исследователи, ступившие на землю Белого острова! Ведь их предшественники, штурман И.Т.Иванов, его помощник Н.М.Рагозин, а также известный исследователь Ямала профессор Б.М.Житков, были там зимой и ничего, кроме снежной равнины, не могли видеть. Поэтому только после посещения В.П.Евладова появилось первое географическое описание острова Белый. Оно опубликовано в Уральской советской энциклопедии.

Следует, по-видимому, признать, что именно В.П.Евладов первым установил этнографический факт разделения всех ненецких родов - "еркаров"¹ на две взаимобрачные половины

Вануйто и Окатэтта. Впоследствии этот вопрос был более детально исследован ленинградским этнографом и лингвистом Г.Д.Вербовым. Наблюдение Евладова подтвердилось. Именно

---

¹ Корни родов - так называемые "фратрии", группы родственных родов. Как было установлено более поздними исследователями, все ненецкие роды - "еркары" входят в две фратрии - Вануйто и Харючи.

Евладов первым узнал об археологических памятниках древних морских охотников - "сиртя".¹

Эти стоянки в 1929 году были раскопаны В.Н.Чернецовым, тогда еще молодым студентом Ленинградского университета, а впоследствии крупным ученым-североведом. Полученный в результате раскопок на мысе Тиутей-сале материал лег в основу принятых сейчас в исторической науке взглядов на процесс формирования древнего населения и этнических культур на севере Западной Сибири.

По материалам и впечатлениям Ямальской экспедиции В.П.Евладовым была издана книжка под названием "В тундрах Ямала" (очень редкая), опубликованы научные статьи и небольшие рассказы в журналах "Уральский охотник", "Уральский следопыт". В журнале "Вопросы Арктики" им была опубликована карта Ямала.

И все же, научное имя и работы В.П.Евладова мало знакомы широкому читателю и даже специалистам. А ведь его научные отчеты и полевые дневники, наряду с известной, но, к сожалению, тоже очень редкой книгой замечательного натуралиста и путешественника Б.М.Житкова "Полуостров Ямал" (1911г.), можно считать наиболее ценным и информативным краеведческим очерком о природе и людях Ямала в недавнем и вместе с тем как будто уже совсем далеком прошлом.

Ямальская экспедиция 1928-1929 годов - главное научное предприятие Владимира Петровича Евладова. А как же дальше складывалась его судьба? В 1930-е годы В.П.Евладов продолжал работать в организациях, связанных с освоением северных территорий; был назначен заместителем председателя Уралкома Севера, затем начальником Уральского отдела Комсевморпути. Он организует и возглавляет Северо-Уральский трест Главсевморпути в г.Тобольске, проводит зимовку на Ямале как научный сотрудник Всесоюзного Арктического института, затем возглавляет Красноярское территориальное управление Главсевморпути. В годы Великой Отечественной войны В.П.Евладов работал как военный

---

¹ Сиртя, сиритя, сихиртя - в легендах ненцев это маленькие человекоподобные существа, живущие под землей и временами выходящие на поверхность. То же, что русская "чудь". Считается, что в легендах о сиртя сохранились воспоминания о древних арктических жителях, населявших морские побережья до прихода ненцев - оленеводов. Археологами раскопаны древние стоянки морских зверобоев Ямала на мысе Тиутей-сале и у пролива Малыгина.

топограф.

Исследовательская и практическая деятельность В.П.Евладова на Севере не осталась незамеченной в советской науке. В 1967 году он был приглашен в Москву для участия в работе VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. С высокой трибуны международного научного форума В.П.Евладов выступил с призывом к советским ученым-североведам изучать не только историческое прошлое, но и современные этнокультурные процессы и острые проблемы для того, чтобы "... активно, наступательно способствовать ускорению перехода многочисленных этнических общностей не только Арктики, но и других зон Советского Союза на более высокий уровень социалистической культуры".¹ В этом видел он, как исследователь и практический работник, главную цель своей деятельности, главный смысл своей жизни.

А.Пика, канд. ист. наук.

Дирекция Института проблем освоения Севера СО РАН выражает глубокую признательность концерну Газпром, в особенности В.И.Резуненко, оказавшему большое содействие в подготовке и публикации книги.

---

¹ Труды Международного конгресса антропологических и этнографических наук.—М., 1970, т.Х, с.476-477.

*Обсуждение, программа, маршрут экспедиции. - В путь-дорогу... - На пути к Обдорску. - Формирование походного отряда. "Наша Марка".
Выходим в тундру.*

В 1927 году в Уральском областном земельном управлении возникло решение направить исследовательскую экспедицию в один из отдаленных окраинных северных районов для обследования населения и хозяйства в природной зоне тайги и тундры с целью выяснения прочности сырьевой базы оленеводства и пушного хозяйства. Предполагаемый район работ экспедиции обсуждался в Уралоблисполкоме, но окончательное решение принято не было. Идея экспедиции на полуостров Ямал за счет ряда уральских организаций созрела лишь к концу 1927 года, когда вернулся в Свердловск лечебно-обследовательский отряд облздравотдела, в котором я принимал участие в качестве топографа.

Этот отряд в составе врача Марины Львовны Шапиро-Аронштам и сестры-акушерки Анны Костроминой выехал из Свердловска весной 1926 года с целью изучения вопросов здравоохранения малых народов Уральского Севера и оказания им лечебной помощи. Моя роль топографа была в нем скромная - положить на карту маршрут этого отряда и помогать в организационных, транспортных и общих вопросах. По согласованию с Комитетом Севера Уральского облисполкома я, как член этого Комитета, расширил свои функции и стал знакомиться с бытом, культурой, политическим состоянием ненцев Ямала. В процессе работы, с согласия начальника экспедиции, я отделился и ушел в тундру с ветеринарно-бактериологическим отрядом в кочевые оленеводческие хозяйства, где и пробыл три зимних месяца.

Вернувшись в Свердловск, я выступил с докладом по результатам своей поездки в Уралкоме Севера, в Комитете Севера при ВЦИК в Москве и Полярной комиссии Академии наук СССР в Ленинграде. В Уралкоме Севера я поставил вопрос о необходимости более длительного и детального обследования оленеводов, рыбаков, охотников полуострова Ямал. Уральский облисполком согласился с этим и вынес решение: "Для всестороннего изучения политико-экономического состояния жизни, быта, обычного права ямальских

кочевников, флоры, фауны, оленеводства, пушного и рыбного промыслов, товарно-меновых отношений, производства и потребления, работы торгово-заготовительных организаций направить комплексную экспедицию на Ямальский полуостров сроком на полтора года... в составе начальника экспедиции Евладова В.П., охотоведа Спицина Н.Н. и товароведа Каргопольцева И.В."

В Обдорске к экспедиции должен был быть прикомандирован П.П.Королев - зоотехник-олeneвод из состава Обдорского зоотехнического пункта. Общее руководство и материальное обеспечение экспедиции было поручено областному земельному управлению (Уралоблзу). В финансировании экспедиции приняло участие Уральское отделение Госторга, представителем которого в составе экспедиции и был И.В.Каргопольцев.

Программа экспедиции разрабатывалась весьма подробно, ряд уральских организаций внесли в нее свои разделы и дополнения. После обсуждения и одобрения программы экспедиции на заседании Уралоблисполкома она была предложена крупным ученым-североведам в Москве и Ленинграде, чтобы они дали свое заключение. Я выехал в Москву для закупки снаряжения, а затем в Ленинград для подачи программы в Полярную комиссию Академии наук. Ряд компетентнейших лиц приняли участие в обсуждении программы, помогли ценными указаниями, советами. Я выразил мою благодарность зоологу профессору А.А.Бялыницкому-Биреле, этнографу профессору В.Г.Богораз-Тану, начальнику Главного гидрофизического управления Адмиралтейства профессору С.А.Бутурлину, известному исследователю Ямала профессору Б.М.Житкову, геоботанику Б.И.Городкову, специалисту по северному оленеводству С.В.Керцелли и др.

Профессор В.Г.Богораз-Тан в своем заключении по проекту экспедиции сказал: "Проект отличается большой сложностью и стремится охватить изучение и населения и местности одновременно и со всех сторон. Я это недостатком не считаю, то есть такое изучение необходимо производить тщательно и многосторонне. Главный недостаток большинства современных экспедиций состоит в краткости, гастрольности, что позволяет исследователям собирать только факты разрозненные и довольно поверхностные. Главным достоинством проекта считаю то, что он рассчитан на год. Таким образом будет возможность получить смену явлений природы и явлений народной жизни циклически по временам года..."

Известный исследователь Ямала Б.М.Житков предостерег меня от разбросанности задач и целей, излишней скорости

работ, но проект одобрил. А начальник крупной лесостроительной экспедиции на Печору выразил озабоченность: "Справитесь ли с такой обширной программой работ при огромных пространствах и случайных, к тому же медленных, способах передвижения в тундре?"

Полярная комиссия рекомендовала включить в состав экспедиции одного геоботаника, но такого специалиста нам так и не удалось найти. В окончательном варианте разделы программы работ экспедиции выглядели следующим образом.

I. ОЛЕНЕВОДСТВО

1. Количественный учет оленей в составе стад.
2. Качественный состав и промеры оленей.
3. Ветеринарно-санитарные условия оленеводства.
4. Продукция оленеводства.

II. ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ

1. Общее флоро-фаунистическое описание.
2. Охотничий инвентарь.
3. Способы охоты.
4. Экономика охотопромысла.
5. Звероводство.

III. МОРСКИЕ ЗВЕРОВОЙНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

1. Биология морских промысловых животных.
2. Способы охоты и кооперация.
3. Продукция морского промысла и ее сбыт.

Кроме этого ряд специальных вопросов был поставлен различными организациями: страхование оленей, организация госторговли в тундре, статистические работы, составление бюджетов хозяйств и проверка показаний недавно прошедшей Приполярной переписи населения (1926 г.). К тому же нужно было вести метеорологические наблюдения на маршруте в течение всего года, собирать зоологическую и ботаническую коллекцию. Уральский областной музей дал инструкцию по сбору этнографических экспонатов. Перед самым отъездом облсуд и Тобольская окружная прокуратура дали специально разработанную программу по изучению обычного права

кочевников. Убеко Сибири¹ и Комсевморпуть² тоже дали ряд заданий.

Сверх всякой программы я, как топограф-геодезист, считал необходимым вести запись топонимов и наносить схемы рельефа местности, с целью пополнения и уточнения единственной в то время карты Ямала, составленной капитаном-топографом Введенским, участником экспедиции на Ямал Б.М.Житкова в 1908 году. Кроме того, в первой своей экспедиции я начал сборы словного материала с записью фонетических оттенков ненецкого языка для составления ненецко-русского и русско-ненецкого разговорника, нужда в котором для практических работников на местах была огромная.

На мне лежала также обязанность вести фотосъемку тремя аппаратами на стеклянных фотопластинках. Основной фотоаппарат - фирмы "Контецца-Нетэль" форматом 6х9 с объективом "Тессар" Цейса, был также большой дорожный фотоаппарат с пластинками 13х18 с объективом Герца III серии.

Вместе со мной готовились к отъезду и мои спутники по экспедиции. На Спицина Николая Николаевича, ученого - лесоведа и охотоведа, было возложено изучение промысловой биологии пушных и морских зверей, охотничьего промысла ненцев, сборы гербария, метеонаблюдения.

Иван Васильевич Каргопольцев обязан был разобраться в вопросах торговли и заготовок пушнины, дать анализ работы торговых организаций, изучить спрос и возможности улучшения торгового обслуживания населения тундр.

Петр Петрович Королев, зоотехник, должен был получить ответы на вопросы, связанные с оленеводством Ямала, его кормовыми и пастбищными условиями, болезнями оленей.

Все основное снаряжение экспедиции было заказано в Москве и Ленинграде. Палатку моей собственной конструкции изготовил московский магазин Вольно-экономического общества. Она имела шестигранную форму, с целью приблизить быт

---

¹ Убеко Сибири - гидрографическая служба Управления по обеспечению безопасности судоходства на Карском море и в устьях сибирских рек.

² Комсевморпуть - Комитет Северного морского пути создан в 1919 году еще при колчаковском правительстве в Сибири, в апреле 1920 года перешел в ведение Сибревкома, а в 1928 году преобразован в Северо-Сибирское государственное акционерное общество в системе Наркомторга. В 1932 году Комсевморпуть вошел в Главное управление Северного морского пути (ГУСМП).

в ней к быту в круглом чуме кочевников. Палатка имела меховую подкладку, основное покрытие - утолщенная байка и сверху - брезент. Коллекционным снаряжением экспедицию снабдили Ботанический и Зоологический музеи Академии наук в Ленинграде.

Обдорскому зоотехническому пункту было поручено закупить стадо оленей в 200 голов, изготовить упряжное снаряжение на 40-50 нарт, нанять три смены пастухов с чумом и полным инвентарем. Все это кочевое хозяйство должно было быть собрано вблизи Обдорска, откуда экспедиция выступит в тундру.

Текущие организационные дела расширялись угрожающе, и если бы мы продолжали сборы и далее, то наша научная программа стала бы совершенно невыполнимой. Но времени, к счастью, оставалось мало, так как выехать к месту работ следовало ранней весной 1928 года, чтобы соединиться с массойдвигающихся на летние стойбища ненецких хозяйств. Если бы мы не успели захватить это движение, то затруднили бы свой путь, сделали бы невозможным прохождение маршрута в полном объеме. К тому же оказался бы пропущенным для наблюдений самый ответственный период жизни оленеводов - отел важенок.

8 марта 1928 года. Наконец-то окончилась суэта последних сборов, и мы втроем со Спициным и Каргопольцевым, с двумя тундровыми оленегонными собаками Лайкой и Тобиком сели в поезд Свердловск-Тюмень. Я покидал дом и семью с тяжелым чувством. Примерно через месяц в нашей семье должен был появиться новый человечек. Моя жена чувствовала себя хорошо, но кто знает! Кто придет ей на помощь в трудную минуту? А ведь ей еще нужно заботиться о старших детях - одиннадцатилетней Леночке и пятилетнем Пете. Вся надежда была на нашу энергичную любящую тетку. Сумеет ли она помочь жене Оленьке переехать в Сызрань к родным? А ведь при переезде нужно будет сдать квартиру, собрать вещи и мебель. А я ничем не мог помочь в это трудное для нее время. Невозможно было отложить отъезд. Ни одного дня нельзя было медлить, чтобы успеть выйти в тундру по твердому зимнему снегу. Мы еще в Свердловске, а на календаре уже март! Перед нами трудный длинный путь на лошадях. От Тюмени до Тобольска 300 километров и далее без остановок до Обдорска еще 1500! Сколько дней проедем? Если по 100 километров в сутки, то надо 18 дней. Но ведь это лишь теоретическое предположение. А разве можно без отдыха

людям? Лошади, конечно, перекладные, все время свежие, а люди... Вынесем ли? Все эти мысли мучили меня до полуночи.

Чуть за полночь я уже проснулся, сна как не бывало. Опять те же думы. Конечно, нужно торопиться, ехать и ночами, спать в санях, в тулупах на морозе. Что еще можно придумать для ускорения движения... Поезд выстукивал однообразную мелодию на стыках рельсов. Мои спутники- "экспедиторы" спали, собаки успокоились, а меня не покидали мысли о предстоящем пути к Ямалу. О самом Ямале думать еще рано, а вот после Березово придется ехать на оленях. Сколько надо нарт для нас и багажа? И вообще - сколько будет стоить эта дорога, хватит ли денег, которые мне дали до Обдорска?

Та-та, та-та, та-та - стучали колеса и не давали заснуть. А до Тюмени пути всего 8 часов. Под утро я забылся коротким глубоким сном.

В Тюмени остановились в гостинице "Заря". Выпили наскоро экспромтного чайку и разбежались по делам. Я пошел в райком и райисполком информировать об экспедиции. В райисполкоме мне объяснили, что для выезда на Север и в Тобольск существуют две лошадиные веревочки: одна артели КОВ (Комитеты взаимопомощи), вторая частная гоньба. Мы решили сговориться с артелью; ее председатель, тов. Спехов, член ВКП(б) с 1921 года, фронтовик, узнав об экспедиции, сразу согласился оказать нам полное содействие. Осмотрев наш багаж, он рекомендовал взять три пароконных упряжки. Лошади у него готовы, можно ехать хоть сейчас. Но у нас были еще дела, одно трудное - получение денатурированного спирта для зооколлекций, другое попроще - визит к заведующему округом связи с просьбой проследить за прибытием наших экспедиционных грузов. Со спиртом из-за бюрократических проволочек пришлось провозиться дотемна. А на почте нам любезно обещали проследить за продвижением наших грузов, что впоследствии и было исполнено.

На следующее утро мы выехали из Тюмени. Проехали деревни Яр, Ембаево, Тураево. В Борках сменили лошадей и пошли быстрым ходом. К ночи въехали в село Артамоново. Но и тут не остались ночевать и, переменяя лошадей, наскоро согревшись чаем, выехали дальше. К утру мы были в Байкалово. По дороге от нас отстал Тобик, и Николай Николаевич возвратился, чтобы его отыскать. Я был рад, что не лишился собаки. На Ямале нам понадобятся оленегонные лайки (тогда мне это казалось очень важным!), и платить за них тамошнюю цену (один-два оленя) - слишком дорого.

До Тобольска оставалось 40 километров. Значит, тов. Спехов прихвастнул, что доставит нас в Тобольск в одни сутки, но все же надо было отдать должное бедняцкая артельная "веревочка" везла хорошо, без скандалов на станциях. Лошади всегда были готовы, и ямщики не выпрашивали "на водку"

Приехали в Тобольск вечером. В Доме крестьянина попали на бал Нарпита, с чемоданами и сетками проходили мимо танцующих пар. Мы согрелись у толстого самовара, накормили собак и легли спать. А вечер с танцами продолжался. Кто-то заскочил к нам узнать, что за люди приехали в их отдаленный город, а узнав, вероятно, докладывал гостям. Танцы продолжались.

Утром начались официальные встречи и визиты. Тобольск - окружной центр, "столица" Тобольского Севера, где нам предстояло работать целый год. Я позвонил председателю окрисполкома тов. Спирову. Мы друг друга хорошо знали, и он сразу же после звонка приехал к нам. Спиров предложил мне сделать в окрисполкоме доклад о задачах экспедиции, заслушать предложения и дополнения с их стороны. Я согласился.

В Тобольске нам предстояло договориться о снабжении экспедиции продовольствием и нужными товарами на факториях Госторга и "Заготживсырье", приобрести соответствующие письменные распоряжения их низовым конторам и факториям об оказании нам помощи и содействия.

Тут у меня произошел первый серьезный разговор с Иваном Каргопольцевым. Он еще в Свердловске сказал мне, что берет с собой товары для дарения оленеводам и обмена. Против дарения я не возражал, но об обмене на пушнину запретил и думать. Это ему, по-видимому, не понравилось. Но я считал, что никто в экспедиции не должен заниматься приобретением пушнины, так как такое занятие несовместимо с исследовательскими функциями, будет мешать выполнению программы работ и создаст ложное представление об экспедиции у оленеводов. Каргопольцев и тут, в Тобольске, поднял вопрос о том, чтобы обзавестись товарами для обмена на пушнину. Я строго указал ему на бесполезность таких разговоров, он хмуро заявил, что уходит в Тобольский Госторг на весь день, чтобы ознакомиться с работой окружного отделения. Я одобрил его намерение, так как это его прямая обязанность. Он ушел недовольный.

На следующее утро я сделал получасовой доклад на заседании окрисполкома о предстоящей работе нашей экспедиции.

Много было вопросов, очень дельных замечаний и предложений. Вечером я был в театре, где гастролировала оперетта. Хотелось в последний раз перед отъездом в пустынные места увидеть что-то яркое, красивое, радостное. Шла оперетта "Женихи", которой я никогда не видел.

Поздно вечером, вернувшись из театра, я узнал, что меня вызывает к себе секретарь окружкома партии тов. Шебалдин. Утром я прибыл в окружком. Шебалдин предъявил мне обвинение в том, что по линии ГПУ есть на меня материал, что я в первой своей поездке "называл себя членом бюро обкома". Я возмутился и сказал, что с 1917 года смог хорошо изучить Устав партии и партийную этику, и никогда еще мне не было упрека в несоблюдении ни того ни другого. Откуда же теперь взялась эта нелепость? Я был членом бюро окружкома, когда работал в Челябинске в 1925 году, был зам.председателя окрисполкома и горсовета, председателем окрплана. А членом бюро обкома Урала я не был, да и не мыслил себя в этой роли. Зачем мне называть себя так?

Тогда было выдвинуто другое обвинение: почему наша экспедиция проведена "не в партийном порядке", через обком, и почему мы не снялись с учета? Я ответил, что первое обвинение должно быть адресовано Комитету Севера при облизполкоме. Уралком Севера решал, "в каком порядке" посылать экспедицию. И не думаю, что президиум облизполкома организовал экспедицию без согласования с Уральским областным комитетом ВКП(б). По второму пункту я сказал, что так как мы не стояли на партучете в обкоме, то и сниматься с учета там для нас не было никакой надобности. После этого секретарь Шебалдин соизволил поинтересоваться целями и задачами экспедиции. Я ответил коротко, и мы на этом расстались.

Я шел по Тобольску и думал "Находятся же все-таки люди, даже на ответственных партийных постах, которые вместо настоящего дела занимаются пустяками, сеют вокруг себя чувство досады, возмущения. Ведь Шебалдин мог меня вместо этой нелепости и "взятия на испуг" упрекнуть хотя бы в том, что я не зашел к нему с визитом, прежде чем идти в окрисполком. Я мог бы согласиться с этим упреком и извиниться перед ним, а так вышел нелепый и ни к чему не ведущий разговор".

После этого пришлось зайти в ГПУ, поинтересоваться "материалом" на меня. Начальник ГПУ извинился и сказал, что вопрос "о самозванстве Евладова" простое недоразумение, но ответить на мой намек об источнике этого

"недоразумения" отказался. Кто же все-таки ставит нам палки в колеса? И почему, кому мы мешаем? Я не мог ответить на это.

Вечером я встретился с управляющим окружным Госторгом Чухланцевым. Он пригласил меня на ужин, а после подарил мне прекрасную, отделанную кожей, записную книжку, на которой было отгиснуто золотыми буквами "Начальнику экспедиции В.П.Евладову от Чухланцева". Я поблагодарил его, обещав, что это будет книжка N 1 полевого дневника экспедиции, но заполнять ее я начну только после отъезда из Обдорска. А пока нужно до него преодолеть полторы тысячи километров...

Опять мы в пути, опять черные деревянные избы, конные тройки и пары. Проехали села Мануйлово, потом Самарово и Белогорье. Весна угрожающе рано пришла в эти края. Повесенному припекало солнце, в полдень капало с крыш. Я со страхом смотрел, как Николай Николаевич спал в кошевке в одной рубашке под горячим солнцем. Если такая же погода на Ямале, то мы не уйдем далеко от Обдорска.

24 марта миновали большое село Кондинское, потом Чемаши и вечером 25 были в Березово. Нас тут уже ждали. Были заготовлены лошади и легкие нарты, куда мы могли перегрузить наши вещи из тяжелых кошев. Это была помощь Чухланцева. Ямщики, молодые дружелюбные ребята, встретили нас на улице, пригласили остановиться в своем доме и накормили нас отличными сибирскими пельменями. После угощения мы уснули как убитые.

Метель не дала нам шанса выехать на следующий день. Я сходил в райисполком, побеседовал с предрайисполкоматом Сапожковым. По поручению Бориса Владимировича Дидковского¹ я уточнил границы двух районов - Самаровского и Березовского. Сапожков показал мне схему границ района. Восточную свою границу в Березово пока сами не знали. Туда еще не ступала нога землемера. Население там неоседлое, кочует и до каких мест уходит на восток - неизвестно. На мой вопрос, будет ли РИК возражать, если область отрежет у них район озера Нум-то и передаст его в Обдорский район, Сапожков неопределенно пожал плечами и ответил: "Пожалуй, нет". Я, однако, слышал от старожилов, что лесные нен-

---

¹ Дидковский Б.В. - начальник планового отдела (Уралплан) исполнительного комитета Советов депутатов трудящихся Уральской области.

цы с озера Нум-то тяготеют к факториям на реке Казым, которая проходит всем своим течением в пределах Березовского района. Как быть? Действительно, без экспедиции не разобраться.

К вечеру метель улеглась, и мы выехали из Березово. В два дня миновали юрты Тегинские, Каравошкины, Вазовы, Ишвары, Киеват.

Это маленькие хантыйские поселки. 29 марта проехали богатое зырянское село Мужы и на следующий день к вечеру прибыли в Обдорск. В те дни сильно похолодало.

Обдорск встретил нас неласково, вернее, встретил никак. Несмотря на несколько телеграмм, отправленных мною в пути, никто не заинтересовался нашим приездом, помещение для нас не было подготовлено. В зоотехническом пункте нас приняли просто враждебно. Госторг, в обязанность которого входило обеспечить нас деньгами на экипировку отряда, в деньгах отказал. Лишь после указания, и то неохотного, Обдорского райисполкома Госторг выдал часть отпущенных нам денег.

Вначале я не придавал значения такому отношению к нам - мало ли что бывает - и сразу же включился в работу по формированию походного обоза. Нам предстояло упаковать и погрузить весь багаж экспедиции на нарты. А для этого нужно было получить груз с почты, подогнать стадо оленей ближе к Обдорску, нанять пастухов и проводников, рассчитать и закупить продовольствие, наметить конкретный маршрут движения, и еще тысяча и одна забота легли на мои плечи.

В ожидании почты с нашим грузом, без денег на наем рабочих и закупку продовольствия, мы все же приступили к формированию отряда. Скрытая и открытая враждебность окружала нас. И только безграничное доверие ненцев-оленьеводов, которое нам удалось снискать в ходе подготовки к выезду в тундру, сделало возможным отложить все авансы до лучших дней. Вскоре пришла телеграмма из Свердловска, обязывающая обеспечить нас всем необходимым и кредитовать работу экспедиции в течение года. Это сразу укрепило наш престиж в глазах обдорцев.

Закупленные зооветпунктом для нас олени оказались тощими и малосильными. Оленья упряжь - ошейники, вожжи, постромки были из старой гнилой кожи, и впоследствии нам пришлось всю упряжь сменить. Предложенные нам обдорскими зоотехниками кожаные сыромятные ремни рвались один за другим.

Я зашел для объяснений к начальнику Обдорского зоотехнического пункта В.Ф.Вашкевичу. Но о ремнях мы так и не поговорили, спор зашел о более важных вещах. Вашкевич сразу заявил мне, что он против любых экспедиций "из Центра" на Обдорский Север.

- Мы сами разберемся, что нам тут делать. А вы приезжаете, только беспокоите нас, портите нашу работу, присваиваете себе результаты наших трудов. У нас тут хватает дел и без изучения ненцев. Главное - олени, как их поставить на службу строительства социализма, а с ненцами потом разберемся.

Значит, животные важнее, чем люди? Мы для оленей строим социализм или для людей?

- Ваши "самоеды" тянут всю нашу экономику назад, в первобытное общество. Почему они не продают оленей нашим заготовщикам? Ведь этим они срывают государственный план заготовок! Богачи из вежливости продают 2-3 оленя из тысячных стад. Малооленные ханты и ненцы продают оленей лишь тогда, когда у них нет пушнины на обмен, и то жалеют каждого оленя. Так мы государственные оленсовхозы не построим.

- Да, так Вы совхозы не постройте. Значит, их надо строить как-то не так, по-другому. Вот мы и хотим выяснить перспективы кооперативной работы среди ненцев.

- Надо не выяснять, а менять в корне всю их жизнь. Вот у здешних зырян оленей в три раза меньше, чем у ненцев, но они охотно продают оленей, да еще снабжают мясом весь Обдорск. Без них мы бы тут с голоду умерли. Ненец думает о своих оленях, а не о нас. Значит, и мы будем думать об оленях, а не о ненцах!

Да, но ненец думает о своих оленях, а вы хотите распорядиться не своими, а его оленями. Тут есть разница. Ненцы могут о нас не думать, но мы должны о них думать, ведь у нас все ключевые позиции в экономике этого края: и транспорт, и деньги, и хлеб, и товары, и власть, наконец! А у него - только олени.

Все это слова, мелкобуржуазная философия. Пора дело делать. Мы должны перестроить у них оленеводство по образцу зырян. У них хозяйство экономично и рационально. Олени приносят им больше дохода, чем ненцам. Зыряне избегают копить большие стада, они много бракуют оленей и продают мясо, оставляя себе самых сильных и выносливых животных. А ненец копит стадо только для себя, не продает никому без нужды, и пользы от него нашей экономике нет.

Большие стада это основа тундрового "феодализма". Богатеи-феодалы, главы родов и старшины держат в руках всю бедняцкую массу в тундре. Это не социализм, когда вассалы находятся в вечной задолженности от своего феодала. Они оплачивают кулацкие подачки не только своим трудом, но и своим мнением. Голосуют за богатеев на выборах в Советы. Можно считать, что революции в тундре еще не было.

- Ну, и что Вы предлагаете?

- Я предлагаю перейти от наблюдений к действиям, суровым и скорым. Нечего разглядывать скудную ненецкую жизнь в микроскоп. Надо ломать всю эту патриархальность. Первым делом на богатеев должны быть наложены крупные налоги. По 100 оленей с тысячного хозяйства. Это будет основа совхозов. Если мы будем обладать стадом кредитования, созданным из экспроприированных оленей тундровых богачей, мы начнем диктовать всем туземцам определенные условия ведения хозяйства. Будем заставлять их продавать нам оленей, доведя их оленеводство по уровню товарности хотя бы до зырянского.

- Хорошо, допустим вы отберете оленей у богатых. Бедняки сейчас зависят от них, потому что те их подкармливают. А если не будет богачей, кто станет подкармливать бедноту? Ведь Вы, как я вижу, их подкармливать не собираетесь. Экспроприированных оленей вы не станете отдавать ненецкой бедноте. Значит, их будут пасти, забивать и распределять те, кто близок к власти, к Обдорску - а это здешние русские и зыряне. А если ямальцы, например, единодушно не согласятся с угоном их оленей на потребу еще пока неведомому им социализму и станут сопротивляться? Если будет восстание? Не лучше ли сначала объяснить и не только на словах, но и делом, путем постепенного привлечения их к социалистическому сектору, чтобы потом они сами признали его преимущество, чем действовать внеэкономическим принуждением.

- Не стоит миндальничать. Нужно выкорчевать "князей тундры", и мероприятие это можно было бы провести быстро и безболезненно.

Но ведь это будет насилие над всем народом, а не над каким-то эксплуатирующим классом. Ведь их богачи не капиталисты. У многих родственники бедные и кормятся от богатых стад своих братьев и дядей по обычаю, а не из милости. Вам хочется увидеть плач этого маленького племени?

Не следует внимать плачу ребенка, не желающего покинуть горящее здание!

Они не дети, и здание горит не у них. Это у вас срывается план заготовок. Вы не видите возможности объеди-

нить их в государственные советские хозяйства, даже не объяснив им, что это такое. Вы сами и раздуваете пожар...

Тут Вашкевич, по-видимому, решил прекратить наш затянувшийся теоретический спор. Он достал из своего письменного стола газету и протянул мне.

- Прочитайте, что думают о вашей экспедиции в области, и впредь будьте поскромнее.

Развернул газету. Это был номер "Уральского рабочего" за 20 марта. В суматохе дел я совсем перестал что-либо читать, а это был свежий номер, только что пришедший в Обдорск с последней почтой. Сразу бросились в глаза крупные заголовки.

"Внимание химии! Делегация академиков-профессоров у тт. Рыкова и Куйбышева..." "Германская печать сбавила тон. Ряд газет признает правоту советского правительства, арестовавшего заговорщиков-немцев". Я вопросительно посмотрел на Вашкевича. Он ткнул пальцем в низ первой газетной страницы. "Наша Марка", прочитал я. Фельетон и не маленький. Я подошел к окну и стал читать.

"НАША МАРКА"

Лавры Амундсена, разукрасившие ледяную плешину Северного полюса, а равно и височки маститого путешественника, не дают покоя менее известным, но не менее пылким путешественникам. Недавно обдорская общественность была взволнована телеграммой Тобольского Окргзу. В телеграмме Обдорск ставили в известность, что из Свердловска готовится в дальний поход экспедиция Уралоблземуправления. Едет экспедиция на полуостров Ямал изучать самоедов, оленей, песцов.

Ввиду такой оказии Обдорскому Зоотехпункту надлежит купить 100 оленей для себя и 150 для экспедиции.

А следом была получена телеграмма начальника экспедиции ОблЗу т.Евладова, который указывал, что для экспедиции потребуется купить 250 оленей. Больше никаких пояснений.

Развернули обдорцы план и смету Зоопункта, утвержденные ОблЗу, видят, там твердо показано: приобрести Зоопункту 150 оленей.

Что к чему? прикинули обдорцы. Шутит ОблЗу или всерьез на Ямал едет? Если едет на Ямал, то неужели верхом на оленях, а ночевать собирается под собственными пиджаками? Ни об упряжи, ни о палатках, ни о чумах, ни о каком инвентаре звука никакого нет.

Может, с собой везут из Свердловска?

- Не иначе шутка.

- Ну, конечно, шутка, - выступил оперирующий в Обдорске Ветеринарно-Бактериологический институт. Какой леший им волочить людей из Свердловска, когда Свердловску досконально известно, что постановлением центральных органов здесь на Севере, совсем не в шутку, учрежден Вет.-Бак. институт и Зоопункт, которыми ежегодно в течение 7-8 месяцев проводится по строгому плану в гуще туземного населения эта исследовательская работа.

- Мало кажется Свердловску?

Ну отбери нужных ученых людей, пошли сюда, прикомандируй к имеющимся отрядам, к готовому инвентарю. Не может быть, чтобы ОблЗу вдруг начало высиживать целиком собственную экспедицию. Наконец, если дело дошло до такого греха, неужели ОблЗу совершенно упустило из виду уже существующие научные учреждения Севера, к которым не только не обратилось за сотрудничеством, а телеграфнуло через ОкрЗу "по инстанции", как на постоянный двор.

- Готовь оленей, ученые едут.

И только.

Услышал о путешественниках Тобольский Комитет Севера и тоже ударил себя по бедрам.

- ОблЗу? Самостоятельную экспедицию? По своей линии?

Прочитали программу Свердловской экспедиции и нашли, что 28 000 рублей, предназначенные экспедиции, деньги "плачущие".

"Программа экспедиции, настаивает Комитет Севера, является подражанием задачам Обдорского Вет.-Бак.института и опорного Зоопункта, но с той лишь разницей, что стационары во главе с Вет.Бак институтом и Зоопунктом проводят свои работы капитально, как сами, так и через отряды (ежегодно отправляющиеся на Ямал); экспедиция же ОблЗу сделает лишь типичную рекогносцировку, и очень вероятно, малоценную".

Тобольский Комитет Севера поделился своими взглядами на затею с областными организациями.

Обдорские организации вспомнили, как недавно проводилась экспедиция вет.врача Березина и докторов Шапиро и Львова. Горячились доктора, торопились, комком собирали с лета нужное имущество, стрельнули, попужали население, так что после обдорскому доктору Шубинскому, работающему по исследованию уже 5 лет, пришлось с трудом залечивать следы неуклюжего путешествия гастролеров. Кстати, бедные результаты их турне (направленного ко всякому благоустройству

края) остаются до сих пор сокровищами плотно запертых архивов.

История повторяется. ОблЗу желает иметь свою, своей марки экспедицию.

Северные научные учреждения в Обдорске выносят свое заключение: "Данная экспедиция не выдерживает никакой критики ни с точки зрения техники ее проведения, ни с точки зрения специальных задач, поставленных ею (не вредно бы прислушаться к этому знающему голосу).

Принимая во внимание пролетарское происхождение ОблЗу, пуск на северный ветер 28 тысяч рублей считать делом хоть и неумным, но безнадежно непоправимым.

Поскольку Областной центр находит необходимым организовать экспедицию именно в таком виде, следовательно, нам необходимо этот грустный факт только принять.

Облземэкспедиция, включивши одного госторговца, а общим числом в три человека, поехала.

- Областные ученые едут! Не какая-нибудь обдорская "сошка", наша марка, наши лавры, самостоятельно едем, не мешай!...

"Экспедиция" поехала.

И.Чилим

"Чилима" я знал, это был записной городской газетный фельетонщик. Но кто его подвигнул на это дело, кто дал материалы? Я посмотрел на Вашкевича. Он улыбался, видимо, был доволен произведенным на меня впечатлением. Я сунул газету в карман, схватил полушубок и вышел на улицу не прощаясь.

Теперь мне стали понятны причины явного противодействия нашей экспедиции. Тут были замешаны не только местные интересы и опасения, что будет дана оценка их работы. Разница была во взгляде на главное - что делать в тундре, да и не только в тундре, с крестьянскими хозяйствами. Такие "боевые" настроения, как у Вашкевича, мне уже приходилось слышать и в Свердловске. Я не разделял эти экстремистские мнения, но в чем-то они совпадали с наметившейся уже линией некоторых партийных работников на быструю и полную коллективизацию единоличных крестьянских хозяйств. Я не раз уже спорил по этому поводу - отсюда фельетон, гнилая упряжь, тощие олени. Что будет еще?

Нужно было скорее уходить из Обдорска. Да и весна нас подгоняла. Сборы наши подходили к концу. Мой экспедицион-

ный отряд пополнился группой специалистов из Обдорского Ветеринарно-Бактериологического института. Руководитель этой группы ветврач Д.В.Колмаков, с ним ветфельдшер И.Тихонов, переводчик А.Н.Абросимов, ненцы-пастухи. У Колмакова были свои олени, и мы решили объединить наши стада для лучшего выпаса и удобства перегона.

За несколько дней до выступления из Обдорска, когда я был в гостях у нашего переводчика Максима Федоровича Ядопчева, с которым был знаком раньше, еще по первой своей поездке на Ямал, к нам зашел симпатичный паренек - Вася Терентьев. Он попросился в экспедицию, сказав, что родители не возражают против его поездки с нами. Вася рассказал, что хотел бы учиться и дальше, поступить в какой-нибудь институт, а работа в экспедиции поможет ему повысить свою грамотность и знание наук. Для нас он мог быть полезен парень с детства знал тундру, говорил на зырянском, хантыйском и ненецком языках. Посоветовавшись в райисполкоме и поговорив с родителями Васи, я принял его в штат экспедиции на должность "охотника -практиканта", хотя такая должность и не была предусмотрена постановлением Уралоблика о Ямальской экспедиции.

Окончательный состав отряда сформировался лишь за две недели со дня приезда в Обдорск. Он был следующим:

1. Начальник экспедиции	В.П.Евладов
2. Зоолог-охотовед	Н.Н.Спицин
3. Зоотехник	П.П.Королев
4. Товаровед	И.В.Каргопольцев
5. Переводчик	М.Ф.Ядопчев
6. Охотник-практикант	В.И.Терентьев
7. Старший пастух	Ф.И.Филиппов
8. Пастухи	А.Хатанзеев
9.	И.Возилов
10.	С.Тибици (с семьей)

Ветеринарно-бактериологический отряд

1. Начальник отряда	Д.В.Колмаков
2. Ветфельдшер	И.Тихонов
3. Переводчик	А.Абросимов
4. Старший пастух	Артеев (с семьей)
5. Пастух	Рочев

Наш общий обоз перед выездом из Обдорска составил 48 грузовых нарт, из которых 17 принадлежали ветеринарно-

бактериологическому отряду и - 10 нарт для перевозки людей. Оленей в упряжке понадобилось 128. У моего отряда оленей всего было 249 голов и 125 - у отряда Колмакова, общее стадо составило 374 оленя. Всего же в составе экспедиции, кроме 6 человек (ответственного персонала), было 16 человек, включая жен и детей наших пастухов.

Медлить с выездом в тундру дальше было нельзя, и 17 марта я отдал распоряжение о выступлении экспедиционного отряда из Обдорска по направлению к фактории Щучья.

ГЛАВА 2

Первые трудности. Убегаем от весны. Недоверие ненцев. - Рассказ морзверобоя. Неудачная поездка Каргопольцева. - Богатые оленеводы Ензеда и Тилянг Окатэтта. "Красные люди". Тундровая дипломатия. Древности мыса Тиутей. - Выходим в море.

Утром 17 апреля наш отряд выступил из Обдорска. По праву проводника на передовой нарте сидел ненец Хэму Хороля, за ним вели свои аннасы¹ Тихонов, Ядопчев, Спицин и Каргопольцев. Я проводил их до Ангальского мыса и вернулся в поселок. Меня задержали последние экспедиционные дела, со мной остались Королев, Колмаков и Вася. На вечерней заре мы выехали вдогонку отряду.

Наши три упряжки быстро побежали по укатанному снегу Полуя, но как только мы выехали на снежную равнину Оби, прыть у оленей пропала. Мы ехали медленно, зорко вглядываясь вперед, в надежде увидеть черные тальники левого берега Оби. Наконец выехали прямо в хантыйский поселок Халепугор. Нас встретили неласково. Из нескольких полужасыпанных снегом ветхих избушек вышли люди в старых вытертых малицах с серыми изможденными лицами. Мы узнали, что в поселке начался голод. Летом здесь был неулов рыбы, зимой не стало горностая. Купить хлеб в долг, как раньше, они не могли - Госторг отказал в кредите до весны. Мы поделились тем немногим, что у нас было с собой. С тяжелым сердцем

---

¹ Аннасы - санный поезд, аргиш

выехали мы из Хале-пугора. "Как же так, - думал я, - ведь только вчера Обдорский Госторг выдал мне справку, что нынче он будет иметь годовые остатки продовольствия и других товаров на сумму до полумиллиона рублей. И около этого хлеба может быть голодная смерть, если весна затянется. В поселке полная враждебность ко всем торгующим организациям и через них - к советской власти.

Взыскивать старые долги или помочь голодными людям - что важнее с точки зрения ленинских принципов!"

Только выехали из Хале-пугора, как сломалась моя нарта, которой правил Вася Терентьев. Я упал и видел, как Вася проехал на всем скаку оленей под нартой, но не выпустил вожжи и кричал вдогонку Колмакову: "Вот как нужно ездить на оленях! А вы что!..." Недолго мы смеялись озорной мальчишеской шутке, но долго потом чинили нарту, у которой оказались срезаны копылья на одной стороне. Спустилась ночь, проехали еще сколько могли и заночевали в снегу.

На следующий день мы догнали наш отряд. Здесь тоже оказалось не все благополучно. Первые же переходы "срезали" 12 оленей, которых пришлось везти на нартах до ближайшего ягеля. Все упряжные олени выбились из сил. Ясно было, что идти таким образом дальше нельзя. Я отдал распоряжение о дневке и отдыхе на этом месте - тут оказался неплохой ягель. Мы с Колмаковым отправились на факторию Щучья для закупки основной части продуктов и инвентаря. Я понадеялся на знание местности, так как был тут уже в 1926 году, и не взял проводника. Конечно, мы заблудились и провели еще одну ночь в снегу. Лишь утром выбрались к фактории. Отсюда я отправил в Свердловск результаты обследования фактории и последние письма домой. Больше у нас на пути почты не будет. Мы взяли продуктов из расчета на 9 месяцев кочевания. Это увеличило наш обоз еще на 10 нарт.

Через несколько дней подошел к фактории наш отряд. Мы стали увязывать и паковать грузы, соединили упряжки в аннасы и отошли от фактории. Первые же мои наблюдения за движением аннасов показали, что несколько нарт перегружены сверх меры. Они-то и "резали" оленей. При перевешивании груза оказалось, что на некоторых нартах положено до 12-14 пудов, а это значительно выше нормы (8 пудов).

Я остановил обоз, и мы занялись пересмотром грузов. Все сколько-нибудь лишнее должно было быть возвращено на факторию. "Переучет" производился весьма жестко, и удалось избавиться от четырех нарт. Однако весь наш обоз все еще был достаточно громоздким - 64 нарты.

Переборку и увязку груза закончили поздно, разгоралась вечерняя заря. Все же выступили в путь. Настроение было тяжелым. Все были голодные и сердитые. Я привязал к одной из нарт на видное место большую вязку баранок и предложил пастухам. Скоро от нее осталась лишь мочалка. Так шли до 9 вечера и опять вышли на неплохой ягель. Остановились. Олени с жадностью набросились на ягель; пастухи быстро поставили чум, мы же долго возились с палаткой и впервые легли спать в мешках.

Замотанный делами, я пришел последним к разбору мешков, и мне достался самый короткий. Я мерз всю ночь, встал раньше всех и затопил печку в палатке.

Сегодня 1 Мая. Праздник. С утра начались визиты пастухов с Ядопчевым во главе в палатку ветеринарно-бактериологического отряда и к нам. Максим поздравлял с праздником и кланялся, а пастухи стояли у него за спиной и улыбались. Ясно было, что они ожидают угощения, и понятно какого. Поговорив с Колмаковым, я решил сделать общий обед в чуме, отметить 1 Мая торжественно, конечно, насколько позволяла походная обстановка.

Вывесили красный флаг. За праздничным "столом" Спицин и Колмаков вспоминали прежние маевки, рассказывали, как празднуют этот день рабочие за границей. Потом я стал объяснять пастухам задачи экспедиции. Колмаков переводил мою речь на зырянский язык - все пастухи его знали, но не все знали русский. Я говорил примерно так:

В прошлом году вас переписывали, бумагу делали, Колмаков перевел, и все ненцы дружно закивали головами. - Большой выборный начальник посмотрел и сказал: "Плохо живут самоеды, мал приплод оленей, много пропадает, надо искать новые промыслы, надо лекаря послать, пусть смотрит, какие болезни на оленях и как их надо лечить". Большой выборный начальник послал нас еще смотреть, как вы живете, что у вас есть, чего нету... Много ли бедных, нельзя ли моржа и тюленя промыслять и сказать Сеньке и Архипу (заведующие факториями - А.П.), чтобы принимали зверя...

Пастухи внимательно слушали.

- А-а, трэм (так), - говорили они.

Мне важно было вызвать у них доверие к экспедиции, чтобы добрые вести бежали впереди наших аннасов.

К концу дня поднялся сильный буран, из тех, что оленеводы называют "пешечными": в такие бураны гибнет много новорожденных оленят-"пешек". В нашем стаде отел только

начинался, и особого вреда оленям этот буран не принес. Но он продолжался еще сутки и не давал двинуться с места.

3 мая мы вышли в следующую, уже седьмую, кочевку. Перед этим еще три нарты отправили на факторию. Лишними признали 6 пудов керосина, три ящика консервов, кое-что из инвентаря. Шли до часа ночи по ровной заснеженной долине между холмами. Кое-где еще видны были ряды невысоких лиственниц и березок. Это был берег реки Танлова, притока Щучьей. Сделали 25 верст - хороший переход - и подошли к сопке Парысей-седе. Тут и заночевали.

6 мая у пастухов праздник "Егорьев день". Идти они отказались. Я не настаивал - людям и так нужен был отдых. К нам в лагерь экспедиции приехал первый гость бедняк-оленовод Макар (Хот) Езынги. Он предложил соединить свое небольшое стадо с экспедиционным и быть у нас проводником. Подумав, я уклонился от предложения. Для бедняка очень важен отел важенок, конечно же, Езынги будет стоять, как только родится несколько оленят. А нам нужно было спешить. Нежеланная весна все время маячила за плечами.

Со старшим пастухом Филипповым я выехал в окрестные чумы с просьбой взять за плату у экспедиции несколько груженных нарт для доставки их на север Ямала. Наши исхудавшие слабосильные олени еле тащили груз и не могли делать длительные переходы. В чумах нас встретили приветливо. Наши нарты ненцы взять отказались даже за хорошую плату деньгами и продуктами. Филиппову отвечали, что "они-де небогаты и кочуют недалеко, и что впереди идет на Ямал богач Хороля, и что скоро подойдет Еремзи Сэротэтта с 5-тысячным стадом он поможет..." Один из хозяев стал успокаивать меня, говоря, что можно не торопиться и не сильно бояться схода снега и весеннего разлива рек. В таких случаях оленеводы идут по береговому припаю вдоль Карского побережья "до самых комаров" (то есть до конца июля), и так можно легко попасть на самый конец Ямала. Это меня немного обнадежило, но не успокоило. Я не мог отнестись к этой интересной информации с полным доверием, так как видел, что и нам ненцы не доверяли.

И все же Хот Езынги пристал к отряду. Мы договорились, что он будет идти отдельно впереди нашего обоза, а мы пойдем по его следам. Ягеля в этих местах попадалось мало, опять стали падать в упряжках истощенные олени. Остановились на отдых у горы Ладукай-седе. Колмаков сказал мне, что неподалеку есть большие падежные места. В 1922 году здесь умирали олени и люди от сибирской язвы. Ветеринарно-

бактериологический отряд должен работать тут два дня. Остановились и мы. Ветврач Колмаков и его помощник Тихонов выехали обследовать местность и взять пробы почв на анализ. Я занялся установкой радиомачты и настройкой радио. Хотелось узнать новости и опробовать приемник. Радио так и не заговорило. Возможно, оттого, что метровый железный клин, предназначенный для заземления, ушел полностью в снег и не достал до земли.

С утра в наш стан приехали два малооленных ненца Яунгад Хадампи и Олю Окатэтта. Молча попили чаю. На мой вопрос, идут ли они на конец Ямала, ответили: "Не знаем, где лето застанет, там и будем стоять". Они были угрюмы, необщительны и вскоре уехали. Мы собрались и выступили. Быстрым ходом обоз шел за Езынги "как по струне". Но дорога была трудная, пошел мокрый снег, переходящий в дождь. Нарты не ехали, а, скорее, плыли в каком-то мокром месиве из снега и воды. Я решил попробовать делать переходы по ночам, когда подмораживает, а днем отдыхать.

Призрак приближающейся весны пугал меня. Часто во время движения на север в лицо дул морозный ветер, а спина горела под малицей от жаркого солнца.

10 мая над лагерем пронесся первый гусь-разведчик и опустился на холм поблизости. Все всполошились, собаки залаяли. Максим Ядопчев хотел пойти и добыть гуся, но я не разрешил. Меня удручали одни и те же мысли. Ненцы сторонятся нас и не доверяют нам. Никто не хочет взять наш груз, даже за хорошую плату продуктами, в которых многие из них, конечно же, нуждаются. Они опасаются нас, и нужно как-то развеять их страхи. Но как это сделать?

Вместе с Ядопчевым, захватив масло, баранки, сахар, я пошел в гости к нашему проводнику Макару Езынги. Разговорились. Он рассказал мне нехитрую историю своего хозяйства. Получил оленей от отца - 50 голов. В 1926 году зимой к нему в стадо пришла стая волков, и они сразу задавили 40 оленей из имевшихся 60. Он поставил капканы возле каждой туши, но ни один волк не попался, звери оттаскивали от капканов туши и поедали их. Так Езынги стал бедняком. Летом на реке Щучьей он добыл много рыбы и менял ее на оленей, давая по 40 крупных щук за одного оленя. Потом выменял хорошего оленя на красную лисицу, которая понадобилась в калым богатому оленеводу. Так, перебиваясь, собрал он 45 оленей, с которыми кочует сейчас...

Я начал политбеседу, говорил о целях экспедиции, о трудной жизни оленеводов, о помощи, которую может оказать

советская власть кредите и страховании оленей. Бедняк Езынги был очень удивлен, что "Большой выборный начальник" из далекого Города так беспокоится о бедняках тундры, посылает сюда своего помощника и предлагает помочь им. Идея кредита ему понравилась. Я спросил:

- А что если "худые люди" не захотят вернуть кредит, деньги или оленей, данных на подержание?

- Этого наши люди никогда не сделают. У нас закон такой: что тебе дали - за то заплати добром. Мы так живем. Однако три года срок малый, 50 оленей на малом стаде за три года не нарастет. А в пять лет я бы расплатился.

Езынги уже как будто стал примерять кредит на себя. Он стал расспрашивать, где те люди, которые могут дать ему оленей... Страхование его не заинтересовало. Ведь тут надо ежегодно что-то платить за оленей, а он бедняк. Но мысль о кредите оленями или деньгами от государства, "от казны", как говорят ненцы, видно, глубоко его задела. "Вот это разговор",

сказал он Ядопчеву, когда мы покидали чум, - я теперь знаю, зачем вы приехали - для нас, для бедняков!"

Вечером Максим побывал еще раз в хозяйстве Макара и сообщил мне, что тот ходит в явно приподнятом настроении, бормоча про себя: "Саво сать, саво трэм, трэм (хорошо, очень хорошо, так, так). Может быть, моя агитация удалась?"

На следующий день неожиданно опять приехали Олю и Хадампи. Они о чем-то долго говорили с Езынги. Видно, разговор был серьезный, я не стал подходить к ним. Вечером Олю и Хадампи сообщили мне, что они готовы взять мои грузы до реки Юрибей. Я стал настаивать на конечной точке доставки к верховьям реки Тиутей (Моржовой). Они согласились. Договорились, что каждый возьмет себе по три груженных нарты с моими ездовыми быками и по паре запасных оленей. За перевозку они попросили по два кирпича чаю, по пуду муки, по фунту табаку и по полпуда хлеба. На деньги это было очень немного, но здесь, вдали от факторий, продовольствие было уже в высокой цене. Олю и Хадампи забрали груз и разъехались по своим чумам.

Начиналась оттепель, моросил мелкий дождичек, на вершинах холмов уже чернели большие проталины. Дул юго-восточный с переходом на восток теплый ветер, наш барометр все полз вверх - с 747 на 754. Вечером мы "сломали" чум и палатки и вышли в каслание.¹ Шли всю ночь. Утром я узнал, что жена Езынги, молодая женщина лет 20, по неосторож-

---

¹ Каслание - кочевка.

ности задавила оленя. Она заснула на нарте с вожжей в руках, у оленя оторвался ошейник, он закрутился, попал под нарту, а она ничего не заметила. Я предупредил всех своих, чтобы ночью были особенно внимательны, так как упряжь у нас плохая, а олени казенные.

14 мая наш отряд вышел к большой реке Иоркуте. Спустились к ней по руслу небольшого притока Иорка-яха. Высокий берег Иоркуты уже был гол, а долина реки забита снегом. Снег местами был крепок, но кое-где провалился, и под ним выступала вода. Перейдя Иоркуту, мы стали считать свои потери в стаде: у меня отбилось от стада и погибло 4 оленя, у Колмакова - 3.

За рекой встали лагерем в окружении ненецких чумов. В гости приехали новые люди - Хороля Моет и Хаали Яптик. Это были крепкие оленеводы, имевшие по несколько сотен оленей. Лица их дышали здоровьем и силой, малицы были новые и блестящие.

Услышав о кредите оленями, они сказали, что это будет "Великая помощь тундре", но поинтересовались, откуда "казна" возьмет оленей, чтобы давать беднякам "на подержание". Мне не хотелось отвечать на этот щекотливый и еще не совсем ясный для меня вопрос, и я пригласил их пить чай. Они с аппетитом ели баранки, отковыривая ножами кусочки мерзлого масла и бросая в рот, звали "красного начальника" в гости.

Вечером занялся проявлением фотопластинок. Моя походная лаборатория занимала отдельную нарту. Тут можно было перезаряжать и проявлять фотопластинки. Но на этот раз проявка не получилась, проявитель замерз, и гидрохинон выпал в осадок, образовав кристаллы. Пришлось отложить это дело до более теплой погоды.

На следующий день рано утром вышли и находились в пути до позднего вечера. На стоянке у священной для ненцев горы Соусенк разбили палатки и стали на отдых. Недалеко была песцовая нора. Время от времени слышались крики самки. Значит, в норе уже есть щенки. "Это еще один признак весны", - подумал я. В песцовом тьяканье слышалось недовольство непрошенными гостями. Завтра мы покинем это безлюдное место.

Ночью к нам приехал оленевод Пьянгарка Худи. Я стал его просить взять у нас несколько нарт с грузом для доставки на север, но тот ответил, что сам не решает такие дела. Нужно спросить у старика. Сам Пьянгарка пасет только "слабое стадо" - 400-500 стельных важенок с малым числом

ездовых быков. Под его надзором еще 150 телят, когда они окрепнут, их переведут в "сильное стадо".

Втроем с Филипповым и Пьянгаркой мы отправились в чум старика отца нашего гостя. Приехали глубокой ночью, в чуме все спали. Пьянгарка сказал, что надо послать первым "начальника", а то старик будет недоволен, что его тревожат ночью. Я удивился такой дисциплине - ведь сыну можно дать не менее 40 лет, а он так робеет перед своим отцом. Зашли в чум. "Ани дорово", повторил я несколько раз все громче. Прошло несколько минут молчания. Потом под грудой шкур завозилась фигура человека. Послышался голос женщины. Пьянгарка ответил. Женщина встала и молча принялась за костер. Он вспыхнул быстро и осветил ее лицо. Это была старуха, жена хозяина. Она вышла, набрала снега в чайник и поставила на огонь.

Из-под груды мехов послышался недовольный голос старика. Он встал и завел разговор с Филипповым, прося его передать "начальнику" (то есть мне), что один из рода Тусида украл у него запасы из зимних нарт - 30 пудов хлеба и 18 кирпичей чая. Старик сказал, что он ездил в Новый Порт и заявил на него "опой луце" (одному русскому) и что этот "опой луце" "сам есть" Ямальский туземный совет. Но, как пояснил старик, "своих", т.е. ненцев, они там не слушают, а обращаются к секретарю тузсовета тов. Медведеву.

Тем временем младший сын старика принес толстый круг осетра, разрубил его, и все принялись за еду и чай. Завели речь о страховании оленей. Старик стал говорить, что если болезней не будет и олени не будут падать, то и платить каждый год незачем. Он жаловался на теперешний порядок, на то, что каждому роду и каждому хозяйству раньше можно было промыслять только на своих местах, а теперь каждый идет куда хочет, вот все "ударилась" на карскую сторону Ямала - к реке Мороды, на Порнэ-сале и Тиутей-яху...

Тогда я спросил, не хочет ли он, чтобы весь Ямал был разделен между старыми ненецкими родами "еркарами"? Старик ответил неопределенно, скорее утвердительно. Я опять спросил:

- А как же делить землю - по числу оленей, по едокам или мужским душам?

- Пусть по-старому, как прежде было, - ответил старик.

- Но вот мы не знаем, как прежде было, расскажи нам, предложил я.

Старик помолчал немного и заговорил. Он долго перечислял роды, сначала ямальские - Окатэтта, Хороля, Сэротэтта,

Езынги, Ямал, Яптик, Вэненга, Вануйто и др. Потом перешел на Большеземельскую тундру - Вылка, Лаптангер, Пырерка, потом "низовые", те, что кочуют за Обью Яр, Марьик, Поронгтуй, Няданги. Сказал и о лесных ненцах - Пяк, Айваседа, Вэлло. "Наш еркар Худи, про нас говорят - "Птичья грудь", а живем мы на Юрибее и в других местах", закончил старик.

По моей просьбе Максим переводил весь рассказ Худи подробно, не пропуская деталей. Советуясь с Максимом и Пьянгаркой, я наложил родовые названия на контур ямальской карты, и получилась предварительная карта расселения ненецких родов на Ямале. Мимоходом рассказчик отметил, что все ненецкие роды на Ямале делятся на "два корня". Самые старинные "корневые роды" Окатэтта и Вануйто. Это меня крайне заинтересовало. В книге Б.Житкова этого не было, и от ненцев я об этом слышал впервые. Я попытался подробнее расспросить о том, как делятся названные стариком роды - еркары по принадлежности к тому или другому корню, но этого мне не удалось. Разговор перешел на то, как платили ясак в старину. Хозяин сказал, что раньше ясак богатые оленеводы платили сразу за весь род. А сейчас такого нет. Теперь богатый ли, бедный ли - сам себе хозяин. Хорошо, если родным и соседям "пособку делают", а за весь народ никто ясак собирать и платить не желает.

Я согласился, что это действительно так, тем более что никаких налогов с ямальской тундры сейчас не взимают, но в следующем году собираются ввести самообложение. О том, для чего и как будет собираться самообложение, мне пришлось прочитать небольшую лекцию. Хозяева слушали не перебивая, но вопросов никто не задавал. Молчали, думали.

Наши зимние нарты хозяин взять отказался и, по-видимому, не велел этого делать и сыну Пьянгарке. Мне хотелось побыстрее покинуть этот чум, чтобы до начала нашего календария успеть с Ядопчевым основательно разобрать все записи по расселению родов на Ямале, пока дорожные заботы и впечатления не сотрут все в памяти.

От старика Худи мы уехали под утро. Солнце уже светило. Белые дали были ярко освещены, и на них ослепительно белыми точками сверкали куропатки. Их было видно за версту и можно было пересчитать. Уже с неделю как эти птицы разбились из стай на пары. На обратном пути мы заехали в чум Пьянгарки, и оттуда я один вернулся в наш стан, а Филиппов остался искать потерявшегося оленя. По пути я подстрелил двух куропаток, а трех подранил. Мое бельгийское

ружье было плохо, из пяти выстрелов было лишь два точных попадания.

18-19 мая мы шли почти без остановок, иногда "на рысях", весьма быстро. Переехали речку Торемю-яха, левый приток Хай-яхи. Остановились в одном попрыске¹ от самой крупной реки Ямала Юрибея. Макар Езынги уехал искать наших отколовшихся оленей, и я повел обоз сам, сохраняя направление на северо-восток, забирая все же немножко к северу, так как заметил, что Макар, договорившись провожать нас только до Юрибея, немного хитрит в свою пользу - уклоняет направление к ближайшему участку реки, а не идет прямо на север. Я вел отряд верст 10 до приезда Езынги и пришел к заключению, что можно каслать и без проводника. Все эти три дня дул ветер с северо-востока и нес холод. Температура была от -10 до -3°С.

За Юрибеем нас догнал Нумеда Пуйко, шурин Пьянгарки Худи. Оказалось, что с ним говорил наш Макар, и потом сам Нумеда разговаривал со стариком и Пьянгаркой. Они спохватились, что не помогли нам и послали Нумеду за нами вдогонку с согласием взять на сохранение наши нарты с грузом. Это меня очень обрадовало. Я разговаривал с Нумедой.

Он оказался опытным морским охотником, рассказал о промыслах тюленя, морского зайца.² Обычно они охотятся так: с братом Парыси (Алексеем) или с кем-нибудь еще, набрав команду, выезжают по реке Мороды на двух лодках, проходят мимо Шараповых кошек³ в открытое море и там стреляют зайца из ружья на льдине. В лодке 5-6 человек: один кормовой у руля, четыре гребца и один лучший стрелок с ружьем. Подъезжая ко льдине, на которой замечен зверь, стрелок выходит на нее и крадетсЯ, замирая в те моменты, когда тюлень смотрит на охотника. Стреляют всегда в голову. Если ранят, то бросают "гарпун-копье" с "пальцем" на шарнире, открывающимся в теле зверя при обратном движении копия.

---

¹ Попрыск - расстояние между остановками в пути, перегон, который олени в упряжке могут пробежать без отдыха. Зимой - 10 - 15 км, летом - менее 10 км.

² Морской заяц - крупный тюлень, лахтак.

³ Шараповы кошки - песчаные острова и отмели, тянущиеся вдоль западного побережья Ямала к югу от мыса Харасавэй. "Кошками" русские поморы называли длинные песчаные косы, тянущиеся вдоль берегов, опасные для мореплавания.

От зайца берут шкуру и жир. Шкура режется ремнями на сбрую для оленей и продается между ненцами по 1 рублю за комплект. Из одной шкуры морского зайца выходит 60-70 комплектов. Жиру берется 8 пудов. За два пуда можно выменять оленя. Мелкие тюлени считаются "пустяком", их бьют попутно, если подвернутся, и только на обратном пути.

Около устья реки Харасовой часто промышляют и моржей. Я спросил Нумеду, так же или по-другому охотятся в Обской губе и проливе Малыгина. Он не знал, сказал, что, наверное, так же.

Нумеда Пуйко остался у нас ночевать. Вечером я сидел в палатке и переносил в тетрадь все, что услышал от него за день. Потом пошел к Нумеде в наш экспедиционный чум, чтобы уточнить записанное. В чуме опять разговорились. Нумеда стал рассказывать, как он однажды был унесен штормом в море и только через восемь дней его лодку прибило к берегу Байдарацкой губы против Урала. Рассказ Нумеды мне показался замечательным, он хорошо передает быт и психологию ямальских морских охотников на промысле. Я постарался записать рассказ о приключениях Нумеды и его товарищей подробно. Вот как это было.

"Мы пошли на море впятером: я с братьями Парыси и Нгэды и братья Тунг и Епц Худи. Взяли один мешок муки, три туши мяса, сухарей и сушеной рыбы. Лед был далеко, целый день к нему шли на веслах, ветра не было. К вечеру пришли на льдину, нашли здесь четырех зайцев и с братом Парыси двух убили. Стали ночевать. Утром проснулись опять около нас заяц. Нгэды и Парыси добыли его. Потом все сложили в лодку и поплыли меж льдов. Целый день ничего не было, ночью спать легли. В полночь я проснулся и вдруг вижу - на небольшой льдине лежит заяц. Мы с Парыси его убили и опять легли спать.

На следующий день снова льды объезжали и увидели пять зайцев. Двух убили, ночью к льдине пристали и ночевали в лодке. Было тихо, вода, как зеркало. Вдруг вода стала сама по себе играть, колыхаться. Потом пошла зыбь такая, что весь лед изломало. А ветра все нет. Мы в лодке плавали между мелкими льдинами. Всю ночь так и проплавали.

Утром я товарищам сказал. "Надо к берегу ехать, весь лед изломало, зверя больше не будет". Стали грести к берегу, а с моря ветерок подул. До полудня шли парусом, льдов уже не было... Показался берег. Вдоль него битый лед, и зайцы почти на каждой льдине - по два, по три и больше. Напротив носа лодки увидели два зайца на льдине. Тунг спрашивает:

"Будем стрелять?" "Не надо, поедem к берегу", - говорю я. Братья Худи стали сильно просить поохотиться. Мы пристали к льдине, и я ползком подкрался. Стал прицеливаться. Заяц спрятал голову за тело. Я долго лежал на льду, у меня даже грудь заболела. Тунг кричит: "Брось это, не надо!" Я послушался и пополз к другому тюленю. Тот голову поднял, и я его убил.

Пока так охотились у берега, маленькая лодка подъехала. Вижу - приехал к нам Хэму Хороля. Мы ему сказали, чтобы взял одного зайца, ободрал и положил к себе. Потом подошли две большие лодки. Когда они подплыли, все зайцы ушли. Мы тогда убили 7 зайцев, Хэму убил шесть, а с нашим у него тоже стало семь.

Ветер стал сильнее. Показался еще заяц на льдине. Хэму сказал: "Надо его добывать. Вы счастливые, поезжайте его стрелять, а я за вами поеду". Я брату говорю: "Поди, попробуй". Он ушел, стрелял, попал в голову. Заяц упал в воду, они его гарпуном хотели достать, но заяц нырнул и вынырнул возле лодки. Кто-то хотел его веслом добить, но сломал весло, а подранок так и ушел.

Опять к льдине пристали. Я говорю: "Обходите скорее, а я пока весло поправлю". Пока поправлял весло, ветер стал сильнее. Я предложил Хэму: "Поедем к берегу". А он в ответ: "Зачем, ведь ветер стихнет. Там еще есть большие льды, туда поедem". Я засомневался, но товарищи говорят: "Можно на большую льдину к берегу ехать, ведь ветер с моря" Приехали ко льду. Хэму говорит: "Будем плавать". Товарищи стали ужин варить, а мне на душе невесело.

Легли спать. Товарищи мои уснули, а я не могу. Вдруг ветер повернул "с горы". Вал пошел через льдины - все потопило и все поломало. Всю ночь плыли мы на льдине, и лодка - с нами. К утру от льдины остался маленький кусочек. Несет нас вал сильный. Вдруг зайца увидели. Хэму кричит: "Стреляй!" Я ему отвечаю: "Какой заяц, ведь погибает!" Он вскочил, дернул ружье, заяц скрылся.

Льдину, на которой мы плыли, совсем поразбило. Якоря наши и лодка лежат на льдинке. Хэму схватился за лодку - ну сейчас погибнем, как ударит нас об лед, и лодка расколется. "Надо рубить снасти", он кричит. Я выскочил на лед и кричу: "Если и утону, то не выпущу снасти! Как без них в море? Вы тащите меня". Лед потонул, я по пояс в воде, вал через голову мне хлещет. Хэму кричит: "Утонешь!" Якоря скинули в воду, а сами - в лодки. Потом якоря подняли. Льдов нет, одна вода, валы, как горы. Хэму говорит: "Давай по

ветру пойдем". Потом Епча Худи, который на носовой гребне сидел, начало рвать. После рвоты он как пьяный был, хотел в воду соскочить, так испугался. Потом вал еще сильнее стал, какой вал пойдет, тот и в лодку. Брат Парыси все время воду отливал. На передних гребях кричат: "Ну, погибли!" Я сижу думаю. У нас снасть была саженей 30, на ней маленькая лодка, ее перевернуло вверх дном. Корму подхватило, подняло всю лодку и чуть не на нашу лодку бросило. Потом вал сзади меня как хлестнет, я чуть не съехал вперед, упал бы в воду, если бы за руль не держался. У меня в глазах потемнело. Ну, думаю - погибли. Сказал братьям: "Воду отливайте, вытащите муку, разрежьте мешок и в воду высыпьте. Они сделали - вода немного успокоилась и тем временем воду из лодки отлили.

Потом опять вал пошел. Хэму теперь кричит: "Ну, погибли!" Их совсем залило, только корма виднеется. У них была кадушка с мясом, три туши. Они ее бросили за борт. Всю добычу привязали к снастям и бросили в воду. И мы так же сделали. Лодки не так сильно стало качать - снасть с обоих боков поддерживает.

Ветер еще сильнее стал. Парыси раскис, его стало рвать. Я уговариваю, чтобы осмелели - нет, ничего не могу. Говорю им: "В двух лодках много народу, у кого-нибудь да есть счастье, куда-нибудь доплывем к берегу". Кому лучше - стали воду отливать. Ветер все сильнее и сильнее. Потом хоть плачь, и слезы не идут. Три дня нас так гнало. Пока плыли, всех шайтанов и святых поминали, но помощи не было никакой.

На третьи сутки к вечеру ветер стал стихать. Попали мы на водоворот. Валы, как чумы, стали. Через какое-то время ветер чуть-чуть стих, и тут мы ободрились. Зайцев и снасть обратно в лодку затащили и стали определять, где находимся. Кто куда показывал. Компас был, пошли по нему на гребях. Ветер попутный стал, подняли парус. До полудня шли хорошо, потом опять такой ветер поднялся, зайцев добычу нашу, снова в воду спустили. Еще пуще прежнего ветер задул. Вскоре руль у Хэму сломало, чуть не опрокинуло, кое-как поправили.

Нам попалась гагара, она хочет полететь, но вал как хлестнет и утащит в воду. Умаялась она. Ей тоже конец. Хэму что-то в воду бросил. Я спросил: "Что бросил, палку?" "Какую палку, ружье!" он кричит. И снова ветер стих. Потом легкий, ровный стал. Пить очень хотелось, воды нет в лодке. Так целый день шли парусом. К вечеру я не могу: "Спать хочу, правьте". И заснул. Вдруг слышу крик: "Берег виден!" Тихо шли парусом. Верно, берег. Спрашивают: "Вон сопка,

какая это сопка?" Я встал, вижу - сопка, но место незнакомое, хоть берег знаю от устья Тиутей до Иоркуты. Еще день шли к сопке и ночь шли. Ветер совсем стих.

Под утро пристали к берегу, но кто побежит падает в воду. Ноги ооченели. Стали греть чай. Вдруг на пяти оленях нарта. Видим - зырянин с мальчиком. По-самоедски не говорит, по-русски тоже не умеет, да и мы не знаем. Он только ответил, что святой камень Минисей тут неподалеку. Туман рассеялся. Минисей видно. Под Урал попали!

Зырянин приехал обратно, звал нас к себе в гости, накормить хотел. Но мы не можем идти, сил нет и не пошли. Через день он опять приехал, привез тушу мяса, сказал: "Гостинца привез". Мы часть мяса засолили. Объяснили ему: "Хотим жертву принести Минисею". Он ответил: "Сколько хотите дам и бесплатно". Мы просили два оленя, он привез две пешки. Принесли одну морю, другую - Минисею. Потом поплыли вдоль берега к своим чумам. Плыли две недели и остались без еды. В устье Иоркуты ничего не было поесть. Вышли на берег, наткнулись на линных гусей. Девять штук убили и поели, потом опять поехали вдоль берега. Опять сильный ветер навстречу. Об берег стало бить лодки, чуть успели выдернуть лодки на берег. Два дня сидели, гусей доедали. На третий день ветер попутный стал, и целые сутки шли парусом. Утром пришли в Юрибей. Здесь снова встречный ветер поднялся. Сутки голодом сидели, на счастье ветер снова стих.

Еще день ехали на попутном ветре к устью Ер-яхи. Встретили промышленника Еулю Сэротэтта, попросили накормить. По одному оленю дал на лодку - две важенки. Потом целый день плыли, и снова встречный ветер подул. На этом месте восемь дней нас держало. Обе туши съели, опять голодали.

Когда ветер стих, пошли на гребях. К вечеру подул попутный. Шли всю ночь на парусе, но голодом. Пришли на Марре-сале. На счастье были тут оленщики Ирику Худи, Тирче Вылка. Поели, взяли одного оленя от Ирику. Потом остановились на Марре-сале. Нам сказали: "Беда, вас много, трудно вас кормить". Но мы рассказали про нашу беду, стали просить муку, но нам ответили, что ничего нет лишнего. Кое-как выпросили один пуд муки. Тирче предложил: "Поедем на больших лодках ко льдам". Товарищи мои снова захотели, я не хотел, но поехали. Тирче сказал: "Подождите, у вас нет веревки для остроги, надо съездить на маленькой лодке". И уехал. А мы к льдине целый день гребли и видим - маленькие льдинки, как чумовище. Потом Тирче приехал и сказал: "Что

не подождали? Зачем уехали из реки, завтра снова будет ветер". Это ему русские сказали (на Марре-сале была метеостанция). Я говорю: "Русские врать не будут". И мы кинулись к берегу. Пристали к берегу, согрели чай, напились, и такой ветер ударил с горы - стоять нельзя. А лодки там, на воде. Хэму, кричит: "Опять погибли!"

Я посмотрел - мою лодку сорвало и несет. Мы с испугу сдернули маленькую лодку и на ней - за большой. Как вал хлестнул, у нас и лодка перевернулась. Я скинул малицу и пимы, нагой побежал за лодкой. Вода стала подходить под мышки, но я успел за корму схватиться. Товарищи все также шли за мной. Подтянули лодку к берегу. Все замерзли, стоять не можем, падаем. Потом еще сутки шли, пока пришли к Порнэ-сале. Когда приплыли к реке Мороды, подул попутный ветер, реку прошли на парусе и через день пришли к своим чумам".

Вот такие опасности подстерегают охотников на Карском море. Конечно, жизнь на твердой земле, "в оленях", спокойнее, но Нумеда этим своим приключением, как мне показалось, даже гордился, и все смотрели на него с сочувствием. Интересно, что Хэму Хороля, наш первый проводник от Обдорска, ни словом не обмолвился о своих приключениях на море.

21 мая. Встали поздно. Сегодня день отдыха, каслать не будем. Я занялся изготовлением футляра для часов. Каждый был занят своим делом. Вася под моим руководством составлял бюджетное описание хозяйства Макара Езынги. Макар отвечал на вопросы и с интересом рассматривал, как Вася ставит пометки в графы бюджетного бланка. Я написал информационное письмо в Ямальский тузсовет. Нумеда повез пакет богатому оленеводу Ханзеру Худи, чтобы тот уже доставил письмо по месту назначения. На прощанье я подарил Нумеде компас.

Ночью, часов в 12, приехали два молодых парня от Ханзеру и спрашивают, нельзя ли им пакет довести не до тузсовета, а передать в ближайший чум на расстояние попрыска. Я удивился, что за таким малым делом они пригнали оленей. Они объяснили, что им трудно дать человека (оленей они дают охотно), а людей у них мало. А есть около них чум Хороля, где много народу - нельзя ли оттуда взять человека? Я сказал, что пусть делают как хотят, лишь бы письмо доставили. Но они ответили, что Хороля их не слушают, нужно дать бумагу. Я спросил, знает ли кто в чуме русскую грамоту? Они ответили, что нет, никто не знает. Но

бумага нужна "для порядка". Кончился этот ночной разговор моим согласием дать бумагу, и я написал "путевку к пакету N 55" - образчик тундрового канцелярского стиля.

21 мая 1928 г. N 56

У озера Ярро-то на Ямале

Путевка

Дана настоящая путевка предъявителю пакета Ямальской экспедиции N 55 для отвозки в соседний чум богатого или среднего оленевода по направлению Ямальского туземного совета для вручения его в кратчайший срок последнему.

Нач.экспедиции Евладов.

Для убедительности к бумаге я приложил два скрещенных перышка из крыла куропатки, припечатав их круглой сургучной печатью. Документ стал выглядеть впечатляюще. Мои почтальоны, удовлетворенные, уехали.

Худи Ханзеру я знал лично еще по 1926 году, раньше он был старшиной рода. Это был умный и решительный человек, пользовавшийся большим уважением у всех оленеводов южного Ямала. Этот старик мог мне помочь разбить холодок недоверия к нашей экспедиции. Я послал ему в подарок маленький топор, а молодым парням подарил цепь для упряжки оленя и два колокольца.

Вместе с сыном Ханзеру приезжал сын богатого оленевода Хандику Худи, крепкий широколицый парень. Он приехал лечить руку, разбитую пресловутой берданкой. Во время выстрела разорвался ствол и ему вырвало порядочный кусок мяса из левой руки. Рука долго не заживала. Тихонов наложил ему повязку, дал на дорогу баночку йода для дезинфекции. Эти богатые хозяйства будут нам нужны в дальнейшем, на них, вероятно, удастся составить бюджет. К ночи метель улеглась, и мы решили утром выступить.

Утром вышли в каслание, проехали немного, верст 15-20, и остановились, чтобы дать возможность Нумеде Пуйко к нам завтра приехать и забрать несколько зимних нарт. День был теплый. Температура -1°C. Метели не было, но сохранялся ровный северо-восточный ветер. У меня распухла щека, как пояснил ветврач Колмаков - или от флюса, или от воспаления надкостницы. Ни того ни другого у меня ни разу в жизни не

было, да я и не знал разницы. Просто ждал, пока мучительная боль пройдет сама собой.

Весь следующий день стояли на дневке. В полдень приехали Нумеда и Пьянгарка Худи. Мы окончательно договорились, что они берут у меня шесть нарт и везут их на свои летние стойбища, где и оставляют вместе со своими нартами до зимы. За это я дам им немного продовольствия, чаю и табаку. Вместе с ними понаехало много незнакомых гостей. Все время нужно было что-то делать для угощения, и я беспокоился о продовольствии, так как ветеринарно-бактериологический отряд отказался разделить с нами тяжкую ношу гостеприимства.

Из чума Хандику Худи, богатого оленевода, одного из "тузов тундры", приехали его жена, пожилая крупная женщина, два сына и дочь, чтобы с нами "торговать". Они предложили белую пешку за два колокольчика. Один особенно нужен был для дочери, так как она невеста и ей положено было иметь колокольчик на своей нарте. Я сказал ей, что белую пешку мне не нужно, и подарил колокольчик.

Другой приезжий, в новой малице, желал табаку и предлагал черную пешку за два фунта табаку. Я спросил его, где он кочует, в надежде встретить его летом или осенью и использовать для составления бюджетов. У него 600-700 оленей. Я сказал, что не продаю табак, его у меня мало, пешку мне не надо, а я ему все-таки дарю пачку табаку. Он взял и ушел. Через некоторое время пришел и говорит: "Если ты мне даришь, то разве от меня не примешь подарка "саво сюньзе" (с чистым сердцем). Олени у меня есть, что значит одна пешка - возьми, не обижай". Я взял пешку в расчете сдать ее на фабрику для компенсации угощения оленеводов, что не было предусмотрено бюджетом экспедиции.

Здесь же при разговоре оказался бедняк, имеющий 100-120 оленей. И он приехал за табаком и тоже привез пешку. Что делать? Богатому дал - бедному отказать? Нельзя. Я сказал, что даю табак только потому, что он бедный и взять ему негде, даю из последнего запаса, и дал ему пачку табаку, а также цепь для привязки крестоватиков,¹ два колокольчика и топор. Он очень сокрушался, когда я не взял его пешку зачем гнушаюсь его подарком от чистого сердца. "Если возьмешь значит, не сердись", говорил он. Пришлось всех напоить чаем с хлебом и маслом.

---

¹ Крестоватик песцовые щенки в возрасте полутора-двух месяцев.

24 мая каслали. Прошли 15 верст и встали против речки Сохон-сё. Дул сильный северо-восточный ветер, поднялась метель. Впервые, чтобы развлечься, сели играть в преферанс. Во время пульки неожиданно приехали братья Нумеда и Пуйко Парыси. А вскоре к нам пожаловал и сам старик Хандику Худи с сыном Степаном. Я прекратил игру и пошел встретить. Надо было угостить их хорошенько, так как это один из влиятельнейших людей тундры, как и Ханзеру Худи, Нярья Хороля, Сэротэтта Еремзи. Других я пока не знал. Мне нужно было заручиться их дружбой, чтобы вследствие своего влияния они не могли испортить мне всю работу экспедиции. Поэтому я окружил старика некоторым почетом. Он немного пожурил меня за то, что я не приехал к нему сам, что он сегодня целый день ждал, приготовил хорошего осетра и нельму для подарка, а я не приехал. Он сказал:

- Я старик, но счел необходимым повидаться с тобой и вот приехал. Хотя я старше тебя годами, но ты старше меня положением, и я должен был приехать к тебе.

Я ответил:

Нет, не так. Вы здесь в тундре хозяева, а мы - ваши гости, и значит, я тоже должен был приехать к тебе. Но если ты на меня не в обиде, то я тем более стану ценить твое внимание ко мне и ко всей экспедиции...

И еще много любезностей мы сказали друг другу. Когда закончился первый разговор, старик заметил, что у них, у ненцев, такой порядок: сначала пьют чай и угощают, а потом уж говорят о деле. После чая он долго объяснял мне запутанное судебное дело с Вануйто Ямпо, я записывал. В добром настроении старик уехал домой, взяв с меня слово, что при первой возможности я приеду к нему в гости летом или зимой. Я ему сказал, что если кто-то из моих помощников приедет - пусть он принимает их как меня.

25 мая. С утра хотели каслать, но метель мешала, хотя барометр шел вверх, и можно было ожидать хорошей погоды. Днем я решил собрать "техническое совещание", всех членов экспедиции в полном составе. На обсуждение был поставлен мой проект дальнейшего движения отряда. В основе его лежало мое не унимавшееся беспокойство и опасение, что мы не достигнем Белого острова. Я предложил двигаться как можно быстрее к озеру Сохон-то и далее к большим озерам Ней-то и поставил ближайшей целью пересечь впадающую в Ней-то реку Се-яха по льду. От этого места, как я предполагал, группа в три человека (скорее всего Спицин, Королев и я) выедет к реке Мороды, чтобы застать начало морского

охотничьего промысла. Эта группа должна будет пройти по карскому берегу от устья Мороды через Шараповы кошки до устья Харасовой. База экспедиции - грузы и оленстадо - будет медленно двигаться к реке Тиутей. Там обе группы соединятся. Этот отрезок маршрута мог бы занять от трех недель до одного месяца. Соединившись предположительно в начале июля, мы затем должны будем вновь разделиться на три группы: начальник экспедиции выедет к острову Белому, охотовед Спицин будет работать в районе наибольшего скопления песцовых нор. Ветеринарно-бактериологический отряд и с ним наш зоотехник Королев будут работать либо в стадах, либо на старых "падежных" местах, собирая пробы грунта, растительности и мелких животных для определения наличия бациллы сибирской язвы.

Этот проект без возражений был одобрен. Предложили только перестать каслать по ночам, так как люди засыпали на нартах и случайно давили оленей. Так и решили.

С утра предстоял большой переход, я залег спать в палатке, тут же примостился и Николай Николаевич Спицин. Остальные ушли на охоту. Встали в 5 утра и к 8 часам выступили в направлении Юрибея. Часа два шли "на рысях", въехали в широкую долину реки, где был лишь рыхлый снег и кусты. Пошли шагом. Я оглядывал местность в бинокль, увидел лишь стаю уток, штук 30, и несколько гусей.

День был теплый, хотя дул северо-восточный ветер и нес снег, который быстро превращался в воду. Пересекли Юрибей при слиянии его с притоком Сохон-сё и встали на отдых. Переночевали и, встав в 6 утра, к 10 дня начали каслание. Вечером сделали передышку у речки Халтакун-сё и снова шли до поздней ночи. Было темно, шел снег и быстро таял. Кругом ходили синие тучи, и я опасался дождя. Весь день нас обгоняли гуси парами и тройками. В пути Каргопольцев подстрелил семь куропаток на ужин.

29-30 мая стояли из-за сильного северного ветра. Лучше было побережь оленей, так как при таком встречном ветре каждая нарта имела бы полутонный груз. 31 мая от нас отделился Макар Езынги. Дальше с нами обещал идти Парыси Пуйко. Мы встали рано, долго ловили, отделяли оленей Макара и хорошо с ним попрощались.

Вышли каслать к середине дня и сразу же выехали на лед озера Сохон-то. Огромное озеро, вытянутое с северо-запада на юго-восток в длину верст на 15 и в ширину на 8-10. Весь следующий день тоже шли лишь с небольшими остановками для отдыха. Погода была весьма оригинальная солнце

боролось с тучами: то ярко светило, то вдруг среди ясного неба поднималась метель, набегали облака со снегом, но через полчаса все проходило, и опять мирно светило солнце.

2 июня встали на дневку. Сразу приехало много гостей, среди них наши друзья Пьянгарка и Нумеда. Напоили их чаем. Пьянгарка стал говорить, нельзя ли им наши зимние нарты поставить немного правее его маршрута. Мне это показалось странным, и я сказал, что надо поставить, где договорились. Он не стал возражать.

Пока мы разговаривали, за палаткой послышалась стрельба из винтовки. Мы выскочили из палатки. Оказалось, это Нумеда проверял прицел. Подошел Филиппов и показал доску с черным кружком пулевой пробоины. Он объяснил, что это Нумеда попал с 60 шагов после исправления прицела. Я заинтересовался этим. Нумеда сидел перед нартой, на которую была положена винтовка, и смотрел в ствол без затвора одним глазом, как бы целясь в далеко стоящий ящик. Потом вложил затвор, выстрелил и... попал. Хорошо было видно, что он целился не в ящик, а мимо него на значительное расстояние.

Я дал ему телескопическую винтовку, которая была не пристреляна. Он сказал, что прицел "совсем вбок", но исправлять ее он не может, но все же немного поправил прицел, и его пристрелочный выстрел достиг цели.

На следующий день снялись и два дня были в непрерывном движении. Догнали Яунгада Хадампи с нашими нартами и предложили ему соединиться с нами, но он отказался под предлогом нашей слишком быстрой езды. Сказал, что отстанет. Я попросил Максима Ядопчава поточнее разведать причины его нежелания быть с нами. Максим сказал мне потом, что слышал разговор Хадампи с другими ненцами, где он говорил, что побаивается "жителей тиутейской стороны". Они его спросят, зачем привел русских сюда, тем более там не его "вотчина". Это ли истинная причина или что-то другое - осталось невыясненным. Я думал с некоторой досадой, что так вот и пройдем Ямал, оставаясь "чужими и опасными" для ненцев людьми. Когда же наконец они успокоятся и проникнутся к нам доверием?

7 июля подошли к берегу Ней-то. Это знаменитые озера, лежащие на историческом пути новгородских "ушкуйников" в Таз и Мангазею. Здесь на озере еще никаких признаков весны не было заметно. Забереги не появились. Дул все тот же резкий северо-восточный ветер, "хальмермин", как его называют ненцы. Вдоль берега было много песчаных столбиков и ямок - результат выветривания песка на холмах и высоких

берегах. Издали казалось, что это ходят люди и олени, а вблизи местность дышала безлюдьем.

Постояли на западном берегу озера Ней-то и вышли в полночь. Двигались по льду, берег был весьма крут, до 40-50 метров высоты, изрезанный весенними ручьями и часто прерываемый неширокими долинами. К северу местность постепенно понижалась и переходила в широкую лайд¹, по которой текла река Ней-те-сё-яха в Карское море. Северный берег был также горист и понижался к востоку. Где-то там, на горизонте, видно было горло второго озера Ней-то. Метрах в 150-200 от берега образовались торосы, как на взморье. Это чем-то напоминало Карское море.

Подъезжая к противоположному берегу, за устьем реки Се-яхи, опять пересекли вал торосов. На берег выезжали по глубокому тесному ущелью, над которым нависли наметы снега, грозя оборваться и мощной лавиной засыпать нас. Мы стали подниматься по широкой долине. Здесь-то и начинается собственно "Ямал", в местном значении этого слова. Сразу бросилась в глаза равнинная тундра. Мы поставили палатку на песке, а чум - на снегу.

Еще на подходе к озерам нам попался бедняк-оленовод Хасовоку (Василий) Окатэтта. Ему было с нами по пути еще несколько переходов, и он согласился быть у нас проводником. С ним и Ядопчевым я выехал на разведку местности - нет ли поблизости чумов. Оказалось, есть. Мы подъехали, в чуме все спали. Нарт вокруг было мало значит, бедное хозяйство, определил я. "В чуме только две женщины", уточнил Хасовоку и, показал на женские нарты. Чум принадлежал старику Тусида Лату. Хозяин оказался дома, он сразу же послал подростка-внука за старшим сыном, который был "в оленях". Скоро он пришел, и мы быстро договорились о том, чтобы оставить несколько наших нарт под их присмотром.

Тусида Лату имел всего 100 оленей, тут он живет все лето, неводит рыбу в реке и озере, продает оленеводам. За лето он добывает до 20 нарт рыбы. Живет он бедно, в чуме не было не только хлеба, масла и сахару, но и чаю. Сразу же в первые минуты встречи после незначительной беседы старик сказал:

- Как теперь буду?

- А что? - не понял я.

- Нисколько чаю нет в чуме, а чайник надо греть, ты ведь обидишься.

---

¹ Лайда - речная долина.

Если ты бедный, то как могу обидеться! Разве ты виноват, что ты бедный?

- У нас так нельзя, чтобы без угощения отпустить.

- Не бойся, я сердца на тебя не держу. Ты вот приезжай ко мне в чум, я тебя чаем угощу и дам тебе сколько-нибудь с собой.

Таковы обычаи гостеприимства в тундре. Сын старика Лату проводил нас в наш лагерь. Тут уж мы сели за еду и чай. Попили-поели и выехали в чум богатого оленевода Нябы Хороля.

Нябы - хмурый седой старик. Он загонял оленей в круг, когда мы подъехали. Выбрал три оленя и запряг в нарту. Я спросил: "Зачем нарта?" Он ответил: "Тебя проводить". Потом пригласил в чум к чаю. Подали сырые ребра жирного оленя. Я съел несколько кусков и оставил это кушанье, сказав "мась" (хватит). По знаку старика мне тут же подали два огромных куска мяса, сваренного специально для меня. Хасовоку, видимо, пользуясь моим покровительством, тут же спросил у Нябы себе оленя на мясо. Тот ответил, что, мол, возьми, я уже привязал для тебя. Я был поражен такой предусмотрительностью хозяина.

Нябы Хороля имеет до 2000 оленей, хозяйство его в двух чумах. "Крупный скот" - быки и яловые важенки с ним, а "мелкий скот" - стельные важенки с телятами неподалеку отсюда в другом стаде, где хозяином старший сын. Отел в его стаде уже закончился. Весна, по его словам, была очень тяжела. Два сильных бурана унесли много пешек. Я договорился с Нябы о проводнике и уехал к себе.

Вечером мы опять устроили совещание. Я выделил Каргопольцева с Васей для ускоренного движения вперед, к берегу Карского моря. Дал им сводную программу работ на карском берегу и указание двигаться на север вдоль берега от чума к чуму, километров 150, ориентируясь на месячный срок работы. Я предполагал, что к этому времени тундра растает и летним путем, после определения фронта работ Спицину и Королеву, я сам выступлю к Белому острову, ориентируясь по времени к приходу в пролив Малыгина гидрографических пароходов Убеко Сибири и Севера. По пути я предполагал встретиться с Каргопольцевым и Васей, посмотреть их работу, дать новые указания. Это было уже третье наше "техническое совещание", на котором мы меняли маршрут движения и планы работ.

Иван Васильевич и Вася выехали в ночь с проводником, посланным от Нябы Хороля.

10 июня, выпавшись и отдохнув, мы принялись собирать 10 нарт с продовольствием и багажом для сдачи их на хранение Тусида Лату. Старик и его жена приехали к нам в гости. Тут были и другие оленеводы. Вообще, гостей в нашем стане стало даже излишне много. Сколько у нас на них шло продовольствия уму непостижимо! "Когда все продукты съедем, перейдем на оленьё мясо, будем сами ездить в гости на обед", - думал я.

В ночь вышли каслать. Перед самым выездом к нам подъехали две нарты. С удивлением я узнал, что приехал богатый оленевод Мыйти Окатэтта с работником. Вообще Мыйти широко известен на Ямале. Прозвище у него "Пойед" (Чугунная голова). Это бывший старшина рода Окатэтта, самого большого ненецкого рода на Ямале. О нем писал Б.М.Житков в своей книге.

Мы спешили, и я сказал Мыйти: "Сейчас мы каслаем поедешь с нами, там будешь наш гость". "Трэм саво", ответил он и, заметив острым глазом какую-то неисправность в постромках моей упряжки, поправил ремни. Мы с ним отделились от обоза и поехали вперед, пролагая путь. Я подарил Мыйти пачку папирос, и в пути он часто останавливался, чтобы закурить. К этому времени поспевали и наши аннасы.

Выехали на берег Япта-яхи, приток Се-яхи. Дорога местами была очень трудна, на озерах уже появились забереги. Солнце сияло, летало много гусей. По приезде на место мы начали чаевать и разговаривать с Мыйти. Он рассказывал, что раньше, когда кто-то приезжал на Ямал, он, Мыйти Окатэтта, гостил у них, сам их встречал в чуме радушно. "Теперь приехали вы, "красные начальники", и я приехал на вас посмотреть, спросить, зачем едете", - объяснил он. Я стал расспрашивать его, что думают о нас здешние жители, оленеводы. Он отвечал неопределенно, уклончиво. Я угостил его чаркой, но, видимо, мало дал. Мыйти продолжал твердить, что ходят о нас разные слухи, но не сказал какие.

Потом он стал показывать мне бумаги от Житкова, но ошибся и дал другую. Я прочел примерно следующее.

Бланк: Канцелярия Её Императорского Величества, государыни императрицы Марии Федоровны, дата 1915 год, адрес - самоеду Обдорской волости Мыйти Окатэтта. По распоряжению Тобольского губернатора сообщаем Вам, что управляющий делами Е.И.В. довел до его сведения, что на докладе его сиятельства и т.д. о пожертвовании самоедами Ямала 500 рублей на нужды войны, из которых 100 рублей пожертвовали Вы лично, Е.И.В. собственной рукой написано: "Сердечно

благодарю", о чем сообщаю Вам для Вашего сведения с просьбой передать всем самоедам. Доставил пристав Обдорского NN стана Тарасов.

Бумага эта меня удивила не только тем, что и ямальские ненцы оказались втянутыми в империалистическую войну за Веру, Царя и Отечество, о которых они почти ничего не знали, но также и тем, что царицыно "Сердечно благодарю" проделало такой большой путь от Петрограда до Ямала и ездит теперь под малицей кочевника.

Я сказал Мыйти, что это не та бумага, которую он хотел мне показать, и что напрасно жертвовали на войну, так как на эти деньги сделали большую пушку, и она убила много народу. Он посмотрел недоверчиво и спрятал бумаги под малицей на груди.

12 июня. Опять каслаем. Подошли к реке Параугы-яха, приток Томбой-яхи. Над рекой стояла радуга из тумана. В этом месте я убил из ружья гуся неизвестной мне породы. Наш проводник Хасовоку назвал его "нгырмыты". Спицин по определителю Силантьева установил, что это гага-гребенушка морская. Я вспомнил, что такой же пух видел в витрине одного из магазинов Московского пассажа с надписью "гагачий пух". По словам Хасовоку, этот гусь не улетает на юг, а остается на зиму в полыньях Карского моря. Весной, когда летит гуменник - "япта", гребенушки тоже летят на берег и здесь выводят гусенят. Когда самка садится на яйца, самец улетает от нее совсем. Этот гусь не линяет, как гагара. По наблюдениям ненцев, этот гусь отличается от остальных большим стремлением к спариванию, чем и пользуются тундровики. Они делают на голом месте кочку, похожую на самку, обставляют ее петлями и спицами. В них самцы "нгырмыты", как мне сказали ненцы, "попадают грудями". Летом эти гуси исчезают из тундры совсем, их можно увидеть лишь весной.

Перейдя Параугы-яху, мы вышли к трем чумам Табкоче Окатэтта. Этот Табкоче уже много помогал нам. Он провожал Каргопольцева и дал ему своих оленей. Сейчас он отправляет гонца с моей бумагой, в которой я прошу стоящего севернее нас оленевода Илико Окатэтта выделить мне человека в проводники до реки Тиутей. За это я подарил Табкоче "тиску" - берестяную покрышку для чума, узнав, что он в ней нуждается. Табкоче был очень удивлен, так как здесь за нее платят оленя, и это щедрый подарок. Но я был благодарен ему за помощь и не жалел.

Мы опять в пути. Немного похолодало, снег стал крепче, но оленя держит лишь на толстых пластах. Туман сильно поредел. Внешне же все выглядело почти по-зимнему. Сколько хватает глаз вокруг ровная снежная поверхность, только далеко на горизонте чернела полоска оголенной земли на "хребте". Зимнее впечатление усиливал сильный ветер балла на четыре, который заставлял дрожать от холода и вызывал реплики вроде: "Вот так июнь!" И все же это не зима. Под снегом все растаяло, олени проваливались в воду, в одном месте нарты шли до половины копыльев в воде.

Как-то в пути я заметил, что встречный северный ветер пропал, он сделался "южным". Я взглянул на компас и остановил аннасы. Оказалось, мы ехали на юг. Проводник сбился с пути. Я стал разъяснять ему, что мы проехали "крюком" и должны пересечь свой след, но он не верил. Проехали снова через реку Томбой-яха и через полчаса пересекли свой след. Я был очень доволен, что след нашли скоро, значит, мы сделали не особенно большую петлю. Проводник хлопал себя по бедрам и приговаривал: "Мань хэлесь сертад" (я крендель сделал). Он сказал, что, мол, "придется помирать нынче, если случится опять такая ошибка".

Дальше мы двигались без особых приключений, если не считать, что выпрягли трех уставших оленей, не останавливая движения обоза. Такое уже приходилось делать не раз - олени тянулись из последних сил, плечи их были сбиты, сами они истомлены и истощены. Это был третий день непрерывного каслания. Но долго стоять на месте я опасался. В любой солнечный день могла вскрыться большая река Налду-яха и отрезать нас от Тиутей. На четвертый день утром мы встали на стоянку у Мэлова-яхи, притока речки Наду, и усталые проспали до вечера. Потом топили пёчку, замеряли температуру воздуха, снега, почвы, наблюдали до полуночи за пролетом гусей.

На Ямале наступили "белые ночи". Солнце уже довольно заметно светило сквозь туман. Низкая тундра приняла фантастический вид. По моим представлениям таков мир и природа финских и норвежских былин. Ягель был здесь довольно хороший, олени кормились кучно, не расходясь. Вообще я отметил, что от Нейтинских озер ягель стал лучше, и не было такой безнадежной пустоты, как к югу от озер.

15 июня. Туманное утро. Я надел малицу и вышел с ружьем побродить по окрестностям. Гусей не было видно, куропатки все куда-то исчезли. Лемминга я еще ни одного не

видел, а вот Житков пишет, что в это же время в этих местах лемминга было так много, что он бросался на сапоги и кусал их. Ненцы предсказывают в этом году плохой промысел песка.

Я залег на пригорке на мерзлом песке в ложбинке. Передо мной лежала долина Мэлова-яхи, и видна была вершина ее коротенького притока. Долина была занесена снегом, только возвышенные берега чернели голой землей. Утренний туман исчез и унес с собой сияющую радугу. Пара любопытствующих гусей поднялась с противоположного берега и неловко налетела на меня из-под солнца. Я выстрелил, но промахнулся. После уж ничего не было. Только жаворонки щебетали, напоминая, что где-то сейчас зной, купание, курортный сезон. В деревне уже начинается сенокос, поспевают земляника. А здесь еще лета и не видно. Вероятно, какой-то особой весны и не будет, а сразу пройдет большой дождь, реки вскроются, источат последний снег, и начнется сразу после зимы лето...

Лежа в мерзлой песчаной ямке, в заполярной тундре, странно было мне думать, что в наших лесах сейчас травы по пояс, одуряющий запах молодого лета, дачный сезон, поездки в лес, на природу после трудовой недели. Здесь же безбрежные безжизненные пространства, зверя добыть трудно, птица пока еще не летит, и что будет - неизвестно.

Только здесь видно, какую тяжелую жизнь ведут ненцы. Вот хозяйство Нябы Хороя этого хмурого седого старика, лицо которого изрезано глубокими морщинами, обвеяно суровыми ветрами. Он имеет 2000 оленей. По скромной оценке это капитал в 40 тысяч рублей. Одних процентов по текущему счету он мог бы иметь до 3000 тысяч рублей в год, то есть по 250 рублей в месяц. Этого хватило бы, чтобы жить в Крыму, в собственной даче. А между тем он здесь ежеминутно рискует своим "капиталом", и ничто его не заставит изменить эту жизнь...

Вдали я заметил темные фигурки людей на снегу. Посмотрел в бинокль. Это Колмаков с Королевым возвращались с охоты. Тоже пустые. Я побрел в лагерь. Обычные дела и заботы - занялся сортировкой негативов, выдал продовольствие пастухам для приготовления обеда. Днем приехали ненцы в гости. Я долго беседовал с ними о местности, которую проезжаем. Они начертили целую карту. Днем выпалились и после вечерних сборов до полуночи выступили в путь.

Тяжела весенняя дорога! После жаркого дня к вечеру не подморозило, шли тяжело по размокшему снегу. Олени часто проваливались по брюхо и тащили груз с налившимися кровью

глазами. За 7 часов пути прошли лишь 12 верст. Заметно меньше, чем я рассчитывал. Стали на стоянку. Слева от нас оказался чум Ензеда Окатэтта. Я послал к нему Филиппова. Он уехал, а я через некоторое время заметил приближающуюся упряжку и с удивлением узнал... Ивана Васильевича Каргопольцева! Я-то считал, что он уже на побережье моря?! Что-то случилось. Иван стал рассказывать, и я понял, что их прокатали по разным чумам, незаметно в сильный туман повернули назад и привезли к нашей палатке. Вот так история?!

Каргопольцев рассказал, что ненцы с большим подозрением и опаской относятся к нашему старшему пастуху Филиппову. Оказывается, он участвовал в реквизициях оленей на Ямале во время белозерского мятежа 1921-1922 гг. в Западной Сибири. "Идет Тарас-Федька (прозвище Филиппова) со старым начальником, - говорили ненцы, который отбирал оленей в 1922 году. И есть у них "Черная папка" - значит, война будет, пришли к нам на Ямал отбирать оленей". Это меня насторожило. О том, что Филиппов участвовал в реквизициях оленей, я, вообще-то, знал, но в Обдорске меня убедили, что это даже хорошо для нас - будут уважать! Вот так уважение! Оказалось, наоборот боятся. А "Черная папка" была общая тетрадь в коленкоровом переплете, которую я дал Васе Терентьеву для записей. Каргопольцев рассказал, что ненцы с ним совсем не разговаривали, не давали даже уснуть в чуме, а спешили от него избавиться и торопились в другой чум. Поговорить хорошо с ненцами о цели нашего приезда и рассеять их сомнения ему не удалось.

С Каргопольцевым приехали два крупных оленевода Ензеда Окатэтта и Тилянг Окатэтта. Я угостил их, решив перейти после к агитации. За чаем мы начали разговор. Его открыл сам Ензеда, имеющий до 3000 оленей, таким заявлением:

- Я, конечно, человек плохой, потому что у меня олени есть. Я богатый.

- Почему так говоришь? Богатые не все плохие и бедные не все хорошие. У всякого есть свои беды в жизни, а у богатого больше всех, - заметил я.

- Какие беды? - заинтересовался Ензеда.

- У бедных одна беда - оленей нет. У богатого много бед - весна плохая, бураны много пешек морозят, волк оленей грызет, а придет худой год - все олени пропадут.

- Это правильно, - согласился он.

Я, не дав ему опомниться, продолжал:

"Большой выборный начальник", который послал нас, велел нам посмотреть, как живет твой народ, какие беды у вас есть, и у бедных и у богатых, чтобы потом помогать.

И опять пошла речь о кредитах, факториях, о страховании оленей. Тилянг тоже слушал внимательно. Я говорил, стараясь у них вызвать реплики одобрения, вроде "Трэм саво" или "Тар-че" (правильно). В то же время старался не красноречивать и держаться в пределах действительных экономических перспектив, чтобы через 3-5 лет они увидели осуществление моих слов. Потом речь пошла о туземных выборных советах, через которые большой начальник будет советоваться обо всем с оленеводами. Я говорил, что нужно выбирать туда только хороших, честных людей, тех, у кого "разум прямо стоит", независимо от того, бедный он или богатый.

Ензеда и Тилянг слушали внимательно. В заключение беседы я стал просить у них совета, как лучше каслать, где и как летовать. И, наконец, для пробы действия агитации попросил у них пустых нарт на время, штук 10, зная, что столько они дать не могут. Тилянг сразу согласился дать четыре, а Ензеда сначала обещал дать две, потом стал спрашивать, надолго ли, и после согласился дать лишь до следующего чума. Я сказал, что если ему трудно дать, то не надо вовсе. Он стал оправдываться. Мы договорились с ним встретиться на следующем каслании.

16 июня. Каслаем под предводительством самого Ензеды Окатэтта. Снега мало, бредем уже шесть часов по воде и земле. Снег еще есть в долинах рек, он еще держит оленей, но реки уже вскрылись, и мы переходим их в самых вершинах. Сделали по "хребту" хороший маршрут, пройдя верст 20. На стоянке Ензеда остался с нами, не поехал в свой чум, оставив хозяйство на попечение работника. Он стал рассказывать нам, что этот "хребет", та часть, по которой мы идем, принадлежит ему и получена от матери. На этом "хребте" он вырос, и тут его вотчина. Разговор о вотчинах был кстати. Мы ведь специально собирали сведения о поземельных отношениях в тундре, старых и новых обычаях, законах. Ензеда обратился ко мне с такими словами:

- Я давно хочу тебя спросить. Зачем Тилянг приходит на мою землю? Его земля далеко, у Юрибея, можно ли ему запретить?

- Сейчас такого закона нет, - ответил я и спросил в свою очередь, желает ли он разделить всю землю Ямала по оленеводам?

- Да, - ответил он, - надо по-старому. Ензеда рассказал, что раньше, "по-старому", каждый род имел свои определенные земли, границы между которыми не были жесткими, менялись время от времени, а внутри родовых территорий каждый хозяин, крупный или мелкий оленевод, имел свою наследственную территорию - вотчину.

- А как же бедняк, где он тогда будет пасти своих оленей? - заинтересовался я.

- Везде, - ответил Ензеда, - разве я могу запретить пасти и промыслять на моей земле. Я сильный, куда хочу, туда и пойду, а бедный идет туда, куда "терпят" его олени. Пусть бедные ходят везде, где пожелают.

Характерно, что то же самое говорил о ягелеустройстве Мыйти Окатэтта. Он тоже считал себя не вправе запрещать кому-либо пасти оленей на "своей земле". Зачем же тогда вотчина? Я стал думать, что в основе вотчинного права у ненцев Ямала лежат какие-то экономические отношения вне потребностей оленеводства, может быть, права на охотничьи территории. Впоследствии это подтвердилось.

В конце нашего разговора приехал работник Ензеды. Хозяин что-то сказал ему вполголоса. Вася Терентьев, сидевший рядом, слышал фразу и перевел мне слова Ензеды после их отъезда. Он сказал так: "Нарьяна ерво (красный начальник) хороший человек, все говорит правильно и вижу - делает так, как говорит". В душе я был благодарен Ензедке за эти слова.

Следующий день простояли без движения из-за сильного дождя и тумана. Потеплело. Появилось много мышей и леммингов. До сих пор мы их не видели. На следующий день вышли в каслание в 5 утра, когда, как по заказу, нагрянул легкий морозец. Было ясное утро, тянул слабый северный ветер, нарты шли легко, не проваливаясь. Одно озеро прошли по верховому льду. Полная иллюзия зимы, наши охают и клянут тундровое лето. Ензеда говорит, что бывает все лето такая погода, то есть и в июле. Травка немного вылезет, а в августе уже заморозки, а в сентябре - зима...

В пути Ензеда показал на кучу оленьих рогов впереди одно из многочисленных "святых мест" на хребте. Я попросил подвезти меня к нему, чтобы сфотографировать. Ензеда не возражал, только сказал, что подведет обоз с той стороны, "откуда женщинам можно приезжать", и подъехал с южной стороны. Куча оленьих рогов была в два человеческих роста и в ширину до двух метров. Пар до 200 рогов было собрано здесь, причем видны были жертвенные рога с черепом, а

также спиленные и павшие рога. Место это охраняет Мыйти Окатэтта, он приносит здесь жертвы.

Кому-то из моих спутников понравилась белая кость из груды рогов, я спросил - можно ли ее взять? Ензеда сказал: "Нет". Мы не взяли. Здесь кончалась земля Ензеда и начиналась вотчина Гапти Окатэтта.

На следующий день мы проехали еще верст 5 и неожиданно встретили чум Тилянга. Его появление на этом месте и с чумом озадачило Ензеду. Чум Тилянга стоял на "хребте" в узком проходе между вершинами двух рек Тиутей и Нюрчеда-яха, стекавших по обе стороны Ямала: первая в Карское море, а вторая в Обскую губу. Так как эти вершины рек находились буквально на расстоянии 2-3 верст, то чум Тилянга просто-напросто закрыл нам дорогу. Ензеда готовил нам это место для продолжительной стоянки. А теперь он сам стоял на нарте, смотрел вперед и бил себя руками по бедрам.

Я подумал было, что Тилянг нарочно тут расположился, чтобы не дать нам пройти или как-то затруднить движение. Но тут подъехал работник Тилянга и сообщил, что его хозяин нарочно подкочевал поближе, тревожась, что мы не дойдем до него. Я решил не останавливаться и обойти Тилянга. С Ензедой и Филипповым мы поехали смотреть реку можно ли переправиться. Река оказалась в долине с отлогими берегами, снег тут хорошо держал оленей. Сама река имела вид вскрывшихся небольших озер, соединившихся ручьем 2-3-метровой ширины. "Озера" были глубоки, а в "ручье" ложе было изо льда. Ензеда опасался, что лед не выдержит оленей и тогда будет беда олени перетонут, передуются, постромки порвутся. Я же решил, что можно ехать, и Филиппов меня поддержал. И действительно, переправились мы благополучно, миновали чум Тилянга, который сам подъехал к нам в момент переправы и помогал нам.

За рекой "хозяин хребта" Ензеда Окатэтта сказал, что покидает нас и передает Тилянгу. Надо было Ензеду угостить. После чарки он размяк, развеселился и из сурового и хмурого тундровика сделался добродушнейшим разговорчивым гражданином советской республики. Он сказал мне много комплиментов, на что я тоже, понятно, в долгу не остался. Потом Ензеда дополнил мне схему течения реки Тиутей, начертив ее контур ножом на снегу, и указал на большое "священное место" на Хандо-яхе, притоке реки Харасовой; зная, что я этим интересуюсь. Потом сказал:

- Вижу, что ты говоришь правильно, ничего не трогаете и делаете хорошо. Поедете на Ямал, там у нас есть "самый

большой начальник", Бог Сэру Ирику на Белом острове. И там ничего не потрешь.

Я успокоил его:

- Ты нас знаешь, Ензеда, видел, что мы ничего не берем. Может быть, там есть дорогие меха - черная лисица, голубые песцы - я ничего не возьму и другим русским скажу, чтобы не тронули, если придут туда.

- Трэм саво, - ответил он.

Далее он стал объяснять, что Сэру Ирику стоит на Белом острове прямо напротив святилища Яумал-хэ, которое расположено на материке. Охраняют Сэру Ирику три ненца из рода Ямал Сэйко, Наречи и Ненза. Наречи Ямал родственник Ензеда, и он сам проводит нас "к старику". Там надо поклониться Белому дедушке и дать ему "ябе-и" - "огненной воды". Мы обещали. К вечеру он уехал.

На следующий день встали рано. Дул сильный северный ветер. В палатке было холодно. Мерзли руки. Пошел дождь и продолжался весь день. Решили не кочевать. Вечером приехали Тилянг с матерью и двумя братьями. Я стал расспрашивать их о жизни. Оказалось, мать главная в семье и хозяйстве, а сыновья, которым 45, 35 и 15 лет, беспрекословно ее слушают. Старуха рассказала, что когда ее старший сын был еще маленьким, они жили бедно, было у них лишь 40 оленей, запрягали пешек-оленят в нарты, а сами шагали пешком. Потом хозяин стал больше добывать песка и рыбы, промыслы были счастливые, болезни их обходили стороной. Так и поднялись до 2000 голов, что есть сейчас.

Нам нужны были для зоологической коллекции рога хора - нехолощенного самца-оленя, и я попросил. Они сказали, что им жалко резать молодые рога, они привезут нам хора живьем, пусть мы обрежем рога сами и возьмем себе мясо на еду. Угостившись, все в добром здравии уехали.

Весь следующий день сушились, потом поехали в чум Тилянга за хором. В чуме я увидел хороший охотничий лук младшего брата Тилянга. Он показал мне стрелу, которой бьет линных гусей на расстоянии 20 ручных сажен. Меткость боя весьма высока, судя по тому, что он берет на охоту всего две стрелы. "Если одна пойдет худо, то другая - прямо на гуся", - сказал охотник. Все в этих местах, оказывается, бьют линных гусей луками. Считается, что если бить их ружьем, то на этом месте на следующий год они линять не будут. Точно так же, если хоть одному гусю попасть в ногу - на следующий год они на это место не придут. Бьют их стрелой всегда в голову или в шею, если стрела попадет в бок, то гусь все равно не уходит.

На 15 сажен хороший стрелок легко попадает в кольцо вершкового диаметра.¹ Я взял с брата Тилянга слово, что он продаст мне свой лук зимой. К вечеру мы уехали, нужно еще было подготовиться к завтрашнему касланию.

22 июня. Выехали в первое летнее каслание с полным грузом. Наша цель - выйти к реке Тиутей, а если удастся, то и переправиться. Долго ждали проводника от Тилянга, и лишь к середине дня приехал он сам со своим работником Перра Наречи. Они привезли с собой лодку. Тилянг пояснил, что при переправе через опасную реку лучше иметь две лодки.

Впервые мы изменили привычное северное направление на юго-западное и после 8 часов пути вышли в долину реки Тиутей. Тут сразу мы увидели гусей и куропаток, которых совсем не было на безжизненном хребте. К самой реке мы подошли уже ночью и решили не спешить с переправой. Ночевали. Утром я с Филипповым выехал в чум Тилянга. За чаем опять завел с ним интересующий меня разговор о вотчинном владении землей. Тилянг сначала сказал, что он на "своей земле", но потом признался, что его земля далеко, на Юрибее, "но он давно здесь ходит" и поэтому имеет какие-то права здесь жить. Тилянг вообще хотел как-то уйти от разговора о его правах на землю, но я простыми вопросами заставлял его сохранять интерес к этой теме до более "трудных вопросов". К таким вопросам относились взаимоотношения с Ензедой Окатэтта, с приходящими на его земли бедняцкими хозяйствами; мнение о наилучшем порядке землеустройства и ягелеустройства на Ямале.

О "хозяине" Ензедо - он сказал так: "Он живет сам по себе, я сам по себе. Места тут хватает, и я всегда здесь хожу, значит, это моя земля". По второму вопросу, о порядке ягелеустройства, он ответил: "У нас есть выборные, зачем меня спрашиваешь, я не знаю". Но потом слово в слово сказал, как и Мыйти с Ензедой, что надо землю разделить между богатыми оленеводами, а бедным разрешить промышлять и пасти везде. "Я не должен иметь право сгонять бедняков со своей земли, чтобы обеспечить им обогащение", - закончил Тилянг.

Нас, как почетных гостей, угощали вареными оленьими языками, чаем с белым хлебом и сахаром. За угощением я завел серьезный экономический разговор. Я считал Тилянга прогрессивным человеком, стал ему говорить, что он имеет на руках большое богатство. 2000 оленей это 45 тыс.рублей

---

¹ Вершок - мера длины, 4,45 сантиметров.

денег. Если положить их в банк, то ничего не делая и сидя в чуме, можно иметь 4 000 рублей годового дохода. "Закон теперь крепкий, деньги крепкие, много серебра (показываю), и нет никакого риска", - уговаривал я его. Тилянгу как будто не верилось. Он только восклицал, смеялся, однако видно было, что он мне доверяет и знает, что я его не обману.

Потом я завел речь о достижениях техники - об аэропланах, аэросанях, домах, городах, автомашинах. Звал его приехать ко мне в гости. После зашла речь о медицине, о ненецких лекарях-шаманах. Я стал говорить, что здешние лекари не умеют лечить, так как они не ученые. Рассказал о хирургической операции, которой был сам свидетелем в московской клинике. Все были удивлены. Закончил я тем, что так, как врачи, шаманы лечить не могут.

Чум, в котором мы сидели - жилище богатого оленевода - ничем не отличался от других чумов. Не было даже досок у костра, потому что "их не надо - тяжело возить". Нарт вокруг было не много, штук 20-25, среди них одна "шайтанская", для домашних божков. Подошло стадо, стали выбирать нам хора и "вангоды" - яловую важенку на мясо. Потом в сопровождении сына Тилянга мы уехали домой.

С утра начали переправу через реку Тиутей. Она была мутная, вспученная, шириной до 30 сажен. Сначала завезли на противоположный берег веревку, затем привязали к ней оленей с легкими нартами и переправляли вплавь. К легкой нарте привязывали иногда грузовую нарту с каким-нибудь деревом - полом от палатки, чумовыми шестами и пр. Все ненцы с веселым интересом наблюдали, не перевернется ли какая-нибудь легкая нарта вверх полозьями. Слышались шутки, что если перевернется, то их хозяин ведет себя с женщинами неблаговидно в текущий момент. К счастью, ни одна нарта не перевернулась. Переправив легкие нарты, сплотили две лодки и стали грузить на них по 3-4 нарты с поклажей и так переправляли на противоположный берег. Вся переправа заняла 3-4 часа и закончилась вполне благополучно.

25 июня мы продвинулись по левому берегу реки Тиутей до озера Ханавей-то. Сделали переход в 15 верст и остановились. Олени страшно устали, т.к. долго тащили нарты по голой сухой земле. У этого озера, как и на главном ямальском хребте, была безжизненная тундра, не было даже чаек, ловящих мышей. Тут мы простояли 2 дня. Охотились, но неудачно. На 4 ружья добыли лишь несколько уток, 5 полярных гагар и турпана для коллекции.

На стоянке я вел разговоры с Тилянгом. Говорили о кредите бедноте. Оказалось, Тилянг ежегодно отдает в кредит до 250 оленей. Точно он не знает сколько, так как зарубок не делает, как другие крупные оленеводы. К настоящему моменту все олени, годные в пищу, им розданы, поэтому мы не могли найти в его стаде ни одного жирного оленя. Ежегодно в стаде Тилянга рождается 200-500 пешек, и урон стада с кредитом доходит до 600 голов в год. Возврат кредита производится по мере возможности песцами или рыбой, или оленями же. При отдаче песцом (что ценится!) сейчас же дебитор получает нового оленя, новый кредит, рыбой отдается 4,5 пуда за оленя, а оленем годовалый за взрослого, растет он уже в стаде кредитора.

Осенью в чуме Тилянга собирается до 40 человек, получающих и платящих кредит. Иногда бедняк, часто родственник, работает на кредитора: помогает ему в стаде, делает нарты и пр. Одна нарта погашает два оленя. Перра Наречи - работник Тилянга - служил раньше у рыбопромышленника Тупалева на Оби, работал в рыбацкой артели. Оленей у него не было. Живя около Тилянга, он поправил свое положение. Сейчас у него 30 оленей.

Есть такие хозяйства, которые не дают бедным оленей в кредит. Таков, по рассказам, Хусю Окатэтта, имеющий 3000 оленей. Есть такие, кто никогда не отказывает в кредите, например, старик Гапти Окатэтта, бывший старшина рода. Перра Наречи рассказал, что он сам видел: Гапти сдал заведующему фактории 4 песцов и стал получать за них продукты. В это время подошел бедняк и попросил у него помощь для своей семьи. Гапти взял у заведующего одного песца обратно и передал бедняку...

Тилянг, как и Ензеда, довел нас до края "своей земли". Прощаясь, он сказал по моему адресу похвалу, которую я не совсем понял: "Какой хороший красный начальник, нисколько не меняется в лице, всегда одинаковый". И правда, эти последние дни прошли спокойно, без споров и обид. Тилянг сходил к своей нарте и вернулся с мешком, достал сухие пимы, переобулся, затем вынул две пешки и подарил мне, сказав: "Жалко, что ничего нет сейчас лучше". Я, зная, что нет большей обиды для оленевода, чем не принять подарок "саво сюньзе" (с чистым сердцем), взял шкурки не поблагодарив его. Таков этикет. Потом сказал:

- Сейчас мы расстаемся, Тилянг, но осенью, где бы мы не встретились, я буду ждать тебя в гости как старого друга.

Он ответил:

Летом и осенью, где "нарьяна ерво" найдет Тилянга, пусть обращается к нему за всяким делом. Тилянг будет рад помочь, как только получит весть.

Он уехал, а я с теплотой в душе думал о нем и Ензеде. Вот еще два друга с "чистым сердцем" обрели мы, еще два агитатора в пользу экспедиции и всей советской власти.

Вскоре после отъезда Тилянга в лагерь приехали наши старые знакомые Олю Окатэтта и Яунгад Хадампи. Они дали мне точный отчет, где стоят наши нарты. Потом за чаем у нас состоялся интересный разговор. От кочевников-бедняков, Олю и Хадампи, я предполагал услышать другие точки зрения по поводу разделения земли на Ямале. И действительно, бедняк Олю не одобрил план землеустройства, предлагавшийся богатыми оленеводами. Он говорил, что если землю разделить по богачам, то они будут брать за пользование вотчинами плату - оленей, песцов или просто не будут пускать к себе на землю. "С богатым ссориться ведь не будешь, и надо платить", - заметил он.

Землю надо разделить по бедным, и тогда никто не сможет их согнать.

- А как может богатый тебя согнать?

Если богатый хочет согнать бедный чум, то драться не надо. Он подкочует и поставит свой чум рядом с бедняком. Волей-неволей нужно откаслать, чтобы не спутать свою горсть оленей со стадом богача.

Я стал расспрашивать о выборах в туземный совет, какие там отношения между богатыми и бедными. Олю сказал, что богачи не дают бедным выбирать выборных на собрание, не дают также говорить. Иногда встречают бедняка, едущего на собрание, и говорят: "Зачем ты едешь, кто тебя будет слушать? Не езд, мы ездим и достаточно". Бедняк возвращается в стадо.

- Ты знаешь теперь ямальских людей и будешь на собрании. Так вот, когда богатые скажут, бедные все молчать будут. А ты встань и скажи: "А что бедные теперь скажут? И тогда мы будем говорить, - предложил Олю.

Я сказал, что самое важное собрать больше народу на собрание. Он пообещал привезти всех бедных этого района. Он даже выразил желание поехать "на верх Оби", то есть на юг, посмотреть, как живут русские. Я стал его звать. Он расспросил, где я живу и можно ли приехать ко мне, так как других русских он боится. Я думал, что из Олю Окатэтта получился бы хороший депутат на областной съезд, а может, и на всерос-

сийский. После долгих, до полуночи, разговоров я заснул, не раздеваясь, как убитый.

На следующий день каслали. По пути Олю, согласившийся нас сопровождать 2-3 перехода, сообщил мне, что знает песцовую нору с выводком и хочет нам ее показать, но просил нас, чтобы никто из его сородичей не узнал, что показал нору именно он. Вероятно, Олю никак не мог решить: кого ему бояться больше - нас или своих сородичей. Втроем с ним и охотоведом Спициным мы поехали туда, чтобы достать и посмотреть "норников", которые, по словам Олю, уже были зрячие. Но наше дело не удалось, нора оказалась брошенной.

Все три следующих дня мы делали небольшие переходы. Опять похолодало, легкий снежок покрыл землю. Дул крепкий северный ветер, нес холод. Без малицы нельзя было выйти. Наш новый проводник Пьянгарка Лаптандер - хмурый, неразговорчивый старик - торопил каслать. Шли по ночам, северный ветер отлично укрепил снег, и идти по ручьям было удобно.

К утру 30 июня дошли до наших нарт, оставленных Яунгадом. Тут же стоял чум. За чаем я хотел оживить нашего хмурого Лаптандера, поднес ему чарку и стал спрашивать о его сородичах уральских Лаптандерах. Оказалось, что он вырос и живет на Ямале, не знает Урала. Пришел он на Тиутей недавно, за три дня до нас. Старик разговорился, хотел ехать дальше провожать нас... Звал к себе в гости в чум.

1 июля... Первые серьезные психологические трудности в отряде. Все окончательно вымотались, злятся и кричат друг на друга по каждому мелкому поводу. Я сам еле-еле, и то не всегда успешно, подавляю в себе раздражение. В этот день чувствовал себя плохо, мучала мигрень, так как излишне повольновался с бесшабашным Иваном Каргопольцевым. Он стал упрекать меня в том, что не смог сам доехать до моря. "Не было определенности в маршруте базы, и я боялся от нее оторваться", - вот его слова. Вот так исследователь! Он совершенно чужд того энтузиазма, когда не жалеют жизнь положить ради одной редкостной находки, ради достижения цели. Какая страшная тяжесть для меня (и, наверное, для всей экспедиции) от его присутствия. Буквально ни гроша еще пока не дал и дать не может нашему делу, а вреда, ругани с пастухами, с персоналом, ежеминутной площадной брани - не оберешься. Это начало действовать даже на мои крепкие нервы. На требование экономить патроны и дробь он изволил заявить, что стрельба для него - удовольствие, и он считает себя вправе стрелять, как и до сего времени. А палит он до

смешного далеко, особенно по гусям. Саженой с 50-60 хлещет дуплетом, говоря: "Авось хоть одна дробинка..." и т.д. Я сказал ему, что введу норму на порох и дробь, если это не прекратится - опять скандал. Я мешаю ему работать! Логика у этого человека полностью отсутствует. А ведь меня предупреждали еще в Свердловске.

- Это тот самый Каргопольцев?

- Да, тот самый.

- Ну и намаешься ты с ним в экспедиции.

Я не придавал значения этим словам, так как он, Каргопольцев, старый партиец, говорят, с 1916 года, и я надеялся, что с ним всегда можно будет говорить "по-свойски", на партийном языке. Особенно по поводу дисциплины. Оказывается, нет. По любому поводу он все знает, кругом все не так делается, он же не допускает возражений, противоречит сам себе даже в очевидных истинах и говорит громче всех. И что важнее всего - на редкость никуда не годный товарищ. Я твердо убежден, что он не поможет, когда человек будет тонуть. Никогда он в общезнании не сделает ничего для товарища: ни воды принести, ни дров, ничего. Все по приглашению или под давлением. Но для себя - лучший спальный мешок, лучшие кисты и торопливость раньше всех и больше всех получить - поразительный человек... Экспедиция быстро показала кто есть кто.

Мучаясь от-головной боли, все это думал я, лежа на горке с полевым дневником в руках. Ушел из лагеря, так как в палатке почему-то не мог отдохнуть. Все меня там раздражало. Отсюда хорошо был виден наш лагерь и олени. Палатки были поставлены кучно - удобно ходить в гости. Наши олени в сравнении с ненецкими выглядели плохо. Шерсть клочьями выпадала в местах прикосновения постромок, голая кожа, местами кровавые ссадины. Два дня тому назад Колмаков ультимативно заявил о необходимости стоять не менее трех дней, чтобы отдохнули и подкормились олени, и я не стал возражать. Оленей, конечно, жалко, да и спешить теперь уже не надо. Отсюда, с реки Тиутей, уже можно готовиться к выезду на север, к острову Белый.

2 июля. С утра ушел на охоту. Возвращаясь, у чума я увидел две нарты. Около чума стоял незнакомый старик. Вид его был странный: он был настолько бел, что его можно было принять за седого. Блондин среди ненцев - редкость. Поодаль стояли еще один ненец и женщина. Они смотрели на меня с исключительным интересом и как-то особенно. Я хотел было пройти в чум, но этот взгляд остановил меня. Тут вышел

Ядопчев, я спросил его, что это за люди и откуда. Он обратился к ним. Старик сразу ответил, что они из соседних чумов. Слышали, едет "красный начальник", и выехали посмотреть. Я засмеялся и спросил: "Чего смотреть?" Он ответил, что слышал о "Большом красном начальнике", вот его и приехали смотреть, какой он есть. Ядопчев не выдержал и сказал им, что "красный начальник" - это я. На их лицах отразилось некоторое удивление, страх, интерес. Я сказал им:

- Вот, посмотрите на меня, я "красный начальник". Вот руки (показал) - они у меня совсем белые, лицо тоже белое, только посмотрите руки все в мозолях. Это потому, что красный начальник не позволит за собой ухаживать. Он делает все сам: и нарты увязывает, и оленей запрягает, и аннас ведет, и сапоги мажет. Такие же руки у самого большого начальника, который нас прислал. Он тоже был совсем бедным человеком и работал на богачей, пока не прогнали их.

Они все окружили нас с Ядопчевым. Старик несколько раз осторожно тронул мою ладонь. Кажется, он пробовал меня на ощупь.

- Руки, однако, белые и лицо белое, как у меня! - воскликнул он удивленно.

А как же ты думал, вэйсако? Неужели ты думал, что руки и лицо у меня красные?

- Да, я так думал. Мы все здесь так думали, что "красные люди" - это другие люди, из другой земли пришли в нашу землю. Повоевали белых людей и сами стали править нашим народом.

Я был удивлен такой дремучей наивностью. Более южные ненцы, часто проходившие через Обдорск и торговые фактории, уже хорошо знали о революции, о Ленине, виделись с выборными представителями райисполкома, тузсовета. А здесь еще, вероятно, многие жили по-старому.

Пригласил их в чум на чай. За чаем старик рассказал, что он Лаптандер Сэроко, пришел сюда с Северного Урала. Там, в глухих горных урочищах, на границе Уральской области и Севкрая, есть кочевники, живущие замкнуто и не выходящие даже к факториям. Среди них-то и ходят еще легенды о "красных людях". И это - на десятом году революции!

После чая они попросили разрешения пройти в мою палатку, "по делу". А дело их заключалось в том, что они привезли мне в подарок пешки и боялись, что я их не возьму. Поэтому они хотели "в моем чуме" (палатке) говорить об этом. Я спросил их о количестве оленей. Их общее стадо

составляло не более 300 голов. Это были бедняки, и я не хотел брать у них пешки, советуя поберечь их до фактории. Они сильно обиделись, говоря, что я приехал издалека на их землю, я их гость, а по их обычаям гостя надо обязательно одарить.

- Если бы мы пошли вместе промыслять зверя, то первую добычу должен взять ты, как гость - будь то олень, песец или гусь. Если гость не возьмет, то не будет удачи в промысле, а хозяину будет большая обида.

Я все это знал по предыдущим встречам и все же стал доказывать обратное, но этим чуть не довел их до полного отчаяния.

- Одна-то пешка для нас ничего, ею мы сыты не будем, а обычай будет нарушен, и у меня сердце будет не на месте, - почти со слезами на глазах упрасивал старик Сэроко.

Я взял пешки. Сэроко Лаптандер еще раз пригласил нас в чум, в гости, и они уехали.

4 июля выдался теплый солнечный день, и мы решили не каслать, а устроить баню. У ближайшего озера начали мыться, вскипятив предварительно несколько ведер воды. Баня вышла на славу! Вместе с двухмесячной грязью и копотью костров, как водой, смыло мои тревоги и неуверенность в выполнении намеченного маршрута, и в осуществлении главной цели достичь Белого острова. В этот день мы все как-то подобрали друг к другу, смеялись, шутили...

Вечером приехал в наш стан Хасово Окатэтта, замкнутый, хмурый старик. Подошел ко мне и протянул две пешки. Я спросил: "Зачем?". Он сказал: "Сяй тара, хелебачу тара, нянь тара" (чай нужен, крендель нужен, мука нужна). Взглянув на его усталое, изборожденное морщинами лицо, на котором огнем горели ввалившиеся просящие глаза, я не мог отказать, хотя продукты у нас кончались. Я спросил: "Сколько в хозяйстве оленей?" Оказалось, 100 голов. Две шкурки он привез мне в подарок. Я приказал Филиппову отвесить ему 100 фунтов ржаной муки и дал полкирпича чаю. Больше я дать ему ничего не мог. Пешек не взял, велел поберечь до фактории. Он все время был какойто сумрачный, не разговаривал и скоро уехал. Со следующего дня начали каслать понемногу и 9 июля стали на большую летнюю стоянку. Оленьи корма в этом месте были прекрасные: обильная трава покрывала долину Тиутей, тучные кустарники, ивы, тальники были в изобилии. Рыбные озера находились вблизи. Мы отдыхали, ловили рыбу, совершали экскурсии по берегу реки, начали готовить коллекцию флоры этого района.

Мы стояли на вотчине Хаулы Окатэтта, старого морского охотника, пользовавшегося огромным авторитетом среди "тиутейского народа". Другой берег реки принадлежал Сэу Яптику, о котором поговаривали, что он шаман.

13 июля вместе с Колмаковым и Филипповым я решил отправиться с визитом к Хаулы Окатэтта. Перед самым выездом к нам в лагерь пожаловали гости. Это были Тумдыси и Лани Окатэтта (внук старика Вэнды Окатэтта и пасынок Хаулы). Они беспокоились, почему нас так долго нет. Приехали нас проведать не разбежались ли олени. Мы угостили их и пустились в путь впятером. Заехали по пути на озеро Хальмер-то, где стоял чум Яунгада Хадампи. Он как раз ловил рыбу 30-саженным неводом. Забросил раз ничего, другой раз - одна рыба, третий - целая нарта, четвертый - еще нарта. В чуме хлеба не было, теперь с рыбой Хадампи будет сыт.

Лани подошел к улову, выбрал сырка пожирней, самого большого, без спроса хозяина, ударил его ножом три раза, распластал и предложил нам. Мы с удовольствием поели сырой рыбы и поехали дальше, к чуму Тумдыси. Он тоже хозяин земли, вотчинник, хотя и небогатый. Рядом с его чумом стоял чум старика Ладукая, приехавшего с моря. Опять чай, сырая рыба, свежий тюлений жир.

Переменили оленей и двинулись к чуму Хэпто Окатэтта. Он встретил нас, как давно знакомый друг. Пили чай с сахаром и баранками. За чаем Хэпто начал разговор о промыслах на Карском море. Я поддержал этот разговор, начав по обыкновению издали, от аэропланов. В чуме сидело несколько человек, все промышляют на море. Я стал говорить:

Вы, ямальцы, не умеете хорошо промышлять морского зверя, вот лапландцы промышляют до 1000 штук тюленей в год, - начал я провокационный разговор.

- У нас лодки старые, далеко в море ходить боимся, - ответил Хэпто.

- А если мы вам пришлем лодки, купите их?

Нам нужны лодки в 5-6 саженей, за такую можно заплатить 4-5 песцов 1 сорта или оленей, - продолжил Хэпто, и все одобрительно закивали.

- А не хотели бы вы брать лодки в аренду от фактории? спросил я. Хэпто задумался и сказал:

- Нет, так нельзя. У лодки должен хозяин быть, по обычаю он кроме своего пая берет один пай из промысла на лодку. Потом Тумдыси стал жаловаться мне на Хадампи Яунгада: "Почему, имея всего 50 оленей, он не хочет соединиться со

мной? Если комар его стадо разгонит, нам же придется его собирать". В чуме Хэпто мы заночевали.

Утром я наблюдал, как давили пешку на завтрак. Два парня, затянув шею животного с двух концов "мертвым узлом", быстро сделали свое дело. Рядом стоял мальчик лет трех и с интересом наблюдал эту жестокую, на мой взгляд, картину. Потом я не раз видел, как ненецкие ребяташки со всей серьезностью играли во взрослых: поймав щенка или взрослую собаку, они "душили" ее веревочной петлей "на мясо". Обычно лайка, огрызнувшись и разбросав малышей, убегала...

Хэпто, у которого мы остановились, - брат Лани Окатэтта, их общее хозяйство имеет 600-700 оленей, из них Лани принадлежит 300. Лани - парень лет 16, богатырь по виду, он моего роста, но почти вдвое шире в плечах. Широкое и полное лицо его поначалу показалось мне одутловатым и нездоровым, пока не увидел его легкую, свободную походку, стремительный рывок в беге за оленем. При всей грузности тела он оказался очень подвижен. Наверное, о таких вот силачах сочинялись старинные заунывные героические песни ненецкого фольклора.

Лани потерял отца, когда ему было 5 лет. Мать вышла замуж за "уважаемого начальника тиутейского края", морского охотника Хаулы Окатэтта, и разделила оставшихся от мужа оленей на нового мужа и сыновей. При Хэпто живут еще две семьи и старик Песимо Окатэтта - патриарх этих мест. Все это рассказали мне Хэпто и Тумдыси, пока мы запрягали оленей.

Мы двинулись к реке Харасовой. Ветер был попутный, и мы застали первых ("главных" - как сказали ненцы) комаров. Их было больше, чем пчелиный рой. Они облепили глаза, рога, нос оленей. Животные тяжело дышали и все время кашляли от комаров. Я вынужден был снять очки, чтобы удобнее было проводить по глазам и лицу, быстро убирать насевших комаров. Во время езды на оленях это вообще трудно, так как обе руки заняты.

Не успели мы проехать 4-5 верст, как встретили стадо и обоз Хаулы. Поздоровались и поехали рядом с ним. По пути Хаулы рассказал мне, что он уже был на море, видел там лед и отметил, что идти по нему нельзя. Лед сделался игольчатым, на нем есть озера талой воды, вода протачивает лед и уходит в море, лед сделался рыхлым, и скоро его унесет от берега.

Стали на стоянку. Хаулы был особенно гостеприимен. Огромное количество рыбы было приготовлено для нас в один

момент. Рыба была вареная и вяленая. К чаю подали хлеб и гусиный жир. Хаулы завел разговор:

- Я хочу тебя спросить, знаю, не осердишься долго ли будем жить так?

- Как так?

- Вот у меня раньше были друзья в Обдорске. Куда заедешь - купишь чего надо. Теперь никто ничего не продает.

Я стал говорить, что "друзья" его обманывали, продавали дешевые товары задорого, брали за них много песцов.

Пусть немного обманывают, но пусть продают. Так неинтересно жить.

Я стал рассказывать о том, что скоро заводы и фабрики будут выпускать много товаров и недорогих. Потом Хаулы спросил: "Когда у нас будет царь?" Я сказал, что никогда, и объяснил почему. Он слушал меня серьезно и повторял: "Так, правильно".

После этих разговоров я приступил к главному нашему делу - переговорам о лодке, проводнике и поездке по морю. Он стал говорить, что все это мне надо требовать с Сэу Яптика. Я ответил, что все равно хочу обсудить все дела с ним, как с самым уважаемым человеком в этих местах. Я сказал, что Сэу уже обещал дать лодку, а человека в проводники пусть найдет он. Хаулы ответил, что этого он не может сделать. Пусть мы поедem к Сэу и будем просить у него человека. Хаулы предложил это сделать так: он пошлет вместо себя племянника Лани, и если Сэу откажет ему, и вы не договоритесь, пусть Лани тем же духом едет назад, а он, Хаулы, уже будет в нашем стане пить чай и сразу же выедет к Сэу. Тогда уж разговор будет другой, и он даст человека со своего берега.

Это меня устраивало, и появившаяся натянутость в отношениях, недоверие к хитрости и уклончивости Хаулы быстро прошли. Я хотел было сразу ехать назад, но он стал уговаривать меня немного отдохнуть. Видно было, что его радушию нет конца, и он явно был доволен нашим приездом. Ночью он растянул в чуме два полога - для себя и для сына с женой. Мы с Колмаковым спали без пологов, несмотря на обилие комаров.

Утром опять начались разговоры. Я составлял бюджетное описание хозяйства Хаулы. Оказалось, что он не попал в перепись 1926 года, потому что в тот год не выходил на факторию и был на берегу для промысла песка. На следующий год оставался брат Хэду, у которого 1000 голов оленей. Зимой, по словам Хаулы, в этих местах народу остается мало, в гости

не ездят, промышляют песца, дикого оленя, выезжают на лед стрелять тюленей.

В середине дня мы выехали в обратный путь. Заехали к Тумдыси, там сменили оленей и двинулись к Сэу Яптику. Ночью, часов в 5, переправились через Тиутей-яху. Ее ширина была до 40 сажен. За рекой увидели чум. Сэу встретил нас несколько неприязненно. Видно было, что он себе на уме. На нартах у него я заметил две шкуры дикого оленя. За чаем я постарался подготовить почву для главного разговора. Стал ему рассказывать о Карском море, о Новой Земле, и когда он как будто расположился ко мне, я вдруг спросил:

- Ну, друг, кто же будет меня провожать, кого ты намечаешь? Я смотрел ему прямо в глаза. Но не тут-то было. Старик оказался хитер. В свою очередь он сообщил, что лодка для меня идет не его, а Едайко Яптика, она новее и лучше оборудована. Еще час он мне рассказывал, что будет по пути, на каких реках какие чумы стоят на Ямале, что далеко на севере есть мыс, который нельзя обойти...

Я сказал, что тот, кто знает все на Ямале так хорошо, как Сэу Яптик, и должен ехать с нами. Он задумался, но опять ничего не сказал. Только после третьего моего вопроса "в упор" он ответил: "Должно быть так, вы здесь, как зайцы на острове, разве можно не помочь?" Он поставил условие, чтобы от Хаулы тоже был провожатый, и я отослал Лани к Хаулы, чтобы он передал ему результат наших дипломатических переговоров.

В ночь мы выехали в лагерь экспедиции, уговорившись с Сэу, что два дня я буду собираться и на третий приеду к нему с грузом. Дальше мы вместе с его чумом будем каслать к лодке.

17 июля. Ночью проявлял фотографии. Днем занялся передачей всех дел начальника экспедиции П.П.Королеву. Потом провели техническое совещание. Иван Каргопольцев получил предписание ехать на устье реки Мороды для обследования морского промысла у ненцев. Ехать он должен был на легких нартах, двигаясь от чума к чуму. Стадо экспедиции и база будут находиться в междуречье рек Тиутей и Харасовая и с начала сентября начнут движение к озерам Ней-то, огибая их с востока. Моя группа, выделенная для поездки на Крайний Север Ямала и остров Белый я сам, Николай Николаевич Спицин, Максим Ядопчев и пастух Афанасий Хатанзеев должна была подойти к Ней-то 1 октября и соединиться с базой. В это же время к базе подкочуют зоотехники Королев и Колмаков.

Весь день прошел в обсуждении деталей маршрута и организации работы отрядов. Колмаков решил тоже выехать к реке Мороды. Иван Каргопольцев договорился, что будет ездить вместе с ветфельдшером Тихоновым. Все были как-то радостно возбуждены предстоящими переменами. И весь следующий день ушел на сборы. К вечеру мы закончили раздел продовольствия и упаковку грузов. Пора нам было уезжать. Собрались все ответственные работники экспедиции в нашей палатке нас провожать. Доброе прощание испортил все тот же Каргопольцев. Он вдруг заявил, что поедет не на "перекладных" ненецких нартах, а на своих экспедиционных оленях. И груза возьмет с собою на шесть нарт. Он посоветовался с Колмаковым и Королевым, и они так решили. Как я к этому отнесусь? Я был ошарашен таким заявлением. Удивлен, что в этом принял участие Колмаков, зная его постоянную тревогу за физическое состояние наших истощенных и обесиленных животных, что не раз было предметом острых неприятных разговоров во время нашего усиленного движения сюда. Я и сам поэтому отказался от мысли ехать к Белому острову на своих оленях. А ведь расстояние до пролива Малыгина 200 верст, а до Мороды лишь 100. Ведь можно легко добраться туда на ненецких нартах! Кроме того, на груженных нартах нужно не менее 12-15 переходов с остановками, и до "Ильина дня", когда промысловые лодки возвращаются с добычей, Иван может не успеть. Он опоздает к лодкам и не пересчитает сам всю продукцию промысла этого года — это будет большой минус в работе. Я категорически восстал против этого проекта, но наткнулся на "единый фронт". Я заявил, что остаюсь при своем мнении, что товарищи берут тяжкую обузу на свои плечи и затрудняют себе работу, что я сильно опасаюсь за выполнение задачи, за судьбу оленей и за многое другое. Но 58 оленей я вынужден был им дать. Всю ночь я не мог спать спокойно. Душевное равновесие и общая уверенность в успехе экспедиции заколебались. Я думал было отменить свое разрешение, но тогда Каргопольцев получил бы основание не выполнить задачу и всю вину свалить на меня. От него можно было этого ожидать. Я счел более благоразумным дать оленей против своего желания и смысла.

Утром в лагерь приехали Хаулы, Лани, Тумдыси и старик Ладукай. Я встретил их, как лучших друзей. Хаулы сказал:

- Я не зря приехал к тебе, а с делом. Приходится мне ехать провожать тебя к Белому острову.

Я был обрадован. Вместе с Сэу и Хаулы опытными моряками, как я считал, нам непременно удастся дойти до пролива Малыгина. Неужели подействовал мой аргумент, что если мы погибнем в море, то "Большой выборный начальник" с вас спросит: "Почему плохо снарядили?" Я знал, что Хаулы дал "страшный зарок" не выходить в море после того, как его штормом унесло на Новую Землю. Теперь он не прочь бы выйти в море, да боится нарушить слово. Я уговаривал его, напоминая, что сопровождение русских освобождает его от зарока и боги не разгневаются. Не знаю, что подействовало, но Хаулы едет с нами, и это удача!

Пока шли последние разговоры, утрясали последние дела, спустился вечер. Мы выехали с 6 легкими и 10 грузовыми нартами к чуму Сэу Яптика. Ночью спустился туман, и мы запутались в болотах и озерах. Остановились на берегу Тиутей ночевать. Ни одного комара не было. Куда они подевались? Где-то близко закричали гуси, пастух Афоня запросился с ружьем, а Николай Николаевич, опасаясь, что он убьет самку, пошел с ним.

Мы разожгли костер и поставили на огонь консервы и чайник. Скоро раздался выстрел, и охотники принесли большого гуся-гуменника. Спицин взял кольца, и мы пошли снова к гусям. Самка и пять гусенят торопились от гнезда к воде. Мы их перехватили, надели кольца и отпустили всех.

Утром нас разбудил сын Сэу. Он увидел нас с другого берега реки. Чум Сэу оказался в полуверсте от нас на том берегу. Быстро переправились. Сэу встретил нас приветливо, что вообще-то было на него не похоже. На следующий день решили каслать к морю. На ночь мы с провожающим нас Васей Терентьевым устроили импровизированный чум из брезента и тюров¹ и хорошо в нем выспались.

Рано утром нас разбудил Николай Николаевич и известил, что чай в чуме готов и скоро пора выступать. Сборы были недолгими, мы разбросали равномерно по всем нартам груз и тронулись. Ехали быстро "на рысях" за обозом Сэу, который взял с собой 15 нарт. Вдруг Сэу мне закричал: "Надо стрелять!" Я спросил: "В кого?" Вдали, на расстоянии версты, шел дикий олень, высоко подняв голову и озираясь на наше стадо. Стрелять, однако, не стали - слишком далеко.

Встали на стоянку в 18.00. Чай пили невесело. Все были голодны, а мы сэкономили продукты, и чувствовалось недовольство. После чая я долго рассказывал Сэу и Хаулы

---

¹ Тюр - шест, которым погоняют оленей

историю революции, говорил о классовой борьбе. Они слушали с интересом. Сэу Яптик принес мне старый дореволюционный капкан и просил прислать таких на фабрики и не присылать новых, советских. Спицин зарисовал этот капкан. Может быть, удастся поставить такое изделие в производство на наших заводах.

Я заметил Сэу, что прошли мы немного, рано остановились и что это мне не нравится. Он ответил, что встали из-за дров. Здесь последние редкие кустарнички тальника, дальше уже никаких дров не будет до самого моря, где появится наносной лес. Потом Сэу и Хаулы стали уговаривать меня послать на Ямал человека, чтобы он увез туда известие, "что два старика провожают "красного начальника". Пусть один чум спустится к устью реки Ептармы и возьмет нас, чтобы везти дальше на оленях до реки Яхады, впадающей в пролив Малыгина. Я согласился, сказав, что человека я пошлю, чтобы спустили чум к устью Ептармы, но соединяться или нет с ними решим на месте, в зависимости от того, какой будет ветер на море и хорошо ли будет идти лодка.

Разговоры пошли и насчет лодки. Старики уговаривали меня идти лодкой лишь до Ептармы, причем Сэу все говорил:

- Хупто, хупто (далеко, далеко), и все кровь на руках от гребли будет.

Я очень недовольно ответил, что не надо нам пугать друг друга. Я хорошо знаю, куда идти, а кровь на руках от работы у меня бывала. Тогда он стал ворчать, почему мы не взяли "толстую веревку", хотя знали, что на лодке она всегда нужна. Про себя я заметил, что они все же хотят понудить меня остановиться на реке Ептармы.

23 июля. Опять дневка. Мы наслаждались малолюдностью и спокойствием в нашей маленькой палатке-чуме. Я штудировал Б.М.Житкова в части географии Ямала. Тщательно отмечал те места, где он не уверен в своих наблюдениях, чтобы обратить на них особое внимание. По имеющимся уже у меня схемам-рисункам местности (их нарисовали мне ненцы) я составил дополнительные кроки. Николай Николаевич углубился в курс общей зоологии и зоогеографии Севера. Мы с ним соскучились по чтению. Вася тоже увлекся. Он поглощал путешествие Нансена на "Фраме".

Хаулы один уехал к лодке. К нам из берегового чума приехал парень. Он искал оленей. Ночью был туман, и часть откола оленей пристала к нам. Парень спрашивает у Сэу, не у него ли олени? Сэу молчит. Потом он спрашивает вторично. Сэу опять молчит. Наконец Максим не выдержал и сказал,

что олени здесь. Сэу стал ругать парня: "Вы всю жизнь что ли будете надеяться на погоду, не караулить оленей?" Парень молчал, видимо, Сэу был прав. Но вообще-то он человек не из приятных.

Вася приготовил лукулловский обед: напек лепешек, сварил суп из авлика¹ и гречневую кашу под руководством Николая Николаевича. Весь чум наелся до отвала. Мы выдали ненцам ржаную муку для приготовления лепешек в расчете на лодку. Вечером мы со Спициным пошли гулять. Я подстрелил из винтовки поморника для орнитологической коллекции, причем на расстоянии более 70 шагов. Теперь я пристрелял свою "Тельку", и она мне кажется удобнее и вернее дробового ружья. По дороге мне попался интересный предмет - согнутая отточенная оленья кость, которой Сэу чешет свою спину и тело. Я возвратил ее хозяину и удостоился благодарности. Дома, в нашем "нелеку луце мя" (маленьком русском чуме), мы попили какао. Потом я стал показывать Васе приемы французской борьбы, перебросив его "Tur de bras" и "Tur de tete". Васе очень понравилась легкость, с которой он перелетел через голову. День прошел спокойно и весело. Кажется, перед нашим отъездом с базы у нас уже сложился полный набор психологической несовместимости. Наверное, и Иван Каргопольцев с Колмаковым рады отдохнуть от меня.

24 июля. Этот день для меня семейный праздник день рождения жены. Я знал, что сегодня, в этот день дома особенно остро чувствуется мое отсутствие. Мне же нечем было отметить этот день, кроме записи в моем дневнике.

Сэу пораньше разбудил всех, кричал: "Сяй нгерть, сяй нгерть тара" (чай пить, чай пить надо). За чаем он возвестил торжественно, что сегодня издали увидим Тиутей-сале... Там есть "святое место". Когда увидим издали, надо повернуть шапки назад. Мы согласились это сделать. Он успокоился. Сэу рассказал, что оленеводы, подходя первый раз на летовку к Тиутей-сале, переворачивают малицы, "чтобы не ослепнуть". А нам, русским, достаточно перевернуть картуз козырьком назад. На Тиутей-сале стоит "Большой бог, сильно святое место".

Я задумался над сложившейся ситуацией. Что делать: выполнять или не выполнять обряды? С одной стороны, мы - "красные начальники", и это нам не к лицу, с другой стороны, на нас могут обидеться, и тогда мы многого не увидим на Ямале. А увидеть все наша главная задача.

---

¹ Авлик - вид морской утки.

Обсудив это с Николаем Николаевичем, мы решили так: я буду выполнять все обряды, а он пусть не выполняет. И если ненцы будут не довольны, я буду говорить, что этот человек не боится гнева богов, и объяснять им почему. Сам же я решил не противиться, чтобы, во-первых, показать, что мы уважаем тундровые обычаи, во-вторых, не создать стимула к сокрытию "святых мест". И, наконец, только так мы сможем изучить эти обычаи и познакомиться с религиозными культами, чтобы на обратном пути уже развернуть энергичную антирелигиозную пропаганду.

Был жаркий день, появились олени оводы. Мы прошли уже 2-3 версты, поднимаясь на высокий мыс. Сэу, ехавший на передовой упряжке, остановился и помахал мне, чтобы я выезжал к нему. Я подъехал. Он неожиданно зашел сзади, снял мою фуражку, развернул ее козырьком назад и прикрыл мне глаза рукой. Пенсне упало. Тогда он показал рукой вперед на горизонт, и я вдруг увидел вдали в дымке дневных испарений висевший в воздухе мыс Тиутей-сале и карские плавучие льды. Это был далекий мираж. Подъехал Спицин, Сэу сделал с ним то же. Я бросился к фотоаппарату и успел снять, как он повернул фуражку Васе. Максиму Ядопчеву Сэу сказал, что он ненец и должен кланяться. Тот при нас стеснялся. К тому же шапка у него была круглая, без козырька, и ритуал ему совершить было нельзя.

На остановке Сэу рассказал, что морские промышленники на этом месте обычно бьют оленя, голову его везут на жертвенное место, а тушу берут с собой в море. Я поддержал этот обычай, заметив, что так как у нас мало продовольствия, то я не возражал бы купить оленя на жертву. Купить оленей, кроме как у Сэу, было не у кого, но он отказался продать. У него всего было 60 штук, из них половина взята взаймы. Сэу, вообще-то, был бедняк.

Потом я стал его спрашивать, какие возвышения и мысы видны в округе. Он показал направо - там мыс Салтан-сале и речка Салтан-сё, налево Сэр-сале и устье реки Сэр-яха. Против Тиутей-сале на правом берегу были видны холмы резко очерченных контуров, вытянутые вдоль реки. Мне это показалось необычным. Я спросил, что это?

"Сиритя", - ответил он. Слово это было мне незнакомым, и я попросил перевести Максима. Но и он при всем исключительном знании ненецкого языка не смог этого сделать.

- "Сиритя мя", чум сиритя, - разъяснил Сэу.

Тогда Ядопчев пояснил, что это "чумы подземных людей, которые выходили из-под земли и умерли до света". Я буквально вцепился в Сэу, требуя рассказать о "сиритя" подробнее. Но он, по своему обычаю, уклонился от рассказа, сказав только, что мать его была "сиртя". Я спросил, боятся ли ненцы этого места? Он ответил, что нет - "теперь тут пусто". На другой день он, однако, сказал, что надо поставить караул. Мне показалось, что это в какой-то связи с сиртя. Николай Николаевич предложил, что слово "сиритя" произошло от русского слова "черти". Но я не согласился с ним. Возможно, это "чудь", древние курганы, археологическая культура. Впоследствии это так и оказалось.

К вечеру этого дня мы вышли на огромную, до 25 верст шириной, тиутейскую лайду. Не было ни кустика тальника, одна осока и озера. Пусто, безжизненно, даже комаров не было. Дул довольно сильный восточный ветер. Я предсказал на завтра его окончание, Сэу - дождь и вынудил меня поспорить с ним на чарку.

Сэу немножко шаман и, наверное, главный хранитель жертвенника на Тиутей-сале. Я опять с ним заговорил об обмене или покупке оленя из его стада на еду. Но он стал говорить, что у него не осталось жирных яловых важенок "вангоды", А есть лишь "сариче" - маленькая двухлетка. Потом нашлась "вангоды" у племянника, но хитрый старик уступил лишь тогда, когда я спросил: "Разве ты не хочешь, чтобы принесли жертву богу моржей?" Ему ничего не оставалось, как согласиться.

Закончив это дело, мы с сыном Сэу поехали на лодке вниз по реке. Ехали долго, около двух часов, по притоку Тиутей. Наконец появились льды Карского моря, и мы вышли на берег Тиутей-сале. Прямо на берегу стояли два чума, и к ним вела от берега торная дорога. Это были чумы малооленных хозяев из рода Яптиков. Они тут занимались рыбной ловлей. У чумов лежала перевернутая лодка, и несколько человек что-то делали с ней. Мы подошли. Хаулы Окатэтта сидел на берегу и строгал весло. У лодки работал ее хозяин, Едайко Яптик, грел железные прутья у костра незнакомый мне старик. Я подошел к Едайко и сказал:

- Здравствуй, друг. Пришло время твоей лодке поработать.

Да, ответил он, - она ждала хорошего друга, чтобы поработать. Едайко приветливо улыбался и вообще был словоохотлив и расположен ко мне. Это, наверное, сказывалось влияние Хаулы. За чай сели 12 человек. Подъехали рыбаки,

привезли омулей и несколько летающих рыб. Их я увидел впервые.

После чая я попрощался с Васей Терентьевым. Он отправился в обратный путь к чуму Сэу, а оттуда в лагерь экспедиции. Лето он должен будет провести с нашими экспедиционными пастухами.

Вечером Едайко отозвал меня на берег и позвал всех, кто был поблизости. Разыгралась необычная сценка, похожая на маленький митинг или на наши экспедиционные "технические совещания". Сначала Едайко обратился ко мне:

Я узнал, что вы, наши друзья и наши гости, едете и хотите взять лодку. И я хочу вам помогать. Но я бедный, у меня только 150 оленей, и я один работник в хозяйстве, а в чуме моем нечего есть. Я наказал Хаттю Яптику, чтобы он приехал на берег, так как понадобятся гребцы, а он обманул меня и не приехал. Теперь я хочу вместо Хаттю послать своего старшего брата, но ты, "красный начальник", ему прикажи.

Я не мог приказать и спросил:

- А почему ты, Едайко, можешь распоряжаться его семьей?

Потому что, когда я был в силе и у меня было 700 оленей, все они кормились от меня. И теперь они держат моих оленей и не отдают их мне. Речь шла о трех братьях Яптиках - старшем Вэйсако, среднем Мыти и младшем Хаттю. Два первых промышляли тут рыбу. Младший два дня тому назад приезжал к нам в лагерь. Это его ругал Сэу за пропажу оленей. Я сказал:

- Твои братья бедные люди, у них оленей мало, отдать долг они пока не могут. И ты, Едайко, насильно послать их со мной не можешь. Надо спросить у Вэйсако, хочет ли он ехать.

Тот ехать отказался, так как некому будет неводить и кормить семью. Я нашел причину уважительной.

- Видно, мне придется ехать, - сказал Едайко.

- Зачем, нас четыре гребца без стариков-проводников, и мы люди не старые, крепкие, моря не боимся. Можем ехать без тебя.

Едайко посмотрел недоверчиво. А я так сказал потому, что не хотел лишнего едока - продуктов и так было в обрез. Однако Едайко еще и опытный мореплаватель, и была необходимость смены хоть одного гребца на случай бури. Мы оставили разговор до следующего дня.

Приехал оленевод с Сядор-яхи. С ним я направил письмо на север к Тар Ямалу, чтобы от его стойбища направили чум к берегу. На следующий день мы спустили лодку на воду и

погрузились. Перед выездом опять собрались братья Яптики. Здесь был и "обманувший" нас Хаттю. Едайко опять обратился к ним с речью:

- Я вам много и долго помогал. Вы несколько лет ели от меня. Помогите мне теперь, поезжайте с начальником. Ты, Хаттю, меня один раз обманул, теперь поезжай с начальником.

Хаттю ответил:

Я бы поехал, да старик Еруку ушел в море и своих оленей поручил мне. Наши олени все у меня на руках. Средний брат не может за ними ходить, у него кровь идет горлом. Старший брат промышляет рыбу и кормит всех. Я не могу ехать.

Тогда вмешался Хаулы:

Еруку взял артель на море, и все артельные чумы должны смотреть за его оленями. Братья Яптики, своих оленей у вас мало, пустите их в мое стадо или стадо Еруку, там за ними присмотрят.

Едайко отвел Хаттю в сторону и стал говорить (Ядопчев подслушивал):

- Начальник наш друг, приехал для нас и хочет делать добро. Ему поможем - себе поможем. Но Хаттю не соглашался. Тогда Едайко обратился ко мне:

- Дай моей семье пуд муки и хлеба на первое время - я пойду с тобой.

- Но на одной муке твоя семья не проживет, а больше дать я не могу.

- Неужели за мое добро люди ее не накормят, они дадут ей авликов, гусей, рыбы. Олени у нас есть, - уговаривал себя Едайко.

- Я берусь твоих кормить, что буду есть сам, то и они, предложил сын Сэу. Так и порешили. Едайко стал собираться в плавание.

У нас оставалось еще одно, последнее важное дело. Мы должны были ехать к священному месту Тиутей-сале и принести жертву богу моржей. Нужно было обогнуть мыс. Лодка была нагружена доверху, ветер - против хода, с юго-запада. На гребях шли мы пять часов, вошли в самое устье реки Тиутей и пристали к мысу.

Карское море открылось перед нами впервые. Льды плавали на расстоянии трех-пяти верст и имели вид плоских разорванных полей, слившихся в один сплошной ледяной массив. В бинокль виднелись вертикальные обрывы, довольно высокие. Долго я обсуждал со Спициным, что это было - ледяное поле

высотой в 100 сажен над водой, пока не догадались, что это обыкновенный мираж — отражение льда в нижних слоях атмосферы.

Я произвел ориентировку буссолью. Река Тиутей впадает в Карское море под румбом NW 45°, а берег моря имеет направление NO 10°. Как только причалили, сразу пошли к жертвенному месту под предводительством Сэу. Он потребовал, чтобы все мы прошли с северной стороны от жертвенника и остановились с юго-восточной стороны лицом к морю.

Жертвенник представлял собой кучу оленьих рогов и палок, какие мы не раз видели на "хребте" в тундре. Сколько-нибудь хороших сядав¹ здесь не было. Сэу все время пел. Он начал петь еще, когда мы вышли из лодки. В его песне своеобразного мотива я смог разобрать только немного слов: "Тиутей-сале арка еруо ань дорово" (Тиутей-сале большого начальника приветствует).

По совету Хаулы я взял сюда бутылку водки. Еще в море Сэу попросил, чтобы я немного вылил в воду. У жертвенника я налил ему чарку, он выпил половину, другую разбрызгал по сядаям и рогам. Здесь же валялись еще не истлевшие куски мяса и ободранная голова оленя. Это проезжал Еруку Окатэтта на морской промысел за два дня до нас. Около жертвенника с южной стороны был сложен из глины очаг. Сэу потребовал, чтобы все мы выпили и вылили несколько капель на оленьи рога. Я было отказался пить, но он стал требовать, чтобы я хотя бы обмакнул губы. Пришлось исполнить все, как он попросил. Николай Николаевич (по нашему уговору) отказался совершенно. Остальные все выпили и брызнули на сядав.

Сэу попросил, чтобы я "оказал почет" и еще одной стоящей рядом куче рогов, "выпил с ней". Это был, по его словам, "сторож шайтана", и тут же живет его жена. Я выполнил, Сэу кланялся идолу, Хаулы и провожавший нас Мыти Яптик тоже кланялись. Сэу пел:

- Великий бог Тиутей-сале, пошли нам попутный ветер, дай благополучный путь, дай вернуться к нашим семьям...

Хаулы был настроен скептически и сказал мне: "Не слушай старика, он зря боится". Сэу несколько раз обошел вокруг сядав, остановился и продолжал петь. Потом сказал мне, что я теперь "как настоящий самоед" и надо взять мне своего сядая. Он достал из кучи одну бесформенную головешку и

---

¹ Сядай - деревянный идол.

сказал: "Пусть этот едет с тобой". Потом положил его опять на место. Фотографировать он не позволил.

Мы сели в кружок и стали есть сырое мясо. Сэу не съел ни куска. Потом снова пошел к сядаям и обошел вокруг них. Хаулы позвал меня на ближайший пригорок и стал показывать "свою землю". Отсюда до реки Харасовой было 6 зимних попрысков, причем олени должны идти все время вскачь. Он сказал:

Ты хорошо поступаешь ничего не берешь со святого места. А вот Житков увез отсюда несколько сядаяв самовольно. Потом Хаулы спросил:

А можешь ты мне прислать бумагу, чтобы я управлял всем народом в здешних краях? Житков такую бумагу обещал мне.

Я, конечно, удивился - вот это размах! А ведь оленевод он небогатый. Откуда такие амбиции? Хаулы достал из-под малицы старую пожелтевшую бумагу, аккуратно перевязанную веревочкой, и спросил нет ли об этом в бумаге. Я сказал, что нет там была благодарность от Житкова и указание о награждении его медалью Императорского общества акклиматизации животных и растений. Такие медали Б.М.Житков в 1908 году вручил нескольким оленеводам Ямала.

В конце концов пришлось пообещать ему, что я тоже пришлю бумагу, где будет написано о его помощи нам (я считал, что Уралком Севера и Уральский обком должны будут отметить его заслуги и помощь экспедициям на Ямале). Я стал звать Хаулы к себе в гости, "наверх", в Свердловск. Он вроде обеспокоился, как бы я его не увез насильно и просил "не тронуть". Мы вернулись к жертвеннику. Сэу взял небольшого сядая, того самого, что и раньше, и сказал мне:

- Вот этот пойдет с тобой. Только смотри, никому о нем не говори. Если спросят, что привез с Севера самое важное утай. Если покажешь кому - он тогда будет тебя давить. Купи хоть худенького белого неплюя¹ и сшей ему гусь.² Надо завернуть его сейчас хоть в сукно, а если нет, то во что-нибудь. И Сэу приложил мне сядая поверх малицы к сердцу. Потом продолжил инструктаж.

- Он будет тебе помогать при болезнях: когда заболеешь ты или из твоей семьи кто-нибудь, то поставь на ветер, чтобы никто не видел, и скажи: "Тиутей-сале, помоги мне, и ты, ста-

---

¹ Неплюй - шкурка молодого оленя.

² Гусь - верхняя одежда мехом наружу.

рик Сэу Яптик, помоги". Здесь в твоих руках "вся святость". Ты хозяин этого шайтана.

Но здесь он не весь. В моем чуме осталась его половина, у меня в шайтанской нарте. Когда ты будешь ехать назад, то приезжай на легкой нарте ко мне и привези его с собой.

Я спросил:

- А где находится сам Бог Тиутей-сале?

Он во всех чумах морских промышленников. А теперь будет и в твоём чуме.

Потом у нас вышел маленький инцидент. Сэу попросил чарку я отказал. Он заявил, что тогда не даст сядая. Я спросил его: "Разве он торгует сядаями и продает их за чарку водки?" Нет, нет, я так просто сказал. Ну вот теперь хватит чарку пить, сядай не хочет. Пойдем чай пить", - замаял он это дело.

Наш чайник уже больше часа стоял на примусе, но так и не закипел. В ожидании чая неугомонный Сэу сказал, что надо бы поворожить. Я поддержал, но он сказал, что без чарки нельзя. Конечно, они сами ворожат без всякой чарки, но слишком велико было мое искушение посмотреть ворожбу, и я согласился.

Гадание, однако, оказалось неинтересным, так как Сэу, получив то, что хотел, отказался ворожить сам, а велел своему племяннику Ядопчеву. Максим спросил меня, что делать? Я сказал, чтобы ворожил, как знает, но пусть скажет, что сядай хотят, чтобы ворожил старик. Однако из этой хитрости ничего не вышло. Сэу не согласился. А гадание происходило так: Максим взял камень от жертвенного места, положил на него весло серединой лопасти, конец взял в руку. На лопатку положил сядая и стал постукивать веслом. Видно было, что он все делал правильно. Хаулы:

Спроси, хочет ли шайтан Тиутей-сале ехать с нашим другом?

Максим перекладывает лопасть, стучит веслом по камню, вздрагивает:

- Через семь суток будет большой туман. Мы должны переждать. Шайтан, которого получил начальник, очень хочет с ним поехать. Через семь лет нужно его привести обратно и принести здесь в жертву оленя.

Сэу поет, Максим продолжает постукивать веслом. Сэу:

- А-а-а-, Ани медымбио...

Максим говорит Хаулы:

- Жена шайтана просит, чтобы начальник вместе с Хаулы и Сэу вылили каплю вина на место, где она стоит. Хаулы:

- Югодоворто опой.

Сэу поет:

Пусть начальник все пишет, а там скажет, что я помогаю, в моих руках вся "святость". Начальник пусть съездит благополучно, домой возвратится, увидит свою семью и опять к нам едет...

Пока все это делалось, спустился туман. Пора было прощаться с Тиутей-сале. Вернулись к лодке. Я встал на караул. Хаулы возражал, но я ему сказал:

- Ты сам говорил, что я в лодке первый, сейчас первая ночь на море, я встану первый на караул.

- Добро, так, - ответил он.

Еще сутки прождали на Тиутей-сале попутного ветра и 28 июля начали выходить из устья Тиутей-яхи. Впереди под утренними лучами солнца играло ослепительной голубизной Карское море.

ГЛАВА 3

В гостях у Бэйворю Яптика. - На реке Пясадай.

Ждем у моря погоды. Охота на льдине.

Меняем лодку на оленей. - Как ненцы охотятся в Карском море.

Ветер наполнил парус. Льды далеко отнесло от берега. Лодка сильно дрейфовала к западу, в открытое море, и приходилось на гребях время от времени подходить к берегу. Утомленный впечатлениями предыдущих дней, я уснул и проснулся разбуженный ненцами, которые, указывая на берег, спорили: где-то там им видно было устье реки. Я, однако, в песчаной узкой полоске, каким с моря виделся ямальский берег, не различал устья реки. "Пууте-яха... Хупто-хупто", горячился и доказывал Сэу. Хаулы не соглашались.

Ядопчев объяснил мне, что пока я спал, сильный ветер едва не унес нас в море. С большим напряжением на веслах мы пошли против волны к берегу и на бечеве завели лодку в устье Сядор-яхи. Река эта имела ширину до 150 сажен, а в устье до 300. Оба берега были песчаные, низкие. Ветер изменился на восточный. Пришлось нам встать на стоянку. Быстро заварили чай, согрелись и легли спать все, кроме Спицина, который еще лучше меня выпался в лодке и выразил желание караулить ее ночью.

Я спал недолго, проснулся и сменил Николая Николаевича. Старик Хаулы бродил по берегу, видно, ему не спалось. Скоро проснулся и спавший на корме Едайко. Посмотрел кругом и сказал: "Хась тара" (Ехать надо). Я посмотрел буссоль действительно ветер повернулся на юго-юго-запад и был нам удобен. На берегу проснулся Максим, стряхнул с себя песок, которым его порядочно засыпало. Подошли Хаулы и Афанасий.

Собрались и в один момент вышли в море. Ветер хороший, лодка не дрейфовала от берега. За день дошли до реки Пясадай. Левый берег этой реки имел у устья широкую и песчаную отмель, правый был горист. На высоком берегу видно было святое место, а за ним - чум. Мы решили остановиться здесь на ночь. Только начали поднимать лодку бечевой, как от чума отделился человек, сел в лодку-калданку и поехал к нам навстречу. Скоро он приблизился и стал помогать нам, указывая глубокие места. Этот тундровый лоцман был босой, в одной истертой летней малице. Пока мы подтягивали лодку к берегу, подошел еще человек, потом третий подъехал на оленях.

Мы оказались в гостях у Бэйворю Яптика. Он небогатый оленевод, имеет стадо приблизительно в 300 голов. Олени его были выше по реке Пясадай, а сам он тут промышлял рыбу. В семье Бэйворю восемь человек, из них двое дети. Хлеб, масло, сахар, взятые весной на фактории, были давно ими съедены. Бэйворю мог угостить нас только рыбой. Он предложил мне человека для сопровождения и в помощь, но я отказался, сославшись на то, что нечем его кормить. Он спросил, в каких продуктах я нуждаюсь, он даст их мне. Я был удивлен такой уверенностью в себе, но возразил:

- Ты человек небогатый, у тебя всего 300 оленей, ты ничего не можешь мне дать.

- Это ничего, я в чуме, а ты в пути, я должен отдать хоть последнее, - спокойно ответил хозяин.

И все же я отказался от его помощи, заверив, что "в случае беды, наверное, не останусь без нее, но сейчас взять ничего не могу".

Рядом, за холмами, стоял чум Саттоку Яптика. Он бедняк, у него всего 100 оленей. У старика Бэйворю давняя распря с молодым Саттоку Яптиком. Старик обвинил молодого хозяина, что тот его не слушает, "ходит где хочет" (старик Бэйворю - вотчинник), а однажды украл у него важенку и пешку. Саттоку стоял тут же и все это слушал. Он стал говорить, что

пешек не крал, но чтобы "заткнуть старику горло", отдал ему двух своих оленей.

Разговор принял острую форму, и я сказал, что много видел ненцев, но такой вражды еще не приходилось, что старик не прав, заставляя Саттоку во всем слушаться его как вотчинника - Саттоку ведь и сам хозяин. А нужно этот разговор оставить сейчас и поговорить при всем народе зимой в суде. Я угощал их чаем, которого ни у того ни у другого "вотчинника" не было.

С Саттоку я уговорился о продаже мне оленя на мясо. Но оказалось, что у него с собой только пешки и ездовые быки из упряжки. Я стал отказываться, но он тогда сказал, что отдает мне своего "пелекового" оленя.¹ Я удивился: "Как так из упряжки дает?" Саттоку твердо ответил: "Раз надо, то даю" Я не взял, конечно, и купил у него пешку.

Ночью пошел дождь, с моря все время был слышен шум льдин. Барометр падал, направление течения воздуха менялось, солнце закрыли низкие разорванные дождевые облака. Все заставляло ждать антициклона из северных румбов, и лучше было бы переждать на берегу. Но общее наше стремление на север заставило замолчать голос осторожности. С утра подул легкий южный ветерок, бежала попутная зыбь, туман сгустился, молочный восток окрасился в красный свет. Мы нажимали на весла впятером, спеша дойти к высоким берегам, начинающимся за устьем реки Пясадай. Я надеялся встретить там заливы и ручьи, где можно было бы укрыться от северных ветров.

Прошли устье То-яхи, едва заметное в полоске песка. За ней была Арка-то-яха (Большая озерная река), но и туда мы не сумели войти на лодке из-за низкого уровня воды в ее устье. Пришлось идти дальше.

Опять показались крутые берега, и к радости Сэу Яптика на горе виднелось "святое место". Это Няк-гайус-хэге (Тюленьей головы святой). Дальше идти вперед без надежды на хорошее место для стоянки было опасно. Тучи сгущались, погода уже заметно портилась. Я спросил у Хаулы, что делают ненцы, когда их застигнет буря с ветром у самого берега. Он объяснил, что в этом случае снимают с лодки все вещи и лодку выдергивают на сушу. Я приказал бросить якорь, мы встали в 10-15 саженях от берега. Лодка ткнулась носом в песчаную косу, за косой было глубокое место перед береговой

---

¹ Пелековый олень крайний олень в упряжке, к узде которого подвязывается вожжа для управления.

отмелью. Туда, я надеялся, можно будет передернуть лодку в случае бури.

Сели за чай, и тут подул холодный западный ветер, переменявшийся вскоре на северо-восточный. Он быстро крепчал. Хаулы заметил: "Это тот ветер, который предсказывал начальник". Пошла какая-то изморозь. Лодку развернуло вдоль косы и кренило на борт. Решили все же ночевать в лодке. Но сильно качало, и никто не выспался. Наутро все встали хмурые. Сэу стал наговаривать что-то на нашего Афоню Хатанзеева. Едайко опять запросился домой, говорил, что напрасно отъехали от Пясадай, начальник же знал про ветер. А ведь он сам торопил меня с выходом в море. Я уже в душе покаялся, что послушался консультации "опытных мореходов". Ненцы поразительно не знают своего моря, не знают ветров, не знают воду, садятся на мель там, где по движению воды или по расположению береговой линии коса или мель лезут прямо в глаза. Все же они не мореходы, а оленные пастухи. Вчера Хаулы нас посадил несколько раз на мель, позавчера Едайко. У меня совсем ничтожный опыт в мореплавании приходилось плавать на учебной яхте в Балтийском море, но я все-таки не посадил бы лодку на мель там, где садятся они.

30 июля. Штормило, сильный ветер дул с востока, и плыть дальше было нельзя. После завтрака я пошел побродить с ружьем по тундре. По пути меня догнал Спицин. Мы прошли верст 10 вверх по течению реки Арка-то-яха, но ничего примечательного не обнаружили.

К ночи я хотел сменить Едайко и назначить другого дежурного на лодке, но тот отказался. Ночью я долго не мог уснуть, худшие мои предположения о силе ветра оправдались. Ветер достиг 5-6 баллов. Лодка наша стояла на двух якорях. Ее сильно болтало - как-то там наши дежурные Едайко и Николай Николаевич?

Часа в три засияло солнце, я сфотографировал море, стоявший неподалеку жертвенник, потом спустился к воде. За эти минуты ветер как будто сделался жестче, повернул на северный, и этот непрочный утренний уют исчез без следа. День был мрачный, льды пододвинулись ближе к берегу, уже без бинокля можно было видеть среди ледяных полей высокие торосы, вероятно, старого берегового льда, подточенного и подмытого волнами. Лодку ночью так сильно качало, что в нее заливалась вода и многие вещи оказались подмоченными. Наскоро мы попили чаю и поехали смотреть. Это было настоящее бедствие: вымокли фотопластинки, испорчено их

было дюжин семь, десяток пачек спичек, ржаные сухари, сухофрукты, баранки, мука, порох, патроны. Убыток оказался более значительным, чем я мог предполагать.

С этого дня я решил ввести строгое дежурство на лодке для каждого в течение полусуток. Первым пошел Афоня Хатанзеев, его меняю я, затем Хаулы, далее Николай Николаевич, за ним Сэу и уже на следующую ночь Максим Ядопчев. Всем дежурным объявил, что буду требовать от них, чтобы не спали и откачивали из лодки воду, убыток от подмоченных вещей буду вычитать из заработной платы. Все согласились.

Стали сушиться, разбросали вещи по берегу. В это время приехали в гости три оленевода: Яптик Кехелю, Олёку Тусида и еще один. Первый - хороший морской охотник. Он и Олёку не попали в перепись 1926 года, и я заполнил на них бланки. Кехелю, по известному обычаю, сразу предложил мне гостинец - пешку. Я не взял, так как он небогатый. Весь вечер я проговорил с этими интересными людьми об охоте, морских промыслах, их житейских нуждах. Ночевать они уехали к себе в чумы.

Следующая ночь была скверная. Ветер дул с северо-востока, лодку трепало, в воздухе стояла изморозь. Я продрог до костей. А Спицин спокойно спал в лодке под кучей оленьих шкур и выспался прекрасно. Вот удивительный человек может спокойно спать в любой ситуации. Как только рассвело, стал читать "Во льдах" Фриттьофа Нансена. Читать было тем более интересно, что переход Нансена и Иогансена от корабля "Фрам" к земле Вильчека проходил на одной долготе с нами, но 10-12° севернее.

И весь следующий день мы не могли покинуть постылый берег. Напрасно Сэу прятал от завтрака кусочки масла и хлеба и ходил с ними к Няк-гайус-хэге. "Святой" не помог. Он просил у меня еще кусочки, сердито бурча: "Сами едим-едим, а Ему ничего не дали. Он нас держит так долго". Я дал.

Уже 3 августа. Картина все та же. Ветер 3-4 балла. Температура -2°C. Хаулы говорят, что в такое холодное лето через две недели могут начаться заморозки, а через три недели озера покроются льдом. Как же без лета?..

Море к середине дня заволновалось, побурело, белые гребни срывались с валов. Мы затащили нашу лодку за песчаную косу, чтобы ее не разбило волной. После обеда я вел с ненцами беседу о Солнечной системе, о Земле. Нарисовал на песке целую "солнечную систему" с соблюдением масштабов.

Все слушали меня с исключительным вниманием и интересом. Вечером, надоевшие друг другу, мы разбрелись кто куда...

На следующий день я встал раньше всех и подал маленькую лодку дежурному Максиму. Волна была все такая же. И ветер дул с севера уже пятый день. С утра я опять ушел в тундру. Вид ее такой же однообразный, как и везде. Местами попадались глубокие овраги до 1520 метров глубиной, невидимые с близкого расстояния. Они обычно сильно разветвлены и скоро заканчиваются. Иногда дно их покрыто льдом. Там, где нет льда, обязательно струится ручеек по направлению к морю. Это водосборные артерии тундры, некоторые из них соединены с озерами. Покров тундры преимущественно травяной, но попадались значительные площади хорошего ягеля. Зеленой молодой травы было мало, больше старой, и тундра имела зелено-бурую общую окраску.

Днем к нам опять приехал Кехелю Яптик. Он заявил мне, что несмотря на то, что я его в прошлый раз принял "как самого плохого человека, даже не взял пешки", он на меня не обиделся и вот заехал в гости, так как здесь недалеко ездил за дровами. По выражению его лица трудно было понять, шутит ли он или говорит серьезно. Николай Николаевич угостил его чаркой из своих запасов. Он немножко захмелел и сказал, что теперь может разговаривать хоть целую ночь. Кехелю рассказал, что среди Яптиков идет слух обо мне, что я, "начальник", еду здесь, а "мои пароходы" идут по Оби и везут новую факторию на устье Тамбея. Он, открыто глядя мне в глаза, просил не ставить факторию на Тамбее, так как она будет дымить и этим напугает зверя, тюленей и диких оленей. "Раньше дикого много было на Обской губе, но потом за ним стали приезжать охотиться много чумов, и олени ушли к Карскому морю. Тогда же и я должен был переселиться сюда", - закончил он.

Я ответил, что пароходы будут открывать не факторию, а радиостанцию, которая зверя, например дикого оленя, не испугает, и что белые медведи заходят даже в дома станции.

Тогда Кехелю спросил:

Ты скажи мне, почему "красная фактория" в долг не дает? Я вот никакого долга не имею, не люблю в долг брать, а нынче просил хлеба на десять рублей, так не дали. Мне-то ничего, а ведь есть совсем бедные - им плохо. Раньше купцы всем давали в долг, и богатым и бедным.

Я объяснил ему, что за всеми ненцами Ямала сейчас больше 100 тысяч рублей долга, и пока его не соберут, не будет нового кредита.

Конечно, согласился Кехелю, это правильно, но бедным надо давать.

Я попросил его продать мне шкуру дикого оленя. Он сразу повел меня к нарте и показал "гамдыр" - нужную мне шкуру. Однако стоила она очень дорого. За шкуру дикого оленя-самца здесь дают живого домашнего оленя, так как из нее выходит два тынзяна,¹ весьма крепких по причине толстой мездры, а один тынзян стоит до 15 рублей. Я воздержался от покупки. Кехелю вскоре уехал, а я пошел на вахту, так как подошла моя очередь. Ветер все дул, волна казалась больше прежнего, и холод был как зимой.

У меня из ума не шли слова Хаулы. Он рассказал, что в лета, обильные северными ветрами, уже через две недели начинают замерзать озера и можно ждать снега. Здесь и у пролива Малыгина ездят по снегу уже тогда, когда на Харасавэе его еще не видят. Недаром температура летом доходит всего лишь до +2°C. Настоящая Арктика со всей ее климатической суровостью! Лета мы еще не видели, если не считать 4-5 дней с комарами и оводами, а уж нам на пятки наступает зима.

Еще два дня прошли на берегу. Когда же кончится наш "арест"? Уже несколько раз Спицин вскакивал ночью с криком "Хась тара, хась тара!" Но Хаулы его успокаивал: "Зачем, ведь ветер не парусный". Ночи уже становились темными, теперь скоро солнце быстро покатится к полярной ночи, а мы совсем не движемся к северу. Неделя вычеркнута из нашего спешного движения. Какое странное явление - уже седьмой день дует один и тот же ветер. Это уже было невыносимым. Цветы морошки осыпались, убитые морозом; мы не снимали малиц, постоянно прятали озябшие пальцы в рукава. Продовольствие таяло хлеба оставалось на 15 суток при строгой экономии, сахар заканчивался, гречневую крупу съели, оставалась пшенная 5-6 килограммов да 30 банок мясных консервов. А нас 7 мужчин с хорошим аппетитом.

Афоня Хатанзеев, гуляя по тундре, наткнулся на хальмеры ненецкие захоронения. Мы пошли смотреть. Некоторые склепы были разрушены, в одном лежала женщина, судя по головному убору с бисером. У захоронений валялась утварь: котлы, чайники, кувшины, деревянные чашки, плоские блюда. Погребения расположились на вершине мыса, всего их было 30-40. Сфотографировать этот "город мертвых" мне не удалось, так как спустился густой туман.

---

¹ Тынзян - кожаная петля для ловли оленя.

По предыдущим расспросам я знал ненецкие погребальные обычаи. Когда кто-то умирает в чуме, то его обмывают и обтирают паклей, длинными, тонкими стружечками, намотанными на палку. Затем покойника одевают в хорошую одежду и оставляют в чуме на день-другой. Если имеется икона, то кладут под голову покойника. Обычно в соседних чумах уже все знают, что есть покойник и приезжают помогать. Гости не разъезжаются до конца похорон. Когда приходит время, тело везут на хальмер. При погребении колют оленей, кладут покойника в деревянный ящик, с ним оставляют разные вещи, ему принадлежавшие. Если это мужчина, то в хальмер могут положить нож, капканы, малицу; если женщина - то чайник, стол, чашки. Затем тут же справляют тризну. Кости забитого оленя непременно оставляют у захоронения. Вещи покойника намеренно портят: котел, чайник пробивают; малицу, рукавицы с чижками и пимы до половины разрезают. По возвращении с хальмера в чуме устраивают шаманские пляски. Шаман бьет в бубен, гадает на оленьей лопатке, поминает всех животных, наземных и морских, птиц, насекомых, известных ему. За это отпевание и гадание платят шаману два быка-оленя, а у зажиточных хозяев похороны обходятся и в 10 оленей.

На обратном пути, возвращаясь от хальмеров, мы прошли через место, где еще недавно стоял чей-то чум. Кругом чумовища валялось множество голов гусей, гаг и уток, а также лапки, крылья. (Кехелю Яптик мне рассказывал, что несколько дней тому назад он один добыл 70 гаг!) Тут же валялась лапта тюленя, большой желудок, вероятно, морского зайца. Недалеко были насыпаны две кучи земли - это был спрятан тюлений жир для будущей охоты. Тут же стояли идолы, 7-8 штук, представляющих собой несколько палочек, воткнутих в землю неправильным кругом. Только по зарубкам, смазанным кровью и салом в верхних концах палочек, можно было догадаться, что это идолы. Возвращаясь к себе в густом тумане, мы несколько сбились с пути и вышли на побережье верстах в полутора-двух от нашего стана. Устали сильно, попили чаю и сразу уснули как убитые.

Рано утром я вдруг проснулся и выскочил из чумика. Мне приснилось, что мы плывем на лодке! Но это был только сон, ветер не изменился и все еще не годился нам для плавания. Вернулся, лег, но уже не мог заснуть. Выхода из этого положения я не мог найти. Конечно, я мог бы сделать косой парус, чтобы плавать против ветра, но лодка без кия все равно бы не слушалась руля.

И все же я чувствовал, что сегодня или завтра мы выйдем в море. Ветер постепенно менялся. Во время утреннего чая меня вдруг осенило: почему в знак такого горестного события, как потеря 8 дней, нам не соорудить что-нибудь на берегу! Сейчас же мы вышли с Николаем Николаевичем строить. Сэу пошел на вахту, Едайко чинил руль, Хаулы стал стряпать "лепешки по-ненецки" на костре, Максим, сменившийся с вахты, спал. Работали вдвоем, и работа шла быстро. Через три часа на пригорке напротив Няк-гайус-хэге высилась наша трехногая пирамида с центральным столбом, обложенным дерном до самых "ног", которые мы связали для крепости медной проволокой. Конструкция получилась довольно прочной, хотя и из гнилого леса, но другого мы здесь не нашли. Года через два-три здесь будет лишь песчаный курган. Наши проводники сразу дали этому месту название - Пясадай луцен-юмб (Пясадайская русская куча).

Приехал к нам в гости Саттоку, привез вести. Он рассказал, что впереди на реке Седе-яха стоит чум, хозяин его предупрежден и ждет нас. Сообщил он и невеселые вести: жена Едайко сильно больна и зовет его домой; я решил отпустить его и ехать от Седе-яхи на оленях.

К вечеру 7 августа мы наконец вышли в море. Зыбь была довольно сильная, высотой в один метр. Берег уходил все дальше от нас, а наш знак "соловецкого сидения" виден был хорошо, даже лучше, чем жертвенник. Плыли весь день. К ночи ветер стал постепенно стихать, и мы пошли на веслах. Тут и там, показывались головы тюленей. Я выстрелил несколько раз, но неудачно, мешала волна.

Утро мы встретили на волнах. Ветер стих. Мы решили подойти к плавучим льдам поохотиться. Подплыли к большой льдине, площадью до полукилометра. Заметили морского зайца и несколько тюленей. Подавив охотничий азарт, я уступил первого зайца Хаулы. Он начал собираться. Что это были за сборы! Прошло не менее получаса, пока он и Едайко отчалили на маленькой лодке. Мы с интересом наблюдали охоту. Хаулы и Едайко заплыли из-под ветра и осторожно приблизились к льдине. Потом Едайко монотонно начал петь и покрикивать, как покрикивают на оленей, а Хаулы двинулся ползком к тюленю. Морской заяц все время поднимался на лапах и осматривался кругом. Когда Хаулы подкрался на расстояние хорошего выстрела, тюлень скрылся в продушине. Хаулы вернулся ни с чем.

Двигаясь дальше, мы снова заметили тюленей на другой льдине. На этот раз я пошел скрадывать. Подъехали со

Спициным на лодке, и я вышел на лед. Оказалось, что ходить по этому льду не так-то легко. Надо было следить за дорогой и ступать лишь на крепкий лед, чтобы не провалиться в многочисленные полыньи и промоины. Морской лед имел зернистое строение и сильно волнистую поверхность, на которой стояли озерки пресной воды, соединенные ручьями и каналами. В некоторых ручейках внизу был виден подводный лед, в других плескалась синяя морская вода. Значит, это были просто трещины на льду. Такие трещины достигали иногда до полутора метров в ширину, и перескочить через них было невозможно при скрадывании зверя, приходилось обходить.

Тюлень высоко поднял голову, я застыл, потом спрятался. Ползти мне было еще сажен 150, прежде чем можно было установить ненецкую подставочку под ружье и стрелять. Слева, ближе ко мне, на льду лежало черное бревно. Я подумал, что его занесло на береговой лед волной. Тюлень спрятался, и я не знал, ушел ли он под лед совсем или еще появится. То, что я сначала принял за бревно, вдруг соскользнуло вниз и скрылось в продушине! Досадно! Я продолжал подкрадываться к первому тюленю. Однако терпения и опыта у меня не хватило, и я спугнул его, зверь еще раз поднял голову и ушел в воду.

Да, видно не так просто промышлять в море, как это может показаться из рассказов ненцев, которые они сочиняют по принципу - "пришел, увидел, подстрелил". Тут нужны опыт, сноровка, знание повадок животных. Ну и, конечно, умение вести себя на льду, знать, где опасно, а где нет.

Спицин подъехал ко мне на лодочке, я покинул льдину, и мы направились к нашей шлюпке. Только мы отчалили, как невдалеке снова показалась голова тюленя. Мы начали подвывать, тюлень проявил к нашей песне большой интерес и, едва скрывшись в воду, показывался вновь. Он приближался к нам, выставляясь из воды иногда на полтуловища. Я ждал со штуцером и решил стрелять. Выстрелил. Пуля попала много ниже его, зверь нырнул и появился далеко за пределами прицельного выстрела. Такой неудачной оказалась наша первая охота на море. Афоня Хатанзеев тоже стрелял с лодки и не попал.

Мы решили закончить промысел и идти дальше. К середине дня показалось устье реки Ептармы. Издали мы увидели две нарты на высоком левом берегу реки. Вошли в устье. Нас встретили сыновья Тар Ямала. Они шумно приветствовали нас, сообщили, что давно тут ждут, выезжали несколько раз к берегу и вот теперь встретили. Накануне, на наше счастье,

они закинули маленький невод и поймали 15 огромных омулей, которые лежали перед нами тут же в лодочке.

Наших спутников это привело в необычайное воодушевление. Они объяснили, что проголодались от долгого сидения на "луце хаске" (русская каша), от которой настоящий ненец "не терпит".¹ И вот они наконец оказались среди сырой рыбы. Что тут началось! Мы, конечно, не с меньшим удовольствием будем есть картофель, яблоки и ягоды в первые дни возвращения из экспедиции. Но сейчас была только сырая рыба. Каждый подходил и брал себе "на сыру" столько омулей, сколько ему диктовал аппетит. Старики взяли по две-три штуки. Я тоже взял "на сыру" и с большим удовольствием съел пол-омуля. Николай Николаевич не ел сырого и стал варить уху. Все были довольны.

Пока кипел чайник, я завел разговор о дальнейшем движении к проливу Малыгина. Старший сын Тар Ямала, Пятте, сказал, что надо выезжать на оленях и побыстрее, чтобы не опоздать на промысел дикого оленя, за которым ямальцы отправятся на Белый остров, и что уже все чумы на нашей дороге расставлены, хозяева нас ждут, и мы поедем так быстро, как нам нужно. Все было прекрасно. Одно только меня смущало, что расставлены были все богатые, многооленные чумы, так как Тар Ямал сознательно отстранил бедноту, которой трудно было запрягать для нас 30-40 оленей. Но как потом оказалось, недостатка в бедняцких чумах на моем пути не было. А о Тар Ямале все говорили как о справедливом человеке.

По уговору с Пятте на следующий день мы должны были подняться на нашей лодке вверх по реке Ептарме, и там наши вещи перегрузят на оленей. Теперь, после делового разговора, пришла пора и мне угостить моих новых провожатых, проститься с Хаулы, Сэу и Едайко. Я достал свои скромные запасы. За чаем я говорил о том, что мы приехали с добрым сердцем, никого не хотим обидеть. Лучшими агитаторами были Хаулы, Сэу и Едайко, они быстро растолковали нашим новым знакомым, что "помощь нам - это помощь всем ненцам, всей тундре". Мне только оставалось выслушивать от Максима перевод их речей и наливать чарку. Старики не говорили, чтобы я им что-то обещал лично. "Красные начальники" хотят помочь беднякам, не хотят разорить богатых", - вот общий смысл их речей. "Саво ненэц" (хорошие люди)

---

¹ Терпеть - ненцы употребляли этот глагол в значении: мочь, быть способным к чему-то, сделать что-то.

слышалось постоянно, а ответные реплики были "Трэм саво, трэм тара" (так хорошо, так надо).

Я подал по два маленьких стаканчика и прекратил угощение. Но после чая подъехали еще два оленевода с левого бережья Ептармы. Ясное дело, о чарке им сообщили. Они вопросительно смотрели на меня, но я постарался не заметить их жажды. Тогда они сами спросили: "А нам как же - будет чарка или нет"? Надо было их угостить, а раз их, так и всех. Мы выпили по последней, и я всех сфотографировал.

После этого я попросил расставить на карте чумы так, как они стоят сейчас. Все обступили карту, сели кругом и в моей тетради стали чертить схемы рек, притоков, озер и места стоянки чумов. Интересно было видеть, как они передавали карандаш из рук в руки и говорили: "Ты лучше знаешь, здесь делай". И новый "топограф" долго примерялся, спрашивал, где какая река, думал и наконец проводил линию реки. Здесь открылось новое, неизвестное мне соединение бассейнов Обской губы и Карского моря через реки Есебуй и Венуй-едо.

Потом я завел разговор о целях нашей поездки уже сам. Я им говорил, что мы хотим улучшить их жизнь. Ненцы ответили, что их жизнь хорошая и не нужно ничего изменять: "Мы привыкли к чумам и оленям, иначе жить мы не можем", говорили они. Я тогда пояснил, что мы не хотим "ломать жизнь", а хотим её облегчить: чтобы олени не болели, чтобы песец не уходил, ружья бы не стреляли назад, как у Пятте (у него лицо было обезображено разорвавшимся затвором винтовки). Выслушав, Пятте сказал: "Да, жизнь нашу можно облегчить, если ты сделаешь так, будет хорошо". Остальные молчали. Я добавил, что мы сумеем сделать жизнь в тундре лучше, если вы нам поможете: все покажете, все расскажете, не будете нас бояться. "Трэм тара", - был ответ.

Эта встреча и этот вечер были одними из самых красивых на Ямале за время экспедиции. Мы долго и спокойно беседовали, сидя на высоком мысе Ептарма-сале, любясь заходящим солнцем. Оно грело, было тепло. Море было совершенно спокойно и прозрачно, как стекло. Взгляд задерживался на маленьких льдинках, изредка встречавшихся на зеркальной глади уходящих за горизонт вод. Около устья реки с моря толпились три огромные стаи авликов. Их было не меньше тысячи. Птицы ждали прилива, чтобы плыть в реку. Сыновья Тар Ямала - а здесь его вотчина - попросили нас не стрелять авликов ружьями, и если нам нужна еда, то они помогут наловить птиц сетью. Меня это заинтересовало, и я попросил показать нам, как они охотятся на линную птицу.

Разъехались все наутро. Я был очень доволен тем, что удалось пробить лед недоверия жителей Ямала, казавшихся нам еще недавно сумрачными, хмурыми, суеверными и нелюдимыми. Это открывало нам дорогу для дальнейшего изучения их жизни и хозяйства.

Шел уже пятый месяц нашей работы в тундре. Я все больше стал задумываться о конечных результатах работ: научных описаниях, оценках, расчетах. Хорошо продвигался сбор сведений о хозяйственной жизни ненцев. После поездки на лодке по Карскому морю мы с охотоведом Спициным суммировали наши сведения о морских промыслах, промысловой обстановке у западного берега Ямала. Вдвоем мы составили предварительный очерк о морской охоте ненцев. Мне это было особенно интересно, так как перед отъездом в экспедицию, даже в библиотеке Академии наук в Ленинграде, я не смог найти никакой научной литературы по этому вопросу. Собранные нами сведения тогда были первыми. Вот наш общий очерк.

Морской зверобойный промысел на Ямале.

Из морских зверей в водах Ямала мы встретили ластиногих: моржа атлантического (по-ненецки "Тиутей", по-хантыйски "Пенгмей", зыряне называют его по-русски - морж); морского зайца, или лахтака (по-ненецки "Игорти", по-хантыйски "Хэванвэй", по-зырянски "Вакочь"). Есть тут также кольчатая нерпа и, вероятно, гренландский тюлень. Тот и другой вид по-ненецки называется "Няк". Из дельфинов в этих водах есть белуха и касатка, а из китов - большой полосатик.

Сейчас очень редко, но бывают выбросы мертвых китов на Ямальские берега.

Главный вопрос, интересовавший нас практически - каково же количество промыслового зверя (ластиногих) в Карском море. Это мы могли определить по показаниям ненцев-промысловиков. Судя по их словам, запасы зверя в Карском море значительны. В Обской губе и в Карском море встречается главным образом нерпа. Морской заяц, не говоря уже о моржах, не держится вблизи берега, поэтому его в губе и в проливе Малыгина нет.

На Карском берегу Ямала морской заяц начинает попадаться, по словам ненцев, "за один попрыск", то есть за 10-15 километров от берега, а морж "за два-три попрыска", то есть за 20-40 километров. Промышленник Яунгад на вопрос о

количестве моржа на ледяных полях так определил запасы зверя, показывая на находящееся впереди стадо оленей в 700 голов: "Может быть, половину этого стада в одном месте на льдине летом при поездках на промысел приходится встречать". А это говорит о залежках зверя в несколько сотен голов. О значительных количествах моржа можно судить из рассказов ненцев, побывавших на кораблях, "на которых никто не умеет говорить по-русски". Это, скорее всего, норвежские браконьеры. Нумеда Пуйко рассказывал, что на судне, встретившемся ему в открытом море, на котором ему удалось побывать, вся корма была завалена моржовыми клыками.

Запасы морского зайца тоже не малы; говоря о Байдарацкой губе в ее узкой части (против устья Юрибея), один из промышленников Сэротэтта так определил количество: "Зверь есть, годами много, лежит поодиночке у лунок, есть нерпа, есть и заяц. Друг от друга видны с одного места сразу 20 штук". Промышленник Ного из этих же мест так сказал о звере: "Если большая льдина - зверей 10 лежит, есть нерпа, есть и заяц".

В Обской губе тюлени встречаются в основном в северной ее части до устья реки Тамбей. Чем дальше на юг, тем тюленей меньше, а уж у устья Се-яхи они вообще встречаются крайне редко. Это объясняется относительной людностью тех берегов. Начиная от Нового Порта стоят рыбацкие чумы на промысле осетра и нерпы. Много нерпы и в проливе Малыгина, это подтвердили все встретившиеся нам промышленники.

На охоту ненцы выезжают на больших деревянных лодках. Что они собой представляют, видно из промеров той лодки, на которой мы плыли по Карскому морю от устья Тиутей до реки Ептармы. Длина лодки 540 см, наиболее широкая часть 230 см, высота в носу и корме 130 см. Лодка сделана из теса 2х13 см. Оснастка лодки прямой парус 3,6х3,6 метра, сшитый из распоротых мешков. Мачта длиной 4 метра имеет диаметр внизу 9, а сверху - 5 см. Верхняя рейка (поперечница прямого паруса) длиной 4 метра, толщиной 6 см.

Разумеется, что на подобном "судне" выезжать далеко от берега, где только и можно найти лежки такого крупного зверя, как морж, рискованно. Поэтому добыча ненцев-зверобоев ограничивается в основном морскими зайцами. Да и не любят ненцы моржа за его величину. "С ним возни много", говорят они. Кроме того, кожа зайца считается пригодной для

изготовления упряжи, и она ценится дороже, чем моржовая на внутриямальском рынке.

На лодке отправляется артель 5-7 человек, в зависимости от величины лодки. Обычно в такой артели еще заранее, до выхода в море, выбирается лучший стрелок. Он берет свое ружье, он и стреляет зверя. Зайцы лежат поодиночке, поэтому и стрелять приходится одному. Конечно, в лодку берут и запасную винтовку, если таковая имеется. Винтовки для морской охоты ненцы предпочитают с вертикально скользящими затворами, продольно скользящий затвор не любят. Кроме того, в лодку берут 1-2 якоря и 2-3 гарпуна ("позек") разных размеров. Гарпун надевается на специальное древко. К нему привязывается тынзян или веревка. Чтобы гарпун не тупился, на его лезвие одевается специальный чехол из дерева, удерживаемый особой шпонкой, проходящей под гарпунной зазубриной. Кроме гарпуна в лодку берется еще пика (тиутей-каре). Ею добывают подтянутого к лодке или льдине моржа. При большой лодке всегда имеется маленькая, чтобы на ней быстро, с наименьшим шумом и с нужной стороны подъезжать к льдинам, на которых замечен зверь.

Средняя добыча ненецкой лодки, не отъезжающей далеко от берега (берег виден), обычно 10-15 зайцев. Это подтверждает общие выводы о значительных запасах морзверя у берегов Ямала. Если ненцы на своих утлых лодчонках добывают за поездку по 4-5 моржей или по десятку и более зайцев (большого количества шкур и жира зверя лодка не в состоянии поднять), если при охоте с берега некоторые охотники за весну на льду добывают по 20-30 нерп и несколько зайцев, при этом винтовками, не бьющими зверя дальше 100 шагов - это ли не гарантия значительного количества морского зверя в Карском море? Морской зверь, на которого ненцы охотятся, по утверждению промышленника Лямби Вэненга, не убывает "от сотворения мира", и это вполне объяснимо состоянием промысла.

Морской промысел ненцев имеет два резко отличающихся периода: летний - охота на лодках (сюда входит осень и весна) и зимний - охота на припае, на льду. Если тюленей на льду пытаются промыслить почти все, имеющие оружие и выходящие на Карский берег оленеводы, то летний промысел с выездом в море на лодках является уделом лишь небольшой части кочевников. Не потому, что остальные не желали бы заняться этим весьма выгодным промыслом, а потому, что большинство не в состоянии обзавестись соответствующим инвентарем: 9 лодок ежегодно выходят из устья Мороды-яхи,

три лодки имеются на реке Тиутей, три выходят из Юрибея. Кроме того, в проливе Малыгина еще три лодки - они стоят на Яхады-яхе. Но последние применяются не для промысла морского зверя, а для переправы через пролив на остров Белый для охоты за дикими оленями и перевозки оттуда добычи.

До отправления в море и в процессе охоты выполняется ряд обрядов. Чтобы умиловить бога, приносится жертва, бьется олень. Оленя убивают головой к "святому месту", обычно стоящему на мысе при впадении реки в море. Таков Тиутей-сале. Там, где имеются морские лодки, обязательно есть хотя бы небольшое "святое место" с несколькими идолами. Кровью жертвенного оленя мажут личины всем идолам, набрав в пригоршню кровь, пускают ее в море, мажут нос и руль лодки. Голову оленя всегда оставляют на "святом месте".

Временем, наиболее удобным для промысла, считается период от "Петров яле" (Петров день) и до "Илья яле" (Ильин день), то есть с середины июля до середины августа. Каждая лодка за это время выезжает обычно один раз и проводит в море 10 дней, добывая необходимое количество морзверя. С собой обычно берут продовольствие - оленьё мясо, хлеб, деревянный жбан с водой. Воду запасают из вытаявших на морском льду лунок.

Сама охота, судя по рассказам ненцев и нашим наблюдениям, проходит так: лодка выезжает ко льдам, отстоящим от берега на 10-15 километров, находят большую льдину, ледяное поле, и начинают ее объезжать. Заметив на какой-либо льдине зверя, охотники стрелок и гребец, пересаживаются на вторую, маленькую лодку и, учитывая направление ветра, начинают подъезжать к тюленю с удобной стороны. Высадив стрелка на лед так, чтобы ветер был от тюленя, лодка отъезжает в сторону или остается на месте, гребец в лодке начинает заунывное пение, завывание. В это время стрелок подкрадывается к зверю сначала согнувшись, затем ползком, толкая впереди себя подставку для ружья. Обычно это доска, обитая белым, применяемая ими для охоты на диких оленей "илебц латта". Иногда же подкрадываются без всякого прикрытия, при этом скрадывают зверя очень медленно, с подражанием движению тюленя. По мнению ненцев, завывание и тягучие крики дают охотнику возможность подойти на более близкое расстояние. Большинство промышленников применяют этот способ. Стреляют в голову, так как иначе раненый зверь уйдет под лед в продушину, возле которой он лежит.

Добыча промысла делится строго поровну между всеми участниками. "На лодку", то есть хозяину ее, выделяется особый пай. Если количество добытого зверя не кратно числу паев, то при дележе каждый участник охоты получает примерно одинакового по величине зверя, остатки делятся - каждый зверь на число паев. Распределение производится при помощи жребия. С собой в лодку берется и вывозится только шкура и жир зверя. Мясо бросается на месте не потому, что ненцы не употребляют его в пищу, а лишь из-за того, что лодка не выдержала бы нагрузки в 8-12 зайцев и 4-5 моржей.

В зимних промыслах различаются два периода - осенний, до первых темных ночей, когда зверь начинает идти в устья рек, и зимний "торосовый промысел" на льду. Первый период промысла продолжается короткое время - с конца августа до середины сентября, до замерзания рек, и является незначительным по добыче. Обычно подкарауливают и скрадывают зверя, вышедшего на отмель.

На время темной полярной ночи в морском промысле наступает перерыв. Но с появлением солнышка, ближе к весне, промысел начинает оживать. Организуются артели, а некоторые поодиночке подходят поближе к морю и выезжают на припай на оленях, удаляясь от берега иногда и на 20 километров. Здесь подстерегают добычу у лунок. Дальше чем на "два попрыска", по словам ненцев, по припаю Карского моря ехать затруднительно - мешают торосы. Охотятся тут на мелких тюленей, так как лахтаки лежат еще дальше от берега, ближе к открытому морю, и к ним пробираться боязно из-за риска быть оторванным и унесенным в море.

Охота зимой проводится большей частью артельно. Артели создаются на месте из всех съехавшихся на какой-либо определенный участок берега. Добыча промысла в этом случае делится между всеми участниками поровну, вне зависимости от того, кто сколько добыл лично. Временем наилучшей охоты скрадом считаются солнечные тихие весенние дни, тогда главным образом и выезжают на охоту.

Помимо скрадывания осенью и отчасти весною, ненцы используют самоловы с постановкой их в тюленьи лунки. Этот способ применяется только в Обской губе. Может быть, потому, что там много ловцов осетра, у которых есть крючки-самоловы. В лунках с разных сторон опускают несколько крючков, сделанных из толстой стальной проволоки. Тюлень, вылезающий из лунки, проходит свободно, но, когда он бросается в лунку сверху вниз, очень часто попадает на эти примитивные удочки. Обычно промышляют этим способом,

ставя 10-12 таких самоловов. Широкого распространения этот способ не имеет.

В Карском море и Байдарацкой губе, замерзающих довольно поздно, осенний промысел незначителен, зато весенний всем участвующим дает по 10-30 нерп на пай. Зимний промысел в ненецком хозяйстве важен еще и потому, что в это время года морзверь используется полностью, без отходов. Если при летнем промысле много тюленьего мяса выбрасывается в море, то зимой тушу привозят в стойбище, и добыча вся идет в пищу.

В целом морской зверобойный промысел играет значительную роль в бюджете кочевых хозяйств Ямала. Взяв отдельные из них, "истых" морских зверобоев, и выведя доходную часть бюджета по разным отраслям, мы определили долю продукции морского промысла в 20-25% от всех доходов.

Количество хозяйств, участвовавших в промысле в 1926-1928 годах, составило 68. Их средняя добыча зверя: мелкие тюлени - 356, морские зайцы - 122, моржи 10 шт. Причем добывается не более четверти от всех отстреливаемых зверей, много подранков уходит.

Вся продукция морского зверобойного промысла используется для собственного потребления или обменивается на внутреннем рынке. Товарной продукции вне ненецких хозяйств этот промысел не дает. Жир морского зверя употребляют в пищу, шкуры тюленей идут на пимы и гуси, шкуры моржа и зайца на упряжные постромки, вожжи, тынзяны. Цены внутреннего рынка Ямала выше, чем заготовительные, что способствует оседанию этой продукции на местах. Но при надлежащей организации морзверобойных артелей среди ямальских ненцев можно значительно поднять производство и товарную часть промысла.

ГЛАВА 4

*В гостях у "патриарха тундры". Братья
Вэнэнга. Белоостровская застава. Встреча с
береговой партией Убеко Сибири. На клипере
"Прибой". Шаман Сэйко Ямал. Проводы на
Белый остров.*

9 августа мы проплыли на лодке несколько километров вверх по реке Ептарме и выгрузили наши вещи в тундре.

Тепло попрощались с Едайко Яптиком, Хаулы и Сэу. Вечером подошли нарты, мы погрузились и выехали к "хозяину земли" Тар Ямалу.

Два чума стояли на высокой острой стрелке, образованной весенними водами при изгибе реки. Один чум старика, другой сына. Сам Тар Ямал вышел встретить нас, он был одет тепло, в малице. Об этом старике я слышал и раньше. Ему очень много лет. Еще весной, в первые дни экспедиции, я спрашивал у ненцев, кто самый сильный на их земле, кто самый богатый, кто самый умный.

- Самый умный у нас Тар Ямал, - отвечали мне.

- Почему?

- Потому, что он самый старей.

Усевшись на почетных местах в чуме, мы начали разговор с общих вопросов и обмена любезностями.

- Наслышан о тебе, вэйсако, - сказал я, - еще когда вышел из Обдорска. Ямальский народ тебя знает и хорошо говорит о тебе.

Как не знать! Живу я сильно долго и все время кочую здесь. Все знают.

- А как долго ты живешь, сколько зим?

Не знаю, я давно перестал считать зимы и лета, их нельзя сосчитать.

Я спросил: "Не помнит ли он двух нерусских людей, которые и говорили не по-русски, два немца, которые ездили по Ямалу от Обдорска до реки Щучьей. Они были очень давно.¹

- Я их хорошо помню, - ответил Тар Ямал, - я был тогда уже старым человеком, у меня были внуки. Мне было 6 "русских десятков" лет и столько же зим.

Оказывается, старик помнил о докторе Брэме, авторе знаменитого обширного труда о животных всего мира, который в сопровождении доктора Финша в 1875 году приезжал на Ямал. Я записал в дневник, что Тару Ямалу может быть более 105 лет. Для проверки этой оценки возраста я спросил его еще об одном хорошо датированном историческом событии.

Не помнишь ли ты, вэйсако, Ваули Ненянга - человека, который отбирал оленей у богачей и раздавал их бедным? Он жил в Тазовской тундре и ходил по рекам Пуру, Тазу и Надыму (это было в 1837-1838 гг.)?

---

¹ Экспедиция известного зоолога Альфреда Брэма и доктора Отто Финша. В 1875 году проведено изучение местности по рекам Байдарата и Щучья; исследовалась природа и быт населения.

Как же не помнить? Я тогда мальчиком был. Мой отец подкочевал к его чуму, и они долго жили и ездили вместе. Отец был бедный, оленей у него было мало - четыре десятка. Ваули дал ему 100 штук, и с них у нас развелись олени.

Далее я завел с ним разговор о "коренных родах". Вопрос о формах общественной организации ненцев я считал очень важным и любопытным и надеялся от Тар Ямала, как от самого старого человека, получить новые сведения. Он рассказал, что есть два "коренных рода": Окатэтта и Вануйто - от этих родов произошли все прочие роды. К первому "коренному роду" Окатэтта относятся: Хороля, Худи, Ямал, Сэротэтта, Ядне, Нгадер, Тусида, Явай, Лапсуй, Харючи и другие. Ко второму, Вануйто - Сэрипино, Яптик, Яунгад, Магаку, Яптая, Ломду, Вэненга, Яр, Лаптандер, Поронгтуй, Пуйко, Вылка и еще многие другие. Различие между "коренными родами", по словам Тар Ямала, в настоящее время уже стирается. Происхождение учитывается лишь при выборе невесты, которую нельзя брать из родов своего корня. Но и это сейчас соблюдается лишь в отношении главных, наиболее многочисленных родов. Интересно, что хантов и уральских, или, как здесь говорят, "каменных" ненцев, они тоже считают производными от главных коренных родов.

Сейчас наиболее многолюдные роды - Окатэтта ("многооленный"), они имеют 100 чумов, род Вануйто ("корневой") тоже около этого. В большие роды входят малые, или "ватаги". Так, род Окатэтта имеет ветвь Ямал; Вануйто - ветвь Магаку и Яптая. Большинство родов на Ямале представлено лишь несколькими чумами, а некоторые, как Ломду, Хуненда единицами. Есть ненецкие предания, в которых фигурируют неизвестные теперь роды. Надо полагать, что это роды, жившие когда-то на Ямале, но теперь вымершие или ушедшие.

Родовые подразделения у ненцев сохраняются и сейчас. К общеродовым делам раньше относились выборы родового старшины, родового всенародного суда по некоторым делам, были собрания родов в связи с некоторыми событиями. Наиболее почитаемыми в роде и раньше и сейчас являются богатые оленеводы и старики. Их может быть несколько человек. Из их числа выбирался раньше старшина вершитель судебно-административных дел. И теперь крупные оленеводы остаются безапелляционными советчиками своих сородичей, хотя и не имеют никаких формальных прав. Авторитет их до сего времени остается непоколебленным. Он основывается, с одной стороны, на обычном праве ненцев, согласно которому на

богаче лежит ответственность имущественной защиты своего сородича-родственника от государственного закона, суровой природы, голода, врагов, с другой - постоянно подкрепляется гостеприимством, дарениями, подачками.

Защита от закона требовала внесения богачами ясака сразу за всех сородичей, что обычно и делалось. Потом богатые собирали уплаченное со своих родственников. Ясак прекратили взимать только в 1924 году. До этого времени богачи регулярно привозили меха и деньги в Обдорск и отдавали властям. Не исключено, что в сборах ранее уплаченного ясака богачи эксплуатировали бедноту, но установить формы и размеры такой эксплуатации сейчас весьма трудно. Бедняки объясняли, что отдавали чем случится: если рыба - рыбой, если песцы - песцами, а если нет ничего, то не платили до следующего года. Совсем не платить было нельзя. На следующий год опять будут ясак брать в казну, и лучше задолжать своему богачу, чем страшной "казне". Так считают ненцы и сейчас, помня запугивания царских властей, к которым они очень впечатлительны.

Отдельные роды живут между собой в тесном соприкосновении, никакой родовой вражды у них не происходит. Нет споров между ними о выпасах, что говорит о том, что четких границ родовых территорий, их конкретного межевания не существует. Однако нам доводилось слышать, что есть жалобы тиутейских Окатэтта на то, что живущие рядом Яптики всегда остаются осенью дольше всех на Ямале, "чтобы осмотреть чужие слопцы". Но это говорит не о межродовой вражде, а лишь об имеющихся нарушениях обычного права...

Еще долго рассказывал мне старожил ямальских тундр какие-то истории и легенды из жизни родов. Потом принесли вареную оленину. Сырой старик уже не ел - старые зубы. Я угостил нашего хозяина небольшим количеством водки, сказав, что "для почета" поберег ему. Он был очень доволен. Стал рассказывать о своем хозяйстве. Оказывается, он за всю свою жизнь дважды терял стадо. В первый раз от "сибирки" и копытки потерял в два лета 2000 голов, осталось лишь 100 оленей. Второй раз потерял 1000 оленей, осталось 300. Все это было здесь, на реке Ептарме. Все, кто мог, возвращали ему оленей, которые он ранее дарил или давал в долг, и стадо постепенно росло. Его "вотчина" простирается от реки Седеяха до реки Ниутте и на восток до хребта. Это огромное владение образовалось после смерти многочисленных родственников Тар Ямала, имевших здесь свои вотчины. Таким образом, "вотчины" переходят по наследству.

Мы разговаривали со стариком довольно долго. Он был интереснейший человек, живая история Ямала. Сидя на оленьей шкуре, рядом с собой он держал небольшого сядая, хорошо вырезанного из дерева и нарядно одетого в ягушку. Разговаривая со стариком, я все время с любопытством смотрел на эту куклу, которую он держал на коленях и которой время от времени помазывал лицо, вернее, зарубку, где должны быть губы, то маслом, то жиром, сырым кровяным мясом, подносил ей кусочек сахару или хлеба.

Вэйсако, зачем у тебя этот сядай на коленях? Разве нельзя положить его на священную нарту или поставить вон туда? - я показал на переднее место в чуме, где часто можно видеть идолов.

- Нет, нельзя. Я дал обещание держать его всегда при себе.

Идол был хорош. В отличие от обычных сядаяев-чурок, слегка оболваненных и заостренных на месте головы, с грубыми зарубками вместо глаз, носа и рта, этот идол имел несколько более тщательно вырезанное ножом лицо, выпуклый нос, глаза с надбровными дугами, рот и хорошо выделанные подбородок и шею. Особенно привлекательна была женская одежда - точная копия настоящей, маленькая шапка - "совода", отороченная белым мехом вокруг лица, как у настоящих шапок-капоров. От Свердловского областного музея нам было дано задание собрать коллекцию предметов религиозного культа ямальской тундры. Этот сядай прямо-таки просился в такую коллекцию. Я спросил:

- Вэйсако, тебе этот идол сильно нужен?

- Да, я без него не могу жить.

- Почему же?

- Это ведь смерть моя. Смерть уже приходила ко мне, но не взяла меня. Вот за это я ее пою и кормлю сейчас, не боюсь ее больше и говорю ей - пусть живет, только подольше ко мне не приходит.

Мне стало ясно, что ни взять, ни купить этого идола для музея мне не удастся. Вера в сядаяев у ненцев еще была крепка и ничем не поколеблена.

После чая, долгой беседы и угощения мясом, рыбой, жиром тюленя я собрался перейти в стоящий рядом чум сына Тар Ямала. Сам он в отцовский чум не зашел, ждал меня у себя. Старуха, жена Тар Ямала, сказала, чтобы мы не уходили, вышла и принесла шкурку песца, которую подала мне, говоря, что "они рады всякому гостю, а особенно - приехавшему изда-лека. А по нашему закону, добавила она, мы не можем отпустить без подарка". Я отказывался, говорил, что если уж

надо подарить, то что-нибудь необычное или недорогое - пешку или тюленью шкуру, или табакерку, или нож. "У русских есть пословица - недорог подарок, дорога любовь. И мы ценим одинаково дорогой и недорогой подарок", - объяснил я нашим гостеприимным хозяевам. Но тщетно. Им было неприятно вести этот разговор. Они твердили: "Если не хочешь нас обидеть возьми подарок, сделай нам хорошо. Старуха и все гости в чуме говорили, как у них дарят всем замужним дочерям нарты, запряженные оленями, одежды и пр. Как позорно для всякого богатого хозяина отпустить человека без подарка...

Я принял песца, предупредив, что взять себе не могу, а отдам его в казну, "большому выборному начальнику". "Хоть куда день, только возьми", - просили хозяева. Что оставалось делать? Я взял песца и поставил его стоимость в графу "приход" финансовой ведомости экспедиции как исполнение доходной статьи.

Вышли из чума, долго стояли у "святой нарты", разговаривали об обычаях. Здесь нам сказали, что подъезжая к "святым мысам", мы должны поворачивать шапки козырьком назад, прикрыть глаза. Переезжая на Белый остров, следует обязательно ехать до половины пролива с перевернутым козырьком. Я спросил о богах. Их оказалось несколько: Сэру Ирику главный, потом Яумал-хэ, чьи жертвенники поставлены на мысе Хаэн-сале. Это общечамальские святыни. Тиутей-сале, Няк-гайус-хэге и другие - это местные божества. Состоят ли боги в родстве между собой, неизвестно. Сядаи есть только изображения божеств, сами же они на небе и в тех чумах, где есть их изображения. Солнце, луна тоже божества, им поклоняются: когда солнцу - выяснить не удалось, а луне при полнолунии каждый месяц приносят жертвы. Так должен поступать каждый ненец-оленовод.

Перешли в чум к сыну Тар Ямала. Мне сказали, что этот сын, а не сам старик, и есть "вершитель судеб Ямала". Действительно, он и его хозяйство носили неприятный характер высокомерия и скрытой вражды. Подали на стол рыбью "варку". Раньше я ее вообще не мог есть - сплошной рыбий жир. Сейчас же она имела вкус лучших шпрот, и мы с удовольствием ее ели. Даже Спицин, очень разборчивый в еде, не употреблявший сырого мяса и рыбы, нашел ее великолепной. Подали колбасу, прозрачную на свет, как виноград. Это жир морского зайца, поджаренный на огне и налитый в его же кишку. Николай Николаевич не стал есть, хотя и попробовал.

Я же нашел это блюдо весьма вкусным, напоминающим ветчину, и съел с удовольствием два хороших куска.

Сын Тар Ямала тоже подарил нам песца. Я хотел было отказаться, но он очень обидчиво стал говорить, что олени нажиты им самим, что промышляет он сам и что хозяйство у него и у старика у каждого свое... Значит, и он должен дать своего песца. Убежденный его логикой, я взял песца. Богатое хозяйство - пусть финансирует экспедицию, налога все равно не платят никакого. Поздно ночью легли спать в чуме Тар Ямала. Всю ночь шел дождь, утром был сильный ветер. Погода мешала ехать. Наконец к середине дня подняли оленей и выступили. Езда была приятная, олени сытые, сильные. Приехали в чум Някоче Вэнэнга под предводительством самого хозяина. Чум его стоял в верховье реки Ярро-вангуттаяха, приток Ептармы. Хозяин сразу же взял своего маленького сына и стал его целовать. Видно было, как он соскучился по нему за день отлучки из дому. Это хозяйство произвело на меня прекрасное впечатление. Жена и старшая дочь Някоче были весьма ласковы с маленькими детьми. Младший сын, мальчик трех-четырёх лет, чистый, ласковый, дружелюбный и доверчивый.

В этой семье был приемыш-сирота. После смерти родителей он остался без оленей. Някоче взял его к себе, теперь у приемыша 50 своих оленей. Его имя Тенька Тусида. Ему 18 лет, он будет, вероятно, мужем старшей дочери Някоче. Сам хозяин Някоче Вэнэнга имеет черные кудрявые волосы, такие же у его трехлетнего сына и у старшей дочери 16-летней девицы с цыганским типом лица, с высоко поднятыми дугой бровями. Она довольно миловидна в европейском смысле, если бы не оспинки, портившие ее лицо.

Я спросил у Някоче о беспризорности детей, что с ними бывает, когда они осиротеют. Оказывается, беспризорности у ненцев нет. Непременно сироту кто-нибудь подберет и растит независимо от того, есть ли у ребенка олени или нет. Так и Тенька Тусида, как члену семьи ему положено ежегодно комплект одежды, обуви, он участвует в промысле, получая треть всех добытых хозяйством песцов, оленей и пр.

Мы заснули в этом чуме поздно, укрывшись хорошими чистыми ягушками, с прекрасным настроением дружелюбия и довольства. Някоче Вэнэнга можно считать искренним другом русских, готовым верить нашим социальным мероприятиям и способным проводить зоотехнические работы в крупном стаде. С таким человеком можно было бы организовать олений колхоз или кооператив.

С утра было хмуро, ветрено. Мы хотели выехать поскорее, но опять началось чаепитие и угощение. Някоче тоже подарил песка, не слушая отказов и говоря: "Я уверен, вы не обидетесь". Тогда я сказал, что приеду к "большому начальнику" и скажу, что ненцы "подарили в кассу" этих песцов. Этим они хотят выразить доверие нам, а через нашу экспедицию и доверие ко всей Советской власти. Все мои рассказы о кассе они пропустили мимо ушей. Им было важно, чтобы я взял песка. И когда я сделал это, они перешли к другим разговорам, сказав свое неперемное "Трэм саво".

Я стал осматривать хозяйство Някоче. Чум этот настолько благоустроенный, что даже собаки дисциплинированы, не лезут и не суют свои морды в кушанье, как обычно. Здесь я заметил, что у ненцев, как и у всех народов мира, есть любовная симпатия и влечение молодых людей друг к другу. Пока за чумом все собравшиеся ели на завтрак сырую пешку, я сидел и наблюдал за женщинами. Девушка завела лепешки и поджаривала их на обломке сковороды, переворачивая над углями. Тенька несколько раз заходил в чум по пустяковым делам. В последний раз он пришел закурить трубку, попросил у девицы лучинку, она зажгла и дала ему. Он закурил, что-то сказал, и она улыбнулась ему широкой открытой улыбкой. Заметив меня, Тенька смущенный вышел. Явно, у них было взаимное влечение, и, конечно же, представление о грубых нравах среди ненцев неверно.

К концу этого дня мы выехали к чуму брата Някоче Тёроку Вэнэнга. Ехали в сильный туман и разминулись с Тёроку, который хотел встретить меня и везти к себе. Приехали к чуму Тёроку на речку Ниутте-яха. Тут нас встретил его компаньон Нипка Сэротэтта. Широко улыбаясь, будто встретил давно знакомого старого друга, он шел к нам из чума и кричал: "Ани дорово, ани дорово еруо" (здравствуй друг, здравствуй). Через некоторое время приехал и сам Тёроку.

Пока мы ждали Тёроку, я спрашивал у Някоче о разделе имущества между братьями. Он рассказал: их было четверо братьев - Тёроку, Някоче, Епц и Няю. Отец умер рано, после отца они остались малооленными, у них всего было 400 оленей. Братья жили вместе до 1926 года. Потом, по общему согласию, они решили разойтись, так как все были уже женаты. Разделили стадо поровну без всяких споров и теперь имеют: Тёроку и Някоче по 600 голов, Епц - 500 и Няю столько же. Последние два брата в это время кочевали на своей старинной вотчине около мыса Хаэн-сале, по рекам Хоголе и Яптик-яха.

Пригнали стадо, подошел Тёроку, все прошли в чум. Здесь тоже на всем лежал отпечаток благоустройства и чистоты. Начался разговор. Я стал спрашивать их о "вотчине" - ведь они, имея свою родовую землю и вотчинную территорию, живут на земле Тар Ямала. Почему? Тёроку стал рассказывать, что они пришли сюда в прошлом году впервые. Хотя они и крупные оленеводы, но должны на "чужой земле" становиться в стороне от хозяина, не мешая ему. Спрашивать же хозяина, можно ли встать на его земле, не обязательно. Я спросил Тёроку, почему они ушли со своей вотчины. Он стал рассказывать:

- Что же, я расскажу тебе наше дело. На мою землю теперь пришел Сэйко Ямал с сыновьями. Сэйко раньше жил на Урале. Говорят, он там убил человека и теперь скрывается здесь. Говорят, его ищет обдорский суд? Как поселился Сэйко с сыновьями, начались драки в нашем краю, и я ушел подальше.

- А тебе самому он угрожал?

- Однажды мои олени забежали в стадо Сэйко. Я поехал к нему. Они меня увидели, зашли в чум. Я стою, жду, не захожу. Слышу, говорят: "Приехал богатый вотчинник, надо его убить". Это сам старик говорил. Я приготовился. Сэйко вышел и бросился на меня. Стали мы бегать вокруг нарты. Я знал, что старик любит табак, но он бедный, у него нет. Я достал табакерку, кладу табак в рот, потом говорю ему: "Хочешь табаку?" Он сразу нож за спину, опоясывается, подошел и взял табак. Потом говорит: "Твои олени у меня, ты их сейчас возьми", и послал за стадом. Я взял оленей. Потом еще были случаи. Вот из-за Сэйко мы и ушли, закончил рассказ Тёроку.

Потом он сообщил, что два года назад Сэйко увез себе на дрова береговой знак Убеко Сибири и сжег его. Тёроку боится, что за это будут взыскивать с вотчинников, то есть с них, с братьев Вэненга. Я стал говорить, что это очень плохо, за уничтожение берегового знака могут отдать под суд, но знает ли это Тёроку безошибочно? "У меня есть доказательства на длинных нартах", - ответил он.

Я сказал, что надо избавить Ямал от таких людей, но сначала надо во всем разобраться. Я решил расспросить о семье Сэйко и других здешних оленеводов и съездить самому посмотреть это хозяйство. Тёроку предупредил меня, что это опасно. Но съездить нужно - нет ли тут простой вражды, и я слышу односторонние оговоры? И действительно, через

несколько дней я встретился с Сэйко - что-то оказалось правдой, что-то нет.

Два дня мы гостили у симпатичного Тёроку. На следующий день утром, проснувшись пораньше, я взялся за фотоаппарат. Был редкий солнечный день. Жители чума охотно позировали, только молодая жена хозяина стеснялась и не хотела надеть новую ягушку. Она закрывала лицо руками, пока я не улучил момент и не щелкнул затвором. Начинался жаркий день, нелегкий для оленей, и хозяин попросил подождать меня с выездом до вечера. Я согласился, так как пути до пролива Малыгина уже оставалось мало.

Тёроку стал обнадеживать меня, говоря, что мы приехали вовремя и, конечно, попадем на Белый остров. Промышленники с конца Ямала выезжают на остров лишь тогда, когда начинаются темные ночи, а сейчас их нет, солнце заходит за горизонт часа на два-три. Значит, можно ждать темных ночей и сильно не спешить. Так уговаривал меня Тёроку.

Я завел обычный свой разговор об экономике ненецкого хозяйства, о доходности оленеводства. Эта тема весьма заинтересовала всех: женщины затихли, собак выгнали, мужчины были все в сборе и участвовали в разговоре. После рассказа об оленеводстве в других районах Севера - Чукотки, Якутии, Мурманской области (сообщение было выслушано с исключительным вниманием) я обратился к хозяину:

- Сейчас олень тебе дает 1 рубль дохода в год, то есть ты имеешь 500-600 рублей в год. А надо тебе, чтобы жить без кредита при 8 членах семьи, 800 рублей в год. На 200 рублей тебе надо добыть песца.

- Надо больше, ответил Тёроку, сейчас много гостей бывает. Те пeshки и постели, которые у меня есть сейчас, я до фактории не довезу, а раздам беднякам нельзя же их так отпустить? - закончил он вопросом.

- А сколько оленей ты отдаешь в кредит беднякам ежегодно?

Не знаю, не считал. Не помню даже всех, кто брал у меня. Разве только тех, кому я много давал. Вот ты ответь, долго ли так будем жить, без подати? Так нехорошо, мы хотим платить налог.

- Почему ты хочешь платить налог, когда у тебя нет хлеба и не хватает стада, чтобы заплатить за все необходимое на фактории?

- Мы так привыкли и хотим платить.

- Я думаю, бедняки никогда налога платить не будут. А на вас, середняков, и особенно на богатых, можно уже попробо-

вать налог, но не тяжело ли вам будет? Главное ведь, чтобы ты платил легко и скоро. Поэтому-то мы и хотим вас всех скорее узнать. Надо сделать, чтобы олень давал тебе не 1 рубль, а 2-3 рубля дохода в год. Тогда можно о налоге говорить по-настоящему. А пока вы без хлеба, без сахара и масла, мы не торопимся с налогом.

- Ты все правильно говоришь, - согласился Тёроку. - Пусть за бедняков платят богатые. Бедняк не может платить, пусть и не платит, нам так лучше.

Долго еще длился этот разговор. Мы все лучше начинали понимать друг друга. Подъехала упряжка, пришли и сказали, что можно ехать - еще два чума стали на нашем пути, чтобы можно было отдохнуть, сменить "лошадей". Вечером мы выехали, двигались на запад, ближе к морю. Уже здесь нет-нет да и блеснет за холмами далеко полоска воды и белый лед. Вот выехали на высокий холм. Пролив Малыгина вдалеке был виден хорошо. Вблизи льдов было мало, сплошные ледяные поля виднелись лишь к северо-западу. На хребте, отделявшем нас от моря, показались аннасы. Чум каслает. Мы поехали в том же направлении и выехали к чуму богатого оленевода Маймы Яунгада.

Не все обитатели тундры одинаковы. Майма Яунгад - вот образец беспорядочного хозяйства. Все было разбросано вокруг чума, рыба недочищена, масса уток лежала грудой на нарте. Вышла жена хозяина, сам долго не выходил к нам, потом соблаговолит. Это был толстый крупный человек лет 50 с черными кудрявыми волосами. Мы зашли в чум - маленький, дырявый, замусоренный. Вот так богач! В чуме я заметил какую-то необычную для здешних мест дощечку. Перевернул, посмотрел, оказалось, икона Николай-угодник. Я спросил Майму:

- Что это?
- Русский бог Николка.
- Откуда же это у тебя?
- Купил в Обдорске.
- А зачем тебе?
- Мне-то он не нужен, а вот олени шибко любят, для них и держу.

Оказалось, так ему сказал человек в Обдорске, взявший с Маймы за икону песка.

Мы не стали задерживаться здесь надолго. Я поговорил с Маймой о реках на его вотчине, положил с его помощью на карту течение реки Венуй-едо. Оказалось, большая разница с картой Б.М.Житкова, да он и сам сомневался в правильности

положения этой реки на его карте. Опасения были вполне обоснованными - ничего похожего на ситуацию, нанесенную на его карте, в действительности нет. Мне удалось расплести лабиринт Венуй-едо, рек Сабетты и Недармы. Майма Яунгад хорошо знал эти реки. Но все же я не смог установить точно, верховье каких рек карского бассейна находится против верховий обского бассейна.

В середине дня выехали на Олега-яху в чум Мати Ямала. Прибыли к Мати вечером. Нас встретил крупный пожилой мужчина в малице, покрытой красным сукном. Пригласили в чум. Это хозяйство опять-таки "дышало" порядком. Все было на месте и прибрано. От Мати я послал человека с письмом к уже знакомому мне Хаали Яптику и его брату Папти, чтобы они подождали меня и не выезжали на остров Белый. Потом приступили к трапезе. Чай, как и во всех чумах, был без сахара и хлеба. Своего нельзя было заносить в чум в первый приезд, чтобы не обидеть хозяина. Таков обычай. Мы ели сырую и вареную рыбу, авликов с рыбьим жиром. Николай Николаевич больше постился. Афоня с Максимом не стеснялись и ели все подряд.

Мати считался опытным, знающим оленеводом. Я спросил его о характере нынешнего оленеводческого года. Он сказал, что нынешняя весна была обильна северными ветрами, пешек пропало много. Однако на одну треть по всему Ямалу потери считать нельзя - Мати поправил меня в моих оценках, полагая, что надо класть одну четвертую. В прошлом году весна была исключительно благоприятной: тепло пришло рано, пешки почти не пропадали. Лето же в этом году хорошее, прохладное, комаров и оводов мало. По оценке Мати, можно считать, что такая очень хорошая весна, как в прошлом году, бывает лишь одна в 5 лет, а одна весна - очень плохая. Тогда в стадах гибнет более половины пешек. Особенно большой урон делают волки, они едят больше, чем семья хозяина. Я завел разговор о премиях за истребление волков. Мати не стал защищать божественное происхождение волков. На вопрос, почему он не охотится на волков, Мати ответил, что нечем добывать.

И весь следующий день я провел у Мати и его соседа Хасавамба. Переписал оба этих хозяйства - они не вошли в перепись 1926 года. Наконец откочевали к брату Папти Ирику Ямалу. От Ирику оставался один переход к проливу Малыгина. Мы сильно утомились и решили заночевать у Ирику, но Максим сообщил мне, что случайно услышал разговор, по которому мог судить о том, что лодки уже

отъехали на остров Белый. Этот разговор Ирику и Папти скрывали от Максима. Я сильно разволновался, но добиваться сведений от братьев Ямалов не стал. Нужно было спешить к проливу, узнать все на месте. Мы решили выезжать в ночь, не дожидаясь утра. Ночь была сырая и противная. Вдали над морем висел туман, грозил надвинуться на нас. Опять меня охватило острое беспокойство - сумеем ли попасть на остров? Вдруг после всех наших трудов и усилий это почему-то не удастся? Я волновался, кажется, больше, чем в апреле, когда опасался, что весенняя распутица настигнет нас и не даст дойти до конца Ямала.

Мы выехали на шести упряжках по направлению на северо-восток, пересекая мыс Лапта-сале. По-ненецки, это значит "гладкое место", и действительно, куда хватало глаз, тянулась ровная полусухая крепкая тундра, покрытая на возвышенностях пожухлой травой, а в низинках зеленели пятна молодой поросли. Местами попадались неглубокие овраги, путь пересекали ручьи и речушки - притоки Монготте-яхи.

Вдали показался треугольничек чума. Это был чум Нгедруя Ядне, к которому мы и держали путь. Подъехали к чуму ранним утром. Хозяин скоро встал и вышел. Одет он был в ягушку из старого крестоватика. Старик Ядне, с добрым улыбочивым лицом, производил удивительно благоприятное впечатление. Его длинные волосы, видно, никогда не стриженные, свалились в войлочные пряди. Так же и у старшего сына. Старик хотел поцеловать мне руку, я еле успел убраться, похлопал его по плечу и сказал "ни тара" (не надо). Ядне сообщил, что знает "мало-мало по-русски".

Рядом стояли еще два чума. Там жили сироты, дети его новой жены, которых старик теперь кормит. Он имеет стадо в 400 голов, у него 5 взрослых сыновей. Старший - лучший в этих местах промышленник морского зверя и дикого оленя. Другие - его помощники. Одного сына он послал на лодку к Яптикам, чтобы нас подождали. Этот сын должен был нас провожать на Белый остров.

Через некоторое время подъехал человек, о чем-то говорил с Ядне. Потом старик подошел ко мне и сказал, что пришла "худая весть" - все лодки ушли на остров, и как мы поедem, он не знает. Этого-то я и опасался больше всего! Это была "белоостровская застава", ненцы не хотели пускать нас на Белый остров, как не пускали они туда штурмана И.Иванова¹ и Б.Житкова. Надо было "заставу" ломать каким-то

способом, и мне казалось, что лучше это сделать с фронта, прямо в лоб.

Я пошел на взгорье посмотреть пролив. Острова не было видно за туманом. Говорят, что остров Белый хорошо виден в ясные дни, значит, пролив не сильно широк. Я подумал, что если Нансен с Иогансеном в каяках из парусины переходили морские проливы среди льдов, то и мы сможем переплыть пролив Малыгина в двух маленьких лодках-калданках, связанных вместе. Все зависело от содействия или противодействия "заставы". Патриархальный старик Ядне ее первое звено, и я приступил к его "обработке".

- Я думаю, что Яптики о нас знали и нарочно поторопились скорее уехать, - заявил я.

- Не знай, - ответил старик, - я не слышал о тебе. Знай, что приедет с моря лодка, и каждый день выезжал на Иванюмб и смотрел в море, ждал.

- Я тебе верю. Ты, конечно, в стороне от "хребта", а я послал письмо по "хребту", и ты не знал, что мы хотим ехать на Белый, а Яптики знали, и они убрались поскорее.

- Они мои зятевья, - вставил старик.

- Они сделали очень плохо, я так и скажу "Большому выборному начальнику" что старик Ядне нам помогал, а его "зятевья" мешали нам. Если ты хочешь, я могу сказать тебе, почему они хотят нам помешать.

- Можно, можно, скажи.

- У вас на Белом острове есть свой большой начальник, бог Сэру Ирику.

- Да, есть.

Вся земля Белого острова его "вотчина", "святая земля", и если туда ехать так просто, без подготовки, то ее осквернишь, и все олени и белые медведи уйдут оттуда.

- Так, это правда.

Надо ехать окурившись и подготовившись. Вы боитесь, как бы мы, русские люди, не осквернили вашу святую землю. Поэтому и не пускаете нас туда. Теперь вы думаете, приехал "красный начальник", у которого нет бога, и он будет смеяться над вашей святыней. Вот почему твои зятевья скрылись от меня.

---

¹ Иван Тимофеевич Иванов - штурман-топограф, впоследствии полковник корпуса флотских штурманов. Первым провел топографическое исследование берегов полуострова Ямал.

- Не знай, не знай, разве они слышали что-то там, по хребту, у нас ничего не слышно, - хитрил старик.

Вэйсако, хитрить со мной не надо. Ты знаешь, песец хитрит, а в slopeц попадает. До нас здесь было два русских человека, одного ты не помнишь, а другого знаешь. Обоим этим людям твой народ не давал ехать на Белый остров. Теперь ты мне говоришь, что нет лодок, и я ехать тоже не могу. "Большой выборный начальник", который послал нас сюда, велел нам поехать на Белый остров, и я должен там быть. Будешь ли ты мне помогать или нет - я все равно там буду.

- Как терпишь, если лодок нет?

- Вон у тебя три калданки я видел на нартах. Наверное, ты их не пожалеешь, а я свяжу их плотом, поставлю парус, подожду ветра...

- Так не терпишь, вода большая, другого берега не видно.

- Ну, если мы погибнем, тогда нас и спрашивать ни о чем не будут. Так мне легче, чем не поехать на Белый. А вы напрасно боитесь. Мы не хотим прогнать вашего Бога и не хотим мешать вам верить, если надо окуриться, то мы окуримся, как все другие, чтобы не мешать вам верить в своего Вэйсако-хэге.

- Как, ты о Вэйсако-хэге знаешь?! Это не всякий самоедин знает.

- Я еще много другого знаю, я знаю, как солнце по небу ходит, знаю, почему длинная ночь бывает у вас, знаю, почему ночью свет трепещет и многое другое. Ты со мной не хитри, старик, я знаю, что ты думаешь.

- Я-вой, я-вой, - удивленно воскликнул Ядне, и суеверный страх мелькнул в его глазах. Он спокойно сидел за чаем, по плечам свисали длинные волосы, свалившиеся в колтун. Четверо сыновей (промышленники) сидели напротив и хранили молчание, пока отец разговаривал. Женщины суетились у костра, Николай Николаевич с интересом наблюдал эту своеобразную борьбу. Я продолжал разговор:

Вэйсако! Скажи всем, что мы приехали сюда не для богов, а для людей. Богов ваших мы не только трогать, даже смотреть не будем, если по дороге не попадутся. На острове нам нужно узнать, много ли диких оленей осталось, долго ли они вас кормить будут?

Много еще разговоров было у нас, пока старик наконец сказал:

- Однако, тебе надо помогать.

- Как будешь помогать, раз лодок нет?

- Одна-то лодка есть, вчера пришла с острова.

Ну вот, теперь я вижу, что ты настоящий друг, так и скажу "большому начальнику".

- Я тебе дам сына, пусть он едет с вами, он все знает на острове, он стреляет хорошо - вот он сидит...

Итак, лодка была получена, а с нею и надежные проводники. Дорога на остров Белый была открыта! На следующий день нам нужно было выехать к лодке, а вечер и ночь мы решили провести в чуме Ядне.

После угощения зашел разговор о вотчинах. Старика Ядне домашние зовут "Лупти" - это ласковое прозвище. Ему уже 60 лет, у него пятеро сыновей и жена-старушка Никуне. Сам старик не вотчинник и живет здесь на вотчине трех братьев Ямал - Мати, Ирику и Папти. Вотчинник Мати гонит старика отсюда и не дает промышлять слопцами. Лупти же взял к себе в чум сирот - детей умершего четвертого брата Ямала вместе с вдовой и кормит их за пользование вотчиной. Мати ругает вдову, зачем она живет у Лупти. Он даже как-то побил ее десятилетнего сына. За два дня до нашего приезда Лупти поехал к Мати узнать о нас и попросил кирпич чаю. Мати дал, но потребовал за это песка. Старик дал. Сейчас Лупти спрашивает меня, может ли Мати гнать их с вотчины? Я ответил, что нет. А можно ли не вотчиннику промышлять слопцами песка? Конечно, был мой ответ. Тогда старик пожаловался, что Мати грозит все его слопцы сжечь. А у старика их 100 штук. Я сказал, что если он сожжет, то надо подать на него в суд, и тот его осудит.

Неожиданно в наш разговор вмешалась женщина, вдова-вотчинница. Она говорила быстро, на лице ее было написано беспокойство. Ядопчев перевел. Оказалось, она боится, что если будет разрешено ловить песка слопцами на чужой вотчине, то Лупти перестанет помогать ей и ее детям. Ведь сейчас он кормит их за пользование вотчиной. Я не мог подумать, что своим разъяснением и авторитетом власти ставлю детей-сирот под угрозу. Старик закричал на женщину: "Когда мужчины разговаривают, женщины должны молчать!" Я вступился за нее и сказал, что мужчины и женщины одинаковы, пусть она говорит. Оказалось, вдова имеет лишь 100 оленей, и у нее трое маленьких сыновей, старшему лишь 12 лет. Она жила у Папти, но тот относился к ней плохо. Она пошла искать счастье на стороне. Положение тяжелое, и наш закон о национализации земли оказался, как ни странно, против нее. Я попал в неловкое положение и стал говорить так: "Мы еще только собираемся написать новый закон о

вотчинах, а пока его нет, должно оставаться у вас, как было - то есть старик пусть промышляет слопцами и кормит вдову-вотчинницу от своего промысла.

Потом я задал Нгедрую Ядне свой обычный вопрос: "Как лучше сделать закон: оставить вотчины по-старому или поделить их, а если разделить, то кому раздать - богатым, беднякам или всем? Он ответил интересно:

Пусть вся земля будет в казне, а мы будем от нее получать.

- А как сироты тогда?

- Их надо всем кормить от промыслов.

Я спросил женщину, как она думает хорошо ли будет так? Она подумала и сказала, что так будет хорошо. Тогда я стал расспрашивать ее:

Ну, если мы будем содержать твоих детей "от казны", получая с промышленников часть промысла, тебе придется ездить в Обдорск или на факторию за помощью, а здесь тебе промышленники не помогут - скажут, иди в казну.

- Да, это так будет, - согласилась вдова.

- Нет, - сказала старая Никуне, - если мы будем знать, что на фактории есть для нее помощь, то уж до фактории мы, конечно, не оставим сирот и поможем.

- Не все так скажут, - заметил я, - кто и откажется, тогда плохо. Видите, как трудно написать хороший закон. Пусть пока остается как было. Ты корми сирот, - сказал я старику.

- Это не пропадет за нами, потому что мы не знаем, у кого за плечами беда стоит. Все друг другу помогают, - ответил он.

- Да, правильно, - согласились все.

Старик вскоре уснул, нас поила чаем старушка Никуне, и сама пила с нами. Она рассказала, что в Обдорске русские брезгают пить чай с женщинами и никогда не сажают с собой есть, особенно так, как сейчас (она ела консервы из общей банки, помакивая туда кусочком баранки). Я стал рассказывать о равенстве мужчин и женщин, о Ленине, который говорил так. Вечер прошел очень приятно, вообще, в этом чуме нас окружало радушие. Потом поднялся старик, стали рассматривать фотографии, и много здорового смеха было в тесном кругу возле свечи. А на улице бушевал ветер, было холодно, и нюки¹ хлопали об палки чума.

Утром 16 августа мы выехали к реке Яхады, где стояла вернувшаяся с Белого острова лодка. Приехали в чум Папти Ямала. Тут нас ждал брат Хаали Яптика. Он сообщил, что

---

¹ Нюки - покрытие из оленьих шкур для чума.

Хаали. получив нашу бумагу и подготовив лодку, сначала хотел помогать нам, но потом прислал сына, и тот сказал, что отец не желает ничего делать. Да, тут "белоостровская застава" была посерьезнее. Я потребовал, чтобы Хаали Яптика вызвали ко мне. Стал разговаривать с братом Хаали, тот прикидывался глухим и все переспрашивал. Когда я спросил, сколько у него оленей, он ответил: "Не знаю, мы не считаем". Тогда я ему серьезно сказал, чтобы он бросил со мной так разговаривать, у него ничего не получится. Некоторые ненцы начинали так говорить со мной, но потом пришлось бросить.

- Сколько у тебя оленей? - повторил я.
- Штук 200 будет.
- Ну, вот так-то лучше. А у тебя Папти сколько?
- Тоже 200.
- Сколько зимних попрысков до Дровяного мыса?
- Три, - пошла беседа.

Я стал говорить о цели нашей экспедиции, о помощи оленеводам Ямала. Потом решил поговорить с Папти о сиротах. Он жаловался, что они сами не хотят с ним жить. Он не виноват. Я сказал: "Нет, ты был старший в хозяйстве, и твое было дело, чтобы они не ушли. Если ты ругался с невесткой, то дети разве виноваты? Сейчас люди кормят их за вотчину. А знаешь ли ты, что твоей вотчины теперь нет нигде? По новому закону я на твоей вотчине слопцы поставлю, и ты не смеешь тронуть. Если об этом узнают те люди, они перестанут заботиться о твоих племянниках, они выгонят сирот твоего брата".

Старик хмурился, а я его все "калил и калил". Намекал на то, чтобы он помирился с невесткой. Чего достигла моя беседа с ним не знаю, но загадка о вотчине загадана, пусть подумает.

Тотчас после разговора мы выехали в чум Папти Яптика. Там узнали, что его лодка уже ушла на остров, а вот лодка сына Сэйко Ямала - Удыси пришла с Белого и стоит в устье Яхады-яхи.

Я расспросил у ненцев о корабле гидрографов клипере "Прибой". Оказалось, что их береговую партию три дня тому назад видели у мыса Хаэн-сале. У меня было несколько дел: срочно подготовить лодку к отплытию, связаться с "Прибоем", чтобы получить мою корреспонденцию, и отправить радиogramмы в Комитет Севера в Москву и Свердловск.

Для того, чтобы дожидаться Хаали Яптика, написать письма для передачи на почту Обдорска, я решил остаться на дневку у Папти. К вечеру мы выехали на мыс Дровяной для связи с

кораблем. Переправились через полноводную реку Яхады на калданке и завернули к лодке Удыси Ямала. Подъехали к лодке, там никого не было. Я поставил на руль массивную сургучную печать - прилепил на нее серебряный рубль, в знак того, что лодка не может двигаться с места, пока печать не снята. Рубль означал, что хозяину с этого времени будут платить за лодку деньги.

На закате солнца, когда все выкрасилось в какой-то фантастический красно-рыжий цвет, мы выехали к чуму хозяина лодки, в гости к старшему сыну шамана Сэйко Ямала. Приехали лишь к утру. Братья Ямалы показались мне неразговорчивыми, угрюмыми. Я помнил все предупреждения Тёроку и Някоче Вэненга об опасности посещения этого чума. Самого Сэйко не было, Удыси Ямал согласился везти нас на Белый, но радости на его лице я не увидел. Он сообщил, что береговая партия гидрографов Убеко Сибири еще стоит невдалеке от мыса Хаэн-сале. Мы выехали туда.

Проехав верст 7-8, мы с радостью увидели палатки. Подъехали к спящему стану. Я заглянул в палатку начальника. Потом велел Ядопчеву разбудить рабочего и попросить его, чтобы он разбудил начальника. Вскоре к нам вышел старший помощник капитана гидрографического судна "Прибой", начальник береговой топографической партии Александр Яковлевич Деев. Мы познакомились, и началось чаепитие с деликатесом - настоящим свежим мягким белым хлебом. Деев сообщил нам, что они ждут пароход и продуктов у них осталось мало, только на три дня. Мы решили не ехать к мысу Дровяному и ждать "Прибой" вместе с группой Деева.

Береговая партия Убеко Сибири произвела на меня совершенно неделовое впечатление: старый поручик Деев, сам по себе милейший человек, симпатичнейший, педантично выполняющий все предписания начальства... и не более. За этот полевой сезон он прошел от мыса Дровяного до Хаэн-сале, то есть всего лишь 35-40 верст по ровному пустынному берегу. У него 10 рабочих, съемка велась кипрегелем. Деев показал свой планшет. Береговая линия, конечно, была положена красиво, но 35 километров съемки в год это до смешного низкие темпы! Стоит ли ради этого из года в год гонять корабли в Арктику? Вот уже несколько дней сидят они бедные у Хаэн-сале из-за дождей и туманов, которые то набегут, то рассеются. И не могли за несколько дней дойти до устья Яхады! Рабочие уже сами говорят, что лучше идти куда-нибудь по берегу, чем лежать в палатках и ждать у моря погоды.

Я спросил Деева о зиме. Всю зиму (11 месяцев) они "обрабатывают" летние съемки это 35 километров-то?! Потом печатают карты в литографии Военно-топографического округа в Омске, а что еще делают - аллаху ведомо. Есть еще такая же береговая партия на той стороне Оби под руководством Напалкова, но если бы таких партий было 20, то кое-что они бы сделали. А так, что это за работа? Зачем они живут здесь? Я спросил об их береговом знаке - хотят ли они узнать, кто сжег их знак? Оказывается, их это не особенно интересует...

Днем я писал информационные письма, немного поспал, так как вся ночь прошла в езде. К ночи приехали мои ненцы, и в это же время показался пароход. Через пару часов мы со Спициным уже сидели при электрическом свете в отличном салоне и пили чай со сдобным хворостом. Разочарование ждало нас, как я и предчувствовал. Ни одной вести из дому, ни одной свежей газеты военные моряки для меня не привезли. Я не знаю, жива ли моя жена, перенесла ли она трудные роды с болезнью сердца и не знаю, сыну или дочери исполнилось уже 4 месяца. Капитан равнодушно сказал, что "они не ожидали встретить нас здесь, так как в Тобольске им сказали, что Евладов будет работать на среднем Ямале". А в Обдорске они и вовсе ничем не интересовались.

Капитан разрешил отправить наши радиogramмы, продукты же выдать отказался. Мне дали немного сахара и масла, но не дали хлеба. Я не допускал мысли, что у них нет. После долгих разговоров мне вручили накладную на получение муки, но за ней нужно было ехать к устью Тамбея 7 дней пути в оба конца.

И все-таки Убеко Сибири уступило мне, как начальнику экспедиции Уральского облземуправления, от своих щедрот один каравай черного хлеба. Я также узнал, что в конце августа у них предполагается встреча с пароходом Убеко Севера, который уже вышел из Архангельска. На этом корабле придут ленинградские исследователи Валерий Николаевич Чернецов и Наталья Александровна Котовщикова мои старые добрые знакомые, которых я и надеялся встретить здесь, на окраине Ямала.

После чая с печеньем, голодные и подавленные отсутствием вестей, покинули мы светлый, но негостеприимный уют военной кают-компания, отвалив от борта на легкой шлюпке. Ночь собиралась ненастная. Ветерок налетал довольно сердито. Невыдержанные и простодушные наши друзья-ненцы спрашивали нас о том, что мы захватили у наших товарищей

русских. Но их ждало разочарование. Они были убеждены, что мы сойдем с парохода навеселе и захватим для них, своих друзей. И вдруг... ни капли! Не может быть - мы, наверное, обманываем. Но когда они узнали, что соотечественники не дали нам хлеба, они поверили, что у нас нет и водки. Тогда они уже нас удивили сообщением, что на судне внизу имеется "целая комната" с хлебом (вероятно, трюм), а нам было сообщено, что хлеба нет. Было очень неудобно перед ненцами, которые живо обсуждали этот случай и качали головой: "Красные начальники" не дают друг другу хлеба, не помогают". Чудаки, они не знали отношений людей "в культурном обществе": у нас это так обыкновенно остаться глухим к нужде другого. Мы постарались найти подходящее объяснение отказу. Ненцы же вызвались доставить от чума к чуму бумагу в устье Тамбея и взять там два мешка муки. Я обещал один мешок отдать им.

В пути я продолжал думать об этом случае, не имеющем precedентов в истории полярных экспедиций. Одна экспедиция отказывает другой в помощи продуктами. Вспомнил свои встречи с моряками в 1926 году. Дождливой ночью я шел у рейда Нового Порта. Рейд сиял огнями судов Карской экспедиции и Убеко Сибири. Тут стояли "Прибой" и "Торос", "В.Мейснер", "Убеко", "Казанец", "Волга", "Алексей Рыков" Карской экспедиции, еще два лихтера, четыре баржи. Все это горело электричеством, необычно прорезая хмурое северное небо и играя отражением в жердитых волнах прибоя. Я шел тогда один к реке Хонде-яха по песчаным отмелям, чувствуя себя очень хорошо вдаль от "джаз-бандного" темпа культурной жизни на кораблях. Я думал, что было бы совсем хорошо, если бы со мной шагали моя жена и дети - Оленька, Петька и Лена...

В те дни заместитель начальника Карской экспедиции Владимир Николаевич Пантелеев помогал нам как мог шлюпками, добрым советом, продуктами. Просил сообщить ему в Омск наши результаты медицинского обследования ненцев Ямала. Ему все было интересно, и он вел долгие разговоры с врачом Марией Львовной Шапиро-Аронштам. Невольно меня тогда поразила разница в отношении к нам Карской экспедиции и начальства военных гидрографов Убеко Сибири. Общее настроение этих исследователей Северных морей передано в рассказе Главного гидрографа Напалкова¹ о том, как

---

¹ Напалков П.Л. начальник экспедиции Убеко Сибири в навигацию 1928 года.

некая женщина в селе Мужы на Оби просила перевезти письмо в Новый Порт сыну ли, брату ли, мужу ли - не важно, и он с возмущением сказал ей: "Ведь мы не почта, кажется, вам нужно воспользоваться услугами почтового отделения", и не взял письмо. У них, оказывается, был приказ по экспедиции не принимать писем и посылок. Этот приказ в условиях полного отсутствия почты в Обской губе является нелепостью, тем более что у них на судне есть комиссар, который мог бы цензуровать почту и посылки.

Так же было при нашем появлении на "Прибое" с Марией Львовной, когда мы попросили разрешения доплыть на их судне до Нового Порта из Ямсале. Начальник экспедиции, не выслушав, отрезал: "Нет". А через минуту он предложил разместиться на лихтере, подчеркнув эгоистично ведомственное неприязненное отношение ко всем иным научным отрядам и экспедициям. Тогда мы почувствовали себя как на чужой враждебной территории. Только капитан "В.Мейснера" предоставил нам свободную каюту - это было единственное исключение среди арктических военных чиновников...

Мы возвращались к Удыси Ямалу. Я так утомился за две бессонные ночи, что в пути не заметил, как потерял свой любимый походный нож, а сразу по приезде свалился на землю и заснул. Едва переборол себя, когда собрали чай. Очень захотелось есть после "хлебосольного приема" на "Прибое". Я вышел к нарте, чтобы взять пару банок консервов. Возле моей нарты стоял незнакомый мне человек - седой старик, крепкий, невысокого роста, широкий в плечах. Глаза его как-то странно подергивались все время. "Ани дорово", приветствовал его я. Он ответил. Это оказался Сэйко Ямал. Он приехал посмотреть на "нарьяна луце" (красных русских), собравшихся в гости к Сэру Ирику. Сэйко сказал, что будет просить духов, чтобы дали нам удачу в поездке. Я не стал заводить с ним разговор о темных сторонах его жизни - не позволяли ни время, ни ситуация. Но мне показалось, что он догадывался о том, что я многое знаю. Ведь ему, конечно, было известно, что я гостил у братьев Вэненга.

С утра в чуме стали готовиться к камланию. Увидеть все это для меня было очень важно. Я уже был наслышан о необыкновенных чудесах, которые якобы проделывают ненецкие шаманы: они могут перерезать человека тынзяном и вновь соединить половинки, вытащить железную цепь из живота, проткнуть себя тюрмом. Что-нибудь из этих фокусов я и надеялся увидеть.

Я попросил Спицина относиться ко всему происходящему спокойно, ничего не осуждать и временно подчиняться всем просьбам ненцев, а к Ядопчеву обратился с просьбой переводить мне каждое слово, как можно более точно и подробно.

Разожгли в чуме костер. Сэйко велел принести бубен и свою священную шаманскую одежду. Бубен повесили над костром. Поставили тут же подогреть чайник. Он вскоре "засопел", а за ним и бубен стал издавать звуки. Сэйко сказал: "Бубну нравится гость - он сам начинает звучать". За чаем он рассказал мне, что в этом году добыл капканом много песцов, а в эту зиму добудет еще больше и самых хороших. Он объяснил, что у них, ненцев, есть примета, что за два-три года перед смертью человека добыча промыслов "сама лезет в чум". Никто кругом сейчас ничего не добывает, а он, Сэйко, давит капканами массу песцов, ловит рыбу - значит, ему скоро помирать. "Кто много добывает - головы у него не будет", - говорят ненцы. Если же охота идет с трудом, то не опасно добывать и много выше потребности, в запас.

Бубен прогрелся, кожа на нем натянулась. Сын Сэйко взял его, постучал легонько и снова подвесил над костром. Значит, еще недостаточно. Я стал спрашивать шамана о "сиртя", какие они? Сэйко рассказал такую историю: "Сиртя" вроде людей. Я сам видел. Один раз догонял оленей, подъехал к высокой сопке далеко от всяких чумов, гляжу - сидит девушка и что-то шьет из лоскутков. Я спросил, что шьет? "Одежду", - она ответила. Я поехал дальше и думаю, что же это за девушка, почему же я с ней ничего не совершил? Думаю - поеду обратно, вернусь. Приехал назад, а на этом месте уже никого не было. Я стал смотреть, где же лоскутки - ничего нет, никаких следов не осталось. Это было 20 лет назад..."

Все слушали рассказ. Сын опять взял бубен и слегка ударил, потом застучал часто, несколько раз. Все молчали. Максим тоже оборвал перевод последних слов. Сэйко послушал бубен и сказал: "Бубен говорит - хороший гость приехал, бояться его не надо". Потом он стал рассказывать, что на него напрасно люди наговаривают, многие считают его "чертом" и боятся.

- А почему? - спросил я.

- Не знаю, - ответил старик.

- А с Вэненгами почему у вас спор?

- О-оу! Это старинное дело, они украли у нас чудесную прыжку от важенки Хаэн-сале.

- Расскажи, как это было.

Это было очень давно. Поехали промышленники охотиться на диких оленей, и стадо в 30 голов все перебили, осталась одна серая важенка. Мой прадед Окатэтта говорит, что надо отпустить. А молодые не послушались, убили. Дед стал пластать - в животе нож уперся, он вытащил нож, на нем зазубрины. Кожу важенки приподнял, разрезал. Там была женская пряжка. Ее дед зашил в голову своей малицы. Спустя некоторое время об этом все узнали, завидовали нам. А отец Поса Вэнэнги спросил у одной девочки, где старик Окатэтта держит пряжку. Та сказала. Вэнэнга затеял драку и во время драки оторвал у моего прадеда голову малицы и с ней угнал в чум. С того времени она у Вэнэнгов и сейчас в святой нарте зашита в мешок из шкур...

Сэйко начал одеваться для камлания. Сначала сбросил ягушку, остался в одних штанах, потом надел сорочку от малицы на голое тело, повязал белый платок вокруг шеи. Все это он проделал сидя на шкуре дикого оленя, которая во время чая была заткнута в передней части чума за чумовые палки. Теперь жена Сэйко положила ее шерстью вверх и головою в чум, около "святого шеста",¹ обычно же шкура кладется головою от чума, в поле. Сэйко надел святые пимы - они женские, с нашитыми копытами оленя, затем короткую ягушку, опушенную полосками шкуры белого медведя. Шапка была тоже женская с пришитым к затылку рогом оленя. На этот рог сын, помощник отца в камлании, сразу обратил наше внимание. Сын-помощник сел рядом с нами между Сэйко и Ядопчевым. Сэйко помазал лицо, лоб, нос, подбородок сажей и попросил бубен. Бубен подала ему жена, обнеся его вокруг "святого шеста".

Сэйко ударил, бубен зазвенел довольно громко, я невольно отодвинулся. Потом звук постепенно стих и опять стал нарастать. Сэйко держал бубен "в малом грое" и только иногда, увлекаясь, прибавлял звук частыми ударами колотушки. Начал он темпом: "Раз, два, три... раз... раз, два, три". Видно, настраивался. Остановился.

- Кто снаружи есть, пусть идут сюда.
- Сейчас все придут, - ответила жена.
- Раз, два, три..., раз...
- Все пришли?

---

¹ "Святой шест" - вертикальный шест в чуме, к которому крепятся концы двух поперечных шестов для подвешивания очажных крюков над костром. Конец шеста часто украшался изображением священной птицы Минлей.

- Все.

Шаман держал огромный бубен левой рукой за внутреннюю перегородку, правой колотил с внешней стороны в центр бубна. Его лицо с закрытыми глазами слабо освещалось просвечивающими через бубен желтыми лучами костра. Все смотрели на него. На лице жены Сэйко были написаны забота и напряжение. На лицах сыновей как будто безразличие, привычка.

Песня. Звук бубна глушил все. Сын-помощник повторял за отцом мотив и слова. Ядопчев тихонько переводил.

...На восходе солнца выходит женщина, я спрашиваю у нее помощи, говорю ей: "Ко мне приехал русский человек с толмачом. Хороший русский, ты мне окажи содействие для русского. Бояться его нечего, ты не стесняйся сказать ему правду. Он привез мне два подарка, теперь надо дать ему помощь в пути-дороге..."

Матери моей сестра, вышедшая на восходе солнца, говорит мне: "Приехал божий сын на трех лосях, сказал, что все благополучно, и мы все желаем, чтобы он увидел белый свет... А - а-а-а..."

Опять гремит бубен - бум, бум, бум... Сэйко дрожит. Опять звучит песня.

- Слышно, опять пришел кто-то. Это божий слуга, батрак. Я ему скажу: "Ты будешь служить для русских, и если дашь им помощь, Бог тебя наградит, белый свет тебе будет через этих русских...". Я слышу, вижу во сне всегда вам будет помощь. Если будете через семь жертвенных голов склонять к себе духов, они будут говорить в сто голосов, если будут три попа с тремя быками, если будут читать шелковую книгу, если эта книга не попадет черному злему русскому начальнику... все будет хорошо.

Бум, бум, бум, бум - опять гремит бубен. Сэйко, повернувшись ко мне, поет.

Все благополучно будет у тебя, будут тебя ненцы еще ждать к себе в гости. Ты приезжай через лето на другое лето, и я тебе еще дело покажу, если жив буду. Если сам не приедешь, то сына своего присылай.

Я ему киваю головой. Потом снова бьет бубен, Сэйко обращается ко всем собравшимся.

- Сегодня день хороший, на меня ни один дух не сердится. Сегодня можно попробовать шомпол. Принеси (обратился к сыну).

Тот убежал и через минуту возвратился с шомполом от берданки. Сэйко правой рукой впустил шомпол как бы в

живот приподняв полу ягушки. Шомпол вылез с другой стороны. Максим нащупал сзади длинно торчащий конец. Шомпол прошел вершка на два выше уровня коленей сидящего на полу человека так, что думать, будто он всунут между ног, было невозможно. Быть может, живот Сэйко имеет складки кожи, и в одной из них шомпол держится? Я стал приглядываться, но трудно было поверить в это, так как шомпол был посажен вершка на два ниже диафрагмы и держался крепко все в одном и том же положении, несмотря на резкие телодвижения старика. Непонятная история! Судя по торчащим концам шомпола, невозможно было вообразить корпус без пересечения его, или надо считать, что тело изогнулось вокруг шомпола в совершенно немыслимых линиях. А между тем верить, что шомпол прошел через живот - нелепо!

Бум, бум, бум, бум...

Самый большой Ямальский шайтан, самый пречистый приехал и что-то говорит, - опять запел Сэйко. Всем детям моим будет благополучие. До будущего года будут здоровы, но промысел только по первому снегу добудете...

Сэйко позвал старшего сына и велел ему подвигать шомпол. Тот исполнил. Шомпол двигался туда и обратно свободно, хотя хозяин морщился, как бы от боли. Подошли и другие сыновья Сэйко, потом младший мальчик лет 8. Он только двинул шомпол, старик закричал, задержался.

- Хамдер, хамдер (постой!). - Потом взял кусочек угля из костра и чиркнул мальчику поперек руки.

- Нгади? (видно?)

- Нгади, - ответил мальчик. Он опять взялся за шомпол, и тот стал свободно двигаться. Старик уже не морщился от боли.

Бум, бум, бум, бум... Пока двигали шомпол, я с правой стороны подполз к костру, чтобы посмотреть входной конец шомпола. Сэйко меня остановил: "Нельзя, большой грех так смотреть". Это замечание подкрепило мой скептицизм. Здесь какая-то уловка. Но какая - это я не мог разгадать.

Шаман позвал Максима Ядопчева, тот взялся за шомпол с левой стороны и подвигал его туда и назад свободно.

Бум, бум, бум, бум... Теперь песня становилась все громче и зажигательнее. Сэйко пропевал несколько слов, потом эту фразу подхватывал сын - "псаломщик", и он точно повторял музыкальную фразу со словами. Эту часть пения Ядопчев отказался переводить под предлогом, что ничего не слышно. Я стал ловить слова.

Луце юро... тай куй юро (Русский друг, вот он русский друг...).

Что-то пели про меня. Сэйко позвал меня. Бубен смолк. Я подошел и взялся за шомпол. Он был выдвинут далеко наружу. Сэйко сказал, чтобы я задвинул его внутрь. Я слегка нажал на шомпол, следя за своими ощущениями. Впечатление было такое, как если бы тонкую палочку вдвигать в вязкую глину - она слегка отжимает палочку назад, но не сопротивляется движению, чувствовалось как бы легкое присасывание среды к шомполу.

Непонятная история... Конечно, осознание такое чувство, которому доверять приходится меньше всего, но, во всяком случае, дурачить суеверных ненцев у Сэйко умения хватает. Нельзя не поверить, глядя на этот шомпол. Это же доверие к шаману было написано на лицах присутствующих.

Бум, бум, бум, бум...

После пения шаман позвал мальчика выдернуть шомпол. Тот легко его вытащил, но старик подскочил на месте. Мальчик передал шомпол "помощнику". Тот взял его двумя пальцами за конец, как будто измазанный. Мне не дали осмотреть шомпол, но при свете костра он показался мне нечистым. Был ли он сух, я не смог установить.

Затем Сэйко стал посылать своих духов спать и прощался с ними. Я спросил его, почему он не дал мне посмотреть шомпол в теле. Он сказал: "Некоторые смотрят, хотя это большой грех". "Что же у тебя сейчас на теле дыра? - наивно спросил я. Вместо ответа он отвернул свою ягушку и показал гладкий ровный без складок живот, на нем повыше пупка и левее его на расстоянии одного вершка была ямка, как от входа пульки. "Вот, посмотри, через три дня ничего не будет", - ответил он.

Потом Сэйко рассказал о своей встрече на Урале с шаманом Яхачи Хатанзеевым, который на глазах Сэйко отрезал голову мальчику и снова приставил. Сыновья Сэйко с разрешения Хатанзеева "изрезали его в куски" ножами и вынесли на улицу, а через некоторое время он пришел в чум как ни в чем не бывало. Это, конечно, выдуманные истории. Их выдумывает сам Сэйко для поддержки своего авторитета, и его часто зовут шаманить над больными и за это платят: за взрослого - оленя, за ребенка - пешку.

Поздно ночью мы легли спать, а проснувшись, я уже не застал Сэйко в чуме. Он уехал так же неожиданно, как и появился. Больше я его никогда не видел.

Пора нам было выезжать к лодке. Там нас уже ждал Папти Яптик с нашим грузом. Мы выехали в сопровождении соседа Удыси бедняка Еулю Ядне. Погода стояла прекрасная, нужно было ею воспользоваться. Еулю нас торопил. Как только сели на чужих оленей, он погнал во всю прыть, и мы за ним. Хозяин этих оленей потом спрашивал, - зачем мы так гнали. Еулю соврал, что так велел начальник. Максим пожурил его за обман. Такое случается у ненцев.

Приехали к чуму Хаали Яптика. Здесь уже был наш груз. Лодка находилась в трех попрысках. Быстро собрались, отделили "белоостровский" багаж и погрузили его на нарты. Нас было шесть лодочников и два провожатых до лодки. Сам Хаали Яптик поехал с нами.

Перед выездом наши нарты окурили. Под каждой нартой женщина держала жестянку с дымящимся оленьим салом, каждый из нас должен был сидеть на нарте, держа тюр в руке, как в пути. Под нартой Николая Николаевича она держала дым особенно долго, видимо, дошел слух, что он не выполняет обычаев.

Наконец выехали и через два часа уже были у лодки. Ночь стояла тихая, без тумана. Шел прилив. Погода была на редкость удачная. Я угостил Хаали и гребцов чаркой за то, что они помогли нам в поездке на Белый остров, и мы отчалили. Лодка плыла к устью реки Яхады, чтобы выйти в пролив.

ГЛАВА 5

Наш Белый остров. - Я заблудился. - Два святых мыса. Баурсаки. Как ненцы промышляют дикого оленя. Визит к Белому дедушке. - Эвлад-юмб. Возвращение на материк. Поездка к "главному святилищу" Хаэн-сале. Что такое ненецкие "вотчины".

Лодка протекала по всем швам, ежеминутно требовалось отливать воду. Сначала мы двигались на веслах, а на последнем плесе у выхода в пролив подняли парус под начинающийся юго-восточный ветер. К восходу солнца мы были в устье реки, причалили к берегу и вышли на Яхады-сале.

Отсюда был едва-едва виден Белый остров. Подошли к жертвенному месту. Удыси вылил рюмку водки на кучу рогов, что-то пошептал. По рюмке выпили и все наши охотники, стряхнув капли "огненной воды" в сторону жертвенника. Вскоре вернулись к лодке.

Вышли в море. Так как сон одолевал всех, то мы со Спициным сели на весла. Остальные, кроме Табкоче Ямала, сидящего на руле, пристроились кто где спать. Мы гребли два часа, потом разбудили спящих, и нас сменили на веслах. Усталость оказалась сильнее любопытства. Я проспал утро и проснулся за полдень. Дул свежий ветерок, море зарыбило, но небо оставалось чистым и ясным. Все время видны были оба берега. Остров был в мираже. Но через некоторое время мираж исчез, и берег острова стал ближе ямальского.

Вокруг лодки резвились тюлени. Я сделал несколько выстрелов, но не попал. Решили подманить зверей пением. Одного из них мы с Николаем Николаевичем стали подманывать дуэтом "Вниз по матушке по Волге". Исполняли полными голосами. Тюлень был далеко, но ежеминутно нырял все ближе и ближе, пока наконец не подошел на дробовой выстрел. Спицин выстрелил, но тюлень успел нырнуть и больше не появился. Потом стрелял я пулей из своей "Тэльки", но тоже неудачно.

Наконец к 5 вечера мы бросили якорь на отмели Белого острова. Я сфотографировал берег, он был с высокими, до 10 метров, песчаными обрывами. Через час три чумика стояли на берегу. После чая все легли спать, а мы со Спициным пошли в глубь острова. Мы были в прекрасном настроении. Я чувствовал огромную радость от того, что нам удалось достичь цели, несмотря на множество мелких и крупных преград всякого рода. Я был доволен, что не сбывлась уверенность тоболяков и наших "доброжелателей" из Обдорска, что мы дальше Нейто не дойдем. А ведь еще вчера гидрографы Убеко Сибири говорили, что не надеялись встретить нас тут.

Птичья трель была заметно оживленнее здесь, чем на Ямале, где часто безжизненная пустота сопровождала нас. Впереди - множество озер. Их было столько, что на сушу едва оставалось 50%. На первом же озере мы нашли выводок гаг. Озеро я пересек почти без труда, твердое песчаное дно было под ногами. Николай Николаевич увидел на горизонте дикого оленя. Но охоту мы оставили на последующие дни и после небольшой прогулки вернулись в стан.

Ненцы уже укладывались спать. Они предупредили нас, что винтовки лучше зарядить и класть на ночь около себя, так

как белые медведи любят нападать на сонных. Мы даже были обрадованы такой перспективой. Для завершения удовольствия от нынешнего по-настоящему радостного дня Николай Николаевич вымылся в ручье, как в бане, а я сварил чудесный кофе, первый раз за всю экспедицию. Кофе с лимоном, приготовленным на спирту еще в Свердловске, был великолепен. Этим мы и завершили первый вечер на Белом острове.

21 августа. Наше первое утро на острове. Встали рано. Спицин с охотниками ушел на целый день за оленями. Максим замесил тесто для лепешек. Я остался, чтобы привести в порядок свой походный дневник и другие записи. После этого я предполагал поохотиться на птиц для коллекции и питания.

Зарядка патронов, фотопластинок, запись дневника заняли у меня время от прилива до отлива (часы мои остановились и нуждались в починке). Я вышел из нашего лагеря лишь в 4 часа дня, когда солнце уже довольно низко было над горизонтом. Погода стояла превосходная, солнце светило ярко, с северо-востока тянул легкий ветерок. Было так тепло, что я, всегда особенно осторожный в вопросах погоды, подумал было идти в одной рубашке. Но все же захватил с собой куртку из толстого мохнатого сукна на вате. Груз на мне был значительный: патронташ, полный патронов, ружье, фотоаппарат, сумка для дичи.

Я решил идти в северо-западном направлении 4-5 верст, затем взять к югу, выйти на побережье и вернуться берегом к стану. Буссоль, конечно, не была мной забыта. По пути я хотел провести рекогносцировку береговой линии. Потянулась цепь озер одно возле другого, большие и малые, разделенные узкими перешейками. Под ногою твердо, идти хорошо. Рельеф везде однообразно ровный, никаких всхолмлений не видно. Верхний покров состоял из осок, местами попадался ягель. Я сфотографировал несколько пейзажей. Вылетела гага, и я подстрелил ее. Постепенно однообразие пейзажа ослабило во мне интерес к окружающему, и я углубился в собственные раздумья...

Вот Белый остров, тот остров, на который так трудно попадать нам, русским людям. Его флора, фауна, рельеф никем еще не описаны. Какие препятствия чинили ненцы нашим предшественникам, и почему мне довольно просто удалось перешагнуть через все "белоостровские заставы"?

Б.М.Житков пишет: "Поздно вечером согнали оленей и снарядили нарты для поездки через пролив на о.Белый. Дело

было не очень простое: не с точки зрения каких-либо трудностей пути, но с точки зрения религиозной. Мне показалось, что самоеды совсем неохотно везли нас на святой остров... Верст 15 проехали мы (в глубь острова - А.П.), увидев только несколько снегирей, самоеды упрашивали меня вернуться. Они говорили, что на острове нет ягеля, нельзя кормить оленей". Далее Б.М.Житков пишет: "Я не исключаю, впрочем, предположения, что где-нибудь на святом острове находятся места, которые не подлежат нашему обозрению". И он был совершенно прав, так как ничего не знал о Сэру Ирику. Ненцы ему об этом не сказали, им было известно, что он брал без разрешения сядаяев с жертвенных мест, и его проводники опасались, что он, попав в "святая святых" Ямала, к Сэру Ирику, и тут заберет сядаяев с жертвенника. От него утаили сведения даже о самом существовании такого божества.

То же самое, по-видимому, случилось и со штурманом И.Т.Ивановым в 1828 году. Еще осенью 1827 года, закончив описание карского берега Ямала на мысе Лапта-сале, названном им мысом Головина, он хотел переправиться на Белый. Штурман Иванов пишет: "Я имел намерение переправиться на Белый и сделать ему опись... однако самоеды отказались содействовать мне: с одной стороны, они представляли, что на острове недостаточно корма для оленей, с другой - что, может быть, придется ждать слишком долго, пока станет пролив. Поэтому, водрузив у знака прежней описи крест с надписью наших имен, 27 числа я отправился к Обдорску".

В Обдорске И.Т.Иванов склонял к поездке на Белый ненецкого родового старшину Сади Букатица, но тот отказался. Штурман обещал каждому, кто согласится провожать его, выдать по кулю ржаной муки, но и это не помогло. Наконец он решил "употребить понуждение". Прибыв весной 1828 года к своему последнему знаку, он совершил поездку на остров и убедился, что корма для оленей там действительно недостаточно. "Убедившись в таком существенном недостатке, - пишет И.Иванов, - я приказал самоедам запастись мхом на матером берегу, но они не выполнили моего приказа. Теперь я не знал, на что решиться... 28 апреля я велел самоедам отобрать лучших оленей на 8 смен. Олени и вообще не бывают тучны весной, а теперь как будто нарочно приводили изнуренных".

Так достигали наши предшественники острова Белого! Б.М.Житков пробыл на острове, покрытом снегом, с утра до середины дня. Причем к полудню был уже на материке. Штурман Иванов 4 мая 1828 года ездил на южный берег для

определения широты. Его помощник Н.М.Рагозин в две поездки составил схему западной береговой линии острова до широты 73°25'.

Теперь, опираясь на полное содействие проводников, трех молодых ребят: Паали Ядне, Ули Нгадера и одного из сыновей Сэйко Табкоче Ямала, которых мы задарили порохом, дробью и добрыми словами, мы можем пробыть на острове столько, сколько будет необходимо. Я знал, что жертвенник Сэру Ирику стоит на острове против Хаэн-сале, значит, от нас до него не так далеко, и можно совершить к нему экскурсию. Молодые парни, как я заметил, не очень склонны были выполнять все религиозные обряды и не потребовали от нас повернуть шапки козырьком назад до середины пролива, не стали выливать рюмку водки в волны, как им напоминали старики на берегу. Я был уверен, что они не будут против нашего визита к Сэру Ирику.

Вот с этими мыслями я шел по острову, не считаясь особенно с направлением и расстоянием. Гаги попадались редко. Цепь озер вдоль побережья моря закончилась, и я вышел на легкую возвышенность из крепкого грунта, местами черного, без всякой растительности. Все без исключения озера можно было пересечь вброд. Сначала я обходил самые большие, потом стал пересекать их прямо по воде, которая в глубоких местах едва доходила до колен. Дно озер было песчаное крепкое, и по нему идти было легче, чем по мягкой тундре.

Выйдя на возвышенность, я увидел новую цепь озер и спустился к ним. Нигде не было видно диких оленей, хотя свежие следы их попадались. Ветер стал крепчать, и со стороны моря пополз туман. Я повернул к западу, чтобы быть уверенным, что наш лагерь останется к востоку от меня. Скоро туман окутал со всех сторон, но он не смущал моего покоя, так как буссоль была в кармане, а с ней я не боялся заблудиться. Сколько часов я уже шел - неизвестно, и какое расстояние прошел - неведомо, только чувствовал, что ушел далеко. Пора было возвращаться на побережье, сумка с дичью порядочно давила плечи, фотоаппарат надоел.

Голод уже давал о себе знать, я съел огрызок шоколада, завалившийся в кармане. Птиц не было, видно, попрятались куда-то, озера тоже исчезли, и только равнина безжизненной тундры быстро терялась в молочном воздухе. Стало темнеть. Я шел к югу уже второй час и недоумевал, почему нет моря? О глупая неосторожность! Выйдя из дому, надо было посмотреть направление линии берега. Я стал забирать на юго-восток,

надеясь что, выйдя наугад на берег, я все же не окажусь восточнее нашего лагеря. Сапоги стали тяжелы, сыры. Я шел еще час, сумерки стали переходить в ночь. Пенсне покрылось туманом, и я давно его снял. Близорукость и туман искажали рельеф. Небольшое озерцо казалось безбрежным, небольшая возвышенность чернела горкой. Стая крупных птиц подпустила меня. Птицы были величиной с хороших гусей. Я убил одну из них, но, подойдя, поднял лишь небольшого турухтана ("лорце" по-ненецки).

Несмотря ни на что, я был уверен, что не могу заблудиться, имея буссоль. Несколько раз я ловил себя на том, что терял юго-восточное направление, сбиваясь к югу. Я оглядывался на свой след, убегавший по мокрой траве назад. Я знал, что хозяин этой земли - белый медведь - любит следовать по пятам, об этот пишет Нансен. У меня был только один заряд жакана, надо было стрелять верно и спокойно только один раз. Но я старался не думать об этом.

Я сильно устал, часто присаживался и чувствовал сильный голод. Постоянно прислушивался, стараясь уловить шум моря, но слышал только свист ветра. Горку за горкой я переваливал, пока наконец не встретил настоящую речку. Присел, напился, отдохнул. Теперь ясно - недалеко море. Ночь уже спустилась над тундрой, контуры предметов расплылись еще более. Я уже шел более 8 часов с начала прогулки. Прошел еще полчаса, которые мне показались двумя часами, и наконец наткнулся на плавник. Море шумело где-то далеко впереди. Его не было видно в темноте и тумане. Куда теперь - влево? А может быть, вправо? Нет, только не на запад! Я пошел на восток, сделал версту, как вдруг в сумраке впереди показались очертания высокого мыса, на верху которого виднелся жертвенник. Что за история? Неужели это "Белый дедушка" Вэйсако-хэге? Но тогда я восточнее, и мне нужно идти назад по берегу. Я взошел на мыс. Такого огромного жертвенника я еще не видел. Несколько толстых палок и прутьев стояли в середине. Главный сядай был высотой более трех метров и сверху до половины завернут в шкуру белого оленя. Ниже сложена груда черепов медведей и оленей, в которой тоже торчали головы идолов. Один из них был сделан лучше других, но он был слишком толст, чтобы его взять. Я посмотрел на запад и там в тумане увидел другой мыс, и на нем тоже стоял жертвенник. Поспешил туда неужели это Сидя-хаэн-сале (Два святых мыса)? Они были видны с нашего стана далеко на горизонте в западном направлении. Сколько же верст я прошел от стана? Если я действительно на "святых мысах",

то, значит, я ушел верст на 12-15 в глубь острова, да и к морю шел столько же. Итого, черт знает что! То-то мои ноги отказывали совсем.

Нет сомнения, это Сидя-хаэн-сале. Теперь придется тут ночевать и ждать, покуда пройдет туман. Я собрал сухого плавника, взял растопки от "святого костра" и подумал было, что так как я в бедственном положении, то не взять ли мне шкуру белого оленя, чтобы постелить ее на песок, сырой от тумана. Однако я этого не сделал, так как следы моих сапог выдали бы чужака, расхитившего святыню. У богатого жертвенника, обставленного идолами, красиво украшенного шкурами жертвенных оленей, обложенного черепами белых медведей, я развел костер и приготовился ночевать. Правда, ненцы говорили мне, что на святых местах ночью собираются духи "тадебциев" (шаманов) и забирают с собой неосторожных путников, слишком близко подошедших к святилищу. Но я надеялся, что пляскам духов, если таковые случатся, я не помешаю. Костерок весело затрещал, я ободрал гагу и изжарил ее на вертеле, как шашлык. Потом разжег костер пожарче и, зарядив ружье жаканом, лег спать на обрывках жертвенных шкур.

Холод не дал мне долго поспать. Надо было поддерживать костер. Наконец я дождался рассвета. Теперь было видно, что мысы довольно высоки, до 15-20 метров. На эти-то мысы и выезжал в 1908 году Б.М.Житков при посещении острова. Я не хотел сидеть здесь слишком долго и, хорошо осмотрев жертвенники и зарисовав их, пошел по берегу в направлении на восток. Идти стало трудно, сапоги натерли ноги до мозолей, и я еле двигался. Пошел дождь, он все усиливался. Пройдя две версты, я вынужден был искать убежище от дождя. Это оказалось не так просто. Пришлось моим охотничьим ножом делать нишу в песчаном обрыве и засесть там, рискуя быть засыпанным обвалом песка. Скоро я уснул и проснулся от неудобного сидения. Дождь не прекращался. Туман как будто еще сгустился. Море сердито шумело, набегало пенистой волной на берег. То ли духам не понравилось, что я нарушил пустынный покой их мест, то ли они были возмущены дерзостью русского, пришедшего к ним без поклонов и жертвы. После этого я стал снисходительнее думать о суеверии ненцев. Природа сильнее человека, особенно это чувствуется здесь, в пустынной арктической тундре. Интересную, наверное, картину представлял я в этой ситуации. На голом обрыве лепился человек, весь мокрый и засыпанный песком. Жаль, что некому было увидеть

меня - этого "нарьяна ерво", сильного "красного начальника", каким представляли меня невстретившиеся ненцы.

Куртка моя из черной сделалась желтой, мокрый песок лез везде, я сильно промок и замерз. У меня стучали зубы, бил озноб как в лихорадке. Надо было идти, все равно куртка была мокрая. Я взял из плавника палку, чтобы помогать истертой ноге, и поплелся дальше. Местами крутой берег подходил к самому морю, оставалось идти по полужидкой грязи, в которой вязли ноги. Иногда эти обрывы прорезались ледниковой мореной. Нигде не было видно глинистых сланцев, чтобы поискать в них ископаемых. Один лишь песок был виден в обрывах. Я нашел несколько маленьких галек и кусок хорошего каменного угля.

Вдруг солнце показало в тумане свой белый круг. Я взглянул на буссоль, ввел поправки на склонение магнитной стрелки и определил, что должно быть 6 утра. Но скоро солнце опять ушло в туман. Берег повернулся к северо-востоку, и я успел рассмотреть сзади типичный вид Сидя-хаэн-сале. Вдруг как будто выстрел послышался впереди. Через две-три минуты второй. Несомненно, это Николай Николаевич на стане беспокоится. Я решил ответить. Изда-лека послышался еще выстрел - значит, услышали.

Высокий берег как-то вдруг закончился, сквозь туман я заметил очертания нового мыса, но очень далеко. Через полчаса я вышел на него и пошел уже не по берегу, а по тундре. Идти было невозможно. Я прилег на пожухлую прошлогоднюю траву и моментально уснул. Проснулся от сырости и холода. Туман поредел, солнце как будто хотело выглянуть. Впереди я заметил очертания какой-то толстой лесины, очень похожей на контур лодки, а через полчаса туман рассеялся, и я увидел нашу лодку в какой-нибудь полуверсте. Мой поход заканчивался. Несмотря на исключительную усталость, я был доволен, так как составил себе отличное представление о Белом острове, его рельефе, поверхности и береговой линии.

Как приятен был горячий кофе со свежими лепешками, которые напек Максим! Охотники наши тоже сходили не попусту. Они убили оленя. После кофе я завалился спать, закутавшись в теплую мягкую малицу.

На следующий день погода начала портиться. Задул сильный холодный западный ветер. Мы теснились в палатке. С полудня я писал дневники. Я не жалел времени на описание Белого, так как это - первая литература о нем. И Спицину наказал, чтобы не жалел страниц и писал как можно подробнее обо всем, что увидел тут.

К вечеру я решил сделать киргизские баурсаки, народное блюдо, которое научился стряпать еще во время моего путешествия по кулундинским степям. Первую партию я передержал в сале, и они начали стрелять как из револьвера, обжигая горячим жиром окружающих. Забавнее всего было видеть, когда Николай Николаевич взял еще не остывший баурсак, и тот хлопнул его по языку. Он бросил баурсак и сказал: "Ну его к дьяволу, хлеб со стрельбой!" Но так как мои баурсаки действительно по вкусу были, как пирожное, то после изготовления второй партии мне этот грех был прощен. Вся беда в том, что я забыл проколоть каждый баурсак, после лишь вспомнил, что у киргизов баурсак имел три дырки от вилки.

После чая я завел разговор с Табкоче Ямалом о взаимоотношениях их семьи с братьями Вэнэнга. Табкоче сказал, что, по их мнению, они стоят "на своей земле", а вот Вэнэнги не принимают их за вотчинников, ломают их слопцы и стреляют в них. А ведь есть примета, что если в слопец стрельнуть, то зверь уже в него не пойдет. По приезду он обещал показать мне такой простреленный слопец. С Табкоче у меня был долгий разговор, я записал все его показания, чтобы решить это дело в туземном суде.

Потом мы разговорились о сядаях, о бесцельности бить для них оленей. Табкоче хорошо поддавался на антирелигиозную пропаганду (хотя и сын шамана). Как бедняк, он знал, что боги его не накормят. Вообще, сыновья Сэйко, несмотря на подозрительные рассказы о них, произвели на нас со Спициным хорошее впечатление.

Весь следующий день шел дождь со снегом. Мы мерзли в палатках. Паали Ядне починил мои тюленьи сапоги, наставив имеющейся у него тюленьей шкурой. Спицин весь день беседовал и делал записи об охотничьих промыслах. Молодой Табкоче считался одним из лучших стрелков, промышляющих сейчас на острове. Тут уместно рассказать о "главных жителях" Белого острова - диких оленях. По-ненецки дикий северный олень - "илебць", это можно перевести как дающий жизнь, "то, чем живут". Зыряне называют этого зверя "тикей", ханты "орклан". Сейчас дикий северный олень встречается лишь в северной части полуострова, примерно до озер Ней-то, но иногда спускается вдоль побережья Карского моря и гораздо южнее. За время нашего пребывания на Ямале мы встретили только одну стайку в 4 особи на реке Харасовой и одного оленя в нижнем течении реки Тиутей.

Летом на Ямале оленя нет. Весь "дикарь" уходит на остров Белый. Здесь оленей пока еще много, но, по словам охотников, "стада не столь большие, как было 10-15 лет назад". Нгедруй Ядне говорил нам, что раньше встречал на острове стада в 40-50 голов и более. Табкоче Ямал охотится там пять лет, максимальная численность виденных им групп оленей 10-15-20 голов. Спицин ходил далеко в глубь острова, но ему удалось встретить лишь стайку в 7 голов, несколько пар, троек и одиночек. По-видимому, численность оленя на острове сейчас невелика. Добывают же здесь ненцы в зимний период 150-200 голов, а летом 50-80.

В разговоре об охоте Мати Ямал нам сказал так: "Если охотиться только за диким оленем и больше ничего не делать, то помрешь с голоду". Хотя ненцы и продолжают называть дикого оленя "илебц", но не он теперь "дает жизнь" - живут сейчас за счет домашних оленей. И эти слова Мати косвенно подтверждают наш вывод об уменьшении численности дикого оленя на Ямале.

Ямальско-белоостровское стадо диких оленей следует признать самостоятельной единицей. В отдаленные времена, когда преследовали оленя меньше, когда численность домашних стад не достигала 3-5 тыс. голов на одно хозяйство, когда заселенность Ямала была незначительной, дикий олень был на всем полуострове вместе с оленем, держащимся постоянно в лесотундре. Северные олени дважды в год совершали далекие перекочевки: зимой - на юг, к лесам, а на лето - к северу, в тундру. Сейчас этого уже нет.

Дикий северный олень в тундрах Тобольского севера "не мирится" с человеком и его домашними стадами, уходит в малодоступные места, разбивается на ряд мелких стад, одно из которых мигрирует на Белый остров. Совершать кочевки на остров летом и обратно зимой оленей заставляют две причины: первая не столько стремление уйти от жары и гнуса (у пролива Малыгина жалящих насекомых летом почти нет), сколько от большой людности северной части Ямала в летнее время (хотя, конечно, полное отсутствие комаров и оводов на острове привлекает животных); вторая причина на острове нет ягельников, и олени вынуждены уходить на Ямал, на хорошие кормные места.

Откочевки с Ямала на остров Белый, по наблюдениям ненцев, приходится на период отела домашних важенков, "когда солнышко только начинает пригревать", то есть с конца апреля по май включительно. Олени переходят пролив Малыгина по льду и весной и осенью, обычно в декабре.

Переход совершается небольшими стайками в 3-5, максимум 10 голов. Ненцы на льду за оленями не охотятся.

Гон дикого оленя бывает на месяц позже гона домашних оленей, то есть с 10-15 октября, и продолжается меньше месяца, до середины ноября. Беременность, как и у домашних оленей, длится 30 недель. Отел, в соответствии с началом гона, проходит месяцем позже отела домашних оленей. Дикий олень стройнее домашнего, по окрасу он значительно светлее. Оленеводы при заходе дикого оленя в стадо домашних сразу узнают "дикаря" даже среди тысяч животных.

Ненецкий промысел дикого оленя разделяется на два: промысел на острове Белом и на полуострове Ямал. Белоостровский промысел делится на два периода - летний и осенний. Летом число промышленников, посещающих остров, невелико - ходят туда три лодки, в каждой по 4-6 человек. Добыча в среднем за поездку - 16 оленей на одну лодку. В 1928 году лодки ходили на остров Белый один раз (только с нами одна из них пошла вторично).

Сами охотники говорят, что количество оленей ямальско-белоостровского стада быстро уменьшается "добыть 15-20 оленей за одну поездку становится нелегко, надо долго быть на острове и далеко ходить вглубь". Лодки, на которых охотники преодолевают пролив Малыгина, это их обычные морские лодки, наша имела длину поверху 7 метров, ширину в бортах 2 метра, глубину 80 см. Сделана она была по борту из шести досок (26x2 см) на деревянных шпонках.

На острове промышленники останавливаются у южного берега. Во время прилива лодку подталкивают насколько возможно ближе к берегу и оставляют на якорях. Здесь же разбивают стан и от него совершают походы в глубь острова, разделившись на пары. Некоторые охотники останавливаются на западном и восточном берегу острова, но на северный ездить не рискуют - "в море волна большая, лодка не терпит". Во время охоты, если олени попадают недалеко от берега, стараются каждый день возвратиться к своему стану. Но если нет оленя, то уходят в глубь острова и не возвращаются по двое и более суток.

Охотятся в летний период при помощи защитной доски "илебць-лата". Охотники, разбившись на группы, идут в глубь острова быстрым шагом, 5-6 километров в час. Время от времени останавливаются, осматривают горизонт. Если у кого-то есть подзорная труба (а таковые встречаются у ненцев), то пользуются ею. Как только кто-нибудь заметит оленя все ложатся. Затем, чтобы знать как скрадывать, бросают вверх

что-нибудь легкое для определения направления ветра. С учетом этого, пользуясь складками местности, начинают скрадывать зверя.

Основное правило всяких скрадов - ветер не должен быть со стороны охотника - соблюдается здесь со всей тщательностью. Выбирают холмики и бугорки, за которыми можно подбежать на близкое расстояние, потом начинается скрадование ползком под прикрытием доски. Летом ее маскируют травой, вставленной пучками в специально просверленные отверстия, зимой доску затягивают белым или залепают снегом. Для точности выстрела подползают метров на 70, иногда и ближе. Это все проделывают довольно быстро, за 15-20 минут.

После удачного выстрела с убитого оленя снимают шкуру, мясо разрубает на две-три части в зависимости от веса, чтобы удобно было нести. Все складывают, прикрывают шкурой, и охота продолжается. Прежде чем идти дальше, ненцы основательно закусывают сырым мясом, выбирая самые лакомые куски - печень, сало от спины. Сама по себе охота не тяжела, тяжело доставить убитого зверя на берег. Пронести на себе три пуда на расстояние 10-15 километров по тундре нелегкая задача. Спицин предложил завезти на остров несколько ездовых оленей, на что Табкоче ответил: "Мы привозили сюда оленей, кормили их и держали на привязи, а когда они привыкнут, то и без привязи отпускали. Олени не уходили далеко, но мы заметили потом, что те, которые побывали на острове, после не поправлялись и подыхали, поэтому и перестали сюда их возить". Это, конечно, суеверие, связанное, наверное, с наличием святых мест на острове. Осенью же ненцы перегоняют на остров важенок и ездят на оленях по замерзшему льду, даже загоняют на остров небольшие стада. Причина отказа от завоза оленей летом, вероятно, в ином малой вместимости ненецких морских лодок.

Летом охота приурочивается к длинным дням, к наиболее спокойному времени на море, что бывает в конце июля августе и даже в начале сентября. Во время совместной охоты Спицин заметил, что охотники живо обсуждают, какого оленя увидели - самца или самку. Табкоче объяснил, что важенок они стараются на острове не стрелять, а на Ямале уж бьют всех без разбору. Но потом другие ненцы говорили нам, что ни на Белом, ни на Ямале они не считают с полом охотничьей добычи - просто самец дает больше мяса, и шкура его дороже ценится, так как используется для изготовления ремней для тынзяна.

Осенью иногда охота производится на приманных важенок, с их помощью на острове бьют только хоров. Во время гона дикого оленя приводят одну-две важенки, привязывают на тынзяне. "Хоры наскакивают", и их из укрытия стреляют. Когда пролив Малыгина замерзнет и лед покроется снегом, некоторые охотники выезжают на нартах через пролив, беря с собой стадо в 50-100 оленей, преимущественно важенок. Они промышляют оленя далеко в глубине острова. Стадо умышленно выпускают без присмотра человека, и оно служит приманкой для диких оленей. Когда олени заходят в стадо, охотник подъезжает на нартах и стреляет по "дикарю". Так охотятся на Белом острове всего несколько хозяйств. Большинство же промышляет на полуострове, оставаясь в северной части Ямала на зиму для охоты за песцом и морзверем. Здесь тоже охотятся скрадом, а иногда и загоном. Используют этот способ те, кто отлично знает местность. Так, один из встреченных нами охотников рассказывал: "Сначала гонишься за оленем, потом едешь в сторону, учитывая местность и ход дикого, залагаешь в том месте, где дикие должны пройти, и стреляешь в пробегающих". Наш проводник на Белом острове Паали Ядне говорил так: "Оленя, идущего по кривой, можно догнать, стрелять приходится с нарты". Когда же я потом другим охотникам-ненцам рассказывал про этот способ, то они уверяли меня, что это дело невозможное, так как на домашних оленях за дикими угнаться нельзя.

С собаками за дикими оленями тоже не охотятся, так как от них олень уходит далеко, стайки разбиваются, и охота становится малодобычливой. На вопрос Спицина о количестве важенок из числа добываемых на острове оленей Табкоче ответил: "Четвертая часть". Когда же я поднял вопрос о запрете отстрела важенок, он не возражал, заметил только: "Что есть будем?"

Дикий олень ценится своим мясом и шкурой. Ненцы нас уверяли, что мясо дикого оленя не отличается от домашнего, мне же, по личному опыту, кажется, что оно нежнее и вкусней. Если мясо дикого оленя ценится тут наравне с мясом домашнего, то шкура гораздо дороже. За шкуру дикого оленя-самца дают песка 2-го сорта или живого домашнего оленя. Крепость таких шкур, помимо толщины, объясняется еще тем, что личинками овода дикий олень почти не заражен.

Об оленях и их хранителях на Белом острове ходит много легенд. Сэу Яптик нам таинственно сообщил, что на острове есть два оленя с огромными ветвистыми рогами, и он очень

просил не стрелять их: "Если убьете с вами будет несчастье". Конечно, мы этих чудесных оленей не встретили...

Лишь через сутки дождь прекратился. Ребята быстро собрались и ушли на охоту, а мы со Спициным решили совершить экскурсию по берегу острова на восток и навестить Белого дедушку. По пути я смотрел на показания буссоли и меня удивило, что берег Белого шел основным направлением не на восток, а на север. Это не согласовывалось с данными предыдущих картографов острова. Мы двигались то по отмели взморья, то забирались в гору и шли по тундре. Миновали речку Тебелово-яху. На ней оказался жертвенник очень скромного вида. Я не удержался и взял одного сядая, вырезанного лучше других. От Тебелово-яхи берег повернул еще на север и шел румбом S0 30°. Попалось несколько кусков каменного угля. Берег острова местами был высок, до 20 метров. Он состоял преимущественно из песка, иногда встречались довольно мощные прослойки торфа, несколько мысов были сложены из песка с глиной. В суглинках мы тщетно пытались найти окаменелости. В нескольких разрезах виднелись складки напластований, вероятно, и остров Белый был не свободен от геологических сдвигов. Я нашел в моренах несколько образцов гранита, однако нигде в глубоких слоях нельзя было заметить выходов его на дневную поверхность.

Весь берег был изрезан глубокими оврагами, они имели длину до нескольких верст и переходили в реки довольно извилистого очертания. Дно оврагов обычно наполнено песчаным оползнем, пропитанным водой. Нога в этих местах вязнет. В море тут и там выходили песчаные косы, и около широких устьев рек они несколько отступали. Иногда видны были свежие отвалы песчаных обрывов. Таков Белый остров у побережья.

При переходе через речку Варры-яха Спицин заметил на отдаленной горке толпу бегущих существ. Я посмотрел в бинокль стадо гусей. Но, когда мы приблизились к ним, оказались это не гуси, а гаги. Мы подстрелили пару молодых, чтобы поджарить их на ужин. Больше бить не стали. При переходе другой реки выводок гаг шел впереди, и мы смотрели, как забавно они торопились, как спешили уйти от нас подальше.

Мы стремились все время вперед, надеясь скорее достигнуть таинственного Сэру Ирику (или Вэйсако хэге), который нам представлялся скопищем сядаяв и остатков жертвоприношений. До него, по нашим представлениям (на основании беглых и осторожных расспросов наших спутников), должно было

быть не более 25-30 километров. Мы уже почти прошли это расстояние, порядочно устали, но ничего не встретили.

Погода была отвратительная; ветер дул в лицо и все усиливался, спустился туман, а мы все шли, забегая вперед от мыса к мысу, надеясь наткнуться на капище.

Наконец в тумане на одном мысу мелькнул жертвенник. Мы взобрались на высокий холм и подошли к этому месту. Вокруг были разбросаны оленьи рога, но не очень много. Посредине стоял идол высотой не более полутора метров из круглого дерева. Фигура была выполнена лучше обыкновенного в том отношении, что там, где должна была быть шея, сделаны две глубокие зарубки. Кроме того, два сучка, удачно подобранные по длине и форме, образовывали руки. Кругом идола было поставлено несколько лиственниц, очень тонких и низких, и на них привязаны короткие красные шнурки, но не много. Вокруг лиственниц были воткнуты в землю маленькие сядай, очень небрежно сделанные и совсем новые. Видимо, кто-то недавно посетил это место. Поодаль от жертвенника стоял столб с поперечной доской, как бы небольшой столик.

Никакого грандиозного впечатления (как на Сидя-хаэн-сале) не было. Видимо, место это посещается крайне редко. Спицин усомнился было, что это Вэйсако хэге, предположил, что главная святыня отнесена глубже в тундру. Я же был уверен, что это и есть жертвенник Сэру Ирику. Да и не мог он быть большим, так как стоит далеко в стороне от обычных охотничьих маршрутов ненцев, к тому же они не гоняют сюда стада своих оленей, бывают тут всего несколько дней в году и слишком дорожат шкурами диких оленей, чтобы приносить их в жертву духам в большом количестве. Так что культ Белого дедушки носил скорее духовный, чем материальный характер. Возможно, что жертвы ему приносились и на Сидя-хаэн-сале.

Я уже привык к разочарованиям в тундре и не надеялся найти другое святилище, но Николай Николаевич настаивал на продолжении поисков. Мы пошли дальше, к следующему мысу. Там было пусто, идти дальше становилось бессмысленно. Опускалась ночь. Следовало подумать о ночлеге. Мы нашли овраг с вертикальной северо-восточной стенкой, развели там костер, укрывшись от ветра. Закусили консервами с маленькими кусочками хлеба (одна шестая часть каравая, полученного от Убеко Сибири). Кое-как промучились эту ночь - ветер менял направление, моросил мелкий дождичек, костер то и дело гас. Приходилось вставать и поправлять огонь. Проснувшись на рассвете, я увидел, что Спицина рядом со

мною нет. Стал искать и нашел его в соседнем овраге, где он крепко спал, хорошо укрывшись от ветра.

Слава богу, ночь прошла, и с первыми лучами солнца мы пустились в обратный путь. Шли в тумане и снова навстречу ветру, так как он тоже повернул и дул теперь с юго-запада вдоль пролива. Сначала идти было тяжело. На берегу Варрыяхи мы наткнулись на еще одно, ранее не замеченное нами, святое место. Здесь в последний раз подкрепились одной банкой консервов на двоих и выпили "какао" теперь это была просто водичка, подкрашенная порошком.

В этой прогулке был, безусловно, самый приятный момент - возвращение. Мы прибыли к обеду из мяса дикого оленя, к горячему дымящемуся кофе, но увы... с ничтожной порцией сахара и совсем без хлеба. Наши молодые охотники на этот раз не добыли оленя. Нельзя было и думать пускаться в путь через весь остров на северный берег без припасов, а главное - без хлеба.

На следующий день Спицин ушел в тундру, чтобы обследовать большие озера Пага-мал-то и речки, связанные с ними. Эти озера я нанес (первый) на карту острова по схемам, нарисованным Спициным и нашими проводниками. На острове я занимался сбором растений для гербария. Вечера проходили в приятном отдыхе: я курил табак "Капитан" и углублялся в шахматные этюды Куббеля.

Невдалеке от нашего лагеря, на мысе Сидя-вангутта-сале (Двух песцовых нор мыс), я решил поставить памятный знак экспедиции. 27 августа с утра мы с Максимом приступили к сооружению знака и сработали его отлично, поставив огромное лиственничное бревно прямо на мерзлоту, подперев его с четырех сторон. На затесе бревна я вырезал ножом надпись: "Эксп. 1928 Уралоблзу нач. Евладов". Теперь память о нас останется на острове надолго. Наши ненцы называли этот знак "Эвлад-юмб" и сказали, что теперь о нем будут знать все люди Ямала.

Вечером праздновали день рождения Максима Федоровича Ядопчева. Конечно, с угощением. Максим много рассказывал нам о своей необычной жизни, половину которой он провел в различных экспедициях. Прекрасное знание трех языков ненецкого, хантыйского и русского - делало его незаменимым переводчиком в экспедициях. Он был лично знаком с Олегом Оскаровичем Баклундом, геологом, проводившим в 1910 году поиски золота на маршруте от Обдорска до Югорского шара. В 1911 году он помогал в работе археологу и антропологу Сергею Ивановичу Руденко, а затем финскому ученому-

языковеду Виталию Густавовичу Лехтисало. Они вместе ездили по поселкам и стойбищам, записывали сказки и легенды. В экспедиции Лехтисало Максим Ядопчев работал более года. За это время, по свидетельству Максима, финский ученый овладел ненецким языком в совершенстве. В 1913 году Максим путешествовал по Ямалу с ветеринарным отрядом Семена Ивановича Драчинского. С марта по август отряд находился в местах эпизоотий, собирали анализы почвы в местах падежа оленей, лечили животных. Такие же экспедиции по изучению сибирской язвы и копытки проводились на Ямале в 1914-1915 годах, и Ядопчев ездил с ними. В 1916 году Максим помогал собирать материалы для Тобольского губернского музея краеведу Григорию Матвеевичу Садовникову. С 1923 года плавал с Убеко Сибири на пароходе "Анна" (теперь "Неупокоев"), разведывали судовые подходы в бухте Новый Порт. В 1924 году он ездил на реку Сось с известным геоботаником Борисом Николаевичем Городковым. Были и другие экспедиции. В рассказах наш скромный и хитроватый Максим представал как человек-легенда, и в этом была доля правды. Тем более, что Максим был одним из первых ненцев, вступивших в ряды РКП(б). Проговорили с ним до глубокой ночи.

Следующие два дня погода не менялась. Ехать было нельзя. Я занялся фотографированием, готовил анкету для опроса хозяйств по оленеводству. Плохо было с продуктами. Добытого в первый день оленя уже почти всего съели. Гречневой муки оставалось на один день. Было шесть кусков сахара, кофе на две заварки* и ни крошки хлеба. Выручали гаги, их стреляли ежедневно по несколько штук и ели.

29 августа вечером мы решили все же выехать в любом случае, если только не будет шторма. Пользуясь приливом, мы сдвинули лодку на глубокое место. На ночь Табкоче и Ули ушли спать в лодку. Мы сняли наши чумики и были готовы к быстрой погрузке. Среди ночи Табкоче разбудил меня громким шепотом: "Хась тара" (ехать надо). Мы в полчаса погрузились и отошли от берега. Утро меня не радовало. Тяжелые дождевые облака теснились друг на друга, угрожая дождем со всех сторон, однако дождя не было. Мы шли под парусом, подгребая веслами. Ветер был хоть и попутный, но очень слабый, барометр стоял высоко, и надо было ждать перемены погоды: к лучшему или худшему - неизвестно.

Незаметно я заснул и проснулся лишь около середины пролива. Погода улучшилась. В разных местах стали появляться тюлени, но все далеко. Мы с Николаем Никола-

евичем начали громко петь. Животные подплывали все ближе и ближе, песня их занимала. Они показывались из воды то тут, то там, вылезая из нее как столбики, прислушивались. Наконец мы не выдержали и начали стрелять. Выстрел. Мимо! Мы стали поджидать терпеливее. Я зарядил пару картечи и решил быть внимательным и поспешным, держа ружье у плеча. Только я немножко устал, как вдруг тюленья морда показалась шагах в 15. Я ударил навскидку. Весь заряд кучей бултыхнулся в воду повыше головы тюленя. Удача была так близка, так возможна, но... увы, охотничье счастье было не на нашей стороне.

Тогда мы стали стучать железкой по топору, и звенящий звук разносился далеко вокруг. Не успел я прийти в себя от неудачи, как второй тюлень показал морду шагах в 20. На этот раз я успел прицелиться и выстрелил, как мне показалось, довольно точно, но насмешливое ненецкое "енгу" (нет) омрачило мою уверенность в успехе. Я был обескуражен и больше уже не стрелял. Прекратил это безнадежное дело и Николай Николаевич. Но песни петь мы продолжали. День становился все лучше и лучше. Высокий берег Ямала, уходящий к западу, был уже виден хорошо. На нем искрились зайчики от солнца. Прощай, Белый остров! Мы возвращаемся на Ямал. Море теперь почти не колыхалось, голубое небо расплывалось все шире и шире. Чистейшая голубизна радовала глаз. Вдали показалась лодка каких-то промышленников, она шла поперек пролива, к Ямалу.

Часа через три мы вошли в устье Яхады-яхи. Пройдя один поворот, остановились, чтобы собрать плавника для костра. Проплыв еще пару изгибов реки, мы заметили на берегу нарту с оленями. Это был один из братьев Папти Яптика, он поджидал лодку, шедшую позади нас. Встретив своих, он уехал в чум за оленями для нас. Это было очень кстати, так как до чума Хаали Яптика, куда мы собирались, было не менее 20 километров.

Две лодки встали у берега Яхады. К нам подошел сам Папти со своей командой. Они добыли 4 диких оленя. Разговорились. Я рассказал об окружающих Карское море землях - они почти ничего не знали о Новой Земле и совсем ничего о Земле Франца Иосифа. Ненцы стали просить показать им дорогу туда. Я и сам задумался об этом серьезно. Ведь расстояние от нашего костра до северной оконечности Новой Земли немногим больше, чем до озер Ней-то, и если многие из них годами зимуют на проливе Малыгина, то не лучше ли кому-то проводить зиму на таких же (и даже лучше!) новых

промысловых территориях? Дело лишь в транспорте и снабжении современными моторно-парусными ботами, вроде тех, какими пользуются архангельские поморы и норвежцы.

Потом Папти Яптик со своими людьми уехал, а Ули и Табкоче ушли к чумам пешком. Я с Максимом и Спициным остался ждать оленей Хаали Яптика. Папти велел было Табкоче пригнать для нас своих оленей, но я его остановил - у Табкоче всего 120 оленей, а у Хаали 500 - к тому же Ули и Табкоче уже поработали на нас. Я не велел им больше трогать чум Сэйко Ямала. Улучив момент, я спросил у Табкоче:

- А почему они требуют у тебя оленей?

- Они всегда так. Как какая работа, стараются нас заставить. Если бы ты не сказал, пришлось бы дать оленей.

- А почему не откажешься?

- Нельзя, а может, придется оленей у них просить на мясо.

Вот она экономическая кабала бедняков. Сыновья Сэйко живут, окруженные враждой здешних вотчинников, и сами враждебно относятся к другим. Коллективная собственность на оленей и землю могла бы разрушить эти бесполезные конфликты.

Оленей долго не было, мы уснули. У меня прошло чувство, что мы путешествуем в "полярных дебрях", но сейчас приятно было думать, что уже ничто не отделяет нас от родных мест и опасности от неизвестного острова и моря остались позади. Наконец, приехал Хаали и привел оленей. Мы выехали. Немножко странно было уже ехать на оленях, как будто отвыкли, и теперь было такое ощущение, словно мы оделись в теплую, привычную, приятную одежду после холода.

Проехали мимо чьего-то стада. Рога хоров были в ленточках - начали облезать. "Пришел Успенье-день", объяснил Хаали. В стадах уже было много оленей-самцов с чистыми белыми рогами. Скоро начнется гон.

Мы ехали медленно. Солнце уже уходило за горизонт, и как будто одновременно с востока показалась луна. Она выплыла огромным красным шаром и сразу же нырнула в облако, которое надолго повисло над нами, излучая мягкий алый свет. Высоко, необычно высоко сияла Венера полночным светом. Лучи новой зари не мешали ей сиять - будто дорогой бриллиант чистейшей воды переливался на перстне беспредельных пространств. Присмотревшись, можно было заметить, как зажигались все новые и новые звезды. Тундра приобрела темно-бронзовый отлив. Как будто природа показывала нам свои красоты, наполняя нас радостью. Чувство необычной бодрости, тяги к работе, к творению, к созиданию, ощущение

простора и тишины хотелось сохранить в себе как можно дольше.

Олени побежали дружно, почти не приходилось подгонять их тюрком видно было, что они из полутысячного стада. К чуму Хаали подъехали ночью, последние лучи зари уже успели потухнуть. Я обратил внимание на бледное облако, которое развернутой лентой спускалось от зенита на чум по западной части небосклона. Оно было удивительно легко и прозрачно. Как будто волшебная винтовая лестница спустилась от небес к земле. Я показал на него Хаали. "Харп" (северное сияние), - коротко ответил он. Как хорошо! Ко всем красотам этого вечера добавилось северное сияние. Действительно, красота молодой полярной осени была бы неполна без этого.

Скоро сияние пропало, а нас пригласили в чум к обильному столу, где для нас были хлеб и чай. Этого нам очень нехватало на острове. За чаем мне сообщили, что ямальский "магнат" Ненза Ямал скоро подойдет к нам с "легким чумом" и частью оленей. Он сейчас стоял в двух попрысках, а завтра должен был приехать и "поднять" нас на хребет для обратного пути. Мне было жалко уезжать отсюда, не повидав главной ямальской святыни на мысе Хаэн-сале. Этот жертвенник ненцы называют Яумал-хэ. С мыслями о том, как бы мне уговорить ненцев проводить меня на "святое место", я заснул в чуме Хаали Яптика.

31 августа, последний день лета. Завтра уже начнется осень. Николай Николаевич еще спрашивает у ненцев, будут ли впереди теплые дни. Я их уже не жду. Лета мы не видели и не увидим. Начались темные ночи, стали случаться нападения волков на стада. Некоторые хозяйства отдали уже эту дань природе в количестве двух, трех, а то и пяти оленей. Хаали попросил стрихнину, и мы дали, взяв слово, что он им не будет травить песцов. Спицин с серьезной миной заявил, что будут судить за каждую шкурку песка, отравленного стрихнином, которую мы будто бы безошибочно узнаем. Кажется, к этому отнеслись серьезно.

Тот, кого мы ждали, приехал, когда день склонялся к вечеру. Я приветливо поздоровался с крупным рослым человеком, к тому же с необычной для жителей тундр черной бородой. Ему было лет 45. По рассказам, я представлял себе Нензу глубоким стариком. И действительно это оказался не он, а его старший сын Пудынаси Ямал. Он - главный хозяин в чуме Нензы, уже дряхлого и больного старика, потерявшего трудоспособность. Пудынаси был хмур и носил на лице

отпечаток каких-то дедовских тайн. Он один из хранителей святилища на мысе Хаэн-сале. Позже подъехал и сам старик Ненза - тоже в знак почтения ко мне, "начальнику".

Я стал шутить, что слишком долго мы их ждали и думали, что они не придут. Тогда Пудынаси вручил мне мою бумагу, которую я послал Нензе. Она была тщательно завернута в старый платок и аккуратно перевязана веревочкой. Я спросил, читал ли он бумагу. "Нет", - ответил Пудынаси. "Откуда все знаешь?" - "Знаю", - был ответ. Я тут же спросил его, знает ли он, что в этой бумаге написано: "Отвезти начальника на "святое место". Он был удивлен. Я сразу же стал говорить, что ждал его тут, чтобы поехать к святому месту Хаэн-сале. "Мне сказал Ензеда Окатэтта, чтобы без Нензы и Пудынаси я не ездил", - удачно вернул я.

Это всех озадачило. Подъехавший Няю Вэненга уже привел оленей, чтобы везти нас на юг. А тут "начальник" выдумал ехать к "святому", до которого четыре попрыска. Однако мои аргументы были слишком весомы, чтобы против них возражать. Я завел речь, что был, мол, на "святом острове", видел Сидя-хаэн-сале, посетил все главные святы места Ямала и, конечно, не могу уехать, не побывав на главном из них - Яумал-хэ. Это нехорошо.

Ненцы ушли в соседний чум советоваться. Спицин отказался от поездки, решил побродить в тундре с ружьем в одиночестве. Вернулся в чум Хаали и сказал, что они повезут "Миколаича" с багажом в чум Нензы, а я поеду с Пудынаси и Няю Вэненга на его оленях к святилищу на Хаэн-сале. Оттуда мы отправимся в чум Нензы.

Подошел хмурый Пудынаси и сказал, что так, без жертв, к святому не ездят, надо ему что-то везти. Я сказал, что возьму угощение... Солнце уже стояло довольно низко над горизонтом, когда мы на четырех нартах выехали из чума. Мне нужно было фотографировать, и я боялся быть застигнутым ночью. Однако Няю сам так погонял оленей, что они шли все время вскачь. Он мало разбирал дорогу под гору и в гору, шел одним аллюром и не останавливался, чтобы дать передышку оленям. Проехали час, полчаса - только тогда остановились на минутку. Мы сделали 15 верст. Пудынаси сказал, что осталось еще столько же.

Не успел я раскурить трубку как следует, - и мы погнали опять. И снова час и еще полчаса скакали вперед. Опять остановка. На горизонте показалось что-то черное, там стоял большой сядай. Гнали еще полчаса и опять встали. Теперь уже видны кучи рогов это Яумал-хэ, цель нашей поездки.

Солнце стало окрашиваться в красный цвет, от горизонта выползло облако, я заторопился.

Подъехали. На возвышенном берегу стоял огромный жертвенник. Первое впечатление от него вал из кучи оленьих рогов, тут и там возвышались отдельные кучи. Одна из них была особенно велика, ее высота достигала 2-2,5 человеческого роста. Весь вал из оленьих рогов был вытянут вдоль пролива с запада на восток. Справа от центральной, самой большой кучи рогов, располагались еще 3 - поменьше, крайняя из них была особенно обильна жертвоприношениями. Слева от "главного шайтана" также 3 кучи рогов, самая левая - поодаль - почти без жертвоприношений.

В середине каждой кучи рогов стояли несколько лиственниц, ветви которых были увешаны полосками ткани, кольцами, монетками, завернутыми в лоскутки, железными цепочками и пр. Из костяных куч торчали сядай, грубо вырезанные из мелкого плавного леса. Редко можно было найти хорошее изображение. Никакой художественности и стремления создать и улучшить "образ и подобие" божества. А ведь ненцы хорошо могут резать по дереву топором и ножом. В крайней левой группе был корень плавника, согнувшийся под прямым углом это изображение сидящего бога. В середине главной кучи рогов торчало довольно толстое бревно "с глазами" и зарубкой, где должен был быть рот. Это главный шайтан:

Сюда прежде всего залез Пудынаси с бутылкой вина и начал потчевать по очереди главных шайтанов. Прежде чем начать эту церемонию, он, Няю и Максим Ядопчев встали и кланялись каждому жертвеннику. Затем Пудынаси полез по черепам и рогам наверх к сядаям. Я бродил вокруг куч и фотографировал общий вид, детали, сделал более дюжины снимков...

Потом мы сели около главного идола, и Пудынаси рассказал легенду о возникновении святыни. Эту легенду можно прочитать в книге Б.М.Житкова, ее рассказывал мне после шаманской пляски и Сэйко Ямал. А вот что сообщил Пудынаси:

... Когда-то очень давно здесь стоял один обыкновенный шайтан. Собрались семь родов ненцев охотиться на диких оленей. Главным предводителем охоты был один из Вэненгов. Они поставили два ряда палок около святого и на них привязали лямки вроде флагов. Им удалось загнать в этот коридор целое стадо оленей. Всех их перебили стрелами (тогда еще не было ружей). В числе убитых была Белая важенка. При

разделе добычи она досталась главному Вэенгенге. Когда он ее свеживал, то нашел на груди медную пряжку, какую носят женщины на поясе. В честь этой важеньки охотники основали здесь святое место, которое посвящено женщине.

Спустя много лет приехали с моря русские с саблями и хотели это место разрушить. Пока они шли от моря сюда (море видно невдалеке), их взяла цинга, и все они умерли. Сабли были зарыты за спиной главного шайтана, того самого, с которого началось сегодняшнее угощение. Эти сабли долго там лежали, потом сюда стали приезжать ненцы из дальних мест, они растаскали сабли по чумам. Несколько клинков старики спрятали поглубже за спиной святого...

Я пожелал получить такую саблю, но Пудынаси не мог указать место, где они зарыты. "Пока я помню, тут так же росла трава, сказал он, и я не знаю места, где они зарыты". Тогда я пожелал иметь сядая из "святого места". Пудынаси заметил, что этого никак нельзя, так как он навечно не может быть увезен, а через три года непременно должен быть снова здесь. Тогда можно брать нового сядая.

Я рассказал ему, что от Тиутей-сале мне Сэу Яптик дал сядая. Разве отсюда они отпустят меня так? Пудынаси и Няю стали жаловаться:

- Раньше здесь был "другой начальник" (Б.М.Житков), он взял самовольно одного из главных сядаяев, который сидел и имел две ноги. Теперь прошло уже 20 лет, а он его не возвращает.

- Так нельзя. Это очень плохо, - сказал Пудынаси, мы знаем, закон теперь стал другой, и уже, наверное, нельзя возвратить сядая. А не можешь ли ты это сделать?

- Хорошо, - ответил я, - я ему скажу и спрошу, куда он его поставил, и если найдут, то пришлю вам его или привезу сам.

- Трэм саво.

- Ну, а если теперь не найду себе сядая, то уж не придется опять приехать.

- Тогда... делать нечего - дадим, - согласился Пудынаси.

- А мне сядая дадите?

- Надо дать, ты наш человек - Ямал Харютти (ямальский житель). Мы тебя знаем и верим тебе.

- Я приеду к большому начальнику, покажу ему сядая и расскажу все, что вы мне сказали. А если он попросит меня подарить ему сядая, тогда как?

Этого нельзя, так и скажи. Сядай должен быть здесь. Если ты не через 3, а через 4 или 5 лет привезешь его, то это ничего, но обязательно надо привезти.

Положение мое было трудное. Ненцы все это говорили искренне. Сейчас Пудынаси впервые произнес мое новое прозвище, которое дали мне после посещения Белого острова - Ямал Харютти. Оно скоро разнесется по всей тундре. Его нужно оправдать. Старое мое прозвище Гойво Хориче "Лысая голова" скоро будет забыто. Теперь, если мне придется иметь дело с ненцами, а это, я считал, будет несомненно, так как наша национальная политика здесь только начинается, надо было принять обязательство возратить сядая и выполнить его, чтобы не потерять доверие. А что если я по каким-то, не зависящим от меня, обстоятельствам не смогу попасть снова на Ямал и не верну сядая? Я не мог отнестись к этому несерьезно. Это поставило бы меня ниже этих суеверных и доверчивых людей, уважение к которым у меня все больше росло. Поэтому я продолжал хитрить, надеясь избавиться от обязательства возратить сядая. Кончили тем, что я не могу никому передать сядая, а должен хранить его в своей семье, обращаться к нему за помощью при болезнях родных, показывать его кому-либо только в исключительных обстоятельствах. Пудынаси Ямал стал учить меня, как с ним обращаться.

Мала-мала времени ходи с ним куда-то в лес, кипяти чайник и угощай его. Если помрешь, то сыну накажи это делать. Пусть сын твой приезжает к нам, привезет сядая, и по нему мы или наши дети узнаем, что к нам приехал сын того хорошего друга, который был у нас когда-то. Если же и сын помрет, то сядая надо сжечь, - закончил он.

- Как можно сжечь, это же - святое? - удивился я.

- Это - деревяшка, - ответил Пудынаси, - пусть она сгорит, тогда дух этого сядая придет сюда, на свое место.

Этого мне было достаточно, я был свободен от обязательства возратить сядая.

На сучках священных лиственниц и оленьих рогах висели хорошенькие одежды идолов - маленькие гуськи и малицы. Я тоже пожелал одеть своего сядая и спросил об этом:

- Вот что плохо, надо моего сядая одеть, так нехорошо. Но моя жена - русская, она не сможет сшить ему малицу.

- Ягушку, - поправил Пудынаси, - это ведь женщина.

Да, верно. Ягушку сшить она не сможет. Как будем делать?

Я постарался скрыть смущение от своей "неджентльменской" ошибки и оглядел своего сядая (теперь "сядайху") более внимательно, надеясь разглядеть в ней женские черты. Но не нашел.

- Ты долго будешь в моем чуме? Там сошьем, - предложил Пудынаси.

- Ну и ладно.

Потом я стал расспрашивать, почему у них, у ненцев, семерка "святая цифра" и все боги живут в семи чумах. Оказывается, у главного божества было шесть детей, а седьмой - он сам. Он сотворил шесть земель, а седьмую не стал делать - "седьмой (землей) буду сам". Пока я фотографировал, Ядопчев по моей просьбе расспрашивал Пудынаси и Няю о святом месте Хаэн-сале. Они рассказали ему следующее, предупредив, чтобы он никому не говорил. Легенда в пересказе Максима была такова.

Задолго до основания святого места Хаэн-сале жил один самоед на Ямале. Он поехал как-то на промыслы и в тумане заблудился. Поднялась страшная буря и унесла человека на небо. Там он пришел в "Божий чум". У этого божества была дочь. Потом этот человек и сам стал богом, спустился на землю, а с ним и дочь божья. На земле этот человек сказал божьей дочери: "Я возьму себе Белый остров и буду жить там, тебе даю Ямал. Сядь у Хаэн-сале напротив меня, и будем жить так. И долго эта женщина стояла одна на Ямале, а сам он сел на острове - это и был Сэру Ирику ("Белый дедушка"). Потом стали у них сын и дочь. Их дочь околдовал сильный Нгэрм (Север), что живет посреди моря. Он превратил ее в Белую важенку, из-за которой между самоедскими родами была война. Белая важна попала под стрелу и при разделе досталась роду Вэненга. Когда была найдена священная пряжка, мдлва об этом месте стала расти, и теперь это главный жертвенник Ямала - Яумал-хэ...

Я хотел было еще многое расспросить у моих проводников о сотворении мира, о божественной иерархии, но заря уже гасла, и луна показалась на востоке. Няю заторопился, а за ним и Пудынаси. Он сидел обнявши сядая, уезжавшего со мной, и не разговаривал, а все поглаживал "деревяшку", целовал ее, мазал своими губами и бормотал: "Саво, саво" (хорошо, хорошо). Когда поехали, он держал сядая у себя и всю дорогу визжал, гикал и погонял тюром своих и моих оленей. Я большой любитель быстрой езды, но эта скачка в течение полутора часов без отдыха и передышки оленям мне уже не нравилась. Лишь потом я узнал, что от "святого места" ненцы всегда гонят так, до полного истощения сил оленей. Есть поверье: у кого олени пристанут и не пойдут, тому скоро помирать. "Даже лучшие олени остановятся и не пойдут, если на них сидит такой человек", сказал Няю

Вэненга. Тут мне стало понятно и то, почему ненцы неохотно и нечасто посещают свои святыни - кому хочется испытывать судьбу и узнать правду до времени?

Остановились, постояли минуту и снова полетели. Вечер сгустился, почти ничего не было видно впереди. Я на всем скаку влетел в озерцо, довольно глубокое. Волна холодной воды хлестнула меня, но олени уже вылетели из озера и неслись дальше. Луна поднялась выше, и прозрачная ясная ночь опустилась над тундрой. Наконец мы услышали собачий лай в чуме Няю. Мы приехали все одновременно - никто не умрет. Было чему радоваться! Прежде чем войти в чум, я решил поговорить с Няю. Я сказал:

Хорошие вы люди, братья Вэненга. Зачем вы только ссоритесь с сыновьями Сэйко?

- Я их не люблю, - и тень прошла по лицу Няю. - Они ведь кормятся от нашего стада (показал рукой на стадо, гуляющее вокруг чума), а не хотят возвращать оленей. Я им сказал, чтобы расплачивались плавником его добывать не надо, а только собирать. За быка - шесть нарт, за пешку - четыре. Не хотят. Даже когда я сам еду за плавником, они ругаются и говорят: "Ты берешь наш мелкий плавник". Как я знаю чей - разве меченный он? Его так много по берегу - на всех хватит.

- Это, конечно, неладно, - согласился я, - но спорите вы не из-за этого. Зачем ты не признаешь, что там земля Окатэтта-Ямалов? Разве тебе мало земли от реки Хоголе до мыса Поелово? А им тоже песка надо добыть. Они бедняки где побудут?

- Пусть живут, я их не гоню, - кривит душой Няю.

У вас есть с ними дело в суде. Ты почему мне не сказал ничего? Табкоче случайно проговорился. А ты мне не сказал. Почему? Разве ты боишься, что виноват? Ты говорил мне, что поедешь нынче в Обдорск - тебе непременно нужно там быть. Я сам добьюсь, чтобы ваш спор быстро рассудили, и если тебя не будет, то рассудят заочно. Тебе же хуже.

- Ладно, я приеду, - обещает Няю.

- Да, приезжай.

За чаем Няю был сумрачен, его, видимо, беспокоил новый поворот дела. После чая я начал с ним разговор о помощи богатым - страховании оленей. Пудынаси сел рядом со мной - он до этого был на другой половине чума. Оба хозяина очень заинтересовались ответственностью государства, "казны" за падеж оленей. И уплата ежегодных взносов их не испугала, хотя я эти взносы поднимал из осторожности до 7-10% в год. Потом разговор, как всегда, перешел на вотчины. Здесь я уже

решил спрашивать Няю и Пудынаси напрямую, показал им сделанную мной карту-схему ненецких вотчин на северном Ямале. Они уточнили некоторые границы. Потом я зачитал им записи ответов на вопросы о вотчинах их соотечественников Ензеды и Тилянга Окатэтта, Тар Ямала и других. Няю и Пудынаси подтвердили: "Да, тебе все сказали правильно".

Тут хотелось бы сделать отступление от рассказа о путешествии и поговорить о вотчинах ненцев - личном наследственном землевладении как о явлении народной жизни. Здесь я использовал записи моих спутников Н.Н.Спицина, П.П.Королева и Д.В.Колмакова. Все вместе экономист, охотовед и специалисты по оленеводству - застали вотчинное право в таком виде.

В.П.Евладов. Вся территория Ямала так же, как и других окружающих тундр, разделена на вотчины. Вотчинное владение имеет исторические корни и сложилось в глубине веков из стремления отдельных кочевых групп охотников-скотоводов закрепить за собой определенные территории. В соответствии с родовым делением территории, вотчины членов тех или иных родов - "еркаров" - располагаются в пределах первоначального исконного расселения родов. Так как в каждом роде ненцы обычно признают одного-двух наиболее влиятельных хозяев, то вотчины связываются с их именами. Таким влиятельным лицом признается наиболее богатый и тароватый оленевод. Они есть в каждом роде и крепко вросли в родовую массу благодаря подаркам, помощи, широкому гостеприимству. До революции из них выбирались старшины рода. Авторитет богатых оленеводов сохраняется в тундре и поныне. Но не все богачи - вотчинники. Есть вотчинники - бедняки.

В настоящее время вотчинное право дает лишь одно преимущество - право промысла псаца самоловными ловушками-слопцами. Только слопцами! Добыча псаца капканами на любой территории разрешается всем беспрепятственно. Выпас оленей в любое время года тоже не преследуется.

Ненцы признают право прохода оленями через чужие вотчины лишь при условии бережного отношения к ягельникам. Раньше, в царское время, вотчинное владение было особенно крепким, оно охватывало даже рыбные промыслы Обской губы. Сейчас вотчины реально сохранились лишь на патриархальном Крайнем Севере Ямальского полуострова. На юге вотчин уже нет, а в срединной части Ямала они разрушаются, хотя еще слышны жалобы на нарушение старого вотчинного права. В словах стариков эти жалобы звучат таким

образом: "Раньше каждый знал свое место, и каждый год олени стояли на одних и тех же местах, а теперь всякий идет куда хочет, промышляет где думает. Поэтому много народу скопилось у карского берега".

Всего на Ямале нами отмечено до 20 территорий в твердых вотчинных границах. На крайнем северо-западе Ямала лежит вотчина трех братьев Ямал (часть рода Окатэтта) Мати, Папти и Ирику. Южнее земля принадлежит Тар Ямалу. Он является самым старшим по возрасту в роде Окатэтта. Его вотчина особенно велика. Когда мы проезжали землю Тара, нам повстречались там два чума Вэнэнга. На мой вопрос, спросили ли вотчинника Тара, они ответили: "Нет, вотчина большая, зачем спрашивать?" "А если он будет стонять?" поинтересовался я. "Тогда уйдем подальше - вон туда". Это ответили оленеводы, имеющие по 500 оленей.

Далее к югу от вотчин Окатэтта вклиниваются земли, принадлежащие Яптикам Бэйворю и Сэу. Тут вообще собрался род Яптиков. В междуречье Харасовой и Тиутей "хозяином земли" является Хаулы Окатэтта. Этот Хаулы лет 20 тому назад был беден и не имел никакой вотчины. При кочевках он и его семья ходили пешком по тундре, а "горсть" чужих оленей, взятых на выпас, тащила их небольшой скarb. В 1928 году у Хаулы уже было 700 оленей. Жил он безбедно и пользовался исключительным авторитетом у ближних и дальних соседей. В этих местах на все мы получали ответ: "Надо спросить у Хаулы Окатэтта".

Южнее Хаулы располагается вотчина Ензеды Окатэтта, а далее к югу стоят чумы рода Сэротэтта. Там, на мысе Марресале, расположена радиостанция Убеко Сибири. Южнее разбросаны чумы малооленных кочевников, в основном из рода Езынги, но много хантов, коми-зырян, пришедших с Урала. Вотчин там нет.

В центральной части полуострова летом не остается никто. Сильная жара и гнус гонят людей к побережью.

Восточная часть полуострова Ямал разрезана на вотчины так: северо-восточная оконечность принадлежит небольшому роду Вэнэнга во главе со старшиной Лямби. Сам он имеет вотчинное владение в междуречье Хоголе-яхи и Яхады-яхи. Рядом вотчина трех братьев Вэнэнга - Някоче, Тероку и Няю. Их земля тянется от реки Хоголе до мыса Поелово (Дровяной). Они признают право Нензы Ямала на некоторые участки этой земли. Сыновья Нензы Пудынаси и Мяри Ямалы имеют там свои слопцы, и Вэнэнги их не гонят. В то же время с сыновьями Сэйко Ямала, шамана, пришедшего с

Урала, у них вражда. Вэненга считают их посторонними, гонят вплоть до разламывания слопцов. Сами сыновья Сэйко уверяют, что их вотчина здесь - тут издавна стояли их предки Окатэтта.

В северо-восточной части полуострова Ямал в последние годы вотчинники не очень держатся за свои "владения". Они постепенно как будто бы сдвигаются к северо-западной оконечности полуострова. Майма Яунгад говорил мне так: "Я ушел на карский берег с обского из-за дикого оленя. На моей вотчине он совсем перевелся. Дикий ушел из-за пароходов на Обской губе, они сильно гудят, и от них много черного дыма".

Отдельные хозяйства вотчинников имеют на своих землях до 200 слопцов, которые настораживают и приваживают зверя с осени и спускают с насторожки весной. А капканами разрешают ловить всем. Вотчины уже начинают отмирать. Имеют ли они хозяйственный смысл, и как к ним относиться при распределении территории пастбищ для колхозов и совхозов - вопрос, требующий дополнительного изучения.

Н.Н.Спицин. Начало вотчинного права у ненцев лежит, очевидно, в глубокой древности. Ненцы на этот вопрос мне отвечали: "От дедов так ведется". Только Сэротэтта Яптори дал совершенно отличное от других толкование вотчинного права. По его словам, вотчины начались с 1828 года, "когда по Ямалу ездил Турман-луце (штурман Иванов). Наши его возили, и он говорил, что кто дальше увезет, тот и будет владеть землей. Землю он определял по родам. Какой род, хотя бы Хороля, дальше отказывается везти - олени дальше не идут, там останавливались, делали на земле юмб (метку), этот род и стал владеть землей. Так стали быть вотчины".

Конечно, это объяснение слишком простое. История вотчин не может быть без экономических предпосылок, а ими на Ямале могут быть либо промыслы, либо оленеводство. Охотничий промысел, несомненно, более древен, чем оленеводство. Главный зверь охотопромысла - песец, в нем нужно искать первопричину вотчинного права. Песец в определенном сезоне и определенном возрасте (норники, крестоватики) держится постоянно одних мест - вот предпосылка к захвату, закреплению территорий.

П.П.Королев. Исторические причины возникновения вотчинного владения заключаются, по моему мнению, в охотничьем характере первобытного туземного хозяйства. Заселение Ямала велось не оленеводами, а охотниками.

Аборигены шли за диким северным оленем, который, теснимый ими, уходил все дальше на север. Люди шли сюда добывать морского зверя, рыбу, имеющуюся в многочисленных водоемах, дичь, песка.

С появлением первых купцов на Севере, обменивающих на разные товары пушнину, песец выдвинулся из всех остальных видов добычи на первое место. Добыча детенышей песка (норников, крестоватиков и синяков) сыграла основную роль в закреплении территории за отдельными лицами. Потом право пользования стало передаваться по наследству.

Ни оленные пастбища, ни промысел какого-либо морского зверя не могли иметь такого значения в возникновении вотчин и вотчинного права, как добыча песка. Все виды морских промысловых животных, а также белый медведь, дикий северный олень не имели значения для образования вотчин.

Появление вотчинного владения обычно объясняют стремлением закрепить за собой пастбища. Но многие из вотчин находятся в таких районах, где совершенно отсутствуют лишайники, а в то же время вотчинники ревностно охраняют свои владения. К тому же, мы видели, что зимние пастбища, будучи исключительно лишайниковыми, не разбиты на вотчины, и пользование ими происходит на правах свободного выпаса.

Летние пастбища по своим ресурсам в основном не лишайниковые и настолько богаты зеленой растительностью, что могут прокормить в десятки раз большее количество оленей, чем выпасается в настоящее время. Для большинства кочующих хозяйств Ямала нынешнюю форму экономической жизни можно было бы считать скорее охотничьей, чем оленеводческой. Хотя существует единое у всех кочевников желание иметь как можно больше оленей. И каждый охотник, каждый морской промышленник все свои излишки пускают на приобретение оленей...

В день отъезда я попросил Няю рассказать о разделе оленей в их семье - как делят стадо? Оказалось, делят по индивидуальным меткам, связывая оленя и отгоняя его от делимого стада на большое расстояние. Работа эта нелегкая, долгая и кропотливая, занимает несколько дней при большом стаде. Оленей никогда не считают, а отмечают приметных животных, которые никогда не отбиваются от стада в одиночку. Если такого оленя нет, то, значит, нет части оленей. Тогда едут искать.

Ночь перед отъездом из чума Няю Вэненга прошла спокойно. Утром стали душить пешку, чтобы угостить нас,

отъезжающих, свежим мясом и в честь полнолуния. Я спросил, идет ли эта пешка гостям или в жертву Луне. Няю ответил, что душит пешку и гостям, и в жертву, и по случаю поездки в Хаэн-сале. После трапезы настало время прощания и отъезда. Отсюда мы пойдем на юг, к озерам Ней-то, где нас будут ждать наши товарищи по экспедиции. Полгода мы уже в пути, и половина его пройдена.

ГЛАВА 6

Медленное движение к реке Тамбей. Кочевой быт ненцев. Патриархальные формы кооперации и кредита у оленеводов. - Старики-охотники Лямби Вэненга и Яркулона Тусида. Охотничьи промыслы ненцев в тундре. - Неудачные розыски ржаной муки "подарка" Убеко Сибири. - Бывший старшина рода Гапти Окатэтта. Сказка-лахнака "Пять братьев Яптунай". - Подъезжаем к озерам Ней-то.

Каслаем. Опять обоз, тихое медленное движение. Тупые, но здоровые олени. Снова монотонное скольжение нарт, мох, болота, бесконечная тундра и нескончаемая нить мыслей. О чем думают сами ненцы в эти бесконечные часы касланий? Круг представлений их ограничен оленями, работой, песцами и саядами. Немудрено, что все это переплелось у них в какую-то религиозно-бытовую, суеверно-практическую сказку, сочинять которую, напевая унылый двухнотный мотив, так просто и приятно.

Приехали к Пудынаси. Женщины стали расширять чум для гостей, добавляя чумовые палки, чтобы увеличить площадь основания конуса чума. Здесь было довольно много детей, я с удовольствием смотрел на них, а мысли летели далеко, в Свердловск. Как там мои ребятки?... Мальчишки затеяли стрельбу из луков, забавно было видеть четырехлетних стрелков ребята ставили дощечку "япту" (гусь) и стреляли, усаживаясь шагах в десяти от мишени. После двух выстрелов они бежали за стрелами, и каждый брал свои. Старший мальчик редко промахивался. Малыши же били мимо, хотя тщательно целились, но иногда и попадали.

Был тихий теплый, почти летний, вечер. Комара уже не было. Стадо оленей спокойно паслось на тучном ягельнике неподалеку. Слышалось побрякивание колокольцев на шее некоторых приметных животных. Это напоминало мне наше ночное позванивание пасущихся в росистой траве лошадей. Звуки оленьих колокольцев перемешивались с переключкой важенков и молодых оленят, которые хоркали, как вальдшнепы на утренней заре. Около чума сидели с шитьем молодые женщины. Их дети стреляли из маленьких луков в деревянную дощечку, повторяя: "Япту, япту, тогда япта хада тара" (гусь, гусь, сейчас гуся убить надо) и забавно прицеливаясь, пускали в нее одну и другую стрелку.

Поодаль шла борьба молодежи, слышался задорный смех. Трудно было думать, что это те самые, угрюмые и неразговорчивые, ненцы, которые на фактории односложно и неприветливо отвечают на ваши вопросы. Сейчас они галдели, как гуси на проталине, здоровый жизнерадостный смех оглашал тундру. Довольство жизнью, бодрость сейчас бьют ключом, и это заставляет забывать ту упорную каждодневную борьбу с суровой природой, на которую обречены они, не ведая более легкой и удобной жизни в мягком умеренном климате.

Мы уже третий день гостим у добродушного Пудынаси Ямала. Его хозяйство не прошло переписи 1926 года, и я заполнил на него статистический и бюджетный бланки. Дело шло туго, так как он не помнил прошлого года в деталях. У меня скопилось уже более десятка описей хозяйств, не прошедших Всесоюзную перепись 1926 года, и я решил тут же в тундре приступить к их обработке и подсчетам.

Мы страдали без хлеба. Пудынаси послал свою сестру к зимним нартам за залежавшимися там старыми баранками. К вечеру она вернулась, привезла баранки. Они оказались заплесневелыми. Николай Николаевич аккуратно зачищал их ножом, ел сам и угощал меня. Вкусно.

Вместе с баранками сестра хозяина привезла на нартах два десятка оставленных там когда-то гусей. Весь чум наполнился смрадом. Мы "не терпим" есть этих гусей. Спрашиваю у Пудынаси:

- Зачем варишь испорченных гусей?

- Раз убивал - надо есть; если не буду есть - зачем убивал?

В этом ответе есть своеобразная мудрость. Часто говорят, что промысел линной птицы на Ямале хищнический (загоном птицы в невода). Но, мне кажется, обилие добычи не противоречит тому, что ненцы в общем бережно относятся к природным запасам, хотя и не всегда правильно их

используют, с нашей точки зрения. Все же необходимо отметить, что эта бережливость имеет место до тех пор, пока не касается пропитания. Там, где охрана природы противоречит существованию людей, она отступает на второй план. Аналогичная психология имеется и у русских крестьян, которые говорят: "Раньше скота в гроб не ляжешь". Так же и ненцы не оправдывают добычу песца-крестоватика, но если это идет в пищу (особенно бедняку) - тогда другое дело, добывать его надо. Между прочим, у ненцев имеется крепкое суеверие, что к тем, кто кормит крестоватиков, настоящий "выходной" песец не идет в слопцы. Это в какой-то мере ограничивает разорение нор.

Солнечный день. Мы прощаемся с Пудынаси. Он угощает нас баранками. Это последние из его запасов. Потом приносит двух песцов и хочет подарить нам с Николаем Николаевичем. Мы стали отказываться. Он удивился и повесил своих "синяков" на чумовую палку. С утра он был весел, шутил, подмигивал. Теперь как-то затих, нахмурился, перестал разговаривать. Я спросил Максима: "Что стало с хозяином?" Он объяснил, что Пудынаси обеспокоен чем не угодил нам, почему мы сердимся на него, наверное, он дал недорогие подарки, и они нам не понравились. Если бы он был богачом (у него 900 оленей), то дал бы подарки лучше, и тогда бы мы не отказались. Я пошел говорить с Пудынаси.

Ты, видно, обижаешься на нас, что мы не взяли твоих подарков? Мы не взяли их не потому, что они нам не нравятся, а чтобы тебе убытков не сделать. Нам ведь "казна" деньги платит за то, что мы ездим у вас, и больше нам не надо.

- Трэм вэйво! воскликнул он, от меня еще никто не уезжал без подарка, даже самого плохого человека я не отпускал без подарка.

- Ну если так, то я возьму от тебя, но только один, второго не надо.

- Вот так хорошо, оживился старик Ненза и быстро побежал за шкуркой в чум.

Ну, будете в Обдорске, мимо меня не проезжайте, и я должен Вам что-то подарить.

- Трэм саво, - и мы, примиренные, двинулись в путь.

Каслали долго. Не повезло Максиму: у его упряжки все время рвались постромки. Он отстал, и мы часто поджидали его - ведь он из-за плохого зрения дальше своего носа ничего не видит, как бы не заплутал.

Приехали в чум Мяри, брата Пудынаси. Полчума свободны, и мы расположились прекрасно. Семья у Мяри большая: он, жена, его сестра-вдова, два малыша - сын пяти лет и дочка. Все приветливы, разговорчивы, в чуме порядок.

В пути я потерял свою любимую курительную трубку. Вообще, мне хронически не везет с трубками. Память о Белом острове - хорошая английская трубка была потеряна в чуме Хаали Яптика. Я начал делать новую трубку из запасного корня лиственницы, взятого на Белом острове. Ненцам трубка понравилась. Из остатков корня я вырезал "идольчика", отделив лицо особенно тщательно. Мяри назвал его "Микулай-сядай". Наверное, в честь Спицина, они особенно подружились.

На ужин мы сварили отличный компот из сухофруктов, который называли "минута в Свердловске". Ненцы недоверчиво попробовали и отказались. Мяри угостил нас хлебом, оказывается, он послал свою сестру-вдову за 15 верст к зимним нартам за хлебом для гостей. Невольно мне бросилась в глаза параллель Мяри Ямал - Убеко Сибири. Несомненно, у военных гидрографов запасов больше, чем у простого тундровика, но они не снабдили нас хлебом, а ненцы, видя как мы бедствуем, дали из последних запасов. И брать-то у них было не совсем удобно, но так как надоело бесконечное мясо, то пришлось "ограбить" нашего гостеприимного хозяина, который хлеб держит не в чуме, а на зимних нартах, где хранится ненужный багаж.

7 сентября. Уже неделя как мы медленно движемся на юг и далеко пока не ушли. Да мы и не спешим. Гостевание в чумах дает нам прекрасный материал не только о летней, но и о зимней охоте ненцев в тайге. Я разбираюсь в их поземельных отношениях, судебных тяжбах и обычаях, религиозных верованиях, наблюдаю обычную жизнь. А это интересно.

Кочевая жизнь ненцев протекает в чуме, представляющем собой конус, построенный на длинных (до 4 метров) чумовых палках-жердях (32-40 штук), покрытых летом полотнищами (нюками), сшитыми из бересты, а зимой - из оленьих шкур. В соответствии с покрытием чум называется "летним" или "зимним". Устройство его не предохраняет от непрерывного тока воздуха с боков и снизу к верхнему отверстию, и хотя в зимнее время низ чума подбивается снегом, но при погасшем костре температура внутри быстро уравнивается с окружающей. Чум защищает жителей не столько от холода, сколько от ветра, дождя и снега. Костер обычно располагается в середине чума на железном листе, вдоль костра укладывают

настил из 2-3-х досок, за которыми со стороны противоположной входу находится "передний угол", там стоят окованные жостью сундуки, коробки с ценной утварью, домашние идолы, иногда иконы. С этой стороны, между идолами и костром, нельзя проходить женщинам. Остальное убранство чума заключается в большем или меньшем количестве набросанных постелей-шкур. На этих шкурах протекает жизнь чума. Ближе к переднему углу лежат и сидят мужчины, ближе ко входу женщины. Разборка и постройка чума обязанность женщины, причем мужчины не должны помогать ей в этой работе. Да они и не умеют хорошо поставить чум. Таким образом, неженатый ненец, даже имеющий достаточное количество оленей, но ни одной женщины в семье, не считает себя в состоянии кочевать, так как некому поставить чум. Еще в 1926 году ненец Ермак Няруй, который имел 30-40 оленей, но не был женат, объяснил мне, что кочевать в тундре "не терпит", потому что нет жены, а если взять жену, то нужно отдать всех оленей за нее. Когда стадо увеличится до 60-80 голов, он сможет уже взять хотя бы "плохую жену", оленей за 20-25, и тогда станет настоящим кочевником-оленьеводом.

Вокруг чума располагается на нартах хозяйство кочевника, нарты тщательно закрыты шкурами от дождя и увязаны всегда одинаково двумя концами тонкой веревки со специальными узлами, быстро развязывающимися и в дождь и в мороз. На остановках нарты развязывают не все, а только потребные - с утварью и одеждой. В чуме всегда стоит небольшой столик (0,5 x 0,75 метра) на ножках (15-20 см). За этим столом все семейство чума, не исключая женщин и детей, пьет чай и ест сидя на шкурах. Здесь же во время еды выются собачки и оленята-авки, потерявшие матерей и воспитывающиеся в чуме.

День начинается обычно поздно. Спят ненцы много и подолгу. Проснувшись, сразу начинают есть сырое и вареное мясо, сушеную и свежую рыбу. Если мясо иногда еще варят, то рыбу в вареном виде мне не пришлось встретить ни разу. Считается, что рыбу варить нельзя, от этого она теряет вкус. Соли ненцы почти не едят, во всяком случае в ней как в приправе к пище не нуждаются. Чай кипятят в медных чайниках, купленных на фактории, разливают чай в небольшие чайные чашки с блюдцами крестьянского образца. Обычно чашек на всех не хватает, и дети пьют из блюдец. Чашки часто разбитые и перевиты проволокой, еле держатся и кое-как служат.

Чай кипятят на костре, дровами служит полярная кустарниковая березка, которая легко вытаскивается из грунта с корнем. У пролива Малыгина, где нет и березки, собирают на берегу морской плавник. По окончании утреннего чаепития принимаются за работы - починка нарт, невода, лодки, сбруи; терпеливо, не торопясь, обделывают ножи, трубки, крючки и застежки к сбруе из оленьего рога и мамонтовой кости. Женщины скоблят шкуры оленей для малиц или выделывают крестоватиков на продажу, чинят одежду, пользуясь хомутной иглой, наперстком и оленьими жилами вместо ниток. Ножниц они не знают и употребляют обыкновенно нож, всегда остро отточенный. Нож у мужчин - главное бытовое орудие, оружие и инструмент всегда висит в ножнах на поясе. У каждого взрослого мужчины есть свой собственный нож, за которым он тщательно ухаживает, следит за остротой. Брусок для точки подвешен тут же на поясе. Свои ножи имеют и мальчики 5-7 - летнего возраста. Ножи на факториях не продаются и изготавливаются самими ненцами из старых плоских напильников (которых, кстати, на факториях тоже нет!).

Часть мужского населения с утра уезжает неводить на окрестные озера. В середине дня семьи вновь собираются на обед, который по содержанию не отличается от завтрака: мясо и рыбу подают в разрезанном на небольшие куски виде на плоских деревянных блюдах, потом чай, часто без сахара с жидким рыбьим, гусиным или морского зверя жиром, в который обмакивают кусочки хлеба и баранок, если таковые вообще имеются.

Хлеб в печеном виде ненцы закупают в небольшом количестве осенью на факториях. Его хватает только на весну, в летнее время хлеб в рационе отсутствует. Иногда женщины делают лепешки из муки пополам с рыбьей икрой и поджаривают их с обеих сторон у огня, насадив на палочку, воткнутую у костра. После еды обычно продолжают дневные занятия, к вечеру идут ловить оленей для запряжки нарт пастухам на ночь.

В ночной караул идут два пастуха на отдельных нартах с собаками. К малому стаду идет один человек. Так проходит день стоянки чума. В это время хозяин намечает следующую кочевку, которая обычно занимает целый день. Сразу после утреннего чая и завтрака мужчины идут с собаками подогнать оленей к чуму. Женщины берутся за укладку вещей на нарты, разборку чума. Оленей никогда не начнут ловить раньше, чем все нарты будут увязаны и полностью подготовлены к движению.

Нарты выставляют полукругом, пастух подгоняет стадо, разбивает его на части и, выделив группу ездовых быков, старается загнать их в небольшой полукруг. Олени этого очень не любят и стремятся ускользнуть из коридора людей. Однако собаки зорко следят за движением оленей и выскочившего гонят с лаем обратно в стадо. За ним кидаются остальные быки, их замыкают в полукруге веревкой, которую держат женщины и дети. Из замкнутого круга олени уже не уходят. Только отдельные "дезертиры" перескакивают нарты и убегают к оставшемуся на свободе стаду.

Старшие мужчины с хозяином во главе входят в круг и выбирают быков в запряжку. Здесь невольно поражает способность пастухов узнавать оленей в тысячных стадах по каким-то одним им известным признакам. Сколько раз я пытался заметить оленя своей нарты по рогам, по шерсти, по экстерьеру и никогда не мог отыскать его в кругу 200-300 голов. Ненцы же безошибочно выбирают оленей для той или иной нарты, причем олени подобраны раз и навсегда в соответствии с нагрузкой нарты и запрягаются в том же постоянном составе пар, троек, четверок, пятерок.

Когда отбор оленей для запряжки окончен, отпускают остаток быков на свободу, и они бегут к стаду. Иногда оказывается, что потребного оленя нет. Тогда два-три ловких молодца берут арканы (тынзян), сделанные из тюленьей кожи, и идут к свободному стаду. Подкравшись к группе оленей, в которой обнаружено нужное животное, ненец бросает конец тынзяна с костяным наконечником, образующим петлю, на рога или голову оленя с 20-25 метров. Бывают случаи промаха петли, особенно если тынзян бросают на быстро бегущего оленя. Но это случается лишь у старых людей и неудачников. Пойманный олень бьется на тынзяне, встает на дыбы, скачет, но его успокаивают особыми голосовыми звуками и осторожно привязывают за шею. Часто бывает, что весенние слабые, еще не окостеневшие рога сламываются при ловле и долго и обильно кровоточат, а обломок уже не прирастает на место.

В запряжку оленей ставятся по два в нормальную грузовую нарту - без человека, с общей нагрузкой до 10 пудов (160 кг), а летом - не свыше пяти пудов. Каждая пара привязывается к предыдущей нарте и идет за нею. Во главе связанных таким образом в одно звено до 7 грузовых нарт ставится нарта с тремя оленями и человеком, управляющим всем звеном. Все это и есть "аннас" или, по-зырянски, "аргиш". Весь обоз состоит из 4-5 таких звеньев, и следовательно, из 20-30 нарт. Для удобства движения обоза в трудных местах оленевод при

первом появлении признаков болезни забивает таких оленей на мясо. Это препятствует развитию практической ветеринарии в тундре.

Вот каслание... Впереди всего обоза едет хозяин, который держит направление движения, выбирает место переходов через ручьи, речки, овраги, озирает широко горизонт - нет ли где отбившегося или заболевшего оленя, не видно ли объедков оленя после волков, нет ли свежих следов другого чума или обоза. Он определяет дальность кочевков в зависимости от своих намерений: торопиться ли на морской промысел к дальнему концу Ямала, держаться ли вотчины своих сородичей, идти ли по дороге "хребтов" или свалиться к берегам губы или Карского моря. Хозяин все время смотрит на качество ягеля в местах, где проходит, запоминает расположение озер и ищет удобные места для выпаса оленей и промыслов.

Весь обоз движется кильватерной колонной, пересекая иногда глубокие овраги и речки, через которые отстегнутые олени перебираются вплавь, а нарту за нартой перетягивают к другому берегу на веревках. Параллельно обозу кто-то из пастухов гонит оставшееся свободное стадо. Оно то отстает, то заходит впереди обоза. Большое неудобство представляют больные и хромящие олени, они задерживают общее движение.

Обычно за стадом кочует стая волков, беря регулярно каждую ночь дань. Но с ними не борются. Волк у ненцев священен. По преданию, это "худой человек", наказанный богом. К шкуре волка особое отношение, а жилы применяются как средство для определения вора в тундре: шаман натягивает их на "берестяную руку" и сжигает на костре, по сгибанию пальцев "руки" определяют вора. Считается, что волк не только способен знать все, что совершается на земле вокруг него, он даже знает мысли людей, кто готовится убить его, знает места поставленных капканов, он делает опустошение в стадах своих врагов людей, готовящих ему смерть. Поэтому оленеводы часто говорят: "Пусть ест наших оленей, ведь ему тоже надо чего-нибудь есть. Пусть только не режет по десяткам в одну ночь. А один-два - мне не жалко". Но это больше суеверия прошлого. Уже сейчас оленеводы на противоволчью агитацию идут легко и охотно. Некоторые из них уже пробовали стрихнин, и "божественное" происхождение волка не спасло его от смерти. Поэтому борьба с волком представляется возможной и сейчас крайне необходима.

Ежегодно ямальские ненцы совершают большое волнообразное движение с юга на север - весной и с севера на юг - осенью. Это движение обусловлено требованиями оленеводства: во-первых, сменить пастбища с различающимся составом ягельников и зеленой растительности, во-вторых, уйти от жаркого лета в южной зоне, чтобы спасти оленей от гнуса и эпизоотий, переждать это опасное время на прохладных побережьях Карского моря и Обской губы. Неизбежные кочевки до того прочно вошли в привычку народа, что спокойная, часто безбедная жизнь на рыбных промыслах или в Обдорске тяготит кочевника и заставляет его рано или поздно покинуть оседлое гнездо.

Но вот касание окончено. В редкое свободное время молодые парни заводят игры, но мне никогда не доводилось видеть игры девушек, я думаю, что они и не имеют их. Мужские игры преимущественно - борьба за пояса, перетягивание палки сидя, прыжки. До прыжков оленеводы большие охотники. Солидный отец семейства Хот Езынги даже во время кочевки, выдвинувшись вперед и остановившись, чтобы подождать наш обоз, начинал прыгать. Эти прыжки очень своеобразны. Обеими ногами вместе... раз прыжок, два, еще один прыжок... и самый большой прыжок (как можно дальше) - три, обеими пятками глубоко в снег, а сам валится на спину и смотрит, куда посадил третий след. Этот скачок и есть мерило ловкости. Этой игрой увлекаются даже почтенные старцы, которые в игре становятся юными...

Что до их религии и суеверий, то тут я могу сказать лишь то, что видел в пути и слышал своими ушами. Религия ненцев состоит в поклонении высшему божеству, носящему название "Нум" Это божество живет на небесах в семи чумах. Нум имеет шестерых детей, сам - седьмой. Кроме него имеется еще множество богов и местных духов-покровителей. Могучий Нгэрм (Север) живет где-то посреди моря. Временами он дует страшными леденящими ветрами, гонит перед собой большой мороз. Духов много в небе, в воздухе, в воде. Все они недоступны для соприкосновения с живыми людьми.

Из местных духов покровителей Ямала - главными считаются Сэру Ирику на Белом острове и Яумал-Хэ на мысе Хаэн-сале. Эти святыни известны далеко за пределами Ямала и в ненецком культурном мире могут по своей значительности равняться только с общеизвестными святынями Вайгача.

Вдоль побережья Карского моря раскиданы многочисленные жертвенники. Их мы встречали на пути: бог моржей на Тиутей-сале, "Тюленьей головы дух" - на реке Пясадай, два

святых мыса - на Белом острове. Каждый жертвенник представляет собой нагромождение рогов жертвенных оленей, черепов моржей, белых медведей, из которых торчат палки-жерди разной величины. На концах их грубо насечены зарубки - глаза, нос, рот. Это - сядай. У всех идолов зарубка, изображающая рот, всегда вымазана кровью, жиром и вообще всякими лакомствами. Время от времени кочевники подъезжают к святыням, приносят жертвы, берут несколько малых идолов с собой и уезжают, оставляя на жертвенном месте привезенных идолов-сядаев. Такой обмен идет два-три раза в год между людьми и жертвенниками. Идолы путешествуют с оленеводами на особой "святой нарте", у них есть свои орудия лова и шкуры убитых зверей.

В семейном быту есть божки-караульщики оленей, находящиеся всегда при чуме. Природные явления ненцами обожествляются - это остатки анимизма, при котором одухотворяется все окружающее. Солнце и Луна также являются божествами. Им приносятся жертвы 13 раз в году, по числу 13-ти лунных месяцев. Громы и молнии, 2-3 раза посещающие тундру, тоже обожествляются. Вода населена водными чудовищами, земля подземными людьми "сиртя". Среди ненцев есть люди, которые еще видели настоящих живых "сиртя", но последние лет 30 их уже никто не встречал. Ненцы иногда проводят неглубокие раскопки на курганчиках "сиртя", копают рогами оленей и достают медные отливки, украшения довольно своеобразной тематики. Такие находки считаются талисманами и источниками счастья на промысле. Наша экспедиция раскопок не производила из-за отсутствия специалиста-археолога, без которого мы рисковали неполными выемками испортить археологические памятники и затруднить их последующее изучение.

Женщины поклоняются и служат своим духам очага и огня. Культ огня у ненцев еще сохранился. Женщины часто окуривают оленьим салом шест, к которому привязан котел. Этот шест олицетворяет божество домашнего очага. Когда мы жили в ненецких чумах подолгу, то, сделав вид что спим, имели возможность наблюдать каждую ночь перед сном окуривание очага, которое заключается в подбрасывании в плошку с горящими углями кусочков оленьего сала и подкуривании дымом священного шеста. Во время окуривания женщина издает какие-то глубоко гортанные звуки, хоркая наподобие оленя. Эти звуки едва слышны.

Целый ряд суеверий сопровождает на каждом шагу жизнь кочевника. Поехал на промысел необходимо захватить с

собой идолов, приносящих счастье. Они у него на поясе. Выходит в море нужно принести жертву морскому божеству, а также вымазать кровью жертвенных оленей руль лодки, киль и борта - чтобы вода не прошла в лодку. Отвалил от берега - брось серебряную монетку в море, будет добрее. Проезжая по тундре и видя впервые за год жертвенник Тиутей-сале, нужно прикрыть глаза и перевернуть наоборот малицу иначе бог Тиутей ослепит дерзкого пришельца.

Много суеверий и ритуалов сопровождает убой белого медведя, а также волка. Охотник извиняется, говорит, что хотел сделать медведю лучше, что ему пришла смерть и охотник лишь облегчит ее. Собираясь убить волка, его не беспокоят пока он ест. Необходимо выждать насыщения. В туманах и вьюгах, в темные зимние дни, осенними ненастными ночами за людьми в тундре могут гнаться злые духи. Кочевник останавливается, откланивается, зарывает деньги в снег и поспешно гонит к чуму. Первобытная, девственная душа тундрового оленевода дрожит по каждому пустяковому поводу. Понятно, какой страх нагоняет на них падеж скота или болезнь людей...

Итак, опять мы в пути. Наша цель чум оленевода Яркуланы Тусида. Вчера выпили последнюю заварку кофе. Вместо пирожных съели крошки от сдобных булок и пряников, которые Николай Николаевич случайно обнаружил в своих мешках. Все это мы называли "минута в московском кафе". Правда, за чумовыми нюками была тундра и ветер баллов на пять. Нюки хлопали по палкам. Я боялся, что чум унесет, но хозяева не проявляли никакого беспокойства. Видно, не такие ветры сносят чум.

Мы двигались уже вторые сутки подряд. Пересекли хребет и выехали из бассейна реки Яхады в долину реки Хоголе. Как только мы удалились от моря, появился ягель. Олени довольны. Вид тундры однообразный - озера, болота, кочки, большие площади заболоченных лугов. На коротких стоянках отдыхаем в небольшом чуме Мяри. Каждое утро душим по пешке "на сыру". Максим, две женщины и два ребенка съедают половину ее и все внутренности (кроме сердца, которое варят). Я съедаю кусочек теплого мяса, помакивая его в кровь. Вкусно, если бы не начавшие болеть зубы, я бы прекрасно жил на сыром мясе.

У Яркуланы мы надеялись получить мешок муки по накладной, выданной Убеко Сибири. По нашей просьбе этот "подарок" Убеко должны были доставить в его чум. Нам не хотелось оставлять эту муку в тундре, мы были совсем без

хлеба, напрасны наши мечтания о киргизских баурсаках, которые на острове нам так понравились.

В пути я наблюдал за хозяйством Мяри Ямала и за самим хозяином. Интересна психология этого оленевода. Удивительно нерасчетливо, беспечно ведет он свое хозяйство. Видимо, чувствует себя спокойно около хозяйства брата Пудынаси, имеющего 900 оленей. Вместе с Мяри живет его сестра-вдова. После смерти мужа она ушла из семьи Лаптандеров, и те должны были, по обычаю, вернуть Мяри часть калыма. Но Мяри не просил, и они не отдавали. Потом умерли трое братьев бывшего мужа этой женщины. Она сделалась наследницей 2000 оленей. Мяри не просил, и это стадо прибрал к рукам дядя Енна Лаптандер. Он не отдал вдове даже 30 оленей - половину калыма, который получил за нее ее отец Ненза Ямал.

Я спросил, почему Мяри не ищет этих оленей судом. Он ответил: "Не надо, ведь у меня же есть, что есть. А, может быть, помру, тогда мои дети пойдут к Лаптандерам и Енна даст им оленей" Мы со Спициным были очень удивлены, что человек отказывается от своих оленей. Жена Мяри тоже равнодушна к этому делу, а вдова (теперь безоленная) не прочь бы получить сколько-нибудь оленей, но как женщина не может вести это дело. Тут нужен мужчина.

Сам хозяин Мяри как оленевод производит не лучшее впечатление - олимпийское спокойствие и беспечность царят в его хозяйстве. По ночам он не караулит оленей совсем, только привязывает к нартам трех оленей на случай, если все стадо убежит. Ему спокойно живет рядом с богатым братом, да и вообще ненцы привыкли страховать себя в других хозяйствах; много оленей Мяри гуляет в чужих стадах, если ему будет плохо - он их получит обратно. Многие ненцы, в противоположность русским, меньше надеются на мощь своего личного хозяйства, чем на хозяйства своих родственников. Безоленный ненец не считает себя бедняком, если у него есть богатые родственники. Так и Мяри больше интересуется хорошими отношениями со своей многочисленной родней, чем ростом поголовья собственного стада.

Наша экспедиция специально изучала традиционные формы взаимопомощи, кооперации и кредитования у ненцев. Оказалось, что вообще большая часть всего наличного оленепоголовья Ямала задействована в таких кредитных операциях. Традиционных форм кредита четыре.

Первая выдача оленей на выпас от крупных хозяйств более мелким. Эту операцию здесь называют "подержание"

На "подержание" даются олени в количестве до 35-40 голов преимущественно родственникам. Обычно это кредит полугодовой беспроцентный. Никаких особых формальностей (словесных и, тем более, письменных) при заключении такого кредита нет. Приезжает бедняк-ненец к богачу или середняку, на доверие которого рассчитывает, и говорит:

Каслать мне трудно, дай оленей на подержание. Я буду их учить в запряжке.

- Ну, что же, я тебе когда-то давал на мясо, ты возвратил. Могу тебе поверить...

И сделка заключена. Сроки соглашения сами бедняки обычно определяют так: "К осени поправлюсь - тогда отдам". Если к осени он не может вернуть всех или части оленей, тогда идет и отдает, сколько сможет. Бывает, что вся отдача переносится на следующий год, иногда она затягивается на ряд лет. Так, Няю Вэненга давал Тэлу Ямалу 20 оленей семь лет назад. Теперь у Тэла 200 оленей, но он не отдает заемных, а Няю считает неудобным напомнить об отдаче. Здесь имеется своеобразная этика обычного права. Эти отношения сохранились в чистом виде лишь на севере полуострова Ямал, в южных тундрах вопросы кредитования не так просты. Вот Сомдер Магаку дал Парику Езынги в разное время 90 оленей, но теперь Парику совсем без оленей и отдать не может. В другом чуме имеется еще 50 оленей Сомдера, их брал еще отец нынешнего хозяина, который теперь умер. "А родственники не плательщики", обобщенно говорит Сомдер. Этих оленей он уже получить не сможет. Я спросил его:

Всегда ли так бывает, что сыновья не отдают долги за отца?

Нет. Некоторые приведут оленей и скажут: "Мой отец брал, теперь возьми назад". А я скажу: "Ну, что же, если "с чистым сердцем" привел, то пусти в стадо, пусть ходят".

Отдача оленей, взятых на "подержание", производится оленями же, но уже обученными к езде. Эта форма охватывает преимущественно ездовых быков и некастрированных хоров, которые в стаде бедняка кастрируются и некоторое время используются как ездовые животные. За погибших оленей должник обязан отдать своих. А если вернет в срок или с небольшим опозданием (например, 1-2 года), то кредитор сейчас же даст ему новых оленей и вдвое больше, если потребуется. Оплатою кредита в этом случае является работа по кастрации и обучению езде, которая не тяжела и занимает весьма немного времени.

Вторая форма кредита - это выдача оленей на мясо. Бедняк приезжает в хозяйство более мощное, чем у него, и просит на еду. Скупой хозяин, типа Нябы Хороля или Мыйти Окатэтта, или даже недружелюбно настроенный сосед (как в случае с сыновьями Сэйко и братьями Вэнэнга) не даст оленей под предлогом, что нет жирных, годных для закола. Но у ненцев, как и у других народов Севера, существует обычай, по которому всякий, имеющий пищу, обязан дать голодному без каких-либо компенсаций и возврата. Этот же обычай лежит в основе того знаменательного факта, когда северные ямальцы разделили свои стада и передали большую часть оленей среднежамальским ненцам в 1913 году: двухлетний падеж от сибирской язвы свел у тех оленеводство почти на нет.

Обычно выдача оленей на мясо никак не фиксируется, и хозяин не всегда точно помнит их число. Нужда в оленях для еды обычно бывает весной - в наиболее трудное для бедняка время, когда кроме куропатки в тундре ничего не добудешь и продовольствия с фактории не взять, чтобы продержаться до лета. Когда бедняк просит у родственника-богача, то выдача совершается как бы по долгу родства и возврат необязателен. Когда же просит "чужой", то невозвращение долга влечет за собой прекращение дальнейших выдач до тех пор, пока отношения не наладятся и богач не забудет своей неудачной кредитной операции.

Летом малооленный хозяин кормится рыбой, яйцами, птицей, старается заготовить их и на осень. Если промысел неудачен, он снова едет к богатому оленеводу за оленями на мясо. Зимой при хорошем промысле бедняк кормится от фактории, но в неудачные годы - снова обращается к богачу. Понятно, что в таких условиях воля богача - "кормильца" для бедняка - закон.

При всяком малейшем случае должник стремится отдать долг или рыбой, или песцами, или продукцией морзверобойного промысла, или, наконец, работой по подвозке плавника для костра с берега моря. Ежегодная раздача оленей богатыми хозяевами достигает значительных размеров. Так, Гапти Окатэтта (у него 2000 голов) насчитывает в чужих стадах своих оленей до 700 и ежегодно раздает до 200 голов. Ензеда Окатэтта (1500 голов) раздает в год до 300 оленей, Окатэтта Тилянг (1800 голов) имеет в чужих стадах 300 оленей. Но раздают оленей не только богачи, но и средние и даже маломощные хозяйства. Например, у Няю Окатэтта (500 голов) своих оленей в чужих руках до 150, Едайко Яптик имеет на руках 150 оленей и 100 розданы, правда, Едайко

раздавал оленей, когда еще был побогаче и имел 700 оленей. Сюеку Езынги при 140 оленях уже роздал 52, и даже Хот Езынги при 44 своих оленях и то отдал на поддержание одного оленя. Мотивы этого могут лежать и вне собственно экономики. Ненцы полагают, что жалеть о потерянном нельзя, потому что "это боги берут к себе". Считать оленей нехорошо, и единицы и даже десятки оленей перестают играть роль - богатые раздают оленей тем, кто их просит. Маломощные дают еще более бедным, и даже бедняки, имеющие 100 -200 оленей, дают беднейшим, естественно исполняя обычай помощи и надеясь компенсировать свою единичную раздачу получением от более богатых хозяев. Очень редко можно встретить хозяйство, имеющее более 100 голов оленей, которое не отдавало бы их в другие чумы или не имело бы от других. Даже на время хозяйства могут меняться оленями.

"Пусть ходят в твоём стаде, может быть, тебе счастья принесут, а твои - у меня", - рассуждают оленеводы. Особенно часто это наблюдается у тех хозяев, где есть "содружество чумов" Оно возникает обычно в летнее время для лучшей охраны стада и совместного рыбного промысла неводами. При этом два или несколько чумов соединяются, и их стада смешиваются. В такие объединения вступают хозяйства совершенно разной экономической мощности. Обычно тут не встретишь 3-5-тысячных оленеводов, но есть хозяйства, имеющие 600-700 голов. Хозяева этих, относительно крупных, стад наравне со всеми несут караулы у оленей, непосредственно участвуют в рыбных промыслах и в охоте на линную птицу. Такое содружество ближайшей осенью обычно заканчивается, чумы расходятся в разные стороны. Это, по-видимому, старинная форма производственной кооперации хозяйств. Но наряду с содружеством, сейчас у оленеводов имеется и батрачество, индивидуальное и семейное.

Раздача оленей есть своего рода "страховка" на случай бедствия. Отдающий говорит: "Если беда будет, оленя у меня пропадут, я к ним пойду (к должникам - А.П.), разве они не дадут мне, как я им давал?" Но есть отдельные богатые оленеводы, которые никому ничего не дают. Это бывшие хорошие друзья русских купцов и обдорского начальства. Они имеют на руках благодарственные грамоты, русские знаки отличия. Таков, например, Мыйти Окатэтта. Это те, кто сейчас противостоит бедноте. Многие товарищи из комитетов Севера считают, что широкая раздача оленей в кредит и на убой имеет целью сознательную эксплуатацию. Такие советские работники должны считать недающие и некредитующие

хозяйства желанным типом неэксплуатирующего трудового хозяйства; а между тем такие некредитующие и возбуждают наибольшее недовольство бедноты. Именно их можно назвать "классовый враг" бедноты, если бы не два обстоятельства: во-первых, неясно, является ли общество ямальских тундровых кочевников "классовым" (оно ни рабовладельческое, ни капиталистическое, ни феодальное), и, во-вторых, людей, не дающих в долг или безвозмездно оленей, среди ненцев так немного, что их поведение можно считать индивидуальной манерой. Есть ведь и бедняки довольно замкнутые, неприветливые и скупые, их не меньше, чем жадных богачей...

Каждое не только богатое, но и бедное хозяйство все же считает своим долгом помогать более бедным. Обратное получение оленей никогда не достигает половины розданных и обычно составляет 30-40% от раздачи. Но все же при возврате кредита продуктами промысла, например песцами, возможна эксплуатация. Вообще же, по данным статпереписи 1926 года и нашим оценкам, кредитные операции по выдаче оленей на питание охватывают 2,9% по отдаче и 0,6% по приобретению оленей.

Третья форма кредита оленями "дарение". Так как всякое дарение у ненцев предполагает отдаривание, то дарение нужно рассматривать как своего рода "безуговорный обмен". Оно весьма сильно развито в тундре это залог добрых отношений и взаимной помощи в трудную минуту. Поэтому дарит не только богач, но и бедняк, и середняк. Часто бывает, что бедняк дарит богатому с целью получить более ценный подарок. Лучшим подарком считается то, что больше всего нужно в данный момент в чуме. Зажиточные оленеводы гордятся, что из их чумов никто еще не уезжал без подарков. Часто бывает, что бедный хозяин без дела собирается к богатому в чум; если спросить, зачем едет, он ответит: "Подошел богатый оленевод, я поеду в гости, может, чего-нибудь даст". Тут всякий подарок хорош - и шкурка пешки, и оленья постель, и, уж конечно, живой олень.

Но бывает и так - Едай Лапсуй вернулся в свой чум, когда мы были там. Он рассказал: "Ездил к Нябы Хороля, владельцу нескольких тысяч оленей, просить "на мясо". Едай имеет всего 5 оленей. Осенью, когда Нябы проходил мимо рыбных промыслов, Едай подарил ему большую рыбу и теперь поехал просить оленя, но тот не дал... Обидно? Да?"

По данным экспедиции, в дарении задействовано постоянно более 2% всех оленей Ямала, а отдача составляет лишь 1,8%.

И, наконец, четвертая, несколько своеобразная форма кредита — калым. По данным нашей экспедиции, в 1928 году по калыму отдано 2,2% всех ямальских оленей. Точнее, собственно, по калыму отдано 1,9% от оленпоголовья Ямала и 0,3% по последующему дарению приезжающим в гости после выхода замуж дочерям и сестрам. В отличие от дарения "на мясо" этот вид обмена не уменьшает поголовья оленей на Ямале, но лишь изменяет состав того или иного стада.

Согласно обычаю, калым выдается "самоедским" или "русским" десятком, причем в каждом "русском" десятке 9 важенок и 1 хор, а в каждом "самоедском" только 8 важенок и 1 хор. Калым достигает 11-12 десятков и состоит преимущественно из производительниц-важенок. Это способствует быстрой росте и возобновлению оленстада молодой семьи. Но уход многих важенок не проходит безболезненно для дающего хозяйства. В первые годы после выдачи калыма дающее стадо уменьшается в численности даже несмотря на благоприятные условия.

Дарение дочерям и сестрам компенсируется обратным получением оленей при выезде своих жен в гости. Жены ездят к отцам и братьям независимо из богатых или бедных они чумов. Гостей обычно одаривают оленями.

Говоря о взаимопомощи, нельзя не сказать об обычаях ненцев снабжать одеждой своих родственников и надеяться на получение одежды от них. Ежегодно всем членам семьи каждый чум, кроме самых бедных, изготавливает одежду и обувь из расчета: на мужчину — гусь, малица, две пары кисов и чижей; на женщину — ягушка, две пары кисов и чижей и шапка "совода". Жены хозяина получают одежду из чума, выдавшего их в свое время замуж. "Повинность" шитья одежды для женщин остается на всю жизнь на том чуме, который получил за женщину калым. Так одежда и олени постоянно перетекают из одного хозяйства в другое, и это сильно укрепляет родственные связи и обеспечивает выживание всем в суровых и часто непредсказуемых природных условиях Крайнего Севера.

А одежда вообще важнейшая часть всего тундрового производства. На 1 гусь требуется 2 шкуры августовского телка (постель неплючатая), на малицу — 4 постели выростка и 3 пешки, на 1 пару кисов — 3 зверя, на одну пару чижей — 1,5 неплюя. Себестоимость мужской одежды составляет:

1 гусь	15	
1 малица	35	
2 пары кисов	8	
2 пары чижей	12	Итого 70 руб.

Для женщин набор одежды стоит столько же, а для ребенка оценивается вдвое ниже. По нашим подсчетам, ориентировочная сумма затрат всех ненцев Ямала на одежду и обувь получается округленно 420 тыс. рублей, а общая капитальная стоимость одежды 681 тыс. рублей. Такая трудоемкость работы объясняется суровыми климатическими условиями. Ненцы говорят: "Не терпим в старой малице зимовать, надо всю одежду новую".

11 сентября. Каслаем уже без чума. Прощаясь с семьей Мьяри Ямала, я подарил женщинам кольца, наперстки, иглы. Наказал: "В Обдорске зимой мимо меня не проезжать, там получите еще подарки".

Мы двинулись на юго-восток. Еще два дня рыскали по тундре в поисках Яркулони Тусида и совсем потеряли его след. И вдруг совершенно неожиданно наткнулись на искомый чум, стоящий... буквально в яме! Действительно, два рядом стоящих чума были загорожены холмами и горками со всех сторон.

Мы подъехали. Один за другим к нам подошли два старика. Сам Яркулон белый сухой старик, но с мощной грудью, которая у него как-то по-особенному браво выдается вперед. За ним подошел толстый старик и, снисходительно улыбаясь, приветливо поздоровался. Он говорил хриплым старческим басом. Это был сам Лямби Вэненга главный хранитель священного места Яумал-хэ. Потом подошел еще один дедушка, из чума Лямби. Эти трое стариков - друзья. Других оснований нет, чтобы стоять им тут всем вместе.

Начались разговоры. Сначала о пустяках, потом о "нашей муке". Яркулон сам лично с нашей бумагой скасал через Тамбей, но, не найдя парохода, оставил бумагу в береговом чуме. Он сказал, что, может быть, мука сейчас там. Я уже у многих спрашивал о пароходе, бумаге и муке и понял, что "подарок" Убеко Сибири мешок ржаной муки - стал большим развлечением для ненцев северо-восточной оконечности Ямала: все об этом деле слышали, но никто мешка не видел.

Яркулон послал к своим зимним нартам, привезли хлеб, топленое масло. Хлеб оказался с плесенью, но его можно еще есть - внутри плесени не было, только сверху. А от топленого масла я и Спицин отказались - чистое огорчение хозяину, да и нам не радость.

После чая Лямби стал рассказывать случаи из охотничьей жизни. Оказывается, он - медвежатник и убивал до 4 медведей за один год. Николай Николаевич так и вцепился в него: медведи и медвежатники это по его части. Потом я стал

говорить о целях нашей поездки. Все были удивлены, что "казна" о них, ненцах, знает и заботится.

У костра в это время шла работа. Жена Лямби Вэннга (третья или четвертая по счету) возилась с недавно родившимся ребенком. У него подпревала шейка, подмышки, ножки. Она проводила рукой над дымом и потом в прелых местах сушила и дезинфицировала. Женщина расправляла младенцу ручонки, как делают у нас гимнастику, потом взяла ребенка за голову и подняла его. Я ахнул и сказал: "Вэйво!?" (возглас удивления). "Пирта" (терпит), ответила пожилая женщина, а молодая мать со страданием, чуть не плача смотрела на эту операцию.

Разговорился и Яркулон. Я хотел переписать его хозяйство на свой бюджетный бланк. Он начал было уклоняться от ответов: "Не знаю, не считаю" и пр. Мне пришлось нажать и сказать, чтобы он прекратил со мной так разговаривать: "Хозяин обязан знать свое хозяйство". Дело пошло, и за два часа я получил материал, достаточный для полного представления о его бюджетном положении. Лет двадцать тому назад у Яркулоны было 4000 оленей. Теперь осталось не более 700. За два падежных года у него пропало 1500 оленей, да 2000 прожито. Яркулон - старик одинокий, прямого наследника у него нет, все население его чума родственники, дальние и близкие. Вероятно, принцип его хозяйствования таков: "Мне хватит дожить, а после меня пусть живут, как хотят".

Яркулон хороший охотник, иногда он оставался на зиму, чтобы охотиться на Белом острове. Я расспросил его об охоте на белого медведя. По-ненецки белый медведь "Сэрдора" или "Я-уввы", по-хантыйски "Навыашни", по-зырянски "Воош". Летом на побережье Ямала зверь бывает редко, а зимой держится постоянно, но в глубь полуострова не заходит. Количество белых медведей, убиваемых на Ямале, определено статпереписью 1926 года в 25 шт. Возможно, общая добыча больше. Яркулон рассказал, что он с артелью в 4 человека добывал за зиму до 40 медведей "охотились далеко во льдах".

По мнению ненцев, белый медведь не злобный зверь. При охоте на медведя вдвоем или в одиночку недалеко от берега ненцы не стреляют там, где его встретили, а предварительно, с криком, на нарте подгоняют к месту стоянки чума и только тогда стреляют. По словам Яркулоны, особенно удобно давать направление ходу медведя, когда едут на двух нартах, с двух сторон не遠далеке от зверя. Медведь устанет, ляжет - охотники останавливаются, дают ему отдохнуть, а там опять гонят.

Когда ненец убивает белого медведя, он ему кланяется медведь считается священным зверем. Затем охотник обязательно проводит рукой от носа к ушам. Потом стреляют. На другой день после добычи медведя бьют в жертву оленя. С белым медведем у ненцев связан ряд ритуалов - шкура зверя считается священной, ее не может брать в руки женщина. После того как медведь убит, в чум заносят головы медведя и жертвенного оленя, ставят в "священном углу", заносят сядеав и мажут им губы кровью. Из первого котла, в котором варятся части головы, язык и проч., женщины не едят и даже не дотрагиваются до него. Голова убитого медведя считается священной - в нее нельзя стрелять, как и нельзя бросить где попало. Все медвежьи черепа обязательно сносят на священные места - "хэге". Зуб белого медведя является талисманом, он носится на поясе для предупреждения боли в пояснице. Если заболят зубы, то, по поверью ненцев, необходимо поскоблить немножко медвежий зуб, положить это на больное место, и боль прекратится...

На следующий день нас принимал чум Лямби Вэннга. Здесь другое дело. Хозяйство производило прекрасное впечатление. Старик сам еще смотрит за оленями. У него женатый сын 22 лет, отличный мастер-кустарь. У него на нарте обилие инструментов - сверла разных диаметров, много ножей, резцов бесчисленное количество. Отцу, матери, брату и сестре он вырезал прекрасные пуговицы мамонтовой кости.

Я угостил Лямби чаркой. Он живо помнит Бориса Михайловича Житкова, как они вместе ездили в 1908 году на Хаэн-сале. Лямби угощал нас хлебом с оленьим салом, которое имело вкус стеариновой свечи и цветом от нее не отличалось. Старик был уверен, что это наше любимое лакомство. Я наблюдал за женщинами в чуме. У Лямби три жены, и все они живут здесь, рядом с ним. Последняя - самая молодая (видимо, любимая) - живет барыней. Она не разливала чай, а сидела и пила его вместе с нами. Такой "эмансипированности" я еще на Ямале не встречал. При кочевке она ездит на легкой нарте и не ведет грузовой аннас. С ней на нарте ездят два щенка. Ночью ей высушили и размяли кисы две другие жены.

За чаем и угощением я сказал Лямби, что его имя известно даже за Обдорском и я давно хотел с ним увидеться. Это очень польстило старику. Ненцы, оказывается, вовсе не лишены тщеславия, впрочем, как и все в этом мире. Пудынаси с гордостью говорил: "Все меня знают в Обдорске!" Хаулы Окатэтта вообще просил сделать его ни больше ни меньше как "главным среди самоедов". Вот так.

На следующий день мы вместе с хозяйством Лямби скасляли к реке Тамбей. Красивая извилистая речка струилась в узкой долине, мы остановились на высоком берегу. Ночь... Яркое солнечное утро. За последние дни мы уже узнали тундровую осень с холодными ветрами, изморозью и дождем, научились ценить солнце. Сегодня небо особенно чисто. На мху дрожали капли оттаявшего инея. Подошло стадо, олени радовались теплу. Молодые самцы высоко подпрыгивали, как козлики, стараясь боднуть кого-нибудь парочкой довольно длинных рогов. У некоторых рога раскололись уже на два отростка. Взрослые самцы-хоры примерялись к борьбе за важенок, пробовали скрестить друг с другом ярко-белые длинные рога. Теперь и у важенок рога полезли лоскутами. Только одни холощенные быки бродили флегматичные, крупные, с огромнейшими рогами, потряхивали длинными подшейными волосами. Они напоминали старых сенаторов или маститых городских гласных с огромнейшими бородами.

Днем я наблюдал интересную-сцену. Это было настоящее зоотехническое мероприятие. Мужчины начали кастрировать оленя-самца. Они повалили его среди загнанных в круг быков, и один из ненцев, не резав, перегрыз в мешочке с семенными железами семенные каналы. Быки сильно бились, я фотографировал, отвернулся на минутку в сторону, когда повернулся обратно, увидел, что-то было вырезано еще. Потом развязали быка и не давали ему выбежать из круга. Он, однако, порывался выскочить, и один раз ему это удалось, но непромахивающийся тынзян опутал рога петлей. Бык страшно забился. С большой осторожностью к нему подошли, привязали к задним ногам по веревке и стали гонять. Через некоторое время бык ослабел, упал и его оттащили в сторону. Тем дело и кончилось.

Потом стали ловить пешку на мясо. Поймали сразу три, потом отдельно четвертую. Лямби, узнав что я ездил к жертвеннику и у меня сядай от Хаэн-сале, попросил разрешения принести ему жертву. Я позволил, и тогда они поймали четвертую пешку. Давили их тынзяном сразу три, а жертвенную отдельно. Мой сядай лежал около нее. Когда животное перестало биться, сядая обнесли три раза вокруг головы. Затем в четырех местах разделявали оленя. Потом - радостное набивание желудков сырым мясом и кровью. Я сел около Лямби и съел кусочек мяса, помакивая в кровь. Все были очень довольны, что я одобряю их пищу.

Я спросил о том, зачем задавили так много зверей. Мне объяснили, что надо шкуры на малицы, позднее будут

забивать по 20-30 пешек. Бьют они не только хорков, но и важенок, особенно мелких, тощих, вероятно, поздних, так как они все равно пропадут зимой. Пока шло пиршество, все время стояло солнце, я предпочел не смотреть на привычную уже для меня кровавую картину, отошел к чуму и блаженно грелся в одиночестве на редком уже солнышке.

После обеда новое "зоотехническое мероприятие". Поймали быка и повалили его. На левой щеке была подкожная опухоль величиной с куриное яйцо. Ее хотели разрезать и пустить кровь, однако после разреза кровь не пошла, и быка отпустили. Я невольно подивился, что ненцы не только знают всех своих оленей "в лицо", но и все опухоли у них под кожей.

К вечеру пошел дождь. Я ночевал на нарте, укрывшись малицей и гусем. Пришлось накрыться еще и куском брезента. Мы перестали ставить наш походный маленький чумик, так как ближе к зиме ночной храп Николая Николаевича делался все свирепее и смачнее. Я не мог заснуть. Даже и теперь богатырский храп доносился вполне отчетливо из чума. Но на таком расстоянии он все же не мешал мне. Ночью меня разбудил Максим. Огромное северное сияние заняло полнеба на западе. Это уже второе северное сияние, увиденное мною с начала осени.

На следующий день мы спустились в долину Тамбея. Тут наткнулись на морошку и остановились. Николай Николаевич исключительный любитель ягод и зелени наслаждался, и видно было, с каким азартом он истреблял растительность. Позднее он признался мне, что ел морошку вместе с листьями, не обрывая чашечек. Среди желтой, переспелой, местами попадалась еще и красная морошка, и у меня была надежда, что, попробовав ее в этот день впервые, мы не растаемся еще с ней навсегда.

Остановились на левом берегу Тамбея, поставили чум и поехали неводить. На реке я вымочил ноги, ночью у меня был жар, капюшон малицы палил огнем. Лишь к утру ненадолго удалось забыться крепким сном. Встал поздно, солнце сияло и освещало широкие песчаные косы и отмели Тамбея. Голова уже не болела, меня мучил голод, и я, не ожидая чая, сам зажег примус и разогрел банку консервов. Потом занялся делом - закончил бюджетную таблицу на домохозяйство Лямби. Когда дело дошло до калыма, старшая жена Лямби пустилась рассказывать обычаи при свадьбе почему непременно в калым дают одного неплюя и хоть одну красную

лисицу, которых приобретают далеко у лесных ненцев и хантов, по цене лисица - хороший олень.

Потом пришел хозяин, и Спицин завел с ним разговор о песцовых промыслах. Разговор был длинный, Спицин расспрашивал, а я записывал. Потом из таких записей он составил небольшой очерк о песцовом промысле ненцев. Вот он.

Песцовый промысел основа товарной экономики: торговли, обмена у ненцев. Промысел этого зверя связан с качеством и состоянием его меха, а смена пушного наряда в течение года следующая. Щенки у песца появляются в конце мая - начале июня. В это время они называются копанцами, затем у копанца прорезываются глаза, и, не меняясь в окраске, он становится больше по величине, теперь его называют норником, цвет его в это время пепельно-дымчатый. Стадии копанца и норника песцы проходят одни быстрее, другие медленнее, в среднем - около двух месяцев. К началу августа в основной своей массе молодые песцы уже крестоватики. Крестоватиком песец бывает полтора-два месяца, и с первым снегом, падающим во второй половине сентября, песец обычно уже синяк, это стадия продолжается месяц. Ненцы, с которыми нам пришлось беседовать (а таких не один и не два десятка), в отношении синяка давали буквально один и тот же ответ: "Синяком песец становится по первому снегу, бывает им месяц...". В отдельные очень редкие годы - а таким был 1928 год - еще в конце июля можно найти слепых щенят в норах, и мы их находили. Смена наряда в такие годы запаздывает на полмесяца и даже на месяц. В обычные нормальные годы песец уже во второй половине октября недопесок, а в начале ноября частично полный последних сортов. Абсолютно дошлым (1 сорта) песец считается через месяц после того, как стал недопеском, то есть в начале декабря. Такова принятая здесь товарно-промысловая терминология.

Как происходит смена летнего наряда на зимний у молодняка и старых песцов? Молодые эту смену проводят быстрее, чем старые животные, а из старых - скорее самец, чем самка. У запоздалых выводков наоборот "старики" белеют быстрее.

Промысла песца в прежнем виде, то есть в течение круглого года с перерывами всего в 2-3 месяца, теперь на Ямале нет, это надо отметить как определенное достижение. Крестоватики, закон о запрещении добычи которых введен с 1924 года, уже почти и не добываются в тундре. А что

представляла собой эта добыча видно из цифр: до войны добыча крестоватика составляла в среднем 30 000 шт. ежегодно, в 1922-1923 году было заготовлено 32 394 шт. (очевидно, за счет старых запасов). Охотники, с которыми мне приходилось беседовать, называли (несомненно, преуменьшая!) следующие цифры: Вануйто Неся - на летних кочевьях добывал не менее 50 крестоватиков; Мати Ямал назвал "на удачу" цифру 100; Тилянг Окатэтта "сорок крупных, мелких не трогал"; Лямби Вэненга, Сэру Хороля, Пудынаси Окатэтта, Хасово Вануйто и др. на этот вопрос ответили: "Сотню и больше добывал".

Может быть, промысел этот был исключительно занятием бедноты? Оказывается, нет. Добывали крестоватика и богатые оленеводы, имевшие по 700-1500 оленей. Особенно вотчинники, "хозяева земли". Они всегда могли встать близ нор в нужное время и ловить без всякой помехи. Другим доставались худшие места.

Весь промысел песка резко делится на две части: летний - промысел крестоватиков и норников на шкурки и для последующего выкармливания до сдачи на факторию, и зимний - промысел полноценного выходного песка. "Кормленков" - крестоватиков ненцы добывают тремя способами: первый самый распространенный капканами. Капканы применяют малого размера, горностаевые со слабыми пружинами. Иногда, для предохранения порчи ног молодым песцам, обвязывают дуги капкана остатками неводной мережи. Помимо капканов применяют петли, которые устанавливают при выходе из норы. Ловят норников и руками: подкарауливают, когда те отойдут на значительное расстояние от норы.

Лучше всего молодняк добывается при хорошей погоде: из одной норы можно выловить всех зверей в два-три дня. При плохой погоде молодняк не так охотно идет наружу. Капканов у норы ставят 3-5 штук. Свободные от капкана выходы забиваются землей. Поставленные капканчики маскируются травой, мхом, землей. Всех щенков удастся добыть из норы лишь тогда, когда поймана мать, иначе, после того как норники начнут попадать в капканы, мать почует это, вырвет нору и уведет семейство.

Зыряне для ловли молодняка применяют еще три способа, против которых категорически протестуют ненцы.

Первый - разрывание нор, способ, не требующий объяснения, применять который не станет ни один ненец, ибо, по их понятиям, разрытие норы равносильно разлому чужой нарты. Когда несколько ненцев, присутствовавших в экспедиционном

стане, увидели меня, возвращающимся из тундры с лопаткой и молодыми песцами, и из моих слов узнали, что я разорил нору, они были очень недовольны, объяснили мне, что так делать нельзя. Я же долго убеждал их, что это необходимо для изучения, что нор на Ямале я разрою 2-3, на что они сказали: "Так - ничего еще".

Вторым способом, недопустимым с точки зрения ненцев, является выкуривание песка из норы дымом. Этот способ ненцы не применяют, потому что в задымленную нору песец не селится очень долго, по словам знатоков - никогда.

Третий зырянский способ, наименее вредный, это ловля норников в замаскированные ямы при выходах из норы. Способ малодобычливый и применяется редко.

Летний промысел песка, ранее широко распространенный в тундре, в настоящее время в связи с запретом постепенно угасает. В 1928 году ненцы ловили крестоватиков в очень небольшом количестве для своего личного обихода, а также для вскармливания.

Из способов добычи полноценного песка на первом месте стоит охота слопцами. Охота с ружьем имеет незначительное распространение: исключительно в облавной охоте и при случайных встречах с песцом в тундре (в последнем случае применяется винтовка, в первом - дробовик). Из самоловов на первом месте стоит капканный промысел.

История капканного промысла, по сообщению ненца М.Худи, такова.

- Лет 60 тому назад у нас не знали капканов, ловили песка настороженными луками с доской на конце стрелы, придавливающей песка после того, как он затронет насторожку. Капканов мы не знали, они появились на моей памяти...

Судя по дополнительным описаниям, эта ловушка представляла собой черкан-щемиху; вроде применяющихся сейчас на горностая, но только большего размера. Такие черканы охотники ставили у песцовых нор.

Капканы бывают с привадой и без привады, наиболее распространенный - без привады при выходе из норы. Определив по различным признакам (след, запах, испражнения) нахождение песка в норе, охотник при выходе из нее ставит "голый" капкан, маскируя его снегом, выходящий из норы песец в него попадает.

У трупа оленя, зарезанного волком или павшего по какой-либо причине, ненец не упустит случая поставить капкан, обычно два - с разных сторон. Иногда привада набрасывается специально - этот способ применяется чаще у Обской губы

рыбаками, подолгу стоящими на одном месте на промысле осетра и нельмы. По словам ненцев, охота капканами у привады и с привадой бывает добычливой не каждый год: "Иные годы песец на падаль не идет", говорят они. Очевидно, это увязывается с наличием живого корма лемминга. Ненцы заверяют вполне определенно, что в годы, "обильные мышью", к трупам оленей песцы идут плохо.

Добычливость капканного промысла зависит от умения поставить капкан. Перед промыслом охотник тщательно очищает его от ржавчины, которая дает запах, позволяющий зверю узнать присутствие капкана. Летом капкан хранится "на воле" и никогда не заносится в чум. При постановке охотник никогда не берет его голыми руками, а набирает полные ладони снега и так с этой изоляционной прокладкой ставит капкан. Иные это делают при помощи деревянной лопаточки.

При капканном промысле большую роль играют олени: чем они лучше, тем большую промысловую территорию сумеет охватить охотник. У крупных оленеводов транспорт лучше, поэтому и промыслы их богаче. Но наиболее зажиточные оленеводы (имеющие более 2000 оленей) промыслом не интересуются, так как знают, что все необходимое могут менять на оленей. Но капканы все же у каждого из них есть, и при случае они не отказываются поймать песца.

Устройство слопца, или "пасти", иное. Количество слопцов на Ямале статпереписью 1926 года было определено в 7637 шт. Наличие древесины в тундре играет весьма существенную роль, так как на далекое расстояние везти обозы древесины для слопцов никто не желает или не может. По берегу моря имеется много плавникового леса, им ненцы и пользуются для устройства слопцов; поэтому наибольшее количество этих ловушек сосредоточено у берега моря. Вторая причина скученности их у берега заключается в том, что песцы зимой в поисках пищи устремляются в разные стороны, подходят к морю, бегают вдоль берега, заходят на прибрежный лед. Здесь-то песцу на каждой горке бывает приготовлен лакомый кусок... и слопец, под давящей доской которого он и складывает свою голову.

Слопцы - привилегия вотчинников, "коренных владельцев земли". Только они могут применять этот наиболее легкий и добычливый способ промысла. И традиционное "обычное" право на их стороне. Они и нам заявили, что слопцы могут быть только у вотчинников, и остались очень недовольны

нашими разъяснениями, что их вотчины с момента Октябрьской революции не существуют.

Как производится промысел слопцами? До 1926 года, когда был еще прием песка-синяка на факториях, насторожка слопцов производилась по первому снегу или немножко раньше, примерно около 15 сентября. Теперь этот срок отодвинулся на полмесяца-месяц, насторожка производится в первой половине или около середины октября. Осенью 1928 года насторожка слопцов в средней и южной части Ямала, вследствие позднего выхода песка, была даже сдвинута. Настороженные слопцы начали нам попадаться только в начале ноября.

В качестве привады в слопцы кладут куски оленьего сала, мясо, кровь, внутренности, тюлений жир или рыбы головы. Наилучшей привадой считается яйцо гусиное или утиное, а также китовое сало (халэ). Китовый жир особенно ценится, ненцы берегут эту приваду. "Века, от стариков кладут халэ", - говорил Хасово Окатэтта. Китовый жир имеет свою определенную цену, довольно высокую. За кусочек толщиной 8 см платят белого песка (40-45 руб.). Если охотник сумеет достать китовый жир, он настораживает слопцы преимущественно им. Жир покупают у тех, кому посчастливилось найти кита, выброшенного на берег. Большая цена, по словам ненцев, оправдывает себя, так как "маленький кусочек, может быть, мне десять песцов добудет" Этот жир хранят в засохшем виде десятками лет. Причем ненцы уверены, что на свежеположенный жир зверь идет не так охотно, как на тот, что уже побывал в пасти песка.

Для того чтобы песец лучше шел на приваду, ненец делает так: пойманному песцу кладут "халэ" в пасть и держат некоторое время, иногда долго, до конца зимы. На следующий сезон, по словам охотников, "любой зверь такое сало берет сразу".

Китовый жир, по словам Ела Сэротэтта, бывает двух сортов: один, "как мох", другой - "гладкий" (песец чувствует жир за попрыск). Кладется жир небольшими кусочками (квадратный вершок 4,45 см, толщиной 1-1,5 см). Насторожкой капкана этот кусок протыкается и так ставится. Яйца, когда замерзают, протыкаются так же.

Слопцовый промысел ведется по-разному: либо с постоянным присмотром, либо без него. Раньше при насторожке по первому снегу до отъезда на фактории ненцы часто объезжали слопцы, вынимали попавших песцов, настораживали ловушки снова и уж потом пускались в дальний путь на юг. Сейчас, с

запретом лова синяка, насторожка слопцов отодвинулась на месяц и производится перед самым отъездом на юг. Заряженные слопцы остаются без всякого присмотра всю зиму, пока оленеводы живут в лесной зоне, то есть в течение 5-6 месяцев.

По возвращении ненцы осматривают слопцы и, в зависимости от срока приезда и наличия песка, либо разряжают их совершенно, либо оставляют еще на некоторое время, чтобы, "когда олени начнут телиться", объехать их еще раз и уж тогда разрядить. Помня о слопцах, ненцы спешают ехать на север, и многие успевают сделать весенний осмотр дважды. В хорошие "песцовые годы" или когда тот или иной чум решает добыть морского зверя, отдельные хозяйства остаются у слопцов все время. Сейчас, особенно в связи с большим количеством росомахи в тундре, портящей слопцы, это бывает часто.

По северу Ямала остается зимовать до 30 чумов. Тут уж слопцы осматриваются регулярно, в среднем - один раз в месяц. Во время темных ночей осмотр производится в полнолуние, когда бывает достаточно светло. Разряжаются слопцы ненцами тщательно, в тундре нет случая, чтобы они остались неразряженными. Если в слопце был китовый жир, то он вынимается и хранится в специальном ящике все лето. При постановке на следующий год он тщательно очищается от приставших оленьих шерстинок и прополаскивается в чистой воде.

Какая продуктивность этих ловушек? По словам ненцев, в хороший год песец побывает почти во всех слопцах. "Сто слопцов поставь пустыми будут два-три", говорили мне охотники. В "непесцовые" годы зверь идет, конечно, реже. Труда слопцовый промысел требует очень немного: зарядить, осмотреть один-два раза под весну или еще пару раз за зиму - труд невелик. Но не вся добыча попадает к охотнику. Хорошо, если на сотню слопцов удастся добыть 15-20 песцов. Остальные все пропадут, будучи съедены или попорчены росомхой, волком, другими песцами. Такой высокий процент отхода в тундре обычное дело. Няю Вэненга и Хаали Яптик так определили мне процент отхода: "...сколько сам возьмешь, столько съест и росомаха". Особенно много пропадает добычи, когда хозяева слопцов уезжают зимой на юг, оставляя ловушки без всякого присмотра. "В таком случае больше трети от числа попавшихся песцов никогда не получишь", - сказал Лямби Вэненга. "Из десятка останется два-три", подтвер-

ждают другие охотники. "Не стоит и настораживать для росомахи", - говорят некоторые оленеводы.

Еще одним способом охоты на песца является облавный способ, известен на Ямале недавно - лет 10-15 тому назад. Он заимствован у коми-зырян и больше распространен в южной части полуострова. Правильней было бы назвать его не облавным, а "гоном" по тундре, с загонем песцов на озерный лед. Такие загоны устраивают обычно в начале зимы, когда лед еще не закрыт снегом, выгоняют и на берег моря или незамерзающей реки, в места, где нет растительности.

Суть этой охоты заключается в следующем: 20-30, а иногда до 50 нарт из разных чумов выбирают подходящий район, где мало нор и песец не может "понориться", охватывают его по периферии и начинают гнать песца к определенному месту. Ненцы, прекрасно ориентирующиеся на местности, делают это без всяких затруднений с большой точностью и организованностью. Постепенно круг или полукруг сужается. При загоне на лед, покрытый снегом, песец охотно идет и даже держится на гладком льду достаточно свободно. Круг затем сужается, внутрь входят охотники с ружьями и дробовиками. Винтовкой не стреляют, так как можно ранить людей. Начинается собственно охота. При наличии собак, ловящих песца, пускают и их в ход. Таковую охоту устраивают обязательно в ясную погоду, когда песец бродит и его видно далеко.

Незначительное распространение имеет охота с ружьем в одиночку и еще меньше - с собакой, хотя ненцы знают такую охоту. "Песец лежит в ямке, собака идет к нему против ветра и хватает его прямо на месте", рассказывает Някоче Вэненга. Песку Вануйто: "Моя собака идет за песцом по следу без лая и догоняет его. Пойдешь за собакой, дойдешь до нее - песец готов" (его собака вроде крупной лесной хантыйской лайки). Линг Хороля имеет двух собак, которые идут за песцом по следу и догоняют его. Охотится Линг с собаками вблизи озер: "...на озерах собаки их и ловят". То же рассказывал и Пудынаси Ямал: "Собаки помогают ловить на льду".

И, наконец, последний способ добычи песца - при помощи луков-самострелов, которые настораживаются почти исключительно в пределах лесотундры, отчасти в зоне высокой кустарниковой растительности, где лук удобно замаскировать.

Что дает песцовый промысел ненцам Ямала? Статперепись 1926 года приводит цифры: 7774 белых песца, 44 голубых, 951 недопесок, 1543 синяка. Всего - 10 312 шт. На один чум, при 660 учтенных, в среднем приходится по 15 песцов (с колебаниями от 1-3 до 70 шт.). По опросам ненцев, можно вывести

среднюю цифру 10 песцов на чум с колебаниями: 15 в хороший "песцовый" год и 5-6 - в плохой. В среднем общее количество песка, добываемого на Ямале, составит 7500 шт. ежегодно, со снижением этой добычи до 4 500 в годы плохой охоты и повышением до 10-11 тыс.шт. в благоприятные годы...

Все эти наши разговоры о песцах прервал сын Лямби. Он пришел и сказал, что нашел хороший брод через реку. Это значило, что нам не нужно будет переправляться на маленькой калданке, т.к. можно перейти реку по дну. Мы прекратили запись и спешно собрались каслать. Переезд прошел весьма благополучно. Верстах в трех от берега мы опять встали и продолжили записи. Спать легли рано, я спал не в чуме, в своем "огурце" так я называю спальный комплект: голова в малице, ноги в гусе.

Утром к чаю пожаловали гости, им пришлось выслушать от меня длинный рассказ в духе наших весенних политинформаций: какие это "красные", почему "красные", откуда Советская власть и проч. Суть рассказа богатые, бедные, царизм, угнетение, восстание против рабства, победа, враги, 1921 год в тундре, гражданская война, победа, наши основные законы. После рассказа Лямби сказал, что это им очень нравится: "Правильно, что убрали богатых и накормили бедных, теперь мы знаем красных".

Им особенно понравилось, когда я отложил для Николая Николаевича лакомство - язык пешки. Его все время подсовывали мне. Старик сказал, что это для меня. Я ответил:

- У нас так - лучший кусок нужно оставить товарищу.
- Вот это ты очень хорошо говоришь, это правильно.
- Нас, "красных", считают разбойниками. А вот вы теперь сами узнали - мы живем дружно и бережем друг друга.
- Да, мы вас теперь хорошо узнали. Бывало, к начальнику боишься со словом обратиться - он сидит отдельно. Бывало, и били нас, а ты вот разговариваешь с нами по-доброму, сам у огня работаешь (я поправлял ножом мундштук трубки), и мы не боимся, когда хотим спросить.

- Трэм саво, - одобрил я эти слова.

18 сентября. Встали с солнцем. Тундра глянула на нас полузимним покровом. Горки были присыпаны снегом, наш чум тоже. Скоро зима. В 1926 году у озера Ярро-то первый снег над нами закружил 22 сентября, а лег совсем 20 ноября. Здесь зима должна быть немного раньше, так как севернее.

Мы быстро собрались и выехали по снежку. Побежали олени - обрадовались снегу. Моя пятерка так понесла, что я боялся сломать нарту. На озерцах уже стоял ледок, большие

озера затягивались шугою даже при волне. Мы выехали к чуть заметному на горизонте чуму Нгэти Ламдо. Это середняцкое хозяйство с 450 оленями сравнительно недавно было бедным - 100 оленей, но за последние годы оно поправилось и продолжает идти в гору. В чуме хозяин-старик и два молодца-сына. Один из них женат с прошлого года. За жену отдал 70 важенков и 10 песцов.

Если два предыдущих хозяйства были пропитаны психологией богатых, много тративших на жизнь, то здесь виден был хороший расчет и экономия. Это все выявилось на цифрах бюджетной описи. Мы должны были подождать оленей от следующего чума. Я решил ночевать вне чума, построил себе укрытие на нарте. Ночью было холодно, небо горело северным морозным огнем. Я заснул и спал тепло. Ночью сквозь дремоту слышал крики летящих к югу гусей. Еще вчера было заметно, что гуси собрались нас покидать, и этой ночью я, вероятно, слышал их последний крик.

Ранним утром выехали. Путь лежал через озеро. Лед уже держал оленей. С подветренной стороны тянулась по гребешку льда линия маленьких торосов, как бы окаймляя чистую дорогу через озеро. К полудню мы приехали в чум братьев Окатэтта. Шел забой телят на малицы - обилие мяса на нартах и в чуме. День был отличный, часто проглядывало солнышко, снег искрился. Дул легкий ветерок с северо-запада (это был остаток вчерашнего сильного ветра), к ночи и он затих. Я сидел в своем маленьком чуме, при свече приводил дневник за последние дни "в ажур". Из большого чума доносилась песня - речитатив в одну ноту с синкопами и беглыми нотами, что-то вроде:

и так далее.

Размера в песне не было, в середине такта часто остановка. Чередования нет, все зависит от слов и слогов, причем нота тянется не только на гласных звуках, но и на согласных *р, л, н, м*. Песни (а я их слышал немало) поются на разные мотивы.

Сегодня впервые получили вести о нашем экспедиционном стане на озере Ней-то. Наш чум тронулся с Тиутей-яхи к Ней-то. Колмаков на Тамбей не едет, ждет нас у Ней-то. В общем, сведения благоприятные.

Время от времени к нам приезжают гости. Все что-нибудь рассказывают и строят догадки о "нашей муке". Забили две пешки, я съел кусочек сырого мяса, выпил два "уха" крови и съел мозги из задних ног. Начал привыкать к крови. Николай Николаевич не пробует ее. Я не одобряю такое принципиальное отрицание, так как приветствую всякие опыты и пробы, к чему бы они ни относились. Кроме того, это лучшее средство от цинги. Мозг из ножных костей оленя такой деликатес, какой не найдешь и в хороших ресторанах. На следующий день я их съел уже два сразу. Ядопчев заметил, что в чуме меня "сильно зауважали" - не всякий ненец съедает столько. Целый день я имел ощущение сытости. Это, видно, полезнейшая вещь.

Утро 22 сентября, проснулся рано, зашел в чум погреться. В тундре густой туман, всю ночь моросил дождь, капли барабанили по моему брезенту, но я все же хорошо выспался под этот мерный стук. Ехать из-за тумана все равно было нельзя. Мы ждали молодого Нгарвуму, который отправился в соседние чумы разузнать о злополучной муке. Я занялся бюджетной описью хозяйства, но ничего из этого не вышло. Старик-хозяин путался, ничего не помнил и сказал, что когда его в 1926 году переписывали, то переписчики потеряли целый день. Я был недоволен и сказал старику, что надо выучиться считать свое стадо. Кто не умеет считать, тому не дадут кредита ни копейки. Если он стар, то надо кого-нибудь держать в чуме, хорошо знающего счет оленям. Старик кивал в ответ, но, кажется, так и не понял, зачем все это нужно - точно считать оленей.

К вечеру хозяин вернулся из стада, привез затравленного волком оленя. Он почти весь цел. Опять вопрос о страховании - как платить за такого оленя? Мясо цело, шкура лишь слегка порвана, пойдет на малицу. Все эти детали следовало бы уточнить.

Еще не стемнело, вернулся и Нгарвума Окатэтта, молодой парень лет 20. Он узнал, что человек, посланный с нашей бумагой, был на пароходе и передал ее, но оттуда муки не получил: почему неизвестно и непонятно. Мне все это показалось неправдоподобным. Как же так? В бумаге все было ясно написано "вручить подателю", расписка дана мной. Кто бы ни был там на базе - видит, что люди без хлеба и муки. Да и посланный Тусида не стал бы отказываться от хлеба: ведь рыбацкие чумы стояли рядом. Можно было оставить там? О том, что ее получили и не передали, не могло быть и речи. Николай Николаевич прямо сказал мне, что Убеко Сибири, по

обыкновенно, небрежно отнеслось к просьбе посторонних людей и не отправило муку. Если это так, то это возмутительнейший эпизод, который когда-либо имел место между исследователями на Севере, и это, я считал, следовало предать самой широкой гласности. Ничего не оставалось, как согласиться со Спициным, так как и мой опыт отношений с Убеко Сибири в 1926 году тоже был неудачен...

Вести Нгарвума привез хоть и неутешительные, но они внесли какую-то определенность в наши планы. Значит, муки не ждать. Надо покидать Тамбейскую тундру, где мы провели почти две недели в поисках "подарка" Убеко Сибири. У нас еще оставалось сливочное масло, но его не с чем было есть. Я пробовал с мясом, но вышло худо. Масло пошло бы с кашей, но нет крупы. Николай Николаевич совсем перестал есть. А ведь ненцы, провожающие нас на пароход, сказали, что в трюме видели много печеного хлеба. Это невероятно - почему же тогда не дали хлеба?

Я сожалел, что не попросил у капитана собрать людей, уж очень неловко было после его твердого отказа обращаться к команде. А ведь команда могла бы дать от себя. Рабочие береговой партии говорили, что нас надо было снабдить хлебом за счет их пайка, так как они все равно ничего не делают, целыми днями спят в палатках, а вот мы действительно работаем. Капитан сказал, что хлеба совсем нет. Ну ладно, пусть это останется на совести военных исследователей Севера, вся работа которых заключается в проведении промеров берега и полуинструментальной съемке со скоростью... 30 километров в год!

На следующий день мы выехали к чуму Гапти Окатэтта под предводительством молодого симпатичного Нгарвумы. В пути со мной случилось неприятное происшествие. Я сломал заднюю ногу своему передовому оленю. Конечно, вина в моей неосторожности, но виноват был и Нгарвума - он проехал слишком близко от меня со своим аннасом и напугал мою упряжку. Мой передовой кинулся в сторону, попал задней ногой между копыльев последней грузовой нарты в аннасе Нгарвумы. Только косточки хрустнули, и олень уже не встал, передовой бык - отличный, смирный, покладливый.

Ненцы отнеслись к этому довольно равнодушно. "Видно, в этот день смерть этому оленю назначена", - заключили они. Нгарвума отстегнул оленя, поднял гусь на шесте, призывая хозяина. Тот быстро приехал, чтобы освежевать оленя и отвезти мясо в чум.

Дальше ехали без приключений. Никто из моих проводников не знал точно, где стоит чум Гапти Окатэтта. Знали только, что на одном из притоков Сядор-яхи. Проехали через хребет из бассейна Тамбея в долину реки Сядор. Долина была широкая, до полутора верст, нигде не было заметно сплошных массивов ягеля: кое-где лишь небольшие площадки. Сама река Сядор оказалась небольшой, в верховьях 6-8 сажен.

Выехали на горку и встретили каслающего сына Гапти. Он сразу остановился и поставил чум. Я приступил к описи его хозяйства. У него было 700 оленей, и сам он отделился от отца для удобства выпаса. Всего же в хозяйстве Гапти более 2000 оленей. Это один из богатых и уважаемых людей ямальской тундры.

Как рассказал мне Максим Ядопчев, в семье Гапти прижился Дмитрий Лагеев, полукровка, "зырянский самоед". Ему 22 года, он отлично говорит по-русски, на зырянском и хантыйском языках. Принят в семье "как сын". Лагеев уже второй раз пробует "усыновиться" к оленеводам. Он один раз жил в кочевой семье, хотя пасти оленей не умеет. Старик умер, а родные сыновья его прогнали, сказав, что "он им никто". Но Гапти человек добрый, ему еще лет 50. Если Лагеев проживет несколько лет, то может и получить сколько-нибудь оленей по наследству.

Вечер в чуме сына Гапти прошел весело. Забили яловую важенку. Я съел 4 мозга из задних ног с кровью. Все были удивлены—богатырский ужин. Потом молодежь начала борьбу. Море истинного беззаботного веселья сопровождало состязания, пришлось и мне принять в них участие. К ночи похолодало, и я не решился спать вне чума.

Рано утром выехали. Оленей запрягали для нас сумасшедших, едва выведешь передового, как все бросаются вперед, и надо ловко вскочить на нарту, чтобы не спутать упряжку. Олени неслись, не разбирая препятствий впереди, стараясь повернуть обратно к стаду, и надо было энергично выправлять их вожжей и тюрком на полном скаку в нужном направлении. Такие олени требуют постоянного внимания к запряжке и дороге, так как ежеминутно подхватывают и несут. Для меня запрягли пятерку, остальные ехали на четверках. Пятерка доставляла лишь лишние хлопоты, так как постромки постоянно попадали под ноги оленям, терли их, портили камус и нервировали. Приходилось останавливаться, поправлять постромки или ухитряться делать на ходу. У меня это получалось, но не всегда.

Приехали. Гапти Окатэтта встретил нас настороженно, был неразговорчив, загадочен. Я тоже был не в настроении, чтобы "раскачивать" его вводными разговорами и рассказами. Устал. От Лагеева я узнал, что до Гапти дошел слух, "будто началась война и мы приехали забирать оленей". Одним из первых вопросов, который старик задал нам: "Что слышно там, "наверху", с пароходов?" Я стал отвечать, что везде все благополучно, хлеб вырос, войны нет, болезней нет.

Гапти был неразговорчив, сообщил только, что у него отдано в другие хозяйства более 1000 оленей и он снабжает соседей мясом "до самых факторий", только вчера Яптики (наши знакомые), стоящие на устье Тиутей, получили от него 10 оленьих шкур на малицы.

За чаем я вяло повел разговор о кредите, о малой доходности ненецких оленьих стад, о нерациональном ведении хозяйства ненцами. Тут я сделал ошибку, сказал неосторожное слово: "Мы хотим научить ненцев считать своих оленей и научим". На это Гапти ответил: "Мы умеем считать оленей, и учить нас не надо". Я возразил, что не многие хорошо считают оленей и умеют толково ответить. Он промолчал. Беседа наша прекратилась, и настроение у обоих еще ухудшилось. Я все же обязан был провести у него бюджетную опись, так как у него большое стадо в 2000 голов.

За чаем он рассказал, что сейчас специально разделил свое стадо на три чума, чтобы мы, проезжая с севера, непременно наткнулись на один из чумов и не проехали мимо. Да так легче и выпастать - ведь большое стадо трудно прокормить на тощих ягельниках реки Сядор. После чая я предложил приступить к описи: спускался вечер, и работать нужно было при свече в густом дыму от костра - дело шло к зиме и к этому следовало привыкать. Старик вдруг вышел из чума, за ним жена, сын, невестка и другие. Я остался сидеть с Максимом. У чума семья стала совещаться. Видно было, как не хотелось Гапти показать свое стадо, и я опасался, что он не покажет правильно. Я попросил отложить опись до утра, днем погостить у старика, а сейчас угостить его чаркой. Предложение было принято.

Во время угощения Гапти развеселился, сказал, что не считал еще своих оленей и боится показать неправильно. Он пожаловался мне на молодого Саттоку Яптика - бедного, но беспокойного и скандального вотчинника, которого мы встретили еще на реке Пясадай, когда плыли на лодке. Оказывается, Саттоку гонит богача Гапти со своей вотчины, и тому приходится уступать. Вот такие отношения между

бедными и богатыми. Гапти рассказал, что, как только он приходит на факторию в Хэ, тамошние бедняки-рыбаки просят у него малицу, гусь, чижи, и если он отказывает, то грозятся отобрать оленей через суд или просто так. "Раньше такого не было", - заметил он. Я спросил его:

Сознайся, вэйсако, что и сейчас ты боишься "красных начальников". Ты думал, что мы будем отбирать оленей?

Да, я боялся, потому что в 1921 году меня заставили брать оленей у всей нашей тундры. Я сам тогда дал 300 оленей своих. Теперь на меня за это народ злобится.

Гапти стал весел и разговорчив, был очень доволен угощением чаркой, которое здесь обозначает почет и уважение. Это были наши последние запасы, но ничего: уже недалеко стоят чумы Ензеда и Тилянга Окатэтта. Это уже наши друзья с весны, и к ним мы придем как в свой дом. Никаких препятствий и затруднений, которые нужно было бы пробивать всеми имеющимися средствами, не предвиделось. Я был спокоен.

Ночью выпал снег и покрыл всю землю как зимой. Наступило 25 сентября. Все же это еще была не зима, так как морозов не было. Я вышел из чума. Тихая белая ночь. Никакого движения в воздухе. Стоял и смотрел на звезды (до слез в глазах). Они были огромны, как бы до осязаемой тяжести налиты густым светом. Долго еще взбудораженный чум не мог уснуть. Я залег под "святым шестом", повертелся немного и уснул.

Утром я встал рано. Гапти еще спал. Мы напились чаю, хозяин не встал. Он не встал и к обеду; ясно было, что старик хочет все же избежать переписи. Целый день я обрабатывал предыдущие опросы, чертил графики изменения численности стад. Хозяин поднялся только к вечернему чаю, выпил чашку и снова лег на ягушку. Он стал просить отложить перепись до зимы, до встречи на фактории. Пришлось оставить его в покое. Вечером приехал в гости наш знакомый еще по реке Ептарме Линг Хороля. Он остался ночевать. С утра, пока ловили оленей, я быстро и без труда переписал бланк и бюджетную таблицу на хозяйство Линга. Он помнил все до последней пешки. Потом вышел сам Гапти, нарты были готовы, и мы выехали в соседний чум Поимпоа Окатэтта. Гапти провожал нас сам. Это полагалось по "закону почета начальства".

Мы ехали очень долго, целый день с перерывами шел дождь, мелкий, морозящий. Горизонты тундры плавали в туманах и дождях. Там, где мы предполагали увидеть нужный чум, оказалась лишь нарта, оставленная на месте стоянки. Мы

двинулись по следу, пересекли три речки - это были притоки реки Тиутей.

К вечеру земля подмерзла, в низинках лежал снег, ехать было легко, почти как зимой. Переехав еще одну речку, мы потеряли след Поимпоя. Пришлось снова выехать на хребет к огромному жертвеннику и оттуда осматривать окрестности. Поднялся ветер такой силы, что продувал наши малицы и суконные гуси. Но небо было чистым, солнце стояло над горизонтом. Оставалось еще немного светлого времени, и нас ждала ночевка в тундре. Гапти и его сын разъехались искать потерянный след. Я осмотрел священное место. Множество сядаяев было здесь. Один из них представлял собой длинную жердь, на которой было вырезано семь лиц. Другой сядай имел на шее цепочку с грубым изображением волка, вырезанным из дерева.

В бинокль я стал обшаривать горизонты, и сквозь обрывки туманов мне показалось, что вижу чум. На мгновение солнце блеснуло последним лучом, и я увидел на горизонте стадо оленей. Когда мы подъехали, оказалось, что оленей пас никто иной, как... наш старый друг Тилян! Заночевали у Тилянга.

27 сентября. Яркое солнечное утро. Тепло. Мы разложили вещи на просушку, я занялся переписью почти двухтысячного стада Тилянга. Поразительные выводы две благоприятные весны почти не увеличили его стадо. Расход оленей в нем за прошлый год оказался более 500 голов (это свыше 10 000 рублей!), из них 175 на продовольствие и 150 - волку в зубы. Из полутора десятков описанных по моей бюджетной таблице хозяйств лишь одно показало рост поголовья оленей, да и то ничтожный. Все крупные хозяйства раздавали оленей беднякам, но в основном на мясо. Роста бедняцких стад тоже не было заметно.

Подошел Гапти Окатэтта, чтобы попрощаться со мной. Я ему сказал:

- Плохо, что ты скрыл от меня свое стадо. Когда меня спросят, как живет Гапти, я скажу: "Не знаю, он не хотел показать мне своих оленей".

- Я приду раньше всех на Хадыту (фактория), там будешь у меня ночевать и за ночь перепишем всех оленей, - попросил он.

- Там я буду занят другим делом, может быть, вообще не буду переписывать, потому что, когда я хотел это сделать, специально остался дневать у тебя - ты сам не хотел ничего показать. Я насильно тебя не заставляю, но когда другие русские придут переписывать, ты так не делай.

Сильно был огорчен Гапти, и мне казалось, он готов был к переписи, но я не настаивал, желая его оставить в этом раскаянии до встречи на фактории. Потом я все же тепло простился с Гапти, и мы расстались.

На следующий день выехали к чуму брата Тилянга, где ждал нас отличный экспонат - клееный лук со стрелами. К сожалению, лук оказался сломанным: перед нашим приездом стали натягивать тетиву - лук лопнул, его склеили, но стрелять уже нельзя.

Тилянг рассказал мне, что отец Лямби Вэненга был отличный стрелок из лука. Однажды к нему приехал человек и спросил, что это у него на нарте такое широкое. "Это, - говорит Вэненга, - мое ружье". Тот посмотрел и пошутил: "Я - мал, уйду вон к той нарте, так ты не попадешь в меня". "Нет, - говорит отец Лямби, иди дальше, вон к той лиственнице, и там, где у тебя глаза, сделай на дереве две зарубки. Старик сел на нарту, прицелился и пустил стрелу. Она воткнулась посередине между зарубками. "Я тихонько пускал, боюсь сломать стрелу", - сказал старик.

Пока Тилянг это рассказывал, его сын натягивал тетиву на великолепный старинный лук, по его словам, привезенный с Енисея или от лесных ненцев, но тоже, к сожалению, сломанный, склеенный и связанный. Я все-таки хотел этот лук представить Свердловскому музею, и для меня натягивали тетиву, приводили это оружие в порядок. Старый боевой лук все же не выдержал и переломился на две части. Я почтительно подобрал обе половинки и спрятал их в свою нарту, конечно, с позволения хозяина.

От чума Тилянга мы выехали к Харготти Окатэтта, сыну старика Хусю. Он был полунемой, разговора нельзя было понять. Переписывать его стадо я не стал. Не заночевав в этом чуме, под предводительством работника Анихасово Сэрпиво поехали дальше. За ночь нужно было пересечь три реки, одна из них крупная - Венуй-едо. Справа на хребте оставался наш друг Ензеда Окатэтта, который, по дошедшим до меня слухам, опять нам помог провожал наших пастухов к дальним нартам с зимними вещами и продуктами.

Ночь быстро спустилась. Насколько медленно заходило солнце весной и летом, настолько быстро оно падало теперь. Сильно подмораживало, мы ехали скоро: торопились приехать в чум. Мне попалась тройка молодых пугливых оленей, много было хлопот с ними. Ветер все крепчал. Стайка куропаток сорвалась и перелетела через идущую впереди нарту нашего проводника. Сзади этой нарты медленно летела белая сова,

видимо, желая напасть на куропаток. Она летела поперек нашего курса, прямо на нарту Сэрпиво. Он поднял свой шест вертикально и молча ехал так. Сова как бы уткнулась во что-то, долетев до шеста, вдруг взвилась вверх, потом в сторону, мелькнула невдалеке над оврагом и исчезла. Хотел ли Анихасово защитить куропаток или у них есть примета, что нехорошо сове пересекать человеческий путь - неизвестно, но прогнать сову ему блестяще удалось.

Мы проехали глубокую реку уже в темноте, потом пошли рвы, овражки, тьма сгустилась еще сильнее. Большая красная луна колыхнулась было из-за горизонта, но сразу ушла в густые слоистые облака и встала бледным заревом впереди нас. На эти отблески ехать стало еще темнее. Мы куда-то поворачивали, я ничего не видел в темноте, полагался на передового оленя. Стоило ткнуть шестом, как он ускорял бег и натякался на нарту проводника. То вправо, то влево метались олени, огибая отблески льда на замерзших ручьях и озерцах. Наконец мы встали на горке. Проводник присел к земле и сказал: "Мя нгади" (чум видно). Я также присел, но увидел не больше, чем стоя. И все же не прошло и получаса, как мы приехали к трем чумам Сомдера Магаку. Нас, видимо, ждали, так как чай уже был готов. Я стал разговаривать с хозяином, рассказывал о своем путешествии, о встречах, потом расспросил о нашем лагере, что слышно. Сомдер сказал, что там, как будто, все благополучно: больных нет, олени поправились. Он похвалил: "У вас опытный пастух - сумел сохранить оленей".

Тут же Сомдер рассказал мне удивительную историю. Оказывается, это он принимал весной у себя в чуме моего помощника Ивана Каргопольцева. Я спросил, рассказал ли тот ему, что мы за люди, зачем приехали. Старик ответил, что ни о чем таком они не говорили. Приезжий сказал только, что едет на Белый остров.

- Как на Белый остров!? - вскричал я, пораженный этим. Николай Николаевич был изумлен не менее меня.

Да, он сказал так, и еще сказал, что начальник будет летовать на Харасовой.

Что такое? Ничего похожего на мои директивы. Ведь я приказал Каргопольцеву ехать к устью Тиутей и там искать встречи со мной. Я стал спрашивать, по каким чумам он ехал. Выяснилось, что Ензеда повез его к Маю Окатэтта в верховье Венуй-едо, то есть в противоположную Карскому морю сторону. Тот - к Сомдеру, а он увез его к глухонемому Хасе (Харготти) Окатэтта, потом к Тилянгу, тот "вернул" Каргопольцева Ензедe, который доставил его ко мне в палатку.

Сразу же Ензедэ Окатэтта повез его на северо-восток, а нужно было на запад, к Тилянгу, Сэу Яптику и Хаулы. Тогда бы Каргопольцев очутился на тюленьих промыслах. Но если Иван Васильевич сказал, что ему нужно на Белый остров, то Ензедэ повез его правильно, кратчайшим путем через Венуйедо, как ехал когда-то Б.М.Житков. Но зачем Каргопольцеву понадобилось так врать? Многие поступки этого человека так и остались для меня загадкой. Ведь он ни разу не держал в руке карты и не очень хорошо представлял, где же этот Белый остров. Да и что там ему делать? Как он решился? Может, его привлекала возможность побывать там раньше нас и стать "первооткрывателем"? Долго мы со Спициным обсуждали этот поступок, но так ни к чему и не пришли.

Утро 29 сентября. Я проснулся от хлопанья деревянных "тисок" чума о палки. Вышел наружу. Дул резкий ветер. Метель. Первая метель! Масса снега, его бросает в лицо, по щекам струится вода. Узнаю разгульную тундровую вьюгу. Как и в 1926 году на озере Ярро-то, так и здесь зимушка пожаловала сразу обеими ногами крутой метелью. Прощай лето, которое мы так и не успели увидеть, оно только слегка обогрело нас коротким дыханием. Впереди длинная темная полярная зима. Вместе с ветром летят мысли... Товарищи мои покинут меня среди зимы, поедут к своим истомившимся, избеспокоившимся семьям. А мне предстоит снова идти навстречу метелям и острым морозам. Больше бодрости, силы, веры в пользу дела экспедиции, больше энергии, работоспособности - вот, что мне нужно сейчас. Этого не всегда хватает. Я уже сильно устал, любознательность и наблюдательность притупились. Это я сам замечал с огорчением.

И все же нет оснований быть недовольным результатами весны и лета. Весна начиналась трудно - выход с опозданием, изматывающая гонка и обидные напутствия "Уральского рабочего" и обдорских ветеринаров. Всего этого было достаточно, чтобы породить неуверенность и даже привести в отчаяние - особенно на переходах от Обдорска до Щучьей, когда 13 оленей пришлось везти на нартах и казалось стадо передохнет от тяжести пути, прежде чем мы выйдем на средний Ямал. Но ничего, весна завершилась хорошим переходом до среднего течения реки Тиутей.

Лето окончилось выполнением нашей территориальной программы мы достигли Белого острова. Возвращаемся на базу экспедиции и выйдем точно в назначенный срок (к 1 октября). Сейчас нам остается 34 перехода до наших спальных мешков. Если подбить баланс, как я это привык делать еще

при работе в Облсельхозбанке, то у меня на активе: полное доверие ненцев, знакомство с влиятельнейшими людьми ямальской тундры, закрепление доброжелательного отношения взаимными подарками. Это очень важно для всей дальнейшей общественно-агитационной работы, переустройства здесь жизни к лучшему, перевода на новые "социалистические рельсы". Кроме того, успешно проведен сбор коллекций, имеется статистическое описание и бюджетные таблицы на десятки хозяйств, записи опросов о промыслах в Карском море, оленеводстве, охоте, ремесле, судебные тяжбы и "обычное" право, схемы для создания карты Ямала, гербарий, материал о вотчинах, 250-300 фотоснимков.

В пассиве у меня: беспокойство за оленей, оставшихся в стане и особенно ушедших с Каргопольцевым, неладные отношения с ним, они, конечно, не наладятся, как бы я ни старался это сделать; зная его, можно опасаться, что, приехав раньше меня в Тобольск и Свердловск, он подготовит неприятную встречу. И все же хорошего у меня больше, чем плохого, и баланс весны и лета я позволяю себе считать положительным...

Однако метель разыгралась не на шутку, ветер срывал все эти много раз передуманные мысли. Около нарт обозначились сугробы. Озера дрожали последней рябью. Маленькие из них уже не выдержали и затянулись льдом и снегом. Если сегодня везде ляжет снег, то мы пойдем быстро, отсчитывая расстояние, как говорят ненцы "сырей нгедолове" (зимними попрысками).

В чуме уже все встали, начали варить мясо. Спицин отличный повар, привыкший к костру на охотах, согрел какао, но увы... нет хлеба. Наши желудки уже "не терпят" мяса и сигнализируют перебой. Мы употребляли касторовое масло, но оно кончилось. И все же я не тревожился: если будет цинга, то до Обдорска идти не более двух недель.

После чая я углубился в свои расчеты, делал записи в дневнике. Мороз крепчал, мы решили задержаться в этом чуме еще на день. Было уютно, горел костер, над ним висел огромный чайник, в моей кастрюльке варился суп из консервов, который Николай Николаевич совсем не ел. Над костром гнула спину девушка, дочь хозяина, ее сережки блестели на огне, свешиваясь на длинных шнурках. По другую сторону очага сидели сыновья хозяина, уже немолодые люди. На нашей стороне - сам хозяин и его сын, лучше других знающий хозяйство. Мы вели неторопливую беседу. Наше место - место почетных гостей у "святого шеста". Перед нами горели две

свечи. Я писал и расспрашивал симпатичного сына Сомдера Магаку Сепку. Попросил рассказать что-нибудь из старинной жизни. Сомдер долго не соглашался, отговаривался, что завтра рано вставать, а "лахнака" (сказка) все равно не кончится. Потом все же согласился. Максим переводил.

Пять братьев Яптунай

...Жили давно пять братьев Яптунай. Дядя их - шестой - рода Манту¹ жил с ними три года. У Манту есть жена и сын, только начал ходить. У Манту-вэйсако 1000 быков, у братьев Яптунай по 1000, итого 6000. Вечером как-то собрались все в чум побеседовать. Манту сказал: "Я три лета жил у вас, теперь думаю ехать в свою вотчину. Там у меня 6000 оленей и младше меня шесть братьев. А всех родственников 700 человек".

Самый старший из братьев Еулю сказал: "У нас самый младший брат не женат. Не знаем, как у вас, есть ли невеста. Мы хотим его женить". Тогда Манту сказал, что у них дочерей нет, но среди 700 чумов, наверное, есть невеста. "Я поживу у вас еще лето и поеду с вами сватом, скажу, что хочу женить племянника", обещал Манту. Яптунай-вэйсако тогда говорит: "У нас есть род Луце-ю-Тэсида, у них есть сестра и там 3000 оленей". Тем и кончили. Манту ушел в свой чум, а братья легли спать. Утром встали до света, слышат Манту уже постукивает нартой, пригнал 2000 оленей своих и братьев: поймал дядя шесть хаптырок,² которых никогда не держал в упряжке, и сказал: "Поедем Еулю со мной, здесь ехать не три дня, а три попрыска". Яптунай поймал своих пять быков белых, только уши черные. Манту похвастал: "Я на своих хаптырках много диких оленей на двух ногах добывал". Яптунай подумал: "Что-то я всегда видел оленей на четырех ногах, а не на двух". Пока братья запрягали, Манту уже запряг и, подъехав, сказал: "Что вы копаетесь, работайте, как я работаю". Затем спросил брата: "Где поедем?" Тот показал на сопку: "Туда и поедем".

Немного отъехали, вдруг вожжевой олень у Манту замотал головой, испугнул других оленей, те понесли, и не заметили братья, куда проскочили. Потом тихо поехали, и через один попрыск Манту встал, положил шест поперек

---

¹ Манту - ненецкое название маленькой народности энцы.

² Хаптырки - яловые, неплодные важенки, обычно используются как ездовые животные.

коленей и, облокотясь на спинку нарты, вздремнул, потом спросил, все ли братья приехали. Нет. Тогда он снова вздремнул. Потом приехали братья, и олени их упарились. Манту положил поперек коленей шест и так ехал весь день. Потом встал, понюхал из серебряной табакерки и сказал: "Вон видно чумы, к этим чумам едем?" Еулю ответил, что это и есть Луце-ю-Тэсида. Тогда туда погнажи. Как приехали, остановились, привязали оленей. Еулю сказал: "Долго разговаривать не будем, некогда". Манту зашел в чум. Говорил. Потом вышел, с нарты взял железный посох с копьём. Зашел в чум, слышим - стал угощать там посохом: "Давайте говорите что-нибудь. Невесту давайте, а если пять братьев Яптунай не могут уплатить калым, то у моих родственников много лисиц и песцов, и они могут заплатить".

Затем слышно, как те десять братьев Тэсида говорят: "Зачем так обращаться, можно по-хорошему". Манту говорит: "А если вы сопротивляетесь, то у меня на нарте есть семь луков, они многим на родине шеи постреляли, я вас всех перестреляю и через ваши трупы увезу сестру. Я этими луками несколько тунгусов застрелил". Тогда Луце-ю-Тэсида сказали: "Выйди из чума, мы меж собой потолкуем, что нам делать и дать ли тебе невесту". Затем Манту вышел к братьям Яптунай. Не подошел, сел у нарты, немного подождал и снова пошел в чум. Братьям сказал: "Говорите что-нибудь скорее!" Те назначили цену 300 оленей, 300 песцов, 30 лисиц, сверх того 30 быков. Затем зарубили бирку и все зашли в чум. Сказал Манту: "Мы долго ждать не будем, поедем назад, на половине пути поставим знак. Вы к нему привезете невесту, а мы привезем калым".

Солнце уже закатилось, стала заря потухать. Дядя Манту сказал старшему Яптунай: "Поедем тихо, будем успевать, пока заря не погасла". Поехали братья и не знают, где едут, как по воздуху летят. Вернулись - еще заря не погасла, а туда ехали три дня. Манту сказал племянникам: "Жил я у вас долго, а вы не бывали у меня в чуме, теперь я про себя расскажу". Всю ночь рассказывал, сколько Тунгусов убил, сколько своих Манту убил, сколько Даусов убил, но наконец к полночи заснул. Утром, чуть стало зариться, он вскочил: "Ах, я и забыл, что люди нас ждут. Теперь спать некогда, надо отбирать песцов, сукна и другое. Я сам обещал отобрать, буди своих жен". Потом сложили все на нарте. Пока нарты увязывали, дядя велел привести оленей. Говорит: "Хороших не запрягайте себе - вам можно.

А я на большой работе мне надо хороших запрячь". Отобрали 500 оленей и поехали. Опять гнали оленей целый день, а раньше ехали лишь ползари. Через трое суток приехали к невесте. Четыре брата Тэсида тынзын в 600 сажен достали, в концах костяшки. Несколько раз бросили и поймали 300 голов. Тогда начали справлять свадьбу, задавили оленей. Потом младшему брату Манту сказал: "Ты теперь женился, поезжай потихоньку, а старший брат твой устал, мы поедem вперед". Три дня каслали и тогда только приехали в свой чум.

С неделю прожили, дядя не торопился уезжать, жил спокойно. Младший Яптунай говорит: "Надо скаслать, а то тропа к чуму сильно большая стала". Дядя Манту запросился на родину: "Я поеду, от вас мне недалеко, только Енисей переехать". На другой день скаслали. Когда каслать кончили, Манту сказал: "Я вам ничего не говорил, все забывал. Не знаю, ладно ли будет, но сейчас скажу. Вчера мы женили младшего сына, не пустите ли его ко мне, а на будущее лето он придет обратно?" "Теперь мне дела нет, он женился, спроси его самого, если желает, пусть едет", сказал старший брат. Велел старший брат младшему ехать посмотреть незнакомые места и не брать много нарт, а только три. Младший промолчал, не сказал ничего, а молодуха говорит: "В той земле не то, что спокойно жить можно, а там еда в горло не катится так люди говорят". Дядя Манту потом говорит молодухе: "Правильно ты слышала о моей стороне, но когда мужчины говорят, ты не касайся. Твое дело хранить швейный мешочек и пимы. И ты не говори. Хоть и правильно, что спокойной жизни у нас нет, но ты так все же не говори".

Когда стали собираться, молодуха все же сказала мужу, младшему брату Яптунай: "Правильно мне сказал Манту, чтобы не касалась я мужских дел, но вот ты сам все узнаешь, когда будешь бродить по тундрам". Потом поехали, у Манту 1000 оленей и у младшего брата 1000. Всю зиму ехали и к весне приехали на Енисей. Там 700 чумов рода Манту. Дядя сказал: "Между скалами плотно стоят чумы, вы оставайтесь, а я пойду выбирать место для нашего чума". Видит младший брат подъехал он к чумам, те сняли два, и на их место он поставил свой.

С полгода Яптунай не различал свои или чужие чумы, 700 их было, очень много новых людей. Среди них заметил здорового сильного остяка Пыя-табы-хаби. Он постоянно оленей пасет, у него одна собака да двухгодовалый олень. Он

нарты запрягает, а 8000 оленей собирает пешком. Люди Манту ничего не работают, только едят и пьют.

Летом Пыя говорит: "Надо стадо двинуть куда-нибудь. Я уже не могу пасти 8000 оленей, а все 700 Манту дураки, если я помру, как они будут жить?" Только он это сказал, и наш бойкий дядя стал совсем дураком, как ребенок сделался, суется. Нарты они увязали, стали Манту ловить оленей и разодрались, побили друг друга до крови. Потом поехали и остановились на хребте, как Урал. 700 чумов не могли встать, но кое-как в три ряда выстроились.

Через некоторое время Пыя сказал им: "Зачем привезли сюда человека? Я видел, гуси в озере вылиняли, он человек свежий почему не едет промышлять гусей, он должен нас покормить гусятиной". Потом стали ловить оленей, куда-то собираться. У Пыи четырехгранный посох, как ударит Манту, так 2-3 головы слетают. Пыя запряг четырех хоров и говорит Яптунаю: "Вот на этих оленях я двуногих хоров загоняю". А Яптунай не понимает, каких это он "двуногих хоров" загоняет. Большой Пыя, нарта у него на четырех копыльях железная. Где сидеть - как озеро, а тюр - четырехгранное бревно, выстрогано только там, где держать.

Вот окружили озера, а там полно гусей. Собака Пыи грызет их, а он тюром их бьет. Дядя Манту толкнул свою лодку, а Яптунай за ним свою, и начали стрелять из луков. Штук по шесть-семь сбивали одной стрелой. У Манту восемь луков. Один держит, шесть в нарте, а седьмой, железный, в земле спрятан. Когда стали стрелять, Яптунай младший по 27 гусей одной стрелой перерезает. Он два раза вытаскивал на берег лодку, полную гусей, дядя Манту - один раз. До полудня перебили всех гусей, наложили три кучи. Когда вышли на берег, Пыя подъехал к ним. Один гусь остался жив. Пыя его ударил, но промахнулся. Гусь убежал. Пыя говорит: "Поезжай, убей гуся, я еще не ел твоей добычи". Младший брат послушался, толкнул лодку в воду и стал стрелять, но никак не попадает. Когда он в лодку садился, дядя ему говорит: "Не езди, худо будет". Но Яптунай не послушался. Стреляет он, не может попасть, а остяк его с берега ругает. Осердился младший брат, положил сразу две стрелы на лук, натянул сильно и спустил. Стрелы разрезали гуся, ударились друг о друга и одна попала остяку между глаз, а другая в поясницу и перерезала на три части его. Стрелы полетели дальше, в горы Манту-пэ.

Выехал младший брат на берег и говорит: "Я беды наделал, убил человека. Теперь мстить будут". А дядя Манту говорит: "Так ему и надо, у него никакой собаки нет (то есть родственников - А.П.), некому о нем и жалеть". Положили его в хальмер, гуся последнего ему под голову как пай его, нарты оставили, сломив носы, его оленей убили. Собака стала выть... и ее убили.

Поехали обратно в чум, там сколько-то пожили. 700 дядей Манту все же Яптуная не признали, стали сопротивляться. Молодушка его пришла, рассказывает: "Слышала, Манту говорят, зачем он остяка нашего убил, надо и его убить ночью, когда он уснет". А твой дядя говорит им: "Зачем убивать?" Те: "Как без остяка будем стадо пасти?" Потом другие сказали: "Надо убить, две ночи пропустим, а на третью убьем". Тогда дядя им: "Однако не терпите его убивать, он ведь знает, что мы хотим его убить".

Когда жена младшему брату это рассказала, он снял пимы, один бросил к двери, другой - в переднюю часть чума и сказал: "Пусть убьют, я две ночи поночую, три дня проживу, как три года. Сам себя ведь все равно сохранить не смогу". Наутро он вышел, видит дядя сидит невеселый, Яптунай спрашивает: "Зачем невеселый, болеешь?" "Нет, - говорит, не болею". Тогда младший брат: "Мне хочется в свою родину ехать, что скажешь?" "Поезжай, отвечает дядя, никто тебя не держит..."

Тут Сомдер Магаку прервал свой рассказ, чтобы заложить за щеку еще один комочек табаку. Я оглянулся и увидел, что все, кроме нас со стариком, спят, убаюканные тихим речитативом сказки. Спал и Максим, и я с удивлением отметил, что почти все окончание рассказа записывал без помощи Максима.

Эту старинную сказку мне так и не удалось услышать до конца. Я спросил, долго ли еще рассказывать. Старик ответил, что еще три ночи нужно говорить, потом конец будет. Нам, конечно, нельзя было оставаться на три ночи, и я решил больше не записывать. Так и не узнал, чем закончилась история с младшим братом Яптунай. А потом пожалел. Максим объяснил, что эта "лахнака" на Ямале редкая, она с Гыдана, с Таза. Когда-то енисейские ненцы - "юраки" воевали за Енисей с народом Манту. Эта реальная история, только в сказочной форме.

30 октября. Рано поутру выехали в чум Мая Окатэтта. Я торопился - завтра назначенный срок возвращения. Прошло два с половиной месяца со времени нашего расставания.

Неужели мы не сдержим слово и не приедем точно в срок? Николай Николаевич шутил, что даже экспресс иногда запаздывает на день-два. Но мне хотелось быть пунктуальным. В чуме у Мая Окатэтта пробыли недолго, провели бюджетную опись хозяйства и выехали к нашему старому знакомому Мыйти Окатэтта. Спускалась ночь. Было полнолуние. Мы ехали под предводительством Сепки, сына Сомдера Магаку. Я не смотрел по сторонам, ехал задумавшись, надеялся на знание местности проводниками.

Спустилась ночь, вышла было полная луна, но скрылась за облаками, и тьма окружила нас. Я спросил Сепку, правильно ли едем. Он ответил, что едем хорошо. А как знает? Он ответил, что смотрит на землю и узнает по ней. Подъехали к огромному жертвеннику. Ехавший с нами сын Мыйти Окатэтта сказал, что уже совсем близко. Однако я не радовался: у ненцев "близко" означает порой час-два езды. Проехали речушку Мемуо-яха, приток Наду-яхи. Чума не было, чум скаслал. После утомительного переезда и целого дня скачки перспектива ночлега в холодной тундре без чума не радовала. "Надо идти искать дорогу, куда пошел", - сказал сын Мыйти. Куда там! Черной ночью по бездорожью искать следа? Пустое занятие! Спицин из темноты прокричал, что нашел место чумового костра. Мы подошли и у костра нашли пять коротеньких колышков из рога оленя, стоявших на одной линии. Проводник сказал, что теперь знает, куда ушел чум, поспешно выдернув колышки, сел на нарту и стал спускаться под гору. Мы за ним.

Под гору он встал, и в темноте послышался его голос. Он говорил, что дорога пошла теперь надвое, и он опять не знает куда ехать. Я удивился - можно ли теперь что-либо видеть, неужели он ехал по дороге, да еще она надвое пошла. Диковинное дело. Я поехал вслед за проводником и встал за ним. Мои олени смотрели вправо, влево, понюхали землю и... пошли через ручей. Я их не останавливал, и они побежали, как я надеялся, в сторону чума. Но через полчаса мы уткнулись в озеро. Дорога оказалась неверной, и пришлось вернуться.

Я опять пропустил проводника вперед. Через час довольно скорой езды мы уткнулись в реку. Я предложил поехать на легких нартах поискать чум. Поднималась метель, но горизонты все еще были видны темными силуэтами. Наши проводники уехали, а мы прилегли отдохнуть на нартах. Я попытался задремать (как дядя Манту из сказки), но не смог. Опять тревожные мысли роились в моей голове. Слишком

много забот выпадает на мою долю в этой экспедиции. Настоящего крепкого, дружного коллектива у нас не получилось. Каждый делает свое дело, мало думает о других. Что с оленями Каргопольцева? Ведь они на мне, я - лицо материально ответственное. А что если загубят? Все приходится делать самому. Нет, с такой нагрузкой лучше в экспедицию не ездить. Весь денежный отчет будет на мне, продовольствие и инвентарь тоже. Мне хорошо было известно, что талант администратора заключается не в том, чтобы все делать самому, а чтобы заставить делать помощников. Но, увы, в моем случае этого сделать было нельзя, не рискуя весь лагерь оставить голодом или растерять ценный инвентарь. Остается "везти воз" самому, нужно лишь быть бодрее, энергичнее. Только бы не заболеть какой-нибудь чертовщиной, так как это сорвет большую и нужную работу. Такие мысли бродили в моей голове, пока я наконец не задремал.

Прошло не менее двух часов, пока нас не разбудили голоса наших проводников. Я спросил, нашли ли чум? Сепка ответил весело: "Неужели мы, два проводника, оставим на ночь без чума нашего лучшего друга Ямал-Харютти! Значит, все-таки нашли чум! Мы поехали, не пересекая реки влево, и через полчаса врезались в стадо оленей. Было уже за час ночи. Чум зашевелился, вспыхнул огонь, мы зашли и сели у костра. Это был чум старшего сына Мыйти Окатэтта. В чум старика мы так и не попали.

Нам рассказали, что "морем приехали три человека, среди них женщина. Три дня тому назад она проехала через чум Мыйти. Ищет начальника Ладымара". Я был уверен, что это Наталья Котовщикова и Валерий Чернецов. Но кто третий? И почему они у Ней-то, а не на крайнем севере Ямальского полуострова, как ожидалось? Будет ли она в стане или, не застав, уедет? Надо было спешить. Хотелось скорее в родной лагерь. Завтра двухмесячные скитания по ненецким чумам закончатся, и мы вернемся к долгожданной лагерной экспедиционной жизни. Поэтому мы не стали спать и попросили, чтобы пригнали оленей и потихоньку начали нас собирать, рассчитывая с первым рассветом выехать.

*В лагере экспедиции. - Встреча с Н.А.Котовщи-
кой. Вася Терентьев. Письма Котовщицкой,
и судьба Североямальской экспедиции. Древний
волох на Ней-то. - Ямальский ТузРИК.*

Едва-едва только засинела ночь и восток побледнел, мы распрощались с хозяевами и выехали. Проводник гнал оленей не жалея. Это езда напомнила мне возвращение с Хаэн-сале, но тут хороший снежок покрывал землю, и олени бежали легко. Передышки все же делали часто, во время одной из них я увидел в искрящемся на солнце горизонте четыре нарты, мчавшиеся к нам. Мы подождали. Это был наш старый знакомый Хасово Окатэтта с товарищами.

Ань дорово, Ямал-Харютти, приветствовал он меня. Видно, и здесь уже знали мое новое прозвище.

- Ань дорово, хынтер илен? (Здравствуй, как живешь?), - ответил я ему по-ненецки. Он засмеялся. Это был тот самый Хасово Окатэтта, который, будучи нашим проводником, сделал "хэлэсь" (калач) с нашими аннасами, заблудился в пути у реки Молодо-яха. Теперь он признался, что уснул, двигаясь впереди нашего отряда. Он говорил тогда нам, что, наверное, умрет нынче, потому что переехал свой след, а это дурная примета. Теперь я напомнил ему об этом, и он посмеялся.

Хасово решил нас проводить до лагеря, который был уже недалеко. Мы перебросили часть нашего груза на его нарты и поехали еще быстрее. Сколько проехали неизвестно, но, вероятно, не менее 60-70 верст, делая в среднем по 12-15 верст в час. Не было и полудня, когда мы вскочили на пригорок и буквально ворвались в наш стан. Собаки кинулись сворой с громким лаем, из-за чума и палатки ветеринарно-бактериологического отряда выскочили люди и изумленно смотрели на 11 нарт, влетающих полным махом в стан. Я поднял руку и приветственно махнул. Вася Терентьев бросился к нам с криком: "Наши, наши!" В толпе я увидел Наталью Александровну Котовщицкову - значит, дождалась.

Трогательная встреча, радушие, смех, общая радость по поводу благополучного свидания. Первые разговоры всех сразу и обо всем сразу.

- Были ли на Белом острове?

- Да, десять дней прожили.

- Как олени?
- Ничего, была чесотка, теперь уж почти ликвидирована.
- Где Иван Васильевич?
- Он ждет у зимних нарт, туда одно каслание.
- Как Вы здесь, Наталья Александровна?
- Пароход не дошел до Белого, высадил нас на Марре-сале.
- Вот несчастье!

По распорядку, установленному до нас, сегодня должны были каслать к зимним нартам, так как в стане кончалось продовольствие, но по случаю нашего приезда каслание отложили. Приятно было попить чай с горячими лепешками в кругу друзей за настоящим столом. После чая я осмотрел все хозяйство, инвентарь, оленей. Все на месте, олени поправились, в стане царило благополучие.

Начались более подробные разговоры. Нас хотя и ждали, но не думали, что мы прибудем точно в назначенный срок, да еще так лихо, по-тундровому, по-ненецки. Колмаков не ездил на Тамбей из-за болезней в нашем стаде. Но летом он был на Тиутей-сале и проехал по побережью Карского моря. Из-за недостатка продуктов им приходилось забивать казенных оленей. Отход стада с начала экспедиции в нашем отряде 25 оленей, у ветеринаров - 11, итого - 8,4%; это меньше, чем в ненецких стадах за то же время. Окончив осмотр хозяйства и убедившись, что все обстоит вполне благополучно, я перешел к делам экспедиции научно-исследовательской секции Комитета Севера.

Эта экспедиция вышла из Архангельска, имея намерение высадиться на северной оконечности Ямала для исследований среди местного населения и на Белом острове. В их отряде три человека: начальник экспедиции Наталья Александровна Котовщикова антрополог, Валерий Николаевич Чернецов - этнограф и археолог, зоолог Константин Яковлевич Ратнер.¹ Приплыли они на гидрографическом судне Убеко Сибири "Полярный". Судно это норвежской постройки предназначалось для китобойного промысла, но было куплено в 1915 году русским морским ведомством для поисков пропавшей экспедиции капитана Брусилова. Капитаном "Полярного" был А.М.Водохлебов.

23 августа они подошли к берегам Ямала, но тут поступила срочная радиограмма изменить курс. Экспедиция высадилась

---

¹ Полевые дневники В.Н.Чернецова изданы в 1987 году в книге под названием "Источники по этнографии Западной Сибири".

на безлюдном берегу Марре-сале. Через несколько дней к ним приехали ненцы, а 3 сентября в гости пожаловали наши Каргопольцев и Тихонов. Вместе с ними Котовщикова прибыла в наш лагерь, а Чернецов и Ратнер продвигались от чума к чуму.

Выслушав ее рассказ, я задумался. Положение у новых исследователей было трудное. Вместо того, чтобы оказаться сразу в районе исследований, на крайнем севере Ямала или острове Белом, они высадились на расстоянии 700 верст с грузом в 150 пудов и без оленей. Ненцы теперь удаляются от берега, выходят на "хребет" перед большим касланием на зимние стойбища в тайгу. Если экспедиции в ближайшее время не удастся продвинуться вперед, на север, то придется зимовать в случайном месте и без людей.

Я расспросил Наталью Александровну о снаряжении, экипировке экспедиции. Оказалось, что снабдились они весьма легкомысленно: нет теплой меховой одежды и обуви, палатка без печки. В таких условиях даже при обилии продовольствия гибла не одна экспедиция. У Пахтусова, у Литке¹ вряд ли было меньше продовольствия, но цинга их не миновала. Я не стал, конечно, высказывать все эти тревожные мысли, чтобы не поколебать их уверенности в выполнении намеченных работ. Просил только следить за предотвращением цинги и предупреждал о необходимости осторожного и тактичного отношения к ненцам. От их доброты и дружеского расположения будет зависеть все. Наташа соглашалась, с увлечением рассказывала мне о планах своих исследований. Молодые этнографы и археологи, они должны были провести археологическую разведку на ямальских побережьях, выявить какие-то следы, археологические культуры древних обитателей северных широт, которые, по их представлениям, населяли эти места еще до прихода ненцев-оленьеводов. Я рассказал о моем открытии поселений сказочных людей "сирите" на мысе Тиутей-сале. Это ее очень заинтересовало.

В свою очередь Наталья Александровна подробно расспросила меня о работе нашей экспедиции, о южном берегу острова Белого. Я дал подробные характеристики жителей Ямала, с которыми им можно было бы сотрудничать и гостить в период предстоящей зимовки. Потом мы перешли к воспоминаниям: ведь мы были знакомы еще с 1926 года.

---

¹ Литке Федор Петрович, Пахтусов Петр Кузьмич - известные русские мореплаватели, полярные исследователи.

Тогда, проезжая в мою первую экспедицию на Ямал, я встретился в этнографическом отделе Тобольского краеведческого музея с двумя студентами Ленинградского университета Валерием Чернецовым (Валей) и Натальей Котовщиковой. Оба они ехали на север с географическими и этнографическими обследованиями. Валерий - к народу манси на реку Северную Сосьву, а Наташа - к ненцам, на изучении истории и культуры которых она специализировалась. Мы вместе доехали до Березово, и здесь нам предстояло расстаться. Валерий должен был повернуть к Уралу, а Наташа - ехать на север. Чернецов уже был ранее среди манси, и ему путь и обстановка работы были известны, а Наташа еще севера не знала, не решила, куда ей направиться. Я ехал на Ямал, моя ближайшая задача - найти лечебно-обследовательский отряд Свердловского облздравотдела. Я предложил Наташе работать вместе с нашим отрядом. Валерий тогда сказал: "Тебе, Наташа, повезло, ты нашла хорошего спутника, Владимир Петрович не откажет тебе в помощи" "Ну какой может быть разговор, - согласился я, конечно, поедem вместе, а там две культурные женщины, с которыми тебе будет легко. Быть может, и работу с ненцами будешь проводить вместе с отрядом". Наташа была в восторге от такой удачи. Но в Обдорске мы все же расстались. Наталья Александровна тогда получила дополнительные задания от Обдорского райисполкома и выехала в район реки Полуй, а я на Ямал в медицинскую экспедицию. И вот мы встретились снова, уже люди опытные, знающие Север и его население - оба начальники экспедиций. Конечно же, я хотел помочь им, но как? Если бы наш отряд и стадо были ближе к Карскому побережью, к мысу Марре-сале, где остались лежать грузы, то я продвинул бы их верст на 200 на своих оленях. Но теперь этого сделать я не мог. Слишком далеко в стороне были их грузы от нашего маршрута. Я решил поделиться с ними всем, чем мог.

Первое, и самое главное - передать им из нашей экспедиции Васю Терентьева, тем более, что он и сам просил меня об этом. Так быстро, за несколько дней он привязался к Наталье Александровне. Я понимал, что Вася хоть и моложе всех, но хорошо приспособлен к тундре, знает языки и готов на смелые поступки. Он может выручить в трудную минуту, в союзе с опытным Чернецовым. Кроме того, я снабдил их брезентами для покрытия грузов, которые (по словам Каргопольцева) валялись на берегу кое-как, навалом, без прикрытия и заносились песком. И еще единственный имеющийся у нас

свободный комплект меховой одежды я передал Наташе. Также я передал ей карты-схемы ямальных побережий, схемы расположения чумов, приборы анероид, термометры, флюгера и др.

Я советовал им постараться продвинуться в устье реки Харасовой, где будет зимовать чум опытного и доброжелательного Хаулы Окатэтта - "начальника Тиутейского края". Здесь от моего имени взять Хаулы в помощь, организовать в его чуме продуктовую базу, просить его двигаться на Север, хорошо платить ему, если возьмется за это дело, и, опираясь на его чум, легкими нартами вести исследования среди ненцев, объезжая окрестные чумы. Если не удастся им продвинуться к Харасовой, то дело может сложиться плохо, и судьба экспедиции и, тем более, ее результаты будут поставлены под вопрос.

Опустилась ночь. Наталья Александровна осталась ночевать в моей палатке. Я ушел в чум к пастухам. Долго не мог уснуть думал о молодых ленинградцах. Что еще можно сделать для них? Не нравилось мне то, что им в сумме всем четверым (с Васей Терентьевым) едва минуло 80 лет. Не видел еще Полярный круг таких молодых ребят, одиноко заброшенных в снежную пустыню со свирепыми морозами, жестокими ветрами и стужами. Если они погибнут, то в этом будут повинны пославшие их. Что нужно было им делать, раз пароход не дошел к Белому? Ясно, нужно было вернуться в Архангельск и перезимовать на своих обычных местах, чтобы в следующем году начать путешествие. Но для этого надо было иметь выдержку! А если бы я сам оказался в таком положении - сошел бы на берег или вернулся в Архангельск? Скорее всего поступил бы так же, как эти ребята. Конечно, они не могли отступить и возвратиться ни с чем "на зимние квартиры". Это их судьба.

2 октября. Утро. Вышли в касание к зимним нартам. С нашими оленями обозы опять пошли тяжело. Видно все же, что они слабее ненецких, на которых мы привыкли гнать бешеным аллюром. Под Николаем Николаевичем один олень "пристал", лег и пришлось его заменить. Я тащился кое-как, "на тюре", все время подгоняя оленей, которые тянули как будто из последних сил. Это короткое касание напомнило мне наши первые переходы до фактории Щучья, когда я впервые приехал в стан и увидел, как 13 полуживых от усталости оленей более сильные животные везли на нартах как груз. Никто не догадался тогда проверить нагрузку нарт, а, оказалось, там были нарты до 13 пудов весом, которые и

"резали" оленей. После моего приезда ни один олень не упал в упряжке, так как я разложил все более равномерно, а кое-что вернул на факторию.

Что же теперь? Тяжелых нарт нет, надо полагать, что тяжела дорога или олени плохо поправились. Я решил ждать снега, прежде чем идти на юг, к Обдорску, весь стан "перешерстить", оставить или раздать ненцам малоценные грузы, а важное, но не нужное в дороге отправить с попутными ненецкими чумами.

Наконец, мы подъехали к изящной маленькой палатке Каргопольцева и Тихонова. Над ней вился красный флаг. Встреча с Иваном была теплой, ни тени, ни намека по поводу наших прежних недоразумений. Я был этому рад. Опять расспросы, опять рассказы, судя по которым поездка Ивана Васильевича по побережью Карского моря даст хороший материал для проекта устройства фактории Госторга на Марре-сале или в устье Харасовой. Вечером мы организовали редкий для нас праздник - встречу и сбор всех под одной крышей...

Следующие два дня прошли в сборах Натальи Александровны и Васи. Васю мы снабдили бельем в складчину и другими одеждами. Он наш спутник от самого Обдорска, нужно и о нем сказать несколько слов. Вася - сын заведующего факторией на реке Щучья Ивана Григорьевича Терентьева. Весь тяжелый весенний путь до реки Тиутей он жил с нами в палатке и внес много веселых минут в наше общество. Этот талантливый паренек знал, не считая, конечно, русского, три языка - ненецкий, хантыйский и коми-зырянский. Как-то раз он перевел на ненецкий язык известную русскую песню "Катюша" и часто распевал ее в чумах у костра. Ненцы обычно поют монотонные песни о том, что было с ними, что видят вокруг, о былой жизни. Слушая Васино пение о "разрушенном заводе" и о восстановлении его "по кирпичику", тундровые жители принимали его рассказ за правду...

Нг'арка мал' а нэ (На конце большого города)
Ман' г н'уд ненча нгы (У очень бедных людей)
Мань адимым... (Я родился...).

Пожилые женщины говорили что-нибудь вроде: "Как ты маялся, однако, а такой молодой...". Это было забавно наблюдать.

И вот теперь наш Вася уезжает в новую экспедицию, ему предстоит зимовать на крайнем севере Ямала. Как-то еще будет?

5 октября Наталья Александровна и Вася выехали в направлении Марре-сале. Я смотрел, как она неумело еще правит оленями, и думал, все ли я сделал, что мог сделать для них? Три упряжки быстро скрылись за ближайшим холмом, потом еще раз мелькнули у горизонта, и больше я их никогда не видел...

Эта экспедиция закончилась трагически - погибла начальник экспедиции Наталья Александровна Котовщикова. Все подробности ее трагической гибели установить не удалось. Работа участников экспедиции была построена так, что друг о друге они подолгу сведений не имели, и помощь было оказать трудно.

Теми немногими еще непубликовавшимися документами, которыми мы располагаем, можно пролить новый свет на эту полярную историю. В январе 1929 года, когда я находился в Обдорске, готовясь выехать в маршрут на зимние стойбища ямальских ненцев, мне передали два письма от Натальи Котовщиковой. Эти письма дают представление о жизни их экспедиции при ее движении на север. Они, думаю, будут интересны для читателя.

10 ноября 1928 года
Верховье р.Таню-яха.

✦ Многоуважаемый Владимир Петрович!

Наша экспедиция выбралась, наконец, на главный водораздел со всем своим грузом, и теперь мы движемся на север по хребту. На Порнэ-сале к моему приезду туда груз доставлен не был из-за штормовой погоды, так что мы вывезли все на оленях. Здесь мы чрезвычайно обязаны действиям, очень большой энергии, находчивости и такту, которые проявил Вася. Можно без преувеличений сказать, что без него мне не удалось бы вывезти с рации все продовольствие и снаряжение. Правда, за первый перегон до р.Морды мы заплатили по своему бюджету бешено много, но зато теперь нас везут от чума к чуму бесплатно, и это совершенно не возбуждает недовольства самоедов. Правда, сейчас здесь много чумов, которые подкочевали к водоразделу и везут нас, как говорят, "народом", то есть много чумов дают по нескольку нарт, так что для отдельного хозяйства мы не обременительны. Продовольствие придется экономить, но до июня нам

хватит, а тогда мы рассчитываем получить с ненцами еще продукты.

Вообще все складывается, будто бы, вполне благополучно. Лодка будет доставлена в устье Харасовой ранней весной, так что летом мы ее будем иметь у Белого. Настроение у всех повышенное, увлечены своей палаткой, в которой поставили довольно удачно печку фабрикации Валерия Николаевича и Васи. Вчетвером в ней вполне возможно работать. Относительно норвежского парохода удалось получить дополнительные сведения. Песимо Окатэтта жил в нашей палатке шесть дней и чрезвычайно охотно рассказывал о своей поездке к норвежцам. В этом году было два парохода, команды на обоих около 30 человек. Норвежцы пытались вступить в торговые отношения с ненцами, просили песцов (единственное слово, которое они знали, по словам Песимо, это было "ного"). Песцов у морских промышленников, разумеется, не оказалось с собой, и сделка не состоялась.

Капитан парохода показывал Песимо морские карты и пытался расспросить, по-видимому, о подходе к рекам Тиутей и Пясадай. Договориться они не смогли из-за отсутствия переводчика. Ненцы предлагали нам всем в будущем году приехать на Карское побережье и в августе съездить вместе с ними на норвежский пароход. Один из норвежцев здесь постоянный гость. Это было бы чрезвычайно интересно, и, возможно, кто-нибудь из нас постарается приехать для этого на Харасовую. Может быть, я ошибаюсь, но, мне кажется, Вы несколько преувеличиваете опасность этого предприятия. Боюсь, что это не удастся просто из-за невозможности уехать так далеко от пролива и острова Белого в самое горячее время, когда надо будет вести гидрологические работы там и съемку острова. Вообще нас убивает, что пароход Убеко Сибири приходит так рано, возможно, что мы останемся еще там до половины сентября, отправим весь груз пароходом, а сами выедем на легковых в Новый Порт, откуда последний пароход уходит сравнительно поздно. Все это, разумеется, очень гадательно, и сейчас об этом трудно писать и говорить.

Вопросом первостепенной важности я считаю сейчас положение с Васей. Он узнал от ненцев, что его дядя и отец оба арестованы и высланы в Тобольск. Мы послали телеграмму в Обдорск с извещением о зимовке и получили ответ, где сообщалось, что все здоровы и об его отъезде и снятии с работы не было ни слова. Вероятно, просто дома не хотят

портить ему зимовку. Сейчас я спешно отсылаю его заявление в Ленинград, то есть важно, чтобы оно было получено там зимой, а не весной в начале учебного года, я боялась, что мое письмо не застанет Вас на фактории или в Обдорске. Для Васи крайне ценно было бы получить кроме простой справки о том, что он работал добровольно с мая по октябрь в Вашей экспедиции, еще и отзыв о его работе. Может быть, Вы помните ту бумажку, которую Вы написали Лебедеву¹ перед его отъездом в Ленинград еще в Свердловске. Вы писали ее как член партии с 1917 года, и она имела для него определенную ценность. Было бы хорошо, если бы подобную характеристику Вы написали и Васе. С такой же просьбой я обращаюсь и к П.П.Королеву как представителю зоотехнического пункта, который тоже пользовался услугами Васи во время работы. Большой минус, конечно, что Вася не комсомолец и не член Союза, но ему всего 15 лет, и я надеюсь, что его еще примут. Важно подчеркнуть, что он жил самостоятельно и работал по найму. Фактически это в значительной степени так и было, судя по его словам. Он, безусловно, способный мальчишка с повышенными запросами, и я уверена, что из него может выйти прекрасный работник на Севере. Во всяком случае, ехать учиться ему необходимо, и мы этого добьемся, но Ваше содействие здесь очень облегчило бы и упростило это дело. К работе нашей экспедиции он относится чрезвычайно горячо, и у него прекрасные отношения с В.Чернецовым и К.Ратнером.

За все, полученное от Вас - сведения, снаряжение научное, брезенты и др. примите самую искреннюю благодарность от всей нашей экспедиции. "Трубка мира" и коробка "Сафо", которые пожертвовал П.П.Королев (еще ценность тут в том, что и то и другое было последнее!), доставили много отрадных минут. Для метеорологической будки мы приспособили ящик от зоологического снаряжения, затем поставили флюгер и наблюдаем. Часы поставили по солнцу и буссоли. Они у нас остановились у всех троих, как хронометры у Нансена (да простят мне боги это сравнение!). Пожалуйста, передайте мой большой привет всей Вашей экспедиции, д-ру Колмакову, И.А.Тихонову, Обросиму Никандровичу.

Ваша Н.Котовщикова

---

¹ Лебедев Ф.Н. принимал участие в переписи населения 1926 года на Ямале.

Следующее письмо помечено 27 ноября. Место отправки - река Тамбей, самый север Ямала.

Дорогой Владимир Петрович!

Стоим у реки Тамбей. По-видимому, это уж действительно мое последнее письмо к Вам. Случайно во время каслания встретили чум Тусида, который едет на Щучью. Зимующих чумов в этом году осталось порядочно. Я знаю 8, вероятно, есть еще. У нас все пока очень благополучно, до верховий реки Яхады осталось 5 касланий, там мы останемся зимовать. У меня к Вам следующая просьба. Пожалуйста, весной, когда будете уезжать, пришлите расценки на все взятое у Вашей экспедиции снаряжение (т.е. aneroid, 2 термометра, рулетку, буссоли). Когда я брала у Вас все это снаряжение, книга была где-то далеко запрятана, и в моих росписях стоимость всего этого не указана. Вчера олень разбил нам нормальный термометр, так что мы составим акт и заплатим за него.

Возможно, что мы вернемся через Архангельск, я думаю, что придет шхуна, вернее, промысловый бот... (неразборчиво). Он должен был придти в этом году, но из-за льдов вернулся с Новой Земли. Было этих шхун две, одна разбилась у Вайгача. Шхуна "Б.Житков" потерпела аварию у Диксона, если узнаете что-нибудь о ее судьбе, то, пожалуйста, напишите. Это судно Комитета Сев. морск. пути (Омск), и на нем поехал один московский зоолог, с которым я состояла в Архангельске в дружеских взаимоотношениях. Кроме того, капитан "Житкова" Каминский оказал несколько услуг нашей экспедиции, и мне интересно, как и что, и где он теперь. Вообще будем ждать от Вас письма. Всего хорошего. Надеюсь, что в сентябре 1929 года встретимся в Питере.

Ваша Н.Котовщикова

Приписка: Вася просил передать привет особо. Привет большой всей вашей экспедиции от Сев.Ямальской.

Но встречи в Питере в 1929 году не было. В июле 1929 года Наталья Александровна Котовщикова скончалась на мысе Хаэн-сале в полном одиночестве от цинги и холода.¹ Вот записки, написанные в последние дни жизни, адресованные своим спутникам по экспедиции.

---

¹ См. книгу А.Омельчука "Рыцари Севера" - Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982.

Валя и Котя!

Это письмо рассчитано на то, что мы не увидимся. Я оставляю базу и иду к Коте на Яхады.

Хаэн-сале. У берегового знака, поставленного Евладовым в августе 1929 года.

В.Н. (Чернецову)

В случае моей смерти тебе придется воспользоваться частью собранных мною материалов для отчета. Мне очень скверно. Сейчас все время сильный озноб и временами судороги.

30 июля 1929 года.

Милый Валя. Пишу в чуме Тероку рано утром, когда все еще спят. Мне очень нездоровится, кажется, у меня началась цинга. Очень сильная слабость, и припухли десны. Вероятно, от хронического недоедания.

*16 (августа) 1929. Береговой знак Хаэн-сале.
Костя.*

За Вами приедут завтра и привезут сюда. Мне страшно нездоровится и лежу здесь без палатки. Захвати (ла?) все имущество.

Н.

Это была последняя записка. Из-за бурана Константин Ратнер не смог прибыть на мыс Хаэн-сале вовремя. Когда он приехал, Наталья Александровна была уже мертва. Небольшой памятник, огражденный корабельными цепями, и сейчас стоит над одинокой могилой на Ямале.

Маршрут нашего возвращения был намечен вокруг озера Ней-то, которое мы решили обогнуть с востока. Так путь был длиннее, но нам интересно было осмотреть и промерить водораздел между озерами Ней-то и Ямбу-то. Наш осмотр показал, что водораздел между двумя озерами очень мал - всего 190 шагов. Да еще в середине этого перешейка расположено маленькое озерцо Луце-хавы-то (Умерших русских озеро). Это озеро у ненцев считается священным. По поверьям, из этого озера нельзя брать воду. Выходов из реки Се-яхи в озеро Ямбу-то мы нашли три, но все они были настолько малы и мелки, что неспособны пропустить ни одно

судно. Восточнее, в 5-8 километрах от Ямбу, эти ручьи сливались и образовывали реку.

Исторические справки говорят о том, что в XVII веке и ранее, во время походов новгородских "ушкунников", длина волока здесь была более 4 километров. Разница с современным положением настолько велика, что можно было сделать вывод о постепенном естественном уменьшении перешейка. Нас интересовали практические возможности современного судоходства по древнему мангазейскому пути, проходившему в этом месте. Легкие плоскодонные лодки и баржи и сейчас могут быть переданы через волок, но сравнительно небольшие земляные работы в песчаном грунте могли бы сделать возможным сквозной проход. Это имело бы большое значение для улучшения коммуникаций между западным и восточным берегами полуострова Ямал.

От озера Ямбу наша экспедиция ушла, разбившись на два отряда. Легкий отряд в составе Колмакова и Каргопольцева был отправлен по побережью Обской губы, а мы двинулись вдоль хребта, ближе к его восточному склону. Движение было организовано по отработанной схеме ненецких кочевий: один день касание и один день остановка, работы и исследования, затем опять касание.

Продвинувшись к югу, мы вступили в полосу, пронесшейся здесь летом копытной болезни. Копытка встречалась и севернее Ней-то, но здесь она приняла характер народного бедствия. Много оленей пало, много пришлось забить, чтобы успеть использовать мясо и шкуру. Мы начали поголовный "копытный" опрос во всех встреченных хозяйствах по заранее разработанному бланку. Поэтому двигались медленно.

25 октября мы вышли к реке Юрибей. Здесь повстречались с сотрудниками Ямальского туземного районного исполнительного комитета - или просто ТузРИК. Председателем ТузРИКа был Марк Худи, а секретарем - русский А.Медведев. Я много расспрашивал их о работе туземного исполкома. Работа ТузРИКа имела два главных направления - судебные дела и сбор самообложения. Главное - судебная работа, так что ТузРИК скорее представлял собой Тузсуд. Ямальский ТузРИК в 1928 году не охватывал всей территории полуострова, всей массы кочевников. Территориально он освоил лишь южный Ямал до реки Юрибей. Севернее этого рубежа ненцы не знают и не признают свой ТузРИК.

На Ямале имелось также три родовых Совета, но они фактически никакой работы не вели. Во главе Совета рода Окатэтта стоял хорошо мне знакомый Гапти. У него 2000

олений, и кроме работы в Совете он вел сбор "приклада" в обдорскую церковь. Вот так председатель! Гапти, к тому же, бывший родовой старшина. Вообще, он щедрый и умный человек, пользуется авторитетом в тундре, но... он не может проводить политику советской власти в массы.

Председатель родового Совета Худи Яудор Худи имеет 300 оленей. Это небогатый человек. Уполномоченный ТузРИКа по работе в своем роде Сюэку Езынги имеет 200 оленей, это бедняк, но пользующийся авторитетом, с большим чувством собственного достоинства и независимым твердым характером. Он мог бы возглавлять ТузРИК и проводить мероприятия райкома партии в ямальской тундре. Но, кажется, его в райкоме недолюбливают или побаиваются.

Другие уполномоченные Худи Хандику, например, и Нябы Хороля богачи, имеют тысячи оленей. Советской работы эти старики не ведут никакой. Скорее всего дело с самоуправлением закончится следующим: родовые Советы будут упразднены, а административное устройство кочевого населения перестроено по территориальному принципу.

22 октября ударил первый крепкий мороз. Днем было -23°C , ночью ртуть упала до -27°C . Я спал зябко, все мерещилось что-то. Во сне видел своего сына Путика: мы где-то за Полярным кругом, в большой комнате, в компании. Он стоял на стуле на коленках над столом и что-то рисовал, по своему обыкновению. Волосенки спустились и уголки отложного воротничка его серой рубашки торчали как обычно. Я как будто лежал в спальном мешке и разговаривал. Когда обратил внимание на Путика - он сильно замерз, ручки холодные, но он все рисовал. Я позвал его, и он забрался ко мне в мешок. Когда я проснулся, мне было досадно - почему раньше не обратил внимания, что сынок замерзает, и жалость, и любовь к сыну охватили меня. Но прочь эти мысли! Впереди еще полгода скитаний по тайге и тундре. Нельзя расслабляться, нельзя отдаваться мыслям о доме, жене, детях. Вопросы тепла и комфорта меня уже не волновали: я привык к малице, нартам и чуму, где мне всегда было жарко, несмотря на минусовую температуру.

6 ноября мы вышли к озерам Ярро-то. Отсюда на легкой нарте я выехал на факторию Новый Порт, а база экспедиции продолжала без меня двигаться к Обдорску. Я приехал в Новый Порт как раз к празднику Великой Октябрьской социалистической революции и пробыл там неделю. Вел работу по обследованию и ревизии факторий, потом уехал вдогонку нашему отряду.

Весь последний месяц кочевки был очень тяжелым, особенно из-за недостатка продовольствия. У нас кончились все продукты - не было муки, хлеба, крупы, сахара и масла. Баранки были позеленевшие от плесени, но мы их не выбрасывали, берегли. В эти дни я особенно боялся цинги в наших рядах. Но все прошло благополучно. 12 декабря мы подошли к Оби, перевалили через реку по заснеженному льду и 20 декабря вечером вошли в Обдорск. Главная часть экспедиционного маршрута и работы была закончена. Почти 10 месяцев непрерывного путешествия и тяжелой физической и психологической нагрузки требовали отдыха.

ГЛАВА 8

Съезд туземных советов Ямала. Статистика ямальского оленеводства. На таежных факториях. - Ненецкая свадьба. - Годовой цикл кочевья на Ямале. - Возвращение в Обдорск.

В Обдорске мы сразу приступили к переформированию экспедиции для зимних работ. Я предполагал выехать в самую гущу зимних стойбищ ямальцев на реки Ерудей, Надым, Полуй вместе со Спициным и Ядопчевым. Королев должен был работать в том же районе, но несколько обособленно, по своей программе, включив в зоотехнические наблюдения не только ненецкие, но и зырянские оленеводческие хозяйства. Иван Каргопольцев закончил свои работы и был откомандирован в Свердловск.

Весь январь и половину февраля я пробыл в Обдорске. Темные, закопченные деревянные домишки уже не казались мне унылыми и невзрачными, как это было сразу после приезда из Свердловска. Теперь, после ямальской тундры, мы научились ценить тепло, уют, обеспеченность питанием и уверенность в завтрашнем дне. Много было дел по обработке материалов, анкет, переписных бланков. Научным сотрудникам экспедиции П.П.Королеву и Н.Н.Спицину я дал задание написать предварительные отчеты по своей тематике до выезда на зимние полевые работы. Требовалось также отправить многочисленную корреспонденцию с уже обработанными материалами и докладными записками в Уралоблисполком,

Уралгосторг, Комитет Севера в Москву и другие организации. Это заняло весь январь.

В Обдорске в это же время начал собираться районный съезд советов. Я был приглашен сначала в качестве гостя, а потом кооптирован съездом как делегат с решающим голосом. В это же время прошел съезд туземных советов Ямала. Пригласили и меня. Это небольшое заседание заняло не более двух часов и потом больше не возобновилось, в то время как заседание районного (не туземного) съезда советов длилось целый день, и часть вопросов была перенесена на следующий. Вот как прошел туземный съезд советов.

Собралось более сотни оленеводов - в красивых малицах и гусях, с ножами на поясах. Заседание представителей туземных советов открыл председатель Обдорского РИКа тов. Чусовитин. Он долго объяснял собравшимся, что они, "выборные люди", есть "хозяева района". Избрали президиум: Лангри Вануйто, Марк Худи, Сюеку Езынги, Нумеда Пуйко, Чусовитин. Я не был избран в президиум, но, заметив, что заседание не стенографируется и протокол по всем правилам не ведется, стал делать собственную запись выступлений участников съезда.

Оглашается повестка дня из следующих вопросов.

1. Отчет райисполкома.
2. Отчет тузсовета.
3. Выборы райтузсовета, ревизионной комиссии.
4. Вопрос о самообложении на 1928-1929 гг.
5. О революционной законности в тундре.
6. Текущие дела.

Слово для приветствия от Уралоблисполкома было предоставлено мне. Я разъяснил суть политики советской власти на Севере, пожелал "выборным" внимательно слушать и правильно решать свои дела.

Доклад Чусовитина. После общего вступления об укреплении авторитета РИКа в тундре докладчик перешел к практическим вопросам, наказам тузсовета и родовых советов - как они выполнялись.

В прошлом году просили давать ссуды деньгами - теперь их даем. Просили передать туземцам дом в Обдорске - теперь он есть. Можно заезжать (ненцы слушают внимательно, иногда выходят к оленям). Просили в кредит рыболовную сеть и хлеба перед промыслом - кредит разрешен в размере 30% от промысла. Просили открыть хлебозапасный магазин - теперь

он есть, в нем 4000 пудов муки, за которой можно обращаться в РИК. Просили отпускать муку из этого магазина подешевле - но этого нельзя. Таков закон. Просили разрешить лов песца-крестоватика и синяка - это не разрешено, всесоюзный запрет. Но недобор на дешевых крестоватиках и синяках будет компенсирован увеличением цены на хорошего, выходного песца. Обижались на отказ в угощении на фактории - этого сейчас не разрешено, чтобы иметь "чистые" расчеты с вами, чтобы вас не обманывали. В прошлом году не хотели, чтобы была фактория в Новом Порту, а ее открыли, и теперь местные люди говорят, что хорошо сделали.

Так обсуждалось выполнение наказов ненцев. Начались вопросы.

Сюеку Езынги. Приехал я на Марре-сале (фактория), думал чаем поить будут не поят. Еще приехали много бедняков, ни у кого ничего нет. У меня был песец - продал и деньги все раздал, только и хватило всем выпить чаю. Летом бедняков оставили без хлеба, я ехал сюда с Марре-сале, и каждый просит. Я все раздал. Рыбу бедняки не добыли, кредиту нет. Что им есть? Как жить будут? У меня теперь долг на фактории 300 рублей.

Макар Езынги. Рыбы я не добыл, кредиту нет, есть нечего. В Обдорске есть магазин, да как мы туда попадем из тундры?

Хуненда Филипп. У нас на рыбных промыслах нет тузсовета и некому жаловаться. Когда сдаем улов, у богача всегда рыба лучше, хотя он привозит и плохую рыбу. Привезешь много - окажется мало, а у богачей всегда много. И еще не надо рыбу принимать по сортам, что введено с нынешнего года. Мы теряем много времени на сдаче рыбы, три дня ждали приемщика, 300 пудов рыбы приняли 2 сортом, потому что подсохла на солнце, а у нас нет презентов.

Исак Макаров. Крестоватиков ловить нельзя, синяков нельзя, а "соровой" (хороший) песец был, да убежал. Как теперь будем? Когда был крестоватик на местах, не добыли, а теперь он разошелся.

Нябы Сэротэтта. Рыбы летом не добыли, а крестоватика нет. А раньше его добудешь, сваришь, муки подболтаешь и можно жить. А шкурки богачу продашь - 10 шкурков за оленя.

Яптоку Худи. Крестоватика добывали, было хорошо. Если рыбы не добудешь, возьмешь десяток, поедешь к богатому, он вангоды даст, да еще на поддержание даст быка - лодку возить. Слышно, линных гусей запрещают бить, как будем жить? Яйца берем, болтушку с мукой делаем - теперь нет. Всю осень я маюсь, ловлю песца ни одного не поймал. Зайдут три-

четыре в норы, капкан поставлю, дыры заткну не идет в капкан, стороной дыру делает. Сейчас есть два "кормленка" их сдал, пока кормлюсь. Потом поеду к оленщику, он пудов десять хлеба даст, вангоды на мясо, так и проживу зиму. А приеду к русскому - он ничего не даст в долг.

Евладов: Чем ты заплатишь за хлеб?

Яптоку: Поеду летом в сор (озеро), рыбы добуду, расплачусь, а не добуду - он не просит, подождет.

Голос: Раз даст, два даст, а потом не даст.

Затем начинается доклад Марка Худи. Он сообщил, что тузсоветом по самообложению собрано 1080 рублей.

Чусовитин: Как работали родовые совета?

Марк Худи: Некоторых советов еще не видели. А другим говорили как работать, они и работали.

Медведев: Председатели Сюеку Езынги и Худи Хандику работали, собрали самообложение. Нябы Хороля и Яптики не работали, Окатэтта еще не вышел.

Сюеку Езынги. Я разбирал одно дело. Сначала дело не кончили, но потом стороны меж собой порешили, что потерпевший получит оленя с вора. Воровал Вануйто у Маханы Окатэтта. Поехал я посмотреть на это дело, говорят: "Махана не того оленя ловит, которого разрешил Вануйто взять". Опять вышел скандал, опять драка, с той поры дело так и не рассмотрено (аудитория обсуждает этот конфликт).

Некоторые говорят, что не слышали о тузсовете, хорошо ли, плохо ли он работал, так как живут далеко. Они жили по левую сторону "хребта", а кто жил с советом вместе, худого не слышал.*

Медведев. По ту сторону хребта есть родовой совет Нябы Хороля, что он делал?

Чей-то ответ: Он передал дела другому.

Медведев: Он не имеет права без собрания это делать. Он ничего не работал, и сейчас не надо таких выбирать.

Нярья Хороля. Ко мне приехали Еремзи и Нябы (богатые оленеводы). Я стал спрашивать Нябы о деле. Он сутки ничего не отвечал. Еремзи сказал, что незачем такого выбирать, и велел передать бумагу другому. Я увез ее Хэму Хороля - он сейчас, значит, вместо Нябы. Он тоже выборный.

Медведев: Не он, а его отец (пауза).

Чусовитин: Нет желающих говорить?

Все: Ничего не можем сказать.

Чей-то голос: Мы хотим, чтобы здесь чай давали и мясо, и рыбу, и масло.

Чусовитин: Бедным даем даром, а с богатых берем плату.

Тот же человек: Все равно что бедные, что богатые. Мы от них едим. Когда у нас нет, мы едем к ним, они мясо дают. У нас нет дров, ничего нет, жить нельзя по-прежнему, мы бы добывали крестоватика и синяка и с ними бы вышли на факторию, а теперь приходится нам жить и ждать.

Тукуле Худи. Мы потому молчим, что закрыли вопрос с крестоватиком, синяком и кормленками, а то бы все заговорили об этом.

Чусовитин: На сколько рублей добывали тогда?

Ответ: Не считано, не помним.

Чусовитин: Как же так?

Кто-то: В хороший год 50 или 100 крестоватиков на хозяйство.

Нумеда Пуйко: Почему раньше добывали крестоватика отцы и деды наши и нам осталось, и он (песец) не переводится?

Чусовитин: А почему вы мало добыли?

Нумеда Пуйко: Потому, что мыша не было. Иные годы мыша столько, что снег черный, а нынче столько нет. Иногда весной, когда мыш уходит и старый песец за ним уходит, берем, сколько можно унести, а остальные пропадают.

Чусовитин. А норы раскапываете?

Ответ: Копать нору нельзя - это дом песца, мы его очень бережем. А вот как деньги старые царские и советские, куда их девать? (показывает две бумажки царские по 100 рублей).

Чусовитин: Это что за богатство? Ерунда! Есть люди, у которых этих денег пропало сотни тысяч, и, если бы они стали действовать, на эти две сотни нельзя было бы ничего купить.

Евладов. За каждой советской бумажной деньгой лежит в казне золото, потому деньги крепкие. Царские бумажки пустые, за ними золота нет, и они ничего не стоят. Такие же были наши военные деньги. Теперь за каждой нашей бумажкой лежит золото. На бумажке есть номер, и за этим номером в казне лежит золото. Поэтому наши деньги из года в год в цене не падают.

Чусовитин: Начинает формулировать постановление съезда.

1. Основные наказы выполнены.
2. Просить РИК выдать ссуды беднякам.
3. Учредить ветучасти при тузсовете.
4. Учредить должность уполномоченных от РИКа.
5. Считать правильным перенесение внимания в сторону туземных масс.

Нумеда Пуйко: Летом ездили на Марре-сале, у друга один олень захромал. Лекарь лечил, олень пропал. Потом еще один заболел. Лекарь лечил, лечил нога как весовая гирия стала. Он сказал - убить надо. Убил, ногу отрезал, увез. Разве так лечить надо?

Голоса: Не нужен лекарь при тузсовете!

Евладов: Неверно решить хотите. У вас беда за плечами. Мы хотим к ней приготовиться, хотим научиться лечить оленей. А вдруг большая "сибирка" придет, как в 1911 году? Сколько оленей погибнет!

Чусовитин (раздраженно): Мы хотим учиться, у нас оленей нет, шаманов ваших пошлем к черту и вам советуем!

Реплика: Чего пустяки говорить, если так будет говорить, мы все встанем и уедем.

Вопрос о лекаре для оленей сняли.

Чусовитин: Следующий вопрос самообложение. Собрали 1080 рублей, с Урала 2000 рублей. Ремонт дома для вас сделали. Куда девать остатки? Надо свой Дом туземца строить.

Решено было пока не ставить вопрос о новом Доме туземца, поручить это решить выборным, а самообложение продолжить собирать. Начались выборы в родовые советы. Выбрали Макара Худи, Пуйко Хэуко, Вануйто Сепку, Езынги Сюеку, Хороля Хэму, Няруй Ивана. Далее возник вопрос о вотчинах. Стали жаловаться вотчинники теснят бедняков, разрушают слопцы, не дают промышлять рыбу.

Майдана Вануйто: Мы - бедные вотчинники и распределяем места кочевков, но придет богатый и нас теснит. Бедняк много мха не испортит.

Чей-то слабый голос: Мы, бедняки, никогда не поправимся, потому что не умеем водить оленей.

Нярья Хороля (вотчинник, богатый оленевод): Этот разговор надо совсем оставить, он ни к чему.

Сюеку Езынги (бедный вотчинник обращается к Чусовитину): Зачем Вы вмешиваетесь в наши дела? Надо ехать. Демонстративно собирается, выходит.

Другой бедняк: Нет, он правильно говорит, вотчинники все богатые, им хорошо.

Медведев: Вопрос о вотчинах стоит остро. Много говорят бедняки, что вотчинники их обижают. Мамонтову кость, находки все велят делить пополам и проч. Если в 1924-1925 годах было недовольство туземцев грубым обращением к ним экспедиционных отрядов, то нынче я расспрашивал об экспедиции и бакотряде, ничего плохого не было. Говорят, что

"один русский с бородой" (смотрит в мою сторону) все им рассказывал, и они довольны.

Чусовитин (вдруг заговорил о калыме): Вы продаете людей, а по нашим законам людьми торговать нельзя.

Сразу слышались реплики, но явно недоброжелательные, многие встали и покинули помещение.

Тэмзу Наречи: Раз вы говорите о калыме, то порвите все наши предыдущие бумаги - они ни к чему (встает и выходит).

Собрание закрывается. Съезд туземных советов Ямала закончил свою работу.

У меня оставалось еще несколько свободных дней до выезда в поле, их я посвятил обработке наших летних материалов по статистике ямальского оленеводства, общий же отчет по оленеводству на Ямале взялся готовить П.П.Королев. Какое же место занимает наше уральское оленеводство в мировом масштабе?

Всего на земном шаре насчитывается около 3168000 домашних оленей (цитирую по материалам Пушносиндиката, доклад Ю.И.Кудрявцева):

СССР	2 138 000
Аляска	500 000
Швеция	270 000
Норвегия	140 000
Финляндия	120 000
<hr/>	
Всего	3 168 000

Таким образом, 67,5% мирового оленеводства находится в СССР, и наша страна может являться монопольным представителем оленеводческой продукции на мировом рынке.

Распределение поголовья домашних оленей в пределах СССР в общих цифрах дала Приполярная перепись 1926 года, тыс.голов (%):

Камчатский и Чукотский края	700 (23,0)
Тобольский Север	400 (18,8)
Коми область	400 (18,8)
Красноярский край	170 (8,0)
Колымский край	130 (6,7)
Архангельский округ	120 (5,7)
Мурман	50 (3,3)
Булунский округ	45 (2,1)
Николаевский округ	42 (2,1)
Верхоянский округ	25 (1,0)
Прочие округа и области	56 (2,1)

Уральское оленеводство, таким образом, в балансе народного хозяйства Севера СССР в 1926 году составило значительную величину. Предметом нашего исследования стало ямальское стадо, численность которого статпереписью 1926 года была установлена в 296 518 голов. Уральский облплан рекомендовал нам сосредоточить статистические разработки на таких аспектах, важных для планирования, как: половозрастной состав ямальских стад и их сезонное движение, яловость, непроизводительный отход (болезни, травеж) и забой. Эту работу мы проделали.

Состав ямальских стад, по данным бюджетных бланков нашей экспедиции и бланкам ЦСУ статпереписи, представлен таким образом, %:

	Показатели * статпереписи 1926 года	Ямальской эксп.
Важенки	35,8	32,0
Производители (хоры)	3,2	3,7
Быки ездовые	28,5	24,4
Меноруи		1,5
Хаптырки	...	0,4
Молодняк от 1-2 лет	13,6	13,6
бычки		5,8
самки	...	7,8
Молодняк до 1 года	18,9	22,4
бычки		8,9
самки		13,5
Итого	100	100

* ... - нет данных.

Понятие яловости, по показаниям ненцев, применяется ко всем важенкам, гуляющим в стаде без пешек, т.е. яловыми переписчики могли посчитать не только неродивших самок, но и потерявших своих телят по какой-либо причине. Эта ошибка, несомненно, проявилась в статпереписи 1926 года. Так, перепись отметила яловость по Мурманскому округу в 20%, по Туруханскому 20,8%, по Тобольскому краю 18,5%. Эти статистические цифры с реальной "чистой" яловостью не имеют ничего общего. Нам удалось установить этот процент для 1928 года в 3,9, а для 1927 в 4,4. Это и есть "чистая" яловость.

Ненцы называют важенку, способную родить, но не родившую - "вангоды". Число вангоды и дает чистую яловость. При

родах же сразу начинаются потери телят. Наибольшая часть их гибнет от буранов и мороза, которые губят не успевшего обсохнуть теленка. Другая часть зашибается быками во время отела, что вызывает необходимость отделения маточного стада. Часть пешек гибнет в период кочевов. Если оленевод, заметив выбившегося из сил теленка, подберет его и на нарте повезет с собой, то мать уже не всегда примет его и даст соски, почуяв запах человека. Тогда теленка вскармливают в чуме, или же он гибнет. Мы отметили следующие показатели весеннего отела, в %:

	1927 г.	1928 г.
Зарегистрировано важенок:	100	100
от них осталось вангоды	4,4	3,9
родилось молодняка	95,6	96,2
Пропало пешек от:		
ушибов	3,2	4,4
буранов	27,4	19,7
Осталось в живых к концу весны на 100 важенок	65,0	72,0

Такой большой отход молодняка в период отела сразу показывает первобытную натуральную форму оленеводческого хозяйства. Половой состав молодняка в разные годы различен. То среди рожденных преобладают "хорки" (бычки), то важеньки. Ненцы отмечают, что в благоприятные годы рождается больше самок, а в "несчастный год" - бычков... Правда, установить точные признаки этих годов мы не смогли, это может стать предметом последующих биологических исследований.

Велики потери стада и от болезней. Гибель оленей от эпизоотий наблюдается на Ямале каждый год. Встречаются сибирская язва, копытка, сердечно-мышечные заболевания и проч. Но далеко не всякий год эти болезни принимают форму эпизоотии. Исключение из всех этих болезней составляет лишь заражение личинками носовых и кожных оводов. Эти заболевания поражают оленей почти поголовно.

Потери стад от болезней имеют разную величину, в зависимости от конкретных мест выпаса. Главные очаги зараженных мест располагаются под 68-69° северной широты и встречаются в более южных районах. В этом отношении северные районы кочеваний более благоприятны, чем южные. Кроме того, там меньше гнуса комара, овода, мошки. Это обстоятельство следует учитывать при проектировании колхозного и совхозного хозяйств в тундре.

За лето 1928 г. потери оленей от болезней в районах севернее 71° широты был 2,8%, а районах, пораженных копытной болезнью, -17,8%. Эпизоотия 1928 года вспыхнула на огромной территории южного и среднего Ямала. Свободными от заражения остались лишь стада у мыса Марре-сале, в полосе между Карским морем и рекой Мороды и севернее Харасовой. На этой территории в летний период располагается 2/3 всех хозяйств Ямала. Абсолютное число потерь оленеводства из-за эпизоотии мы оценили в 30 000 голов. Это по праву может быть названо народным бедствием. Особенно пострадали бедняцкие хозяйства.

Если болезни уносят жертвы только в неблагоприятные годы, то волк берет свою часть ежегодно и бесперебойно - в 1928 году она составила 3,4% от общего поголовья за полгода (весна и лето). За предыдущий год мы оценили потери в 5,9% от всего ямальского поголовья.

1928 год оленеводы считают благополучным по травежу: волков было немного. Их нападению подвергаются как бедняцкие, так и богатые хозяйства. Так, в стаде Тилянга Окатэтта в 1927 году было затравлено волками 150 оленей из 1500, т.е. 10% стада. У Лямби Вэнэнга - 100 оленей из 800. Мы приняли общий процент травежа по ямальскому стаду в 5,9, а это более 17 000 оленей, стоимость которых не менее полумиллиона рублей. Таковы убытки от волка.

Больше всего гибнут от травежа важенки - до 42%, много и молодняка - 40%. Значительная гибель важенок объясняется тем, что при нападении волка важенька не бросает пешку, а стремится ее защитить, делаясь жертвой зверя. Быки иногда вступают с волками в бой, но всегда оказываются побежденными. Только изрытый покров тундры, далеко отброшенные куски мха и лишайников свидетельствуют о борьбе неравных по силе зверей. Без теленка важеньки никогда не сражаются, спасаются бегством. Много гибнет и пешек - до 26%. Прочие крупные олени дают потери от травежа в 18%, а прошлогодний молодняк - 14%.

Единственная форма производительной потери стада забой. Большой расход оленей идет на питание чума. Статистические материалы нашей экспедиции позволяют оценить величину забоя в 8,4% от всего поголовья оленей. Но это не все количество мяса: ведь потребляют мясо и оленей, павших от копытки, сердечных заболеваний и травм.

В абсолютном выражении забой по всему ямальскому стаду достигает 30 000 голов ежегодно, т.е. примерно 20-30 оленей на 1 чум. Забиваются животные следующих категорий (%):

Важенки	24,4
Прочие крупные	20,1
Молодняк 1-2 года	13,5
Молодняк до 1 года	42,0

Как видно, забой крупных животных весьма значителен. Важенки идут под нож главным образом из числа "вангоды" (не имевших приплода). Эти животные, не участвуя в работах, остаются в весеннюю пору жирными, а значит, пригодными к забою.

Ненцы не заботятся об изъятии из стада производительниц последующих лет. Они живут близкими минутами, не рассчитывая далеко вперед. О том времени позаботятся их деревянные идолы, которым надо лишь своевременно и почтительно приносить жертвы.

Из пешек первого года забиваются преимущественно "хорки", самцы, но немало забивается также и самок, причем в причинах убоя самок оленеводы часто указывают такой "несерьезный" мотив "хорошая шкура", то есть красивая, пестрая или несколько своеобразного цвета, лучше ей красоваться на верхней одежде хозяина или хозяйки, чем в стаде в виде племенного материала. Отсюда следует, что ямальские ненцы не интересуются племенным подбором скота, а скорее забивают "красивые", "отменные" экземпляры. Но, конечно же, в ненецком тундровом оленеводстве возможна модернизация хозяйства, которая сделала бы его более продуктивным и товарным...

15 февраля. Наконец все дела закончены, и пришла пора выезжать из Обдорска. Везти меня взялся Аяк Вануйто. Взял он и свою семью - отца, жену, мать жены и ребенка в люльке. Об Аяке ходит нехорошая слава: он ворует оленей и вообще замешан в каких-то темных делах. К тому же он сам несколько раз приходил и уговаривал меня ехать с ним. Нет ли здесь какого-то умысла? Я пожалел было, что нет со мной ни одного из экспедиционных револьверов.

Поздно ночью Аяк с женой, а мы втроем ехали на нарте, стали вполголоса переговариваться (до этого мы все оживленно говорили между собой). Аяк хвалился своими оленями, а я думал, сколько здесь краденых. Потом они перешли на шепот. Я прислушался, но ничего не смог разобрать. И вправду мое беспокойство было беспочвенно: Аяк хоть и ходит в чужие стада, но он ненец и, по-своему, честен. Если он взялся меня везти, а об этом знали многие в Обдорске, то привезет. Эти мысли меня успокоили, и я задремал на ходу.

Мы ехали на средней нарте, а сзади нас старик, отец Аяка. Вдруг его олени испугались, шархнулись влево, навстречу ветру. То же произошло и с первой нартой. Аяк с женой пугливо смотрели назад, озираясь вокруг. Олени понесли, проскакав полчаса, мы встали. Я спросил, в чем дело. Аяк стал что-то говорить о "черте", я понял, что мы проезжали мимо "чертова озера" и там были черти. Я стал смеяться, шутить, но испуг их не проходил. Аяк отошел шагов на пять. Остановился, будто что-то не пускало его дальше. Поклонился три раза в пояс, что-то нацарапал на снегу, потом опять поклонился три раза, и мы поехали дальше.

Позднее, в чуме за чаем, Аяк рассказал, что к нам шел черт, и он его видел. Видела и жена. Этот черт ест людей, и он шел кого-то из нас "имать". Тогда-то Аяк и стал кланяться, а в снег он зарыл 1 рубль денег жертву. Мне стало смешно, что не один я проявил тогда трусость: я опасался Аяка, а тот черта. Но чего испугались олени? Может быть, нам повстречался медведь-шатун?

На ночь я поставил свою маленькую палатку. Все в ней поместились, спали тепло. Утром барометр показал 753,8 мм, температура воздуха -26°C. Вокруг нас был редкий лес с лиственницей. Лес тянулся вдоль замерзших ручьев между небольшими пологими холмами. Весь день ехали, стало холодать, потом началась метель. Всю следующую ночь я промерз в спальном мешке. Лишь 21 февраля приехали на факторию Хадыта. Здесь масса ненцев, на дворе десятки нарт, торговля идет вовсю. У самой фактории стояли чумы рода Хуненда, рядом - чумы бедняков, которые жмутся к фактории, поближе к хлебу.

Знакомлюсь с местными жителями. Вот Иван Няруй, он плохо видит, трахома исковеркала его глаза, и он не может промышлять. У него 9 оленей и семья. За лето он добывает рыбы рублей на сто, на это живет, а с половины зимы голодает. Фактория в кредит ему хлеба не дает. С голодухи он иногда шаманит или мастерит нарты и продает их оленеводам за оленью постель и пешки. Я спросил, неужели ему никто не поможет?

- Бывает и помогут, - ответил Няруй.

- А как?

- Наехал как-то Гапти Окатэтта. Я спросил у него 10 рублей не дал, говорит, что очень спешит. А спустя несколько дней приехал опять на Хадыту, увидел моего старшего сына Ивана и дал ему 10 рублей.

- А чем отдашь?

- Может, рыбой, сейчас не знаю. У нас совсем забросили рыбные промыслы. Сетей, мережи мало. Все ходят в тундру за песцом. Раньше купец содержал рыбака всю зиму в кредит, и рыбак не уходил. А теперь ни рыба, ни рыбаки никому не нужны.

- А когда было лучше - раньше или сейчас?

- Не знаю.

Вот так здесь "обращаются лицом к бедноте". Фактории нужны только меха, оленье постели. А именно этого у бедняков нет. Торгуют с богатыми оленеводами. Как быть? Фактория к беднякам равнодушна.

День я пробыл на Хадыте и выехал дальше, в Кутоп-юган и в Хэ. Два дня езды по лесотундре, и мы в Кутоп-югане, потом еще 40 верст бешеной гонки - и уже в Хэ. Как только приехали туда, ударила страшная метель. Но мы спали в теплой избе. Утром начал обследовать состояние Хэнской кооперации. Придя домой, застал у себя делегацию бедняков. Ждали меня.

Слышали, что ты, Ямал-Харютти, едешь где-то на стороне, не думали, что здесь будешь. Услышали о приезде, собрались. - Так объяснил мне худой старик в полуистлевшей малице. Я спросил:

Поеду "наверх", приду к самому большому начальнику, что сказать ему от Вас?

- Скажи, помочь надо, не терпим.

Ладно, скажу. Как же помочь? спросит он, чего скажу?

Начали они оживленно между собой говорить. Как хорошо понимать их речь. Один говорит, что хлеба надо, другой - что хлеб сами добудут и деньги тоже добудут, надо оленей. И столковались между собой, что надо оленей давать бедняку.

- Мы все - бедняки, ума у нас мало, надо бы с богатыми поговорить.

- Зачем нам с богатыми говорить! возмущенно заметил Салиндер, у меня вон два брата родных по 300 оленей имеют, но мне не дают ни одной лапы на руковицы. Будем без них говорить!

- Конечно, без них!

Тогда я вступил в разговор.

Правильно говорят, что можно без богатых. Мы одни давайте говорить вы да я как "казна" ("казной" они называют все государственное). Давайте без богатых сами поправляться.

- Трэм, трэм, - со всех сторон, ловят каждое мое слово.

Никогда еще ни на одном собрании, докладе, сообщении я не чувствовал большей ответственности за свои слова. Стоило мне заговорить - все разом замолкали. Несомненно, то, что я им говорил, пошло из уст в уста по обским берегам, по салмам и рыбацким пескам, укрепляло надежду на избавление от вековой нужды, от голода, надежду на получение работы.

Я ничего не предлагал им от себя, ждал от них предложений. Они просили оленей в личное пользование, я им стал говорить о коллективном хозяйствовании.

Начал обследование сельсовета. Прежде всего - хлебозапасный магазин. Здесь, оказывается, бедноте есть чем подкормиться - не опухнут с голоду: 2000 пудов муки. Однако в распоряжении сельсовета лишь 500 пудов. Стал я проверять ссуды - неизвестно кому дано. Список лиц есть, обязательство о возвращении есть, но имущественного положения берущего нет. Есть, например, ссуда бывшему председателю сельского совета Чиркову - 2 мешка муки, он ею телку кормит. И ссуда кладовщику кооперации. С осени роздано всего 250 пудов.

Я взял инструкцию, живо вспомнил наши крепкие споры в Уралкоме Севера. Моя точка зрения там торжествовала, значит, могу инструктировать, не ошибусь в принципах. Наши споры были проникнуты самыми благожелательными намерениями в отношении бедноты: мука в хлебозапасных магазинах Севера должна быть высшего качества, храниться в специальных складах под исключительным контролем, ссуды - до трех лет, получение их с наименьшими формальностями в количествах, достаточных для действительной помощи, а при бедствиях - расход на четверть и неприкосновенного запаса. Я вспомнил, какое внутреннее удовлетворение дали мне тогда эти споры, решения и совещания. Будет польза для попавших в беду людей! Все это было написано, и все это я еще раз прочитал в инструкции облисполкома, которая у меня была с собой.

А теперь я взглянул на само дело - здесь, где масса подлинно голодает, где летом был исключительный неулов рыбы и осталось после осеннего расчета у кого 20, у кого 15 рублей, а у кого и долг на семью на всю долгую полярную зиму. У кого оленишки паслись на Ярро-то, копытка унесла последнюю надежду на жизнь. Вот этим людям остроумные русские приклеили крепкий ярлык "сузгунцы", и когда ненцы и ханты околачиваются в лавках, щелкая зубами, убегая из холодных чумов с голодными ребятишками и докучной женой, местное начальство подходит к ним со смешком, с шуточкой, с насмешечкой. "Сузгунцы" не кредитуются в

лавках, и когда один из них Пач Салиндер, владелец 10 оленей - попросил чаю, предлагая даже деньги, юркий продавец не дал. Тогда Пач снял с ног пимы, подаренные кем-то из более удачливых родственников - оленеводов, отдал продавцу и лишь после этого получил чай. В чум поехал в одних чижках.

Другой "сузгунец" Няданги Хасово (у него нет ни одного оленя!) нарубил 7 сажен дров в лесу, попросил кредита для вывозки их на факторию Госторга. Заведующий, секретарь ячейки ВКП(б), А.И.Шахов не поверил сузгунцу (ну можно ли им верить?) и принял в заклад пимы с чижками. Пимы и сейчас висят в рабочем кабинете Шахова, ярко подчеркивая "бедняцкую политику" этого члена партии.

И вот эти "сузгунцы" осенью кинулись в хлебозапасный магазин. Кинулись и... обожглись. Цена на хлеб очень высокая, а ссуда всего на 4-6 месяцев, до весны. А чем отдавать? Осенью подо льдом рыба шла, да сетей нет. Фактории не давали, не верят "мерзавцам-сузгунцам"! У кого были сети, те хорошо половили рыбки. А кое-кто из бедняков собрал из летних неводов, уже истлевших, 2-3 сети, раз вытащил, два, а на третий вынули все в дырах. Не держит рыбу бедняцкая снасть. Раз нечем платить - нечего и брать. У ненцев свои понятия о честности. У родственника возьмет может и не отдать, а у "казны" без твердой уверенности в отдаче брать ссуду боятся. Кое-кто взял было ссуду хлебом в сельсовете, а потом испугался. Лучше на фактории просить в долг, если дадут. Там уж отношения определены, а тут новое дело, новые люди. Не заплатишь - гневаться станут.

У одного из сузгунцев спрашиваю:

- Почему не требуете муку из хлебозапасного магазина?
- Эту муку мы называем "парингода - я" (царская мука, то есть казенная). "Красные начальники" строгие, шутить не любят, мы это знаем. Лучше не связываться с "парингода-я", и так жизнь чуть держится в теле.

Спрашиваю в сельсовете:

Вы раздали 250 пудов, почему больше у вас не берут, нужды нет что ли?

- Нет, отказываются брать, нужда-то большая.

А почему такие короткие сроки ссуды? Ведь вы имеете право дать до трех лет.

- А как же! Разбазарим фонд, что будем давать тогда?
- А как Вы считаете, думали что-нибудь те люди, которые составляли инструкции и определяли срок ссуды до трех лет? Почему Вы не исполняете?

- У нас ссуда до осени.

- Этого, по-вашему, достаточно?
- На далекие сроки сразу расхватают, 500 пудов на неделю не хватит.
- А Вы ставили вопрос в Обдорске о вторых 500, о третьих 500 пудах?

- Был недавно председатель РИКа тов.Чусовитин, так он и не заглянул в дела о хлебных ссудах. Говорили мы ему, да он ничего не сказал.

- Да вы хозяева здешней жизни или нет? Пишите скорее в Обдорск, в Тобольский окрисполком, чтобы успеть к рыбопромыслам поддержать бедняков. Извольте немедленно раздать 250 пудов и требуйте у РИКа следующих. И еще - как мука хранится? Сколько раз смотрели? По инструкции надо раз в месяц.

- Нет, с осени еще не смотрели.

Идемте сейчас, будет первая комиссия. Пригласите Онуфриева из кооперации, Шахова из Госторга, зав. отделом райисполкома Братцева, председателя сельсовета, а я от экспедиции Облзу.

Пошли. Прорванный мешок. Из него торчат серо-зеленые комья крепко ссохшейся лежалой муки. У меня руки затряслись.

Как же так, ведь это бедняцкая, "святая" мука, на что она похожа!

- Она не вся такая, это один мешок.

- А ну посмотрим!

- Не надо, мука старая, из старинных завозов, свежая мука утонула с баржей "Находка", а это получена от Госторга как его лучшая мука.

- Давайте акт писать.

Не надо акт, сказал Шахов, я ее заменю, есть мука хорошая. И начал вспарывать ножом мешок.

- Когда замените?

- Новую муку привезут нынче, я и заменю.

Нет, Вы сейчас замените, пока Братцев здесь. Не замените - мы составим акт перед отъездом.

- Хорошо.

Скажите своему кладовщику, чтобы показал нам всю муку Госторга. Я посмотрю, лучшая ли это мука.

Пошел по складам Госторга. Четыре склада забиты мукой, и ее не менее 10 000 пудов. Тут был и летний завоз, тут же и старая подмоченная мука, которая грозит "загореться" Много мешков, как камень. Эту уже в Обь надо адресовать, в лучшем случае - на корм скоту.

Я написал письмо председателю Обдорского РИКа тов.Чусовитину, а в Тобольск отправил телеграмму следующего содержания.

Тобольск. ОкрИК (копия РИК)

Хэнском запасном магазине имеется 2000 пудов муки завоза 1927 г. Роздано бедноте 200, скоро исчерпают последние 300 пудов. Требуется распоряжение РИКа о второй четверти, ОкрИКа о третьей. Нужда туземцев вследствие копытки, неулова рыбы, песка, белки исключительна. Считаю настоятельно необходимым раздачу второй и третьей четверти всего 1500 пудов сроком: половина 10 месяцев, четверть 22 месяца, четверть 34 месяца. Прошу обсудить, телеграфировать РИКу.

Евладов.

Не дожидаясь решения Обдорска и Тобольска, устроили заседание Хэнского сельского совета, распределили и тут же раздали 200 пудов муки. Я выступил в присутствии бедноты и твердо поставил перед факторией вопрос об ответственности, о качестве муки, о замене старой муки новым завозом. Остаток у них грозил быть 1500 пудов - и это в год бедствия и неизбывной нужды! Неужели советской власти туземцы не нужны? А партийного контроля здесь вообще зимой не бывает - один член ВКП(б) А.И.Шахов, он же секретарь ячейки, он сам себе Пленум.

Избирательная кампания тоже прошла неудовлетворительно, в смысле выбора председателя сельского совета и представительства от туземцев. Избран только один ненец, бедняк, которого "ноги кормят": все время на промыслах в тайге, к тому же он не знает русского языка. А председатель сельсовета тов.Плясовских так же, как и секретарь, не знает ненецкого языка. Теперь сельсовет "запечатан" для туземцев, остальная работа - в том же роде...

С тяжелым сердцем уезжал я из Хэ, тяжела была и дорога. Снег мягкий, нет следа. Мы держали путь на поселок Нори. Во время переезда Оби встретили работника Обдорского РИКа тов.Киселева. Он ехал с Таза. Я подошел, познакомился, разговорились. Он рассказал, что Тазовский тузсовет решил организовать комитет взаимопомощи и берет с богатых по 15 копеек за одного оленя. Кое-кому пришлось уплатить до 600 рублей. Другие оленеводы, услышав о таком деле, останавливаются, не идут на фактории, уходят за Енисей. Красноярцы же не дремлют, въезжают в Тазовскую тундру, снимают капканы промышленников-ненцев, требуют сдачи их пушнины

на енисейские фактории. Заготовки по Тазу стали очень плохие, люди разбрелись кто куда...

4 марта я приехал в Нори. С утра начал обследование фактории кооперации. Счета все запутаны, счетовода нет. Есть лишь завлашкой, его помощники все свои люди, родственники. Перешел в Госторг здесь счетоводство "с иголочки", дела будто ничего, но ни один человек не внушает доверия.

В сельсовете потребовал, чтобы раздали в долг 100 пудов муки беднякам. Уполномоченный сельсовета, молодой парень, робкий, "бесхвостый" и совсем неграмотный. Услышав от меня о раздаче муки, совсем заробел ничего не знает, не может, неграмотен. Зачем таких выбирают? Да, рядом с "хватами-молодцами", торговцами, здешние председатели сельских советов совсем теряются, не видно даже. Так можно разменять советскую власть на мелкие денежки. Да и то правда - оклад председателя 40 рублей. Не больно проживешь. Вот и разбрелись все грамотные: кто в Госторг, кто в кооперацию...

Пришла пора мне выезжать на реку Ерудей, в ненецкие чумы. Я, уставший и озлобившийся от споров с торговцами, желал побыстрее покинуть эти "оазисы русской культуры" в обской лесотундре. Попробовал было нанять оленей у зырян - но не тут-то было... Мне объяснили, что на Ерудей через Надым дороги нет, никто туда не ездит. Объявили цену: за три нарты 150 рублей. Я назвал их сумасшедшими. Но, так как они требовали моей цены, я назвал 50 рублей. На этом переговоры закончились. Здесь все олени зырянские, я мог найти помощь только у ненцев. Проводника нанял за 15 рублей. Филиппов Павел Иовлич оказался менее сребролюбивым, чем другие. Он 25 лет прожил на своем зимовье на Надыме и все там знает.

На мое счастье подъехал к фактории расписной ненец на красиво украшенной нарте. За ним еще десять упряжек подкаатило. Толпа расцвеченных яркими сукнами женщин подошла к нам. Этого гостя я знал - богатый оленевод, толстяк Хатте Салиндер. Я дал ему отторговаться и подошел.

- Ну, вэйсако Хатте, у меня есть к тебе просьба.

Ани дорово, ани дорово, вэйсако Ямала -Харютти, приветливо ответил он.

- Ты как меня знаешь? - удивился я.

- Как не знать - тебя все знают.

Правда, на Ямале все знают. А вы, "низовские", как знаете?

- Мы тоже знаем.

- Выручай, вэйсако, - ехать надо, оленей нет.

- Куда ехать?

В устье Ерудея до первого чума, - я уже был уверен в успехе.

- Когда?

- Завтра.

- Сколько нарт?

- Три нарты, одна из них моя - с упряжкой.

- Дороги не знаем.

- У меня проводник нанят - Пашка Филиппов.

- Знаю, знаю, он зря не уведет. Ладно, завтра будут олени.

Я поторгую и приду к тебе поговорить.

Так легко и просто разрешаются все дела с ненцами. Для них "надо" неопровержимый аргумент. Раз надо значит, нечего и говорить, надо помогать. В середине дня ко мне зашел Хатте, и мы договорились об условиях.

Хатте рассказал о своей жизни. Он - богатый оленевод, у него несколько тысяч оленей. В его двух чумах жили и батраки, и бедные родственники. В РИКе узнали, что у него есть работники, живущие с ним без договора. По суду заставили уплатить им по 150-200 оленей за 4-5 лет жизни в его чуме. Сам Хатте живет в стаде и делает работу наравне со всеми. Начальники из Обдорска сказали ему, что на него есть жалобы, будто бы Хатте забирал весь промысел гусей, песцов. Я спросил его об этом. Хатте ответил, что промысел они "по обычаю" делили пополам. Он же, тоже по обычаю, обе семьи одевал в новые малицы, гуси, ягушки и пимы. Кормил всех как себя. "Этот знает (он указал на зав.факторией Попова), что я продукты всегда "вешал" на три равные доли, и все им и себе", - сказал Хатте. Оказывается, он опасался, что "батраки не выбрали из стада оленей, отказались от молодняка. Не было бы худо".

Вечером уполномоченный сельсовета собрал всю бедноту в школу. На этом собрании мы решили распределить хлебные ссуды. Бедняки были удивлены, но распределяли толково и честно "этот - ушел белковать, может еще продержаться без помощи, тот - уже получил кредит, а тому - нужно дать". Я составил списки на выдачу 60 пудов. Срок отдачи - до осени. Поздним вечером, сидя в своей избушки, я из окошка видел огоньки в хижинах и чумах. Над жилищами бедняков вились дымки - значит, сегодня дети будут сыты.

Утром Хатте пригнал оленей, но метель не дала выехать. Сегодня 8 Марта, женский праздник. Ко мне пришла Анна Марык, молоденькая вдова 20-ти лет. Стыдась и краснея, она

рассказала как бил ее муж, такой же бедняк, как и она. Мужа ее убили в драке на рыбных промыслах, теперь она одна с тремя детьми. В Обдорске ей дали пособие 10 рублей, еще в прошлом году, но до сих пор она ничего не получила. Это так похоже на Обдорский РИК! Я написал ей заявление, и она ушла.

На следующий день выехали из Нори к Ерудею. Ехали долиной Надыма, снег как пух, не держал оленя, животные тащились по брюхо в снегу, шли медленно, шагом. Мне трудно было ориентироваться. Куда идем - неведомо, когда придем - неизвестно. Вечерело. Проводник Филиппов (Ивлич - как я стал называть его для простоты) по каким-то одному ему известным приметам правил с острова на остров, с протоки на протоку. Они так похожи друг на друга - как он узнает их? В долине реки дело пошло еще хуже, ехали узкими ручьями с высокими снежно-пуховыми стенками, олени прыгали, выбивались из сил, но шли. Хатте Салиндер знал, каких выбрать олени ленивы, но здоровы, пахнут снег грудью.

Уже стемнело, силуэт горы, поросшей лесом, заметно придвинулся к нам. Ивлич все озибался и говорил, что идем вековой дорогой на Обдорск, теперь заброшенной. Она тянулась с севера на юг. Действительно, место тут было гладкое, олени пошли рысью. Когда совсем стемнело, стали на ночлег. Чайник я предусмотрительно захватил (с возвратом) на фактории. Мы с Ивличем стали раскладывать костер. Максим Ядопчев, патентованный лодырь, стоял тут же в теплом гусе и философски уговаривал бросить все и лечь спать: "Дров нет, топора нет и т.п." Но Ивлич оказался старым опытным лесовиком-белковщиком. Моим маленьким топориком он уже щепил оставленное на чумовище сухое бревно. Я сходил на лыжах за сушняком. Через час мы напились ароматного лесного чайку.

Перед сном говорили о белке. Ивлич тут - большой специалист. Он сказал, что через неделю белка уже родит, сейчас гуляют одни самцы. Роды у белки бывают три раза в год, иногда два в плохой год. Маленькие через шесть месяцев уже приносят приплод. Бельчат в выводке бывает по 6, 8 и до 10 - огромная плодовитость, а отсюда и устойчивость беличьего промысла. Я залез в спальный мешок и, слушая рассказы Ивлича, незаметно заснул. Спал тепло и уютно.

С утра опять в дорогу. Утро встретило нас приветливо, солнышком. Просека-дорога изогнулась, пошла по буграм, радовала оленей и нас. Я весело смотрел на высокоствольный

лес - так соскучился по нему в тундрах. Через три с половиной часа езды выскочили из-за горки к чуму. Вот лесная отрада! Вокруг чума стружка, блестят новенькие нарты, пареньки-подростки строгают дерево. Старшие уехали на заготовку леса. Женщины ножами и косами-литовками тоже строгают. Работа кипит, я фотографирую. Женские нарты увешаны цветными ленточками и полосками кожи. Все выглядит щегольски. Я рад, что вернулся, наконец, в уже знакомый и близкий мне мир людей и оленей. Слава Богу, фактории и бухгалтерские книги позади!

Мы остались ночевать, меня встретили приветливо, как знакомого. Эти четыре семьи бедняков (60-80 оленей) из рода Яптая кормятся вокруг богача Янговы, чум которого стоит где-то неподалеку. Они сообщили, что сюда уже посланы олени от Янговы для меня.

Я приехал к Янговы на следующий день, вечером, когда дневной свет уже начал путаться с ночью и недалекий лес чернел сплошной стеной. Мужчин тут было человек 8, все стояли около одной нарты и выжидающе смотрели на меня. Я поздоровался по-ненецки и спросил, кто из них "Янговы-вэйсако". Мне ответил очень молодой парень, что он Янговы. Я удивился, так как при первой нашей мимолетной встрече он мне показался стариком. И у этого парня 3000 оленей! И он один из самых недружелюбных к русским, недоверчив и неразговорчив! Я начал "раскачивать" его рассказами и шутками, пока весь холод первой встречи не улетучился. За этого парня держится весь род Яптая. Это он мне говорил, что надо убрать факторию Новый Порт, так как она попала на его вотчину!

О Янговы мне говорили как об очень несимпатичном человеке, скупом, необщительном, мало поддерживающем бедноту. Он таков и есть.

Тут же в чуме находилась девушка. Назавтра была назначена свадьба. Я решил остаться и посмотреть свадебный обряд от начала до конца. Я сделал подарки невесте - отдал ей свою красиво блестящую мыльницу и кусок мыла, а также ножницы. Янговы это понравилось, он разговорился со мной и выразил желание, чтобы я обязательно присутствовал на свадьбе. Я, конечно, согласился.

Несколько слов о том, что такое брак, женитьба в жизни ямальских ненцев. Брак подчинен экономическим условиям жизни кочевого хозяйства. Наименьшее число работниц в чуме две. Когда хозяйство разрастается до такой степени, что две женщины в чуме перестают справляться с работой,

нужно приобретать вторую жену. Если к тому времени в чуме есть сын подходящего возраста, то его родители женят. Если же нет никого, то думают, как поступить. Инициатива второго брака исходит часто от жены-хозяйки. Она может сказать мужу:

- Тяжело мне стало работать, дочь еще маленькая, плохо помогает. Ты взял бы еще одну жену - олени ведь у нас есть.

Муж подумает и ответит:

- Как возьму вторую жену, ведь я уже старый становлюсь?

- Тогда давай женим старшего (ему, например, 12 лет).

- А что худого? - ответит муж сакраментальной фразой, давай будем девку смотреть.

И смотрят, ищут полгода, годы. Наконец находят и посылают сватов.

Калым имеет две, примерно определенные, величины. Один калым от 20 до 40 оленей, другой - от 70 до 100. Есть и другие варианты. Две определенные величины калыма обуславливают и соответствующие размеры приданого. Одно приданое полчума и утварь, другое - полный чум со всем содержимым, включая чайник, медный котел, стол с чашками, две туши оленей, несколько булок хлеба.

Калым считают десятками оленей. Причем первые три даются "русскими десятками", а остальные - "самоедскими", то есть по девять. Каждый десяток должен состоять из крупного хора-производителя и важенок: например, 66 оленей, из которых 59 - важенок и 7 - хоров.

Когда невеста высмотрена, отец жениха, жених и сват едут в чум невесты. Сын с отцом сначала не заходят в чум, посылают свата узнать будут ли им отдавать дочь. При благоприятном ответе сват берет палочку и дает ее отцу невесты, который вырезает на ней зарубки требуемого калыма. Отец невесты выходит из чума к отцу жениха, и начинаются переговоры через свата. Наконец, на цифре калыма сходятся, и приезжие гости заходят в чум выпить чаю. Невеста к ним не выходит.

Отцы договариваются о времени свадьбы и разъезжаются. В условленное время родители невесты едут в чум жениха, чтобы отобрать калым. Все эти посещения сопровождаются угощением. Это обычная еда - сырое мясо, рыба, масло, жир, чай с сахаром. Когда продавалась водка, не обходилось без нее. Теперь водки нет.

С момента отбора и отгона калыма свадьба считается состоявшейся, остается поехать в чум невесты и привезти ее на новое место жительства. Этот момент как раз и является

самым торжественным в свадебном обряде. Вот в такой-то день я и оказался в чуме Янговы.

Сам чум стоял в лесу на широкой поляне. Около него были сделаны как бы ворота из двух шестов с привязанной к ним перекладиной, которая протыкала ком снега, символическое значение его мне установить так и не удалось. Около чума стоял приготовленный обоз из 8 нарт, разукрашенных цветными сукнами и холстами. Особенно пестро и богато была покрыта первая нарта — нарта невесты. Она была увешана пестрыми ленточками из разноцветного сукна и массой колокольчиков разной величины. Сидение нарты было покрыто красным сукном, по краям которого шла желтая кайма с типичным тундровым орнаментом.

Мы пили чай в чуме, не было заметно никаких приготовлений. Только среди женщин сидела невеста в новой пестрой ягушке. Она не вставала ни к какой работе. Сначала она "стыдилась" нас и лежала вниз лицом, но потом заинтересовалась моими рассказами о свадебных обрядах русских, встала и больше не закрывалась.

После чая мы вышли из чума, и отец невесты по моей просьбе пошел со мной, чтобы показать приданое. Оказывается, все 8 нарт были новые, новые и ошейники, и вся сбруя оленей. Только в концевых нартах постромки были старые, но хозяин пояснил, что нет пока новых, но, когда будут, он заменит. В приданое нужно давать все новое.

Первые две нарты — пустые. В третьей и четвертой были высоко увязаны одежды невесты. Их несколько комплектов. Здесь пимы, ягушки, шапки, украшения, доски, скобели для выделки шкур, жилы, иголки — все покрыто красным сукном. На следующих нартах чумовая утварь — котел, медный чайник, столик. Все покрыто холстом-чеканкой. Следующая нарта была загружена продовольствием — тут две туши жирных оленей, хлеб, чай, сахар, баранки, рыбий жир. Все, что нужно для свадебного пира и для первых дней жизни в чуме.

Последние нарты несли в себе остов и покрытие чума — шесты, покрышки, доски, железный лист для костра, ковры травяные на снег, постели оленьи. Отец невесты самолюбиво показывал добротность новенького приданого, щедро насыпанного в нарты. Он говорил, что можно было и не давать так много, но тогда будут над ним смеяться, что он жалеет для своей дочери. По моей оценке, здесь было имущества стоимостью оленей на 40, а калым он получил в 66 голов.

Нам сообщили, что едут нарты родителей жениха. К этому времени у чума уже стояло около полусотни упряжек. И гости еще приезжали. Хозяин радушно встретил родителей жениха, пригласил их в чум. Чум не вмещал всех гостей, многие толпились у нарт, весело разговаривали. Я заглянул в чум. Мне как "почетному гостю" уступили место. Разговор шел сначала на незначительные темы об оленях, песцах, о других хозяйственных делах. Отец невесты, видимо, желая меня втянуть в общий разговор, спросил:

- Вот я - ненец, а свою дочь отдаю в чум ханта Салиндера. Хорошо ли это?

- А что худого, - ответил я, разве ханты не такие же люди, как и все? Плохо только, что у них остался обычай закрывать лицо платком. Твоя дочь не привыкла к этому, у вас, ненцев, этого нет. А теперь она должна будет к этому привыкнуть.

- У нас иначе нельзя, - согласился отец жениха.

Как нельзя? Можно! Наши русские женщины тоже когда-то закрывали лицо, а теперь этого нет. Зачем это? И еще плохо, что вот вы жените парня и девушку, а почему их не спросили, хотят ли они друг с другом жить.

Дружный хохот встретил мои слова. Даже женщины захихикали - какой чудак, чего говорит! Отец невесты покровительственно разъяснил мне:

- Что же их спрашивать, ведь они же молодые, еще ничего не знают, что могут сказать?

Невесты в это время не было в чуме, она лежала где-то, накрытая ягушками. Я решил продолжить разговор и стал высказывать свое мнение о ненужности калыма. Опешив сначала от такого неожиданного поворота, старики решили, что молодежи слушать это не нужно. Кое-кого выпроводили из чума, и потом разговор перешел на практические вопросы. Отец невесты стал просить к калыму еще несколько оленей на жертву чумовым богам. Он объяснил, что, когда невеста была маленькой и болела, мать и отец обещали при выдаче замуж принести в жертву несколько оленей. Отец жениха без лишних споров согласился - раз обещано, надо дать.

Потом нас пригласили за чум, чтобы здесь собрать невесту. На первую нарту села девушка (вместо тещи), на вторую - девочка (вместо невесты), и обоз стали прогонять вокруг чума широким кольцом. В момент прохода обоза мимо входа в чум все население его вскакивало на быстро движущиеся нарты. Хотели проделать это семь раз, но после третьего раза отец

невесты приостановил обряд, сказав, что "впереди еще долгий путь, и олени пристанут".

Упряжки остановились у входа в чум. Женщины вынесли невесту на руках и посадили на вторую нарту. Девушка была закутана в ягушки, на нарте ее еще прикрыли сукном и перевязали пестрой лентой. На переднюю нарту села мать жениха, взяв вожжу и погонный шест. На свекрови-хантыйке была великолепная шуба из чистого бобра. Шапка пестрела редкими украшениями. Мне объяснили, что богатый отец невесты не пожалел подарков для новых родителей. Бобровая ягушка стоила не менее 10 оленей, новая шапка и пимы - не менее трех оленей. Итого, получив в калыме 66 оленей, 20 песцов и на жертву богам, отец невесты возвратил приданым около 70 оленей. И это еще не все. В дальнейшем каждый год, пока жива выданная замуж дочь, она будет ездить к отцу в гости и получать 2-3 оленя в подарок, новую ягушку, шапку и пимы. Таков обычай. Отданный калым возвращается в семью в виде утвари, одежды, подарков...

Обоз вышел на дорогу и двинулся в путь. Следом потянулись и гости. Я вскочил на нарту и погнал за первыми уехавшими. Через полчаса я настиг обоз невесты, который издали пестрел коричнево-желтыми пятнами в вечернем сумраке. К ночи мы были в чуме жениха. По хантыйским обычаям жених должен быть в это время вне чума. Он ушел в лес. Обоз невесты встал перед входом в чум. Свекровь не спеша распрягла оленей, отпустила их и подошла к нарте невестки, чтобы развязать ее. Девушки подхватили невесту под руки и внесли, закутанную, с закрытым лицом, в чум. Там она и сидела, пока мы пили чай. День свадьбы был закончен. Молодой жене показали место в чуме, на котором она будет жить до конца своих дней.

Утром я выехал дальше, на запад, в верховья Ерудея, где были еще не обследованные чумы. Проехал чумы знакомых мне Хандику Худи и Сейломы Яптика. Это крайние ненецкие чумы, южнее уже нет ненцев. Не удержался и заглянул к нашему бывшему проводнику Нумеде Пуйко. Здесь нас с Максимом встретили как старых друзей. Я стал беседовать с ними о планах организации на Карском побережье Ямала кооперативной промысловой артели. В чуме было три брата Пуйко - все морские охотники. А всего их - шесть братьев. В трех чумах Пуйко 21 человек, из них 8 трудоспособных женщин, есть 400 оленей.

Сначала братья сдержанно отнеслись к организации артели, но чем больше я им говорил, тем больше они склонялись к

этому делу. Наконец согласились, что-это дело хорошее и можно попробовать.

Но мы поедem только с тобой, если ты будешь на пароходе. Иначе нас обманут.

- Если будет артель, то на первый раз я приеду.

- Однако на зимовке нам трудно, не терпим.

- Попробуйте, если плохо будет - уедете. Но ведь только зимой хорошего песка можно добыть. Добудете - разбогатеете, купите оленей. А я на зиму хлеба привезу на всех.

- Завтра поедem к Нярье Хороля, там решим.

15 марта. Утро. В чуме Нумеды все мне рады. Сам Нумеда взял в жены молодую вдовушку, которую я защитил в Обдорске на туземном суде. Она, чувствуя во мне друга, разговорилась, стала показывать свою свадебную упряжку и подарки. Я был поражен красотой упряжки - вся в вышивках из цветных сукон. Я попросил запрячь белых оленей и стал фотографировать большим фотоаппаратом. Выходило красиво и диковинно. А говорят, что у ненцев нет чувства красоты - еще сколько! Шесть ценных фотопластинок ухлопал я на этот сюжет. Все мало. Потом зарисовал узоры, записал названия, купил в коллекцию красивую женскую шапку с тяжелыми медными подвесками.

Брат Нумеды Хэуку Пуйко решил подарить мне нож, "какого нет на Ямале". Снял свой, которым целый день строгал мелкую стружечку, и дал мне. Неловко было брать, но это бы страшно обидело Хэуку "выборного" в родовой совет; я его в шутку называю "хасово-еруо" (ненец-начальник). Я взял нож, а он взял с меня слово, что я его никому не подарю, не отдам и "большому выборному начальнику", а привезу его в следующий раз обратно, и он мне подарит другой нож, еще лучше. Так у нас пойдет обмен, а потом его продолжают наши сыновья. Это было своеобразное предложение крепкой дружбы. Я тут же снял свой нож и повесил ему на пояс. Хэуку засиял от удовольствия - теперь у него есть новый друг. Да и нож, подаренный ему, был неплох - сделан из крепкой капканной пружины с ручкой мамонтовой кости.

Выехали к Нярье Хороля - два или три попрыска. К этому чуму ведут наезженные колеи, как железные дороги в Москву. По этим трактам снуют бедняки, приезжающие к Нярье просить оленей на мясо и для выпаса. У старика 5000 оленей в двух стадах. Но он на редкость скупой человек. Когда мы вошли в чум, хозяина не было "ушел в олени". Хозяйка разрешила нам сырого мяса, хотя Максим предупредил, что

мои зубы "не терпят" мясо. Рыбы не занесли. Чай дали без сахара, и мы, нарушив обычай, занесли в чум свой сахар.

Приехал хозяин, стали говорить о морской экспедиции и решили так: пригласить русские промысловые артели, но нужно завезти и запасные лодки, чтобы, кто желает из ненцев, тоже могли промыслять. Я им стал говорить, что в их море много богатства, если русские промышленники его попробуют, то уж оттуда не уйдут, пока всего зверя не добудут, и большие заработки пройдут мимо рук оленеводов. Я поставил вопрос прямо: "Нужна ли вам промысловая морзверобойная и охотничья экспедиция? Будете ли вы помогать ей?" Ответ был такой: "Если ты сам приедешь, то помогать будем. Ты ездишь для нас, мы тебе верим. Послать пароход надо, это дело хорошее".

От негостеприимного Хороя мы выехали к другому богатому хозяину - Еремзи Сэротэтта. Как около чума Янговы собрался весь род Яптая, так около Еремзи сгрудились все чумы рода Сэротэтта. Приехали - и тут хозяина нет. Решили гостевать в его чуме и ждать. Еремзи Сэротэтта - крупнейший оленевод Ямала и уважаемый человек. Его слово важно для организации морзверобойной артели и оленсовхоза. Да и места в его чуме было достаточно для гостей. Этот чум был больше всех, виденных мной ранее, он стоит на 42 палках и очень отлого. Палки такой длины, что для их перевозки есть нарта специальной конструкции. У Еремзи две большие нарты для перевозки чума.

Под вечер я пошел побродить по лесу, поохотиться. Хотелось побыть одному, отдохнуть от разговоров. Я побрел вдоль реки Пус-яха, смотрел следы, - только лисица бродила, охотясь за куропатками. По красивым высоким склонам пропетлял ее след. Она искала ночлега, нашла свалившееся дерево, сделала вокруг него петлю, прошла через верх, еще раз сделала петлю и юркнула под корень. По следу, как по книге, все видно надо только читать внимательно. День кончался. Синяя ночь уже спустилась в долину, зачернела в стволах больших елей и лиственниц, спустилась к низкой поросли на берегах. Над головой небо было еще светлым синяя кривая полоса неба, обрамленная распушенными лапами елей.

Далеко от чума слышен был стук топора по звонким поленьям - это хозяйка готовила на ночь тепло и свет. Ненцы уже стали привыкать к керосину: хозяйства, которые собираются зимовать в открытой тундре, покупают ведра два-три. Но лес для зимовки все же предпочтительнее, без него многие

хозяйства зимовать "не терпят". И куда бы ни притягивались цепкие руки факторий, зимой ненцы все равно будут здесь, между Обью и Ерудеем, переходя последний и зимуя на его левом берегу. Леса по рекам Хадыта и Яхады обставлены североямальскими чумами, а здесь, на Ерудее, люди с Ней-то, с Марре-сале, с Юрибея. Сильные многооленные хозяйства отходят в тайгу дальше всех, как бы уступая малооленным ближайшие удобные места зимовки.

Да и лес, видно, здесь не убывает. Вырубка для хозяйственных поделок небольшая 2-3 нарты на чум, а на дрова идет исключительно сухостой.

Я пошел назад в сумерках, и странное дело - все полянки стали похожи одна на другую. Я с трудом разыскал лыжню и по ней, ежеминутно теряя свой след из виду, вернулся в чум.

На следующий день приехал Еремзи. Приехал на сутки раньше срока. Я спросил: "Почему?". Он ответил: "Ты сам сказал мне еще в Обдорске, что, как только начнется этот месяц и пройдет его первая четверть, - ты приедешь. Вот я и поспешил. Я ночь не спал, все гнал сюда". Я оценил такую пунктуальность, к тому же Еремзи привез мне письма от Николая Николаевича Спицина. Он рыскал где-то по Надыму, на Полуе ненецких чумов оказалось мало.

Вечером я разговорился с Еремзи, расспрашивал его о Ваули Ненянге.¹ Новый свет пролился из его рассказов на историю ненецкого Робин Гуда. Я знал его по брошюрке о.Иринарха как бунтовщика, разбойника, а, оказалось, это - герой бедноты, настоящий классовый вождь. К тому же, по словам Еремзи, он был "большой шаман" и человек огромного роста и исключительной физической силы.

Потом я повел беседу об обычном праве ненцев, опираясь на программу, составленную в областном суде. Это входило в план работы экспедиции. Еремзи семь лет был старшиной рода, вел обычный суд.

---

¹ Восстание Ваули Ненянга (Пиеттомина) проходило в 1830-е годы. Бедняки захватывали стада у богатых оленеводов. В 1839 году Ваули был схвачен и приговорен к ссылке на каторжные работы. Бежал с каторги. В 1840 году собрал до 400 чумов, решил захватить Обдорск, изгнать царского ставленника, хантыйского князька Ивана Тайшина. Восставшие были вооружены копьями, ружьями, луками. Ваули обманом был схвачен и сослан на каторгу в Восточную Сибирь. В 1856 году в обдорских тундрах вспыхнули волнения под предводительством ненца Пана Того.

По "гражданской части" права он говорил охотно и полно, но как только дошли до уголовного права - об убийствах, он сказал: "Сердце упало, у нас маленькое сердце, я не могу говорить, не знаю". Так и не удалось мне ничего от него добиться.

Утром мы выехали от Еремзи на розыски нашего пастуха Макара Езынги. Никто не знал, где его чум. А ведь это - мой чум, экспедиционный. Старик Еремзи запряг оленей, чтобы повеселить меня. Выбрал троечку! Летят как птицы. Нас поехало трое. Каждый вывел свою упряжку за стадо - иначе от стада не отъедешь, олени не слушаются. Мои олени кинулись сразу полным карьером. До сих пор я обычно легко успевал садиться бочком на летящую нарту, но на этот раз не рассчитал быстроты оленей, и нарта проскочила подо мной, я упал на груз, подскочил, и в этот момент нарта попала на кочку, хлопнула правым полозом, подпрыгнула, и я в мгновение ока оказался на снегу. Ненец с задней упряжки что-то испуганно закричал. Я рассмеялся и крикнул:

- Ты' ой соуо!

- Соуо, соуо, - отозвался он с усмешкой.

Я уже исправил свою ошибку, вскочил на нарту и погнал вслед за ним. Дорога была покрыта отпечатками оленьих копыт, нарти скакали как мяч, но я уже сел крепко верхом, закрепился ногами. Теперь не собьешь! Надо было только следить за расположением деревьев впереди и за направлением передового оленя, чтобы он не скользнул влево от дерева, а то второй или третий олень непременно разобьет себе голову. Интересно было бы захронометрировать эту скачку. Через десять минут я догнал своих спутников, и мы понеслись дальше галопом. Ощущение такое, будто катишься на легких санках с крутой горы и нет удержу.

У парня, едущего впереди меня, конец тюра заехал за дерево на всем скаку, и он стал разворачивать тюр, но комлем зацепил за другое дерево. Его бы сбросило с нарти или переломился тюр, но парень ловко поднырнул под него и свалился с нарти на рыхлый снег прямо передо мной. Мне уже некогда было останавливать оленей, и я влетел на его тюр своей нартой. Дугой изогнулся шест, но опять не лопнул и wskочил, как пружина, из-под нарт сзади. Я остановил оленей и подал ему тюр.

- Тюр мали? (тюр сломан?), - спросил парень.

- Енгу, енгу, тюр сенц (нет, нет, тюр цел), - ответил я.

Парень расхохотался, подъехавший ненец сказал что-то неместное в его адрес, мы поскакали дальше. Необычайно

чувство радости, довольства жизнью, собой охватило меня. Как я хотел, чтобы эти люди считали меня своим, близким человеком, доверяли мне. Еще весной, на пути к Ямалу, я думал, что этого никогда не будет. И вот сейчас я для них Ямал-Харьютти, и они считают меня своим родственником. Хорошо!

Солнце поднималось все выше из-за леса. Дорога кое-как была видна. Встретились нарты. Я смотрю - э-э! Опять знакомый человек - выборный родового совета Майдана Окатэтта.

- Ани дорово куроу Майд'на.
- Дорово, дорово, - осклабился он.
- Хынтер илен? (как живешь?)
- Саво, саво (хорошо).

Уже давно я приметил, что ненцам приятно слушать от русского их говор. Женщины в чумах тихо говорили про меня: "Н'ды хазово выдавна тенеуо", потом - еще тише. Одна старуха рассказывала обо мне (я притворился спящим): "Этот русский говорит, что наш самоедский чум плохой, есть другие чумы - хорошие, надо такие делать - костер есть, очаг есть, а дыры сверху нету, тепло и просторно". И много она еще говорила, да я не все понимал. Было очень интересно следить за оборотами речи. Хорошо бы изучить язык в совершенстве, тогда можно было бы самому, без переводчика, записывать фольклор.

К вечеру приехали в наш чум. Тут уже был и Королев. Он, оказалось, тоже хорошо поработал этот месяц - сделал промеры 250 оленей. Он собирался кастать на новое место. Встреча, рассказы, чай. Уснул я в своей маленькой меховой палатке в спальном мешке, без малицы.

19 марта. Отдыхаю. Разложил свою походную метеостанцию: температура -13°C, давление равно 746 мм ртутного столба. Днем потеплело, солнце грело хорошо. Королев вскоре уехал, а я сел за свой дневник и просмотр предыдущих записей, делал дополнения, вспоминал детали, слова, впечатления. К вечеру нагрянул в гости Еремзи Сэротэтта, привез быка на мясо. Он сказал:

- Помнишь, в моем чуме, за чаем, к тебе упал на стол из костра уголек?
- Да, помню.
- Верная примета есть - этому человеку еще быть в том чуме, и все будет так же, как в тот раз. Это значит, что огонь радуется гостью и несет благополучие ему и хозяину.
- Что же, значит, придется к тебе еще раз заехать, Еремзи вэйсако.

- Приезжай, худо не встретим.

Еремзи уехал на следующий день. Стало холодать, были метели, я из чума не выезжал. Гостей было много, каждый день два-три человека. Бывало, правда, что не хотели некоторые отвечать на мои вопросы. Один уральский Лаптандер на мой вопрос о том, сколько у него оленей, ответил: "Забыл".

Почему же ты не забыл ко мне в чум приехать? Раз приехал - значит говорить хочешь, если говорить не хочешь - зачем приехал?

- На тебя посмотреть, у нас о тебе говорят, - ответил он.

- Что же говорят?

- Разное.

Так и уехал он - непереписанным.

Иногда днями никого не было. Я блаженствовал, наслаждался одиночеством. Лежа в палатке, читал роман Ивана Евдокимова "Колокола". Я заскучал без музыки. Сделал ксилофон из дощечек в 30 звуков хроматической гаммы и кое-как развлекался, вспоминал оперы. Жалко, что не захватил из Обдорска своей цитры.

23 марта первый день весны. Вот и сегодняшнее утро в одиночестве принесло мне радость. Вчера прошел солнцеворот. У многих народов этот день празднуют. И действительно, в природе этот день не проходит незаметно и будит надежду на что-то новое, на лучшую жизнь. Скоро конец суровой зиме. Этот день отгораживает нас от метелей, бурь, жесткого сухого мороза, от ночного мрака и сулит мягкое ласкающее солнце, светлые, ясные дни с белыми ночами. После трехдневной метели солнце взошло чистое и теплое. Еще 8 утра, а уже чувствовалось солнце в небе. Хоть на несколько часов можно избавиться от напряженной топки печи, которая греет лицо, но не греет спину.

Как-то приехали Королев с Вашкевичем. Поговорили хорошо, не стали ругаться. Вашкевич рассказал обдорские новости. Оказывается, интегралкооперация начала закупать у ненцев оленей на племенное стадо. Ровно 1250 голов оленей. Эта новость для меня радостная. Именно эта цифра 1250 была указана в моем докладе 1927 года об организации промышленного оленеводства. И еще - обдорский зоопункт должен будет вести свою работу в стаде кооперации, не имея своего. Это тоже моя установка, значит, мои информационные письма в Свердловске читают, и с достаточным вниманием. Я буду с особым интересом продолжать следить за этим делом.

И наконец, еще новость: нашим зоотехникам Вашкевичу и Королеву предложено Тимирязевской Академией отпра-

виться на три года в Америку для изучения оленеводства Аляски. Значит, в Москве всерьез берутся за Север. Это тоже радует!

27 марта мы разъехались в разные стороны. Я скаслал вниз по Ерудею. Ночевал на новом месте плохо, мучился межреберной невралгией. Головная боль со звоном в ушах, и, как на зло, никого нет рядом. Максим Ядопчев остался в чуме нашего проводника Макара Езынги. Нехорошо хворать в чуме одному. Сходил бы за порошком, но надо развязать нарту, коченеют руки, ветер вызывает озноб. Так-то и мрут ненцы, как мухи.

Через день подкаслал чум Макара Езынги. Я перебрался из палатки к нему. Максим поставил печку, разогрел меня, и к утру все прошло. Живем вдвоем, принимаем гостей. Приехал знакомый ненец Моет Хороля, я встречался с ним еще весною, в тяжелые дни перехода к Тиутей-сале. Мы долго и обстоятельно поговорили, я проверял на нем свои выводы по развитию хозяйства, по вопросам их ненецкой внутренней жизни. У Моета 400 оленей, есть промысловая лодка. Но ездит он на ней в море не каждый день. "Стало много маленьких детей, боюсь утонуть," - простодушно признался он. Лодку он сдает рыбакам-беднякам, они неводят с нее омуля, рыбачат в устьях рек.

Моет рассказал, что среди оленеводов ходит много разговоров об участвовавших обвесах на факториях. Так, иногда два хозяина берут одинаковый вес (специально для проверки уговариваются), но после отпуска продуктов сверяют - вес бывает разный. "Весы мы не понимаем", - говорит Моет. Еще он сказал, что хорошо бы быть в фактории лекарю - доктору или фельдшеру. В тундре хватает больных, и прививки надо делать. Это верно, я думаю.

Интересно его сообщение об истории своего хозяйства. У его отца было 6000 оленей. После смерти отца маленькие братья Моет и Сэру остались на руках работников. Тогда еще сегодняшние богачи Нярья и Еремзи были бедными, и они "похватывали" олешек из его стада. Воспитывались ребята у "жадного" (как сказал Моет) Нябы Хороля. Он тогда сам бедняк был. Когда братья подросли, они забрали свое стадо у родственников, оставив Нябы "в подарок" 100 оленей, из которых 70 - важенок. Это за то, что он их воспитал и сохранил им 1000 оленей. Вот такие богачи, такие "кулаки" в тундре. Большинство из них начинало с полной бедности, и их дети, может быть, будут бедняками, а дети других оленеводов через несколько лет могут стать богачами. Все зависит от

умения держать оленей, от ягеля, буранов, болезней, а главное - от удачи, "оленного счастья". Здесь все течет, все меняется очень быстро, и вчерашние богачи после жестокой сибирки живут как приживалы у вчерашних кредиторов. Тут следует крепко подумать, как проводить классовую дифференциацию.

Вот у того же Моета Хороля к 1912 году было уже 2000 оленей, но после большой эпизоотии сибирской язвы в 1912 году у него осталось лишь 80. Но и тогда приходили к нему бедняки, и он давал им по одному оленю. И ему возвращали долги. "С той поры развелось у меня уже 400 голов", - сказал он.

За разговором я заметил у него интересный бисерный пояс. Он сказал, что это подарок сестры его жены, тунгусский пояс с Енисея. Я попросил продать для музея, но он сказал, что сразу не может, надо спросить жену. За чаем он сказал:

- Я приехал к хорошему другу, поэтому должен есть и пить много. Это значит, что угощение мне нравится. Поэтому у нас, если собираются "к хорошему другу", то не пьют у себя чая вовсе. Вчера я услышал, что ты тут стоишь, ночь не спал, все хотел ехать.

- Спасибо, я тоже рад тебя видеть.

Я хочу звать тебя в гости в мой чум. А долго ли ты, Ямал-Харютти, будешь с нами жить?

Нет, скоро нужно ехать "наверх". Меня ждут жена и дети.

- Да, тогда надо ехать.

- Я вернусь через год или два.

- Два года, как два дня, пройдут, - сказал Моет, и было видно, что он действительно рад этому.

Так же и Нумеда Пуйко говорил мне: "С тобой я пойду в море, не боюсь. А погибнем - так вместе". Ненцы как дети, кто их приласкает добрым словом, к тому и идут. Вот и наш Макар Езынги сказал, что он пошел в проводники из-за меня: "Как только уедешь, и я уйду в другую сторону, не останусь здесь ни дня".

Хороший, честный, открытый народ ненцы. Но не все здесь такие. Неужели в Свердловске, в Москве не пойдут на проведение мероприятий по улучшению их жизни, укреплению их хозяйственной самостоятельности и бюджета? Это я хочу предложить в своем докладе Комитету Севера по материалам экспедиции. А вот в Обдорске идут на тундру "кавалерийским наскоком". Пришло известие, что тузсовет Ямала выехал с директивой Обдорского РИКа собрать самообложение за весь

год весной. Никому не давать отсрочки. Понятно РИКу нужно отчитаться о построении Дома туземцев, и он до осени ждать не будет. А у ненцев как раз весной ничего менового нет, даже у богатых. Одни олени - их-то и будут принимать в налог. Хорошо, если тузсовет не поусердствует и ограничится нажимом только на "тысячников". Но я уверен, что эта директива "щелкнет" и по середняку. В Обдорске на владельцев стад даже в 400-500 голов смотрят как на "буржуев", а это ведь минимум, нужный для крепкого хозяйства. Нечего сказать - "мудрая" политика среди национального меньшинства. И, кажется, дело идет к еще большему ужесточению...

На следующий день я съездил в гости к Моету Хороля. Он подарил мне бисерный пояс, вероятно, спросив у жены, и отказался от платы. Тогда я пообещал ему выслать посылку из Москвы, чтобы осенью он на фактории Хадыта спросил для себя "ящик от Ямал-Харютти".

2 апреля. В этот день я расстался с Макаром Езынги. Мы успели подружиться еще в тяжелые дни перехода от Щучьей к Ярро-то, хорошо жили и в эти спокойные зимние дни. Теперь он попросил расчета, нужно двигаться на Ямал, к своим родным пастбищам на Ярро-то. Я спросил, доволен ли он службой в экспедиции. Макар ответил по-русски:

- Ой хорошо, ты не ругаешься. - И покраснел, глаза чуть увлажнились. Потом заговорил опять по-ненецки:

- Жалко, ты уедешь, останусь опять один.

Ну, вот что, Макар, если у тебя беда какая-случится с оленями, тѐ найди грамотного человека на фактории и пиши мне письмо, - я буду думать, как тебе помочь.

- Ладно, ладно.

Некоторые исследователи говорят, что народам Севера чужды тонкие душевные эмоции - это неверно. Ненцы умеют очень тонко чувствовать. А вот сейчас Макар, кажется, чувствует, что плохо держится за жизнь, во мне он видит какую-то смутную надежду и рядом со мной чувствует себя защищенным от невзгод. Это же чувство, может быть, толкало бедняков из Хэ, "сузгунцев" сидеть в моей избе все время, собраться перед моим отъездом и сказать: "Ты вот уедешь, у нас все так же будет". Они долго по очереди трясли мою руку в своих твердых шершавых ладонях. А между тем, я никому ничего не обещал и не дал. В Нори голый бедняк просил у меня 1 рубль. Я и этого не дал, говорил с ним более двух часов при иронических замечаниях начальника Чикина. Вот так. В ночь Макар с чумом скаслал. Я остался один в своей палатке.

Днем приехал специально к нам, "в экспедицию", ненец Тусида Яули с письмами. Он был очень любезен, называл меня "своим именем", то есть Ямал-Харютти, - это прозвище уже долетело из Обдорска на Полуй, где стоит его чум. Я развернул пакеты. Что же?! Письма только Вашкевичу. И они без штампов. По-видимому, это личная посылка к нему. Стало грустно. Так хотелось бы получить хоть какую-нибудь весточку из дома. Но нет. Если и лежит что-то на почте, то никто не возьмет, не отправит. Да и кто знает, где я сейчас?

Я угостил гостя баранками. Завели интересный разговор: стали считать цену ненецкого чума, того чума, в котором сидели, при условии, что он новый. Чум огромный. На верхние нюки пошло 22 шкуры взрослого оленя, но не 1-го сорта, а 2-3-го. Шкуры-брак идут на вырезку клиньев. Сильно свищеватые места выбрасываются. Такая большая нюка стоит 6-7 оленей. Нижние нюки не бывают новые. Сюда идут летние "постели". Нижние нюки стоят 2-3 оленя. Срок службы верхней нюки при аккуратном обращении - до 20 лет, нижней - 5. Под верхнюю часть нижней нюки аккуратная хозяйка при постановке чума подложит старые полуножки лоскутки для дыма или искр.

Две штуки чумовых досок шириной 2,5 четверти стоят 1 олень, их в чуме шесть, значит - 3 оленя. Чумовые палки ценятся дешево - 10 штук можно купить за одну "постель", то есть грубо выделанную шкуру взрослого оленя. Такая разница между стоимостью чумовой доски и палок объясняется трудовыми затратами, доска длиной 6-7 аршин тешется только топором и так гладко и правильно, как фуганком. Сделать же палку легко и скоро, их в чуме 36-42 штуки, значит, общая цена три-четыре оленьи шкуры. Остальная мелочь, кроме котлов и чайников, стоит мало - пусть 1 олень.

Итого весь чум, большой и хороший, стоит 21-25 оленей или 500 - 600 рублей. Меньший чум стоит 300-400 рублей. Сейчас же наш экспедиционный чум, уже не новый, стоит рублей 150. Так оценил его Яули Тусида.

Мы почти всю ночь проговорили. Он рассказывал о своей жизни, а я о своей в Свердловске, Москве, Ленинграде. Утром он уехал. На прощанье он сказал, что считает меня своим первым другом, потому что со мной обо всем можно разговаривать и ничего не бояться, хотя я и "начальник". Он взял с меня слово, что я пришлю ему свою фотографию будущей осенью. Я ему ответил, что на Урале у меня еще нет друзей, пусть он будет моим первым уральским другом. "С зырянами ведь у меня дружбы не получилось", добавил я.

"Конечно, ведь ты Ямал-Харютти", - объяснил он, намекая на то, что я (как "ямальский человек") должен разделить извечную неприязнь между ямальскими ненцами и коми-зырянами. От избытка чувств, наверное, он непременно хотел мне что-нибудь подарить и подарил лопаточку, которой пробуют мох оленеводы, предварительно красиво вырезав на ней свою тамгу.

7 апреля. Благовещение. День, о котором ненцы спрашивают уже месяц. Нам надоело отвечать. Сколько мы с Максимом сделали "календарей" с зарубками на палочках, с отметкой праздников до 1 октября! Ненцы знают Благовещение (Уорнга-яле), Паска-яле, Егори-яле, Троица-яле, Прокофи-яле, Иван-яле, Нябы Спас-яле (15.08), Петра-яле, Здвижень-яле (Воздвижение), Покроу-яле. Здесь точка. Как Благовещение весной, так и Покров-яле осенью - это последний срок проживания на зимних и летних стойбищах. Кому идти далеко, трогаются за неделю, за десять дней до этих сроков, двигаясь потихоньку. Но вот прошли эти дни, и как ветром погнало сухие листья - тянутся аннасы по тундре, торопятся за Обь, чтобы первый отел важенок застал их на той стороне.

Вообще перемещение кочевых хозяйств на Ямале представляет интерес. Теперь, когда мы уже год находимся среди ненцев, можно дать полное описание годового цикла их календарей, сезонное размещение на территории Ямала и лесотундры. Этот раздел по программе экспедиции вел зоотехник П.П.Королев. Здесь я приведу лишь фрагмент из его отчета.

"Для более полного представления о летнем распределении ненцев по полуострову Ямал, я разбил его на три района, отличающихся естественногеографическими условиями: северный, средний и южный. Границей между северным и средним Ямалом я беру реку западную Се-яху, озера Ней-то и Ямбу-то. Граница южного и среднего районов - река Хэнтэ и озера Ярро-то. Граница между материковой частью и полуостровом, условно, река Щучья.

Летнее распределение ненецких хозяйств на Ямале

Район	Число хоз-в, шт.	Всего оленей, шт.	В т.ч. на 1 хоз-во, шт.	Оленей к общему кол-ву, %	Хоз-в к общему кол-ву, %
Северный	186	44315	238	35,1	27,1
Средний	335	72921	217	58,0	52,6
Южный	117	8907	76	6,9	18,4
Всего	638	126149	-	100	100

Как видно, северный район заселен сравнительно богатыми оленеводами, так как, чтобы достичь этого района, нужно иметь достаточное количество рабочих оленей. Но, конечно, и в северном районе имеются малооленные. Большинство из них пользуется рабочими оленями, взятыми у богатых на время.

Южный район заселяют исключительно малооленные хозяйства. Число их и вообще население на южном Ямале растет. Много бедных хозяйств перешло в этот район из "низовской" тундры и Таза.

Население среднего Ямала главным образом сосредоточено в его западной части. Здесь имеется бесчисленное количество озер, изобилующих рыбой, масса рек и речушек, долины и склоны водоразделов которых имеют громадные площади тальниковых зарослей и осоковых болот. Здесь больше лемминга, а следовательно, песка, рядом море, где ненцы добывают тюленей, морского зайца, а осенью в реках - омуля и морскую рыбу.

Восточная часть Ямала заселена слабо. Она возвышена, реки ее небольшие, с крутыми водоразделами и узкими долинами. Только лишь на севере и на юге полуострова, где главный ямальский водораздел ("хребет") уходит вправо, рельеф становится более равнинным, приобретает все качества западного склона. И здесь уже, по рекам Юр-яха и Турма-яха, есть стоянки оленеводов. Средняя часть летом вовсе не заселена.

Между тем надо отметить, что возвышенная восточная сторона наиболее богата ягелем, тогда как западная часть среднего Ямала его почти совсем не имеет или же имеет в совершенно ничтожном количестве. Но оленеводы концентрируются именно там. Это указывает на то, что в распределении ненцев-кочевников по Ямалу ягель не играет решающей роли, а следовательно, возникновение и охрану "вотчинных" владений нельзя объяснить лишь закреплением ягельных кормовых угодий. Несомненно, интересы "вотчинного" владения заключаются в охотничье-промысловом использовании территорий.

На летних кочевьях оленеводы остаются до увядания трав и тальника, после чего выходят на водоразделы бассейнов рек, постепенно приближаясь к главному водоразделу полуострова - Ямал-хой. Это движение - переход с летних травяных пастбищ на осенние лишайниковые совершается к началу сентября, и к октябрю почти все более или менее крупные оленеводы выходят на "хребет". В это время значительная часть малооленных хозяйств продвигается еще на запад, на морское побережье к устьям рек для промысла омуля и

морского зверя. Уходят они оттуда уже по устоявшемуся снежному покрову. Ввиду отсутствия в этих местах лишайников, оленям приходится питаться почти исключительно увядшей травяной растительностью, быстро теряя нагулянный за лето жир.

На главном водоразделе все хозяйства задерживаются недели на три или на месяц. Эту остановку используют для перемены летнего транспорта на зимний, летнюю одежду и покрывки чума также меняют на зимние, теплые, оставленные весной по приходу сюда с зимних пастбищ. Весь летний хозяйственный инвентарь хранится здесь же всю зиму, чтобы снова будущей весной воспользоваться им. И так всегда, из года в год.

Часть мужчин занимается снаряжением транспорта в далекий путь к зимним пастбищам, другие—промыслом песка, который к тому времени достигает стадии недопеска. Эту остановку ненцы считают полезной и для оленей, которым необходимо свыкнуться после лета с лишайниковым кормом. По уверениям оленеводов, олень, покормившись ягелем некоторое время, приобретает большую крепость, лучше работает, меньше теряет жиру. Насколько последнее верно, судить не берусь, но во всяком случае доля правды в этом, безусловно, есть, так как совершенно ясно, что при резком переходе с одного вида корма на другой у животных нарушается пищеварение, а следовательно, и работоспособность.

В начале ноября кочевники трогают к факториям. Первые чумы появляются там во второй половине ноября—это более южные оленеводы, которые и раньше стояли ближе к фактории. Между прочим, чем южнее районы выпаса, тем дольше оленеводы задерживаются осенью, занимаясь добычей песка. Так что ненцы и с северного, и с южного Ямала приходят к факториям почти вместе, следом друг за другом.

По водоразделу двигаются широкой лентой в его центральной части, растекаясь у озер Ярро-то по трем руслам: западному—со стороны Карского моря, среднему—между озер—и восточному—у Обской губы. Крайняя восточная сторона Ямала общим движением не захватывается, несмотря на сравнительное богатство лишайниками, из-за того, что движение там затруднено высокими, крутыми склонами водоразделов рек и притоков. По той же причине обходят эти места весной. Крайняя западная часть Ямала не захватывается этим движением из-за отсутствия лишайников, необходимых в этот период оленям.

Закупив на факториях необходимые продукты и товары, ненцы расходятся по зимним стойбищам. Их зимние пастбища тоже можно разделить на три района: северный на конце Ямала, западный на левобережье Оби и восточный на правобережье, простираясь далее на восток до Надыма и по его левым притокам. Заселенность этих районов примерно такая.

Зимнее распределение ненецких хозяйств на Ямале

Район	Число хоз-в, шт.	Всего оленей, шт.	В т.ч. на 1 хоз-во, шт.	Оленей к общему кол-ву, %	Хоз-в к общему кол-ву, %
Северный	24	9221	384	7,3	3,8
Западный	330	57217	173	45,0	52,0
Восточный	284	59711	210	47,7	44,2
Всего	638	126149		100	100

Кочевья зимнего северного района находятся по рекам Пясадай, Яхады, Хоголе, Хогорта и Тамбей.

Кочевья западного района по рекам Салетта, Немгол, Хадыта, Танлова, Иоркута.

Восточный район - на правобережье Оби по рекам Вануйто, Кутопюган, Шуга и др. Много чумов также на самой реке Надым и притоке Ерудей."

9 апреля я начал движение к Обдорску. Экспедиция идет к завершению. Опять медленное, бесконечно утомительное движение среди аннасов. Тысячи мыслей сменяют одна другую.

Общая оценка результатов экспедиции, по моему мнению, хорошая. Я внутренне удовлетворен. Пусть предрекал "Чилим" в газете "Уральский рабочий" потерю на ветер 30 тыс. рублей, пусть и теперь кто-то найдет недоработки, пробелы в результатах, которые, конечно же, есть, но я чувствую удовлетворение. Мой долг исполнен. Не слава и известность, как думал "Чилим", не честолюбие и лавры Нансена толкали меня на эти лишения: невзгоды, ночевки в снегу, грязь и вши, скудная еда, морозы и вьюги, жизнь в снегу в 50-градусный мороз в палатке (где то холодно, то жарко, то струится пот с лица, то мерзнут пальцы, прикасаясь к бумаге).

Нет! Жизнь целой народности, забитой и угнетенной, экономически столь же неустойчивой, как "ванька-встанька", поставленный на голову; жизнь народа, имеющего свою

историю, культуру, свою бедноту, которая даже не может протянуть руку за подаванием в безжизненной тундре, бедноту, над которой просто смеется (или равнодушна) местная власть—это позвало меня в тундру.

Что значат мои удобства, мягкая постель, уютная квартира в сравнении с интересами целого народа, что значат лавры Нансена, который ходил под 86° сев. широты—для кого? Для чего? Для целей "чистой науки", чтобы сказать, что льды двигаются с востока на запад, чтобы привести кучу водорослей и камней. Шляпы долой! Пусть ходит! Меня эти лавры не прельщают.

Если, в результате моей работы, ненцы станут получать 2 рубля чистого дохода с оленя, перейдут в новые благоустроенные чумы, если не будут они плести сети из тальника и ивы, если удастся устроить у них правильный суд и управление—я буду внутренне удовлетворен; и не надо мне лавров Нансена—пусть молчат газеты, только бы какой-нибудь жалкий подголосок партии не лил бы грязь на работу, как это сделал "Чилим"...

Убийственная дорога. То жесткий, как доска, наст, то рыхлый снег. Нарта идет, раскачиваясь в обе стороны на 30°.

10 апреля. Опять каслаем. Этой ночью был отмечен температурный минимум экспедиции—49°C. Может быть, термометр дал погрешность, но и впрямь было холодно. Ночью, кто ежился от холода, а кто и не заметил—я в числе первых.

Скасдали хорошо. Теперь уж не так далеко и до Нгано-Харютти-тунте, а оттуда день езды к Обдорску.

* КОНЕЦ. КОНЕЦ. КОНЕЦ.

Прошел год, как один день—по выражению ненцев. Моя бедная семья истомилась в ожидании встречи, да и я тоже. Неужели мне не дадут отдохнуть в своей семье сколько-нибудь времени? Неужели я встречу черствое бюрократическое отношение? Этого можно ожидать, судя по отношению ко мне в Обдорске и Новом Порту. Люди умеют ценить только собственную работу, умеют уважать только собственное мнение...

А вот молодежь—та же самоуверенность, игнорирование чужого мнения, полное отсутствие самоконтроля, проверки своих заключений, сопоставления их с другими выводами, стремления к более правильному взгляду на вещи. Я не разумею здесь политических взглядов, но, судя по коротким спорам на Севере, у многих молодых людей и здесь нет ничего устойчивого, возвышенного, выстраданного. А ведь многие с высшим образованием (правда, слишком узкоспециальным), и

именно от них можно было бы требовать большей определенности в коммунистических идеях, этике.

Итак, конец!

Хотелось бы, чтобы это было только начало развития края. Здесь столько дела! Развертывать кредит по производственному принципу, начать страхование оленстад, решительно осуществлять колхозное строительство, к чему беднота готова, но что не клеится у кооперации, революционизировать быт кочевников, провести поощрительную политику рациональному ведению оленеводства, расширить эксплуатацию морских ресурсов, начать освоение богатств Надыма, укрепить райисполком и исправить его ошибки, "повернуться", наконец, лицом к Тазовской тундре, навести порядок в использовании немалых денежных средств, бросаемых на научные учреждения Обдорска с весьма малой пока эффективностью и пр. и пр.

А рыбные промыслы на Оби! Сколько там еще злоупотреблений, криминала, черной кабалы этой злосчастной бедноты, сколько обирательства и обмана!

Да везде, куда ни посмотришь—везде пока не ладно. И в школах, в бюджете, судебно-милицейском деле. Хорошо хоть на почте, на рации, у Шубинского в больнице, в Хэнском фельдшерском пункте.

Сюда надо бы послать хорошего инструктора ВЦИКовского Комитета Севера—уполномоченного с твердым взглядом на практическую политику в тундре, который бы консультировал, направлял, а главное—толково и обстоятельно информировал Центр, как лучше руководить на местах, где и в чем поправлять. Иначе здесь всегда будет—что ни должность, то "сам себе голова"...

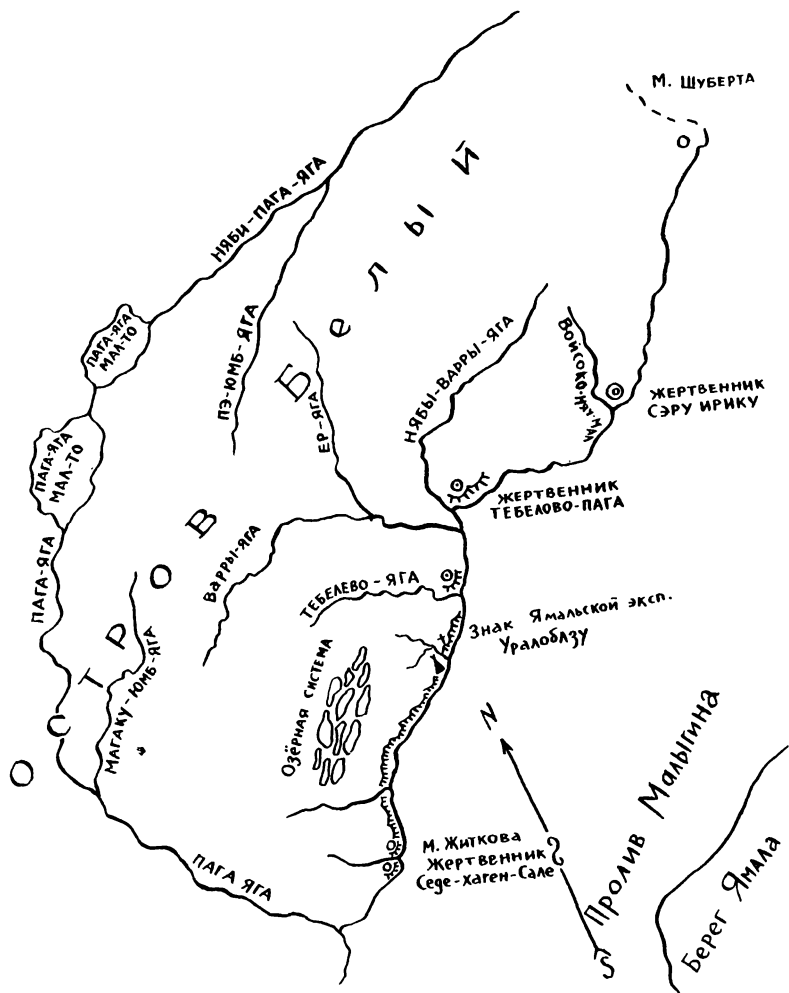
Опять обоз, опять аннасы, сижу на нарте целый день, и тысячи неотвязных мыслей как и в прошлом году. Но эти мысли уже иные. Сзади пройденный годовой путь странной, своеобразной и тяжелой жизни. И чувствуется огромное удовлетворение от перенесенных трудностей, давших хорошие результаты. Вспоминаются мелкие эпизоды, встает перед глазами жизнь Ямала в целом. За долгий день обдумываются детали социальных отношений ненцев, экономические условия их существования, намечаются планы дальнейших работ. За это время у меня созрело окончательно предложение организации Надымского оленсовхоза, Карской морской зверобойной экспедиции, многое другое...

24 апреля приехал в Обдорск на легких нартах раньше базы со стадом. Экспедиция закончилась.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Владимир Петрович Евладов (1894-1974)
Начальник Ямальной экспедиции
Уральского Облзу 1928-1929 гг.

Южный берег острова Белый.
Место высадки экспедиции Евладова
(страницы из полевого дневника).

В конце мая—начале июня реки разлились и преградили путь экспедиции к северу. Пришлось выбирать обходные направления по извилистым водоразделам рек Карского и Обского бассейнов.

На снимке—верховье р. Наду-яха.

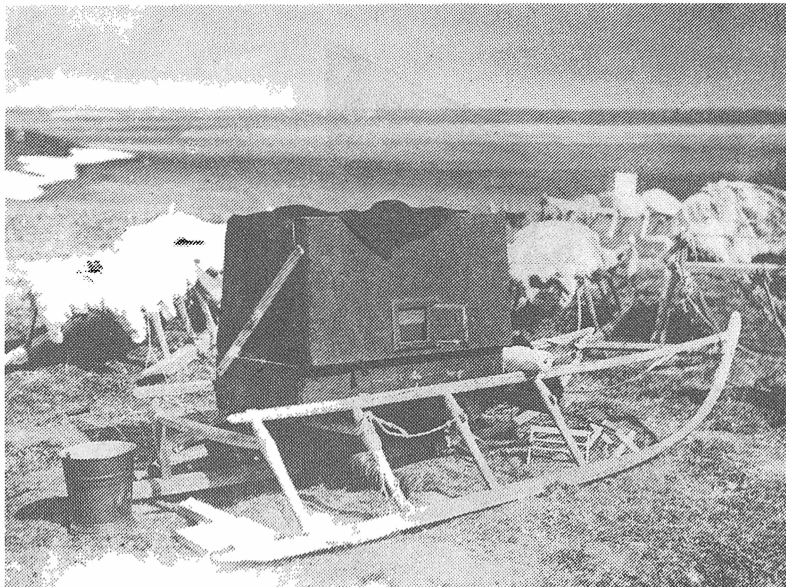
Совещание в "голове" кочевого обоза экспедиции.

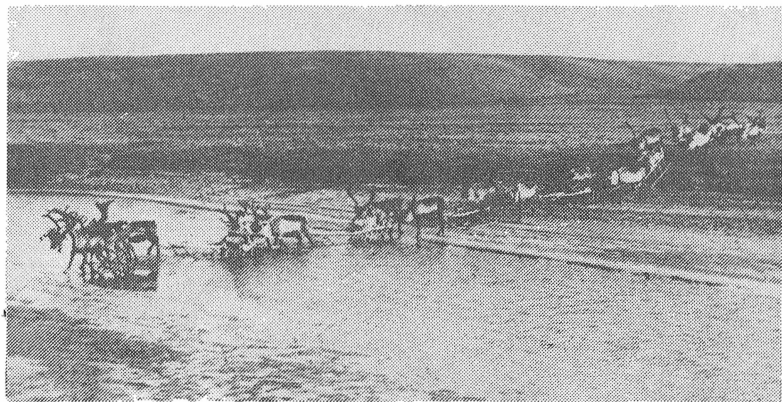
В северной части Ямала, на берегах Карского моря, ненцы промысляют морского зверя (морского зайца, нерпу, моржа). Они отправляются в море к плавающим на горизонте льдам на больших килевых лодках морского типа под прямым парусом.

Спуск отремонтированной лодки для рейса экспедиции на плавающие льды.

Походная лаборатория В.П. Евладова, смонтированная на нарте

Экспедиция переправляется через реку.

Ненцы-олeneводы Ямaльского полуострова в зимних одеждах: стоит—в малице из неплюев (осенних оленят), покрытой легкой паркой, предохраняющей от дождя и снега; сидит—в гусе, одетом поверх малицы, капюшон оторочен песцовыми хвостами для защиты от ветра. В этих одеждах (малице и гусе), обувшись в чижи (чулки из оленят) и кисы (меховая обувь), можно спать на снегу в любой мороз.

На фактории. Женщины-ненки и стесняющийся фотоаппарата малыш.

Ненцы северной части Ямальского полуострова: в середине группы Тилянг Окатэтта (имеет более 2000 оленей), слева—его малооленный вассал Наречи Перра (100 оленей), справа—промышленник морского зверя Едайко Яптик (150 оленей), в нижнем ряду—его родственники.

Лани Окатэтта, 18 лет. Ненецкий богатырь очень силен
и быстро бежит с арканом при ловле оленей.

Ненцы очень суеверны и пунктуально соблюдают ритуальные обычаи своего народа. По их поверью, любой человек, впервые приближающийся к Карскому морю, должен, прежде чем увидеть его, остановиться, осторожно посмотреть на сверкающее море из-под перевернутой козырьком назад фуражки или из-под шапки, надвинутой на глаза. При этом шаман или просто бывалый человек что-то шепчет, вероятно, просит море не причинять зла новому человеку.

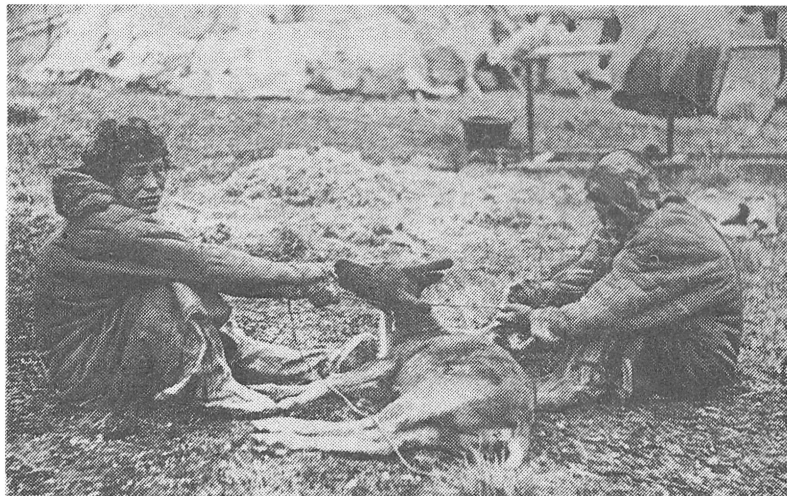

На Белом острове. Охотники рассматривают рога и шкуру дикого оленя.

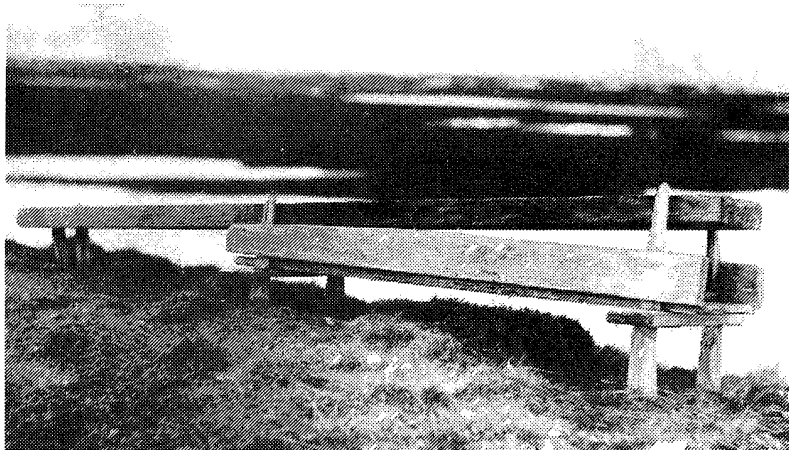
Знак экспедиции, установленный на Белом острове.

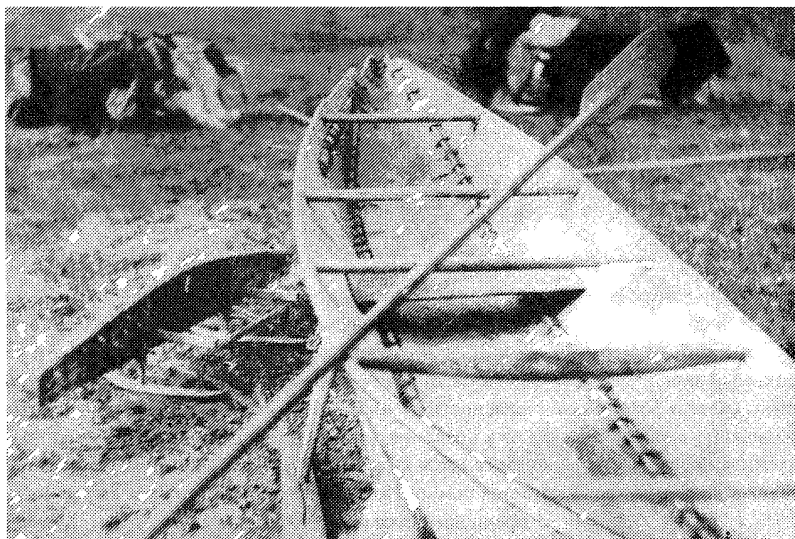
Оленей для пищи ненцы не убивают, не режут, а душат мертвой петлей на аркане, чтобы не потерять ни капли крови. Олененок в этой варварской расправе гибнет быстро, а крупный олень мучается долго. На его конвульсии с любопытством смотрят дети, приобретая "жизненный опыт".

Задушенного оленя ненцы быстро свежуют и тушу разрезают вдоль на две половины. В ребрах одной из них собирают всю кровь, а другую—режут на большие куски, которые складывают в кровавые озера в ребрах первой половины, и лакомый завтрак ("айбарч") готов. И летом, и зимой все присутствующие мужчины садятся вокруг приготовленного оленя и, вынув свои индивидуальные ножи из ножен у пояса, приступают к поеданию сырого и теплого еще мяса, обмакивая куски в кровь. После мужчин садятся к "айбарчу" женщины и дети. Обычно от первой половины оленя остается немного для варева в котле, так как сырое мясо предпочитается вареному.

Слопец—распространенная песцовая ловушка. Удобна тем, что делается из подручного плавника, но плохо, что давит песка, весьма заметно портя его шкуру.

Типичная ненецкая лодка из трех плоскостей, сшитая ремнями. Весьма прочна при всей ее легкости. Возле лодки слева—приспособление для скрадывания добычи при подползании по открытой тундре: эти "санки" охотник двигает перед собой, прячась за козырьком.

Някоче Вэнэнга с сыном. В 1921 году оказал неоценимую услугу отступившим в тундру из Обдорска революционерам, доставив 200 нарт и проводив их до Марра-сале. Весь состав РИКа, райкома с семьями был спасен от банд Слинкина (по сообщениям местных жителей).

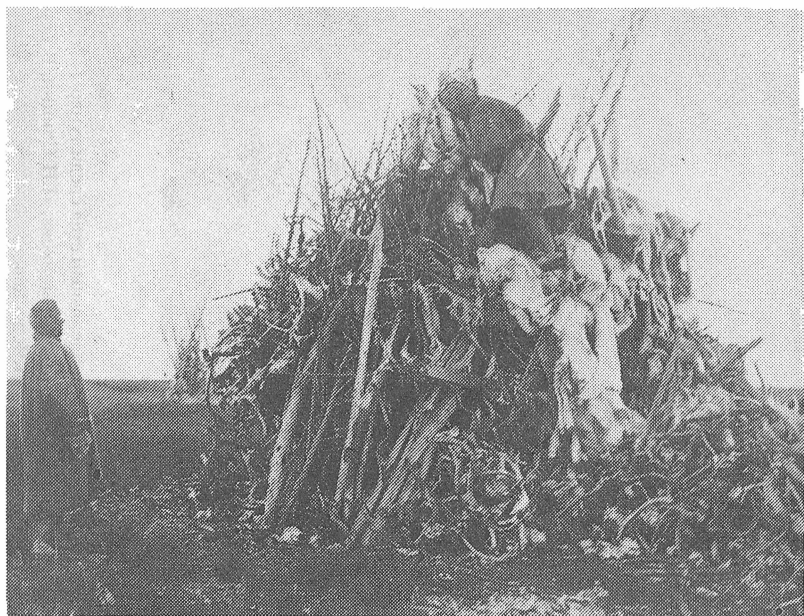

Наталья Александровна Котовщикова, Валерий Николаевич Чернецов, Владимир Петрович Евладов, Леонид Михайлович Сурин (фотокор газеты "Уральский рабочий") на барже едут на Ямал (фото Л. Сурина).

Фотолаборатория — ящик на нарте, идеальный стол среди тундры — кают-компания экспедиции: В.П.Евладов, Н.А.Котовщикова, Н.Н.Спицин, В.Терентьев, В.Чернецов.

**На священном месте Хазн-сале. Пуданаси Ямал угощает главного сядая вином,
рядом—Няю Вэенга.**

Подъем тяжелых нюг, сшитых из нескольких десятков шкур, тяжелая работа в чуме, и когда в хозяйстве мало женщин, мужчины вынуждены выполнять женскую работу и помогать им в сборке чума. На снимке—по краям группы двое мужчин в малицах поднимают нижние части нюги, так как женщинам не под силу сделать это шестами как следует.

Ямальский туземный совет. Собрание ведет секретарь А.Медведев.

В холодный осенний день дети одеты по-зимнему: девочка (слева)—в ягушке и шапке-соводе, мальчики—в малицах и гусях. Ручные олениа—авки, потерявшие в раннем детстве матерей, воспитываются в чуме вместе с детьми и совершенно привыкают к ласковому и даже "нежному" отношению к ним людей. Они бегают и резвятся вместе с детьми, получают от них и от взрослых лакомства (соленый кусочек хлеба, вяленую рыбу и пр.) и вырастают так называемыми "авками" или "чумовыми оленями", не уходящими от чума со стадом на выпас.

Детям в тундре особенно тяжело. Они не знают тепла, домашнего уюта, веселой детской беготни. Это—следствие несовершенства жилища с костром в центре и всегда открытым дымовым отверстием вверху. Грудной ребенок "монтируется" в глухой меховой мешок-люльку и пеленается в тонкие телячьи шкурки с мягкой (скобленной стружкой) поверхностью, заменяющие в хозяйстве полотенца. Ребенок часами остается на воздухе под надзором матери или других старших лиц.

Надо охранять малыша от оленей, которые любят что-либо лизать и могут уронить младшего оленевода с нарты. Мать кормит грудных детей очень долго, иногда, по свидетельству ненцев, до 5 лет, после чего всю жизнь ненец не знает молока. Самок оленей—важенок—они не доят, хотя их молоко лучше козьего и имеет значительно большее содержание жира.

Папка Езынги расстался с мешком-люлькой грудных детей. Теперь у него больше самостоятельности, он нетвердо бродит по стану, хватается за нарты и приобретает кое-какой опыт. Его игрушками являются веревочка, напоминающая олений аркан, палочка—вроде отцовской трубки, кукла, лицо которой сделано из гусиного носа, приклеенного основанием к тушке из лоскутков меха или просто к палочке и завернутого в другой меховой лоскуток. Он самостоятельно бродит по стану, где его никто не обидит—олени к ходячему ребенку не подходят, собаки на него не обращают внимания.

Молодые супруги в семье Яркулона Тусида. Он—12-летний муж, она—14-летняя жена. Живут как дети-подростки, но работают уже как взрослые. Супругами будут тогда, по словам отца, "когда придет время".

Ненцы—искусные стрелки из луков. На 15 ручных сажен, т.е. до 25 м, многие из них считают верным выстрел по цели. Луки употребляются для стрельбы линяющих гусей, которые, потеряв временно способность летать, сильно пугаются громких ружейных выстрелов и уходят с одних озер на другие, где делаются достоянием других ненцев. Луки не производят шума и позволяют отстреливать потребное количество птиц и во время линьки. При стрельбе гусей употребляются две стрелы с раздвоенным металлическим наконечником.

—А зачем две стрелы?—спрашиваем мы.

—Если одна промахнется, то другая попадет обязательно.

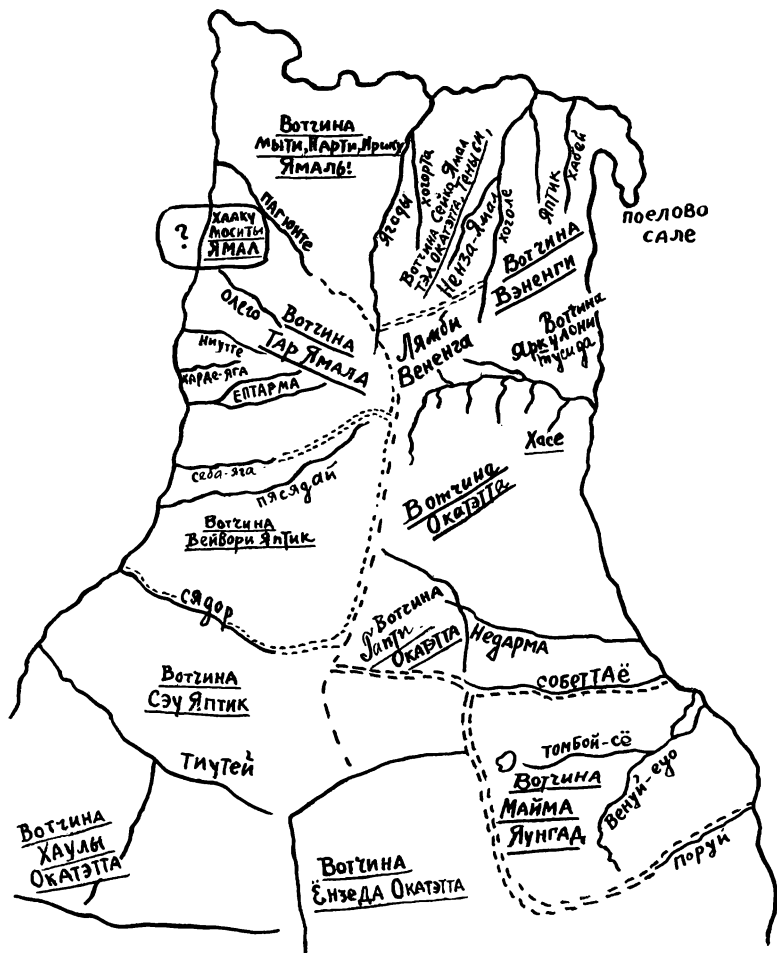

Схема вотчинного владения на Северном Ямале.

Евладов Владимир Петрович (фото 1935 г., Тобольск).

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	3
Глава 1	13
Глава 2	29
Глава 3	83
Глава 4	100
Глава 5	127
Глава 6	157
Глава 7	205
Глава 8	218
Иллюстрации	260

Формат 84×108/32. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная.
Бумага печатная. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 16,33.
Тираж 1500 экз. Заказ 1492.

Институт проблем освоения Севера СО РАН
625026, г. Тюмень, ул. Котовского, 54а.

Акционерное общество «Слово Тюмени».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81.